Ч 146/535

С. Петербургъ.

грав. Оскаръ Май.

Petr

И 146/535

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

ПОСЛѢДНІЙ ЦАРЬ МОСКОВСКІЙ

и

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ.

(1672—1725)

Біографическій очеркъ

П. Н. Петрова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Германа Гоппе.
1872.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
17329-44

Типографія **А. М. Котомина**. Невскій пр., д. № 18.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

(1672–1725).

«Учиться! Работать!» воскликнулъ онъ своему народу: «Я показываю примѣръ. Возстановимъ нашу честь и славу, выучимся побѣждать иноземцевъ, чтобы они не смѣли презирать насъ; возьмемъ у нихъ науку, благодаря которой они такъ превосходятъ насъ; пріобрѣтемъ морскіе берега, обогатимся торговлею, заведемъ промыслы, проложимъ дороги, прорoемъ каналы, переведемъ всѣ ихъ хорошія книги на нашъ языкъ». (Птенцы Петра В.). Соловьевъ.

Второй царь династіи Романовыхъ, Алексѣй Михайловичъ, проживъ 21 годъ счастливо въ первомъ бракѣ—съ Марьею Ильиничною Милославскою — и овдовѣвъ сорока лѣтъ отъ роду, черезъ два года женился вторично на Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной, дочери стольника, дѣвицѣ очень миловидной, но имѣвшей отъ роду около двадцати лѣтъ. Увидѣлъ вторую жену свою вдовый государь совершенно случайно, за ужиномъ, у любимца своего Артемона Сергѣевича Матвѣева, котораго обыкновенно, вечеромъ, посѣщалъ запросто, любя бесѣдовать съ этимъ умнымъ своимъ сановникомъ. Случилось однажды, что государь вошелъ вечеромъ къ Матвѣеву, когда накрытъ уже былъ столъ. Видя это, монархъ соизволилъ принять участіе въ ужинѣ, только велѣлъ, чтобы домашніе Артемона Сергѣевича, не стѣсняясь, заняли свои мѣста застоломъ. Исполняя приказъ, вышла жена Матвѣева съ малолѣтнимъ сыномъ и за нею, поклонясь государю,—дѣвушка. Миловидность ея поразила царя до того, что, когда она сѣла,—государь освѣдомился: кто она?

— Это—гостья наша, дочь моего стараго друга и соратника, Кирила Полуехтовича Нарышкина, полковника рейтарскаго, и тарусскаго помѣщика.

— Не замужняя?

— Да! Не богата она на столько, чтобы приманить жениховъ приданымъ. Кое-что и я могу дать, отвѣтилъ Матвѣевъ; но не многое — вѣдь самъ не Богъ знаетъ что имѣю.

Царь самъ обратился къ дѣвушкѣ съ вопросами и отвѣты ея понравились Алексѣю Михайловичу.

Ужинъ скоро кончился. Жена и гостья удалились на женскую половину, государь же не одинъ разъ заговаривалъ съ Матвѣевымъ о Нарышкиной и, уходя, обѣщалъ самъ позаботиться о пріисканіи ей хорошаго жениха.

Прошло нѣсколько дней. Снова пришелъ государь къ Матвѣеву и съ первыхъ же словъ разговора освѣдомился: есть ли женихъ у Натальи Нарышкиной? Получивъ отрицательный отвѣтъ, монархъ сказалъ прямо, что уже на-

шелъ ей жениха и женихъ этотъ—Онъ самъ. Пораженный неожиданнымъ открытіемъ, Матвѣевъ упалъ въ ноги государю и просилъ пощадить его.

— И безъ того завистники подрываются подъ меня, измышляя всякія клеветы и подавая доносы! Что же будетъ, когда узнаютъ еще это? Кто повѣритъ, что не я, государь, устроилъ этотъ бракъ?

Просьбы Матвѣева и его представленія, даже выказанное отчаяніе (можетъ быть и не совсѣмъ искренно) не измѣнили, однако, рѣшенія царя Алексѣя Михайловича, согласившагося только придать выбору Натальи видъ простой случайности, благодаря открытому уже привозу ко двору невѣстъ для выбора. Если эта исторія не сочинена гр. Андреемъ Артемоновичемъ Матвѣевымъ, то, во всякомъ случаѣ она не могла послѣдовать въ другое время, какъ именно по начатіи смотровъ невѣстъ государемъ, т. е. послѣ 28 ноября 1669 года; къ концу года отъ потери первой царственной подруги Алексѣя Михайловича. Въ спискѣ дѣвицъ, «которыя были въ пріѣздѣ и въ выборѣ», первою значится Ксенія Іевлевна Голохвастова, и съ нею въ одинъ день (28 ноября) представлены еще пять дѣвицъ. Шесть-же невѣстъ представлялись и 30 ноября. Затѣмъ декабря 4, 12, 17, 20 и 29, въ пять представленій явилось еще 19 дѣвицъ, да двѣ еще 3 января 1670 года. И, уже послѣ перерыва смотринъ,—послѣдовавшаго за смертью старшаго сына и наслѣдника царя Алексѣя Михайловича,—февраля 1-го представлены четыре дѣвицы, въ числѣ которыхъ третьею стоитъ по списку «Кирилова, дочь Нарышкина, *Наталья*». За представленіемъ ея смотры между тѣмъ продолжались снова; въ февралѣ 11 и 27 чиселъ), мартѣ (11, 13 и 17 чиселъ) и апрѣлѣ (1, 5, 13 и 17). Въ восемь послѣднихъ представленій, записаны *и явлены* еще *тридцать три* невѣсты, какъ оказалось, не остановившія на себѣ царскаго выбора. Извѣстно вѣдь, что участь невѣстъ, привезенныхъ во дворецъ, рѣшена только послѣ вторичнаго смотра всѣхъ ихъ 18-го апрѣля 1670 г. И тогда-то еще, вмѣстѣ съ Натальею Кириловною взята была *въ верхъ* Евдокія Ивановна Бѣляева, за которую хлопотали вознесенская монахиня Ираида, бабка дѣвушки, да дядя родной, Иванъ Шахиревъ. Этотъ родственникъ простеръ даже свое усердіе объ устройствѣ судьбы племянницы далѣе, чѣмъ позволительно. Разсчитывая, что, съ устраненіемъ Нарышкиной, кандидатство въ царицы должно пасть на Бѣляеву, Шахиревъ подбросилъ въ сѣни передъ грановитою палатою безъимянное письмо. Въ немъ обвинялся Матвѣевъ въ колдовствѣ, при помощи котораго удалось, будто, ему привлечь монаршее вниманіе на Нарышкину, въ видахъ собственнаго возвышенія. Разслѣдованіе подметнаго письма, конечно, послѣдовало и на нѣсколько времени замедлило свадьбу, но бракъ съ Натальею Кириловною все же отпразднованъ 22 января 1671 года.

Тосканскій придворный, любознательный авторъ реляціи о московскихъ дѣлахъ, Рейтенфельсъ, былъ въ Москвѣ во время празднованія второй свадьбы царя Алексѣя Михайловича и два раза видѣлъ Наталью Кириловну Нарышкину, еще дѣвицею; Матвѣевъ не скрывалъ вѣдь отъ постороннихъ ни жены, ни воспитанницы. Разсказъ настолько компетентнаго лица какъ повѣствованіе очевидца о второй супругѣ царя Алексѣя, — долженъ заслуживать полнаго уваженія. Авторъ же любопытной «реляціи» къ герцогу Косьмѣ III, говоритъ, что царица Наталія, «цвѣтущая молодостью и красотою, стройная станомъ

черноокая, съ челомъ возвышеннымъ и пріятною улыбкою на устахъ, плѣняла звонкою сладостною рѣчью и прелестью въ поступкахъ». Не смотря, однако, на совмѣщеніе этихъ прелестей, цѣнимыхъ высоко царственнымъ супругомъ, безъ доноса, какъ мы видѣли, все же не обошлось со стороны честолюбцевъ, завистниковъ силѣ Матвѣева, каковы напр. Милославскіе, да партія Хитрово, Соковнины и проч. Шахиревъ, очень можетъ быть и наученъ былъ и увѣренъ въ успѣхѣ,—если еще не подставное лицо, выдержавшее опалу и наказаніе, не выдавъ покрывателей, конечно, не безкорыстно, а въ чаяніи великихъ и богатыхъ милостей. Неуспѣхъ тоже не обезкуражилъ партію, которой досада увеличилась еще съ возвышеніемъ ненавистнаго ей «Артемошки, вѣдуна всякихъ травныхъ зелій»,—какъ названъ Матвѣевъ въ доносѣ. Царь, при бракѣ съ Нарышкиною, своего невольнаго свата, какъ человѣка безвинно обносимаго, пожаловалъ въ думные дворяне, вмѣстѣ съ отцомъ невѣсты. Не забылъ Государь, впрочемъ долго, подстроенныхъ противъ нея козней и при случаѣ напомнилъ, или далъ понять, что ему многое извѣстно, приказавъ представить на сценѣ «Исторію Эсфири», гдѣ Аманъ съ его интригами, конечно, намекалъ на Хитрово съ братіею. Приказъ *поставить* и *играть* эту пьесу данъ царемъ Алексѣемъ, какъ извѣстно, на радостяхъ рожденія царицею Натальею Кириловною перваго сына; черезъ 16 мѣсяцевъ послѣ брака.

Сынъ этотъ былъ—Петръ Великій, рожденіе котораго послѣдовало въ *четвергъ, въ первомъ часу пополуночи, на 30-е мая*—день празднованія Памяти св. Исаакія Далматскаго—1672 года.

Рано утромъ, колокольный звонъ по всей Москвѣ разнесъ вѣсть о радости Государя-отца, въ пять часовъ утра уже пришедшаго въ Успенскій соборъ на молебствіе, совершонное новгородскимъ митрополитомъ Питиримомъ (избраннымъ затѣмъ, 5 іюля, въ патріархи). Послѣ благодаренія Богу за настоящее приращеніе своего семейства, государь пошолъ въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, ко гробамъ предковъ и родителей; какъ бы дѣлясь съ ними своей радостью. Затѣмъ, помолившись у мощей Алексѣя митрополита, въ Чудовомъ монастырѣ, и, приложившись къ иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, царь воротился во дворецъ и произвелъ въ *окольничіе* своего тестя К. П. Нарышкина и А. С. Матвѣева. Между тѣмъ, въ столовой палатѣ собрались бояре, *думные*, полковники и *стрѣлецкіе головы*. Къ нимъ вышелъ государь и, принявъ поздравленіе, велѣлъ угощать ихъ винами фряжскими, водкою и десертомъ изъ свѣжихъ плодовъ. Іюня 1-го былъ для бояръ и ближнихъ людей «безъ зову и безъ мѣстъ», въ царицыной золотой палатѣ, обѣдъ, передъ которымъ закуску и гостинцы разносили гостямъ стольники царскіе, а во время стола угощали стольники царицы.

Въ день тезоименитства новорожденнаго царевича совершили надъ нимъ св. таинство крещенія (въ субботу, 29 іюня) въ Чудовомъ монастырѣ, въ трапезѣ церкви Алексѣя митрополита, передъ обѣднею. Братъ новорожденнаго, царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ (будущій преемникъ родителя на престолѣ), и бабушка,—тетка государя-родителя,—царевна Ирина Михаиловна, воспріяли отъ купели нашего безсмертнаго Петра. На слѣдующій день царь давалъ въ грановитой палатѣ *родильный* столъ, а іюля 4-го — *крестильный*; угощая каждый разъ по 160 лицъ духовнаго чина и по 215 свѣтскихъ, отъ цареви-

чей Касимовскаго и Сибирскаго до *выборныхъ* купеческихъ сотенъ и *дворцовыхъ слободъ*, включительно.

Исправивъ все, что требовалъ обычай при рожденіи царевича, составили попечительные родители штатъ лицъ, состоящихъ при высокомъ новорожденномъ, начавъ съ выбора кормилицы. Кормить грудью будущаго Великаго Петра назначена боярыня княгиня Неонила Іероѳѣевна Львова.

Старшею мамою назначена боярыня Матрона Романовна Леонтьева, а *верховою боярынею*—бывшая въ этой же должности у покойнаго царевича Семена Алексѣевича,—вдова князя Ивана Васильевича Голицына, княгиня Ульяна Ивановна.

Стрешневы, родственники ея съ мужниной стороны,—назначены, впослѣдствіи, дядьками ея царственнаго воспитанника; по всей вѣроятности, уже при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Изъ нихъ Тихонъ Никитичъ при Петрѣ I выказалъ замѣчательныя природныя способности; о Родіонѣ же Матвѣевичѣ, первомъ изъ дядекъ, мы должны довольствоваться показаніемъ современника (поляка—см. Сѣв. Арх. XVIII, 107), что былъ онъ *мужъ честный, умный и правдивый*. Этотъ престарѣлый воспитатель скончался, когда Петру I было только пятнадцать лѣтъ, слѣдовательно, не могъ онъ на него имѣть уже вліянія въ годы быстраго развитія способностей, первоначальнымъ воспитаніемъ, можно сказать, почти нетронутыхъ. Что касается нравственныхъ принциповъ и честности убѣжденій, то понятіе о крѣпкомъ держаньѣ даннаго слова было, такъ сказать, присуще Петру I, впослѣдствіи, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Къ тому же обладалъ Петръ, какъ извѣстно, рѣдкимъ безпристрастіемъ и любовью выслушивать всякія мнѣнія, какъ бы ни непріятны и, даже, противны ни были онѣ его собственнымъ рѣшеніямъ. Въ этихъ нравственныхъ, основныхъ, чертахъ могучаго характера Петра I нельзя не видѣть вліянія честнаго Стрешнева и, что еще болѣе вѣроятно, правилъ, нѣжно любившей будущаго великаго монарха и горячо любимой имъ самимъ—царицы матери, не смотря на ограниченность воспитанія, въ то время вообще и женскаго въ особенности, вездѣ проявлявшей замѣчательный умъ, вѣрный тактъ и прекрасное сердце. Живой темпераментъ сангвиника проявился въ дитяти Петрѣ I тоже рано. Адольфъ Лизекъ, секретарь цесарскаго посольства, бывшій въ Москвѣ въ 1675 году съ посольствомъ Батони, въ донесеніи своемъ разсказываетъ, что, однажды, въ селѣ Коломенскомъ, царица тайно смотрѣла на аудіенцію цесарскаго посла изъ комнаты, сосѣдней съ залою пріема. Съ нею находился и трехлѣтній Петръ, который, наскучивъ чинностью церемоніи и желая разсмотрѣть лучше, что ли, посла, распахнулъ внезапно дверь въ аудіенцъ-залу и далъ членамъ посольства возможность замѣтить въ сосѣдней комнатѣ царицу московскую. Въ садахъ сперва Коломенскаго, а послѣ Преображенскаго, села проводилъ живой ребенокъ лѣтніе мѣсяцы первыхъ годовъ своего младенчества. Въ Преображенскомъ видѣлъ онъ, вѣроятно, первыя сценическія *дѣйства*, вводимыя только въ употребленіе царственнымъ его родителемъ, и эту мѣстность, выросши, избралъ, какъ извѣстно, своею любимою резиденціею въ Москвѣ. Такъ сильны, даже въ геніальныхъ людяхъ, привычки, укоренившіяся съ ранняго дѣтства. Причина постояннаго житья маленькаго Петра съ матерью лѣтомъ въ Преображенскомъ,

а зимою въ Потѣшномъ дворцѣ, объясняется положеніемъ Натальи Кириловны, во вдовствѣ.

Почти внезапно послѣ кратковременной болѣзни, имѣя только 47 лѣтъ, 30 января 1676 года скончался царь Алексѣй Михайловичъ, за десять дней бывшій еще здоровымъ и еще слушая комедію во дворцѣ, съ музыкой. Старшимъ по немъ, изъ дѣтей мужескаго пола, оказывался Ѳедоръ Алексѣевичъ, имѣвшій всего еще 14 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ отъ роду;—безспорно, даровитый юноша, но болѣзненный и слабый силами. Къ нему и перешолъ престолъ по праву, такъ какъ онъ былъ объявленъ уже наслѣдникомъ 1 сентября 1674 года. Сказанія Таннера и Залусскаго, основанныя на слухахъ, пущенныхъ въ народъ, безъ сомнѣнія, врагами Матвѣева, по низверженіи уже этого вельможи, приписываютъ, правда, ему и царицѣ Натальѣ Кириловнѣ намѣреніе возвести на престолъ, по смерти царя Алексѣя—младенца Петра; но, едвали это основательно? По крайней мѣрѣ, въ челобитьяхъ своихъ изъ ссылки, Матвѣевъ нигдѣ не оправдывается отъ обвиненія въ намѣреніи настолько смѣломъ, что̀, между тѣмъ, должно бы быть имъ не опущено, еслибы существовало обвиненіе въ этомъ. Если же не обвиняли сами враги въ подобномъ намѣреніи Матвѣева, то еще меньше можно допустить что либо подобное относительно второй супруги царя Алексѣя Михайловича, для которой ссылка ея воспитателя была сигналомъ цѣлой бездны ожидаемыхъ огорченій и непріятностей всякаго рода. Оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, да, любимецъ царя Ѳедора, дерзкій Языковъ даже имѣли, одно время, намѣреніе совсѣмъ выжить изъ Потѣшнаго дворца младшаго царевича съ его матерью. Это не состоялось, по словамъ анекдота, благодаря раннему присутствію ума въ Петрѣ I, еще дитятѣ. Царевичъ, видя слезы матери и узнавъ причину ихъ, пошолъ со своими дядьками къ царю-брату и съ плачемъ просилъ защиты отъ дерзостей Языкова. Царь, обыкновенно ласкавшій его, расцѣловалъ дитя и поспѣшилъ его увѣрить въ своей любви и покровительствѣ. И, пойдя съ нимъ къ царицѣ-мачихѣ своей, успокоилъ ее и просилъ не печалиться.

Если же бы не эта неожиданная развязка, осилила бы враждебная партія, поддерживаемая нянькою юнаго царя, боярынею Анною Петровною Хитрово, властолюбіе которой при царицѣ-мачихѣ не могло находить достаточнаго простора. Удаленіе Матвѣева было ея дѣло и Хитрово. Оружейничій прежде всего успѣлъ черезъ нее внушить царю, что Матвѣевъ *много награбилъ* въ Сибири и, пользуясь неудовольствіемъ, выказаннымъ государемъ при этомъ донесеніи, присовѣтовалъ удалить ненавистнаго соперника воеводою въ Верхотурье (4 іюля 1676 года). Когда же Матвѣевъ оставилъ столицу, слѣдуя на новое воеводство, лекарь Берловъ подалъ доносъ, будто бы испытанный другъ Алексѣя Михайловича хотѣлъ отравить его сына-царя, во время болѣзни и, запершись, *призывалъ нечистыхъ духовъ*. Смѣшное показаніе о мнимомъ волшебствѣ подтвердилъ и датскій резидентъ, вслѣдъ за подкупленнымъ дворовымъ человѣкомъ Матвѣева. Его настигли въ Лаишевѣ, стали допрашивать *о лечебникѣ*, *черной книгѣ* и другихъ глупостяхъ, а затѣмъ, вмѣсто Верхотурья, отослали, какъ преступника, *въ ссылку*, въ Пустозерскій острогъ, къ берегамъ Ледовитаго моря. Огорченная такою несправедливостью и унижаемая постоянно высокомѣрными любимцами царя—своего пасынка, царица Наталья

Кириловна, большею частью стала жить въ селѣ Преображенскомъ, удаляясь отъ дрязговъ. Повѣсть Крекшина о *рожденіи Петра I* заключаетъ, между фантазіею этого краснобая, и вѣрныя черты дѣйствительности, въ родѣ того, что вдова царя Алексѣя «пировъ и забавъ увеселительныхъ никогда не имѣла, царскихъ украшеній, яко ей уже несличныхъ, на ся не возлагаше, но миръ и тишину любяше,—всегда въ постѣ и молитвѣ, и въ слезахъ, провождая жизнь свою». Въ Преображенскомъ, говоритъ Устряловъ, «подъ нѣжнымъ неусыпнымъ надзоромъ матери, развились отроческія силы Петра. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ десять лѣтъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношей». Дѣйствительно, извѣстный голландскій путешественникъ Кемпферъ видѣлъ Петра уже царемъ въ 1683 году,—не многимъ меньше одиннадцати лѣтъ отъ роду,—но подумалъ, что онъ лѣтъ 16-ти.

Геніальный сынъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ матери, на самомъ дѣлѣ, кто̀ бы и что ни говорилъ о любви и почтеніи къ ней царя Ѳедора, при его правленіи, жившей далеко не въ почотѣ. Наивный Голиковъ, правда, находитъ возможнымъ доказывать доброту сердца преемника царя Алексѣя Михайловича, потому только, что будто бы онъ *не убавилъ* штата *прислуги* царицы *и не уменьшилъ* производившагося ей содержанія. Мы же, напротивъ, видя по разряднымъ книгамъ, сколько царемъ Ѳедоромъ набрано въ свои стольники, стольниковъ царицы,—тогда какъ повышенія высшихъ чиновъ ея двора не было,—думаемъ, что и это невѣрно. Самое число стольниковъ непремѣнно уменьшалось, годъ отъ года. Родные царицы также потеряли при ея пасынкѣ видныя должности, занимаемыя ими при отцѣ его. Слѣдовательно, это уже одно, безъ комментарій, представляетъ опалу и гоненіе на все, что̀ ей было дорого и любезно. Не могло же все это дѣлаться безъ цѣли оскорбить ее? Если не зналъ этого, или не понималъ молодой государь, то хорошо знали, что дѣлаютъ, его совѣтники, внушая подобныя распоряженія по двору царицы Натальи. Потому не можемъ не указать на слѣдующія слова *повѣсти о рожденіи Петра Великаго*, что царица Наталья «зла претерпѣла много, имѣнія взимая отъ родителя своего на воспитаніе и содержаніе себѣ и сего блаженнаго отрока государя-царевича». Это, замѣтимъ, похоже вѣдь на правду. Безпристрастному изслѣдователю трудно, въ самомъ дѣлѣ, при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, не видѣть натянутыхъ отношеній между государемъ и его мачихою, благодаря интригамъ и подстрекательствамъ придворной партіи, главами которой, какъ уже сказано выше, были: дядя родной царя, Иванъ Михайловичъ Милославскій и родня Хитрово, съ Языковымъ.

Голиковъ (въ Дѣян. Петра Вел. Т. XIII) идиллически описываетъ братскую любовь царя Ѳедора къ его самому младшему брату, выражаясь, что̀ онъ «о здравіи же и воспитаніи царевича Петра Алексѣевича отеческое прилагалъ попеченіе, навѣщалъ его самъ, а въ случаѣ болѣзней своихъ навѣдывался о немъ безпрестанно, иногда же, повелѣвая приводить его къ себѣ, любовался отличными его дарованіями». Можетъ быть, судя по приведенному уже нами анекдоту, дѣйствительно царь Ѳедоръ любилъ младшаго брата, только позволимъ себѣ усумниться въ безпрестанныхъ освѣдомленіяхъ о немъ, особенно въ первые годы по воцареніи. За неимѣніемъ положительныхъ фактовъ, въ подтвержденіе словъ Голикова, мы только замѣтимъ, что заботливость государя о братѣ,

одареннымъ необыкновенными способностями, ограничилась, сколько видно, выборомъ ему въ наставники подъячаго Приказа Большого прихода, Никиты Моисѣевича Зотова. Безспорно, мы видимъ въ немъ *дѣльца*, но опять не понимаемъ, что̀ была за крайность посылать его въ Крымъ, для заключенія договора въ Бахчисараѣ и изъ-за чего было отвлекать наставника для этого царственнаго ученика его, 15 августа 1860 года, т. е. на третьемъ году по начатіи имъ обучать его? При Петрѣ I мы находимъ Зотова—княземъ папою, свѣдѣнія котораго ограничивались исправною русскою грамотою, читаньемъ и писаньемъ заковыками и—только. Не такого, по правдѣ сказать, наставника нужно было для геніальнаго малютки, изъ котораго выросъ величайшій изъ преобразователей государствъ, когда либо и гдѣ либо бывшихъ. Стало быть, лучше всего будетъ: не слишкомъ распространяться о мнимой *заботливости*, при видѣ явной случайности выбора; который, при другихъ условіяхъ, могъ бы пасть на лицо съ болѣе удовлетворительными качествами, для подобной роли.

Можно, съ вѣроятностью также, предположить, что Зотовъ началъ учить читать Петра I не по букварю словенскому, изданному въ Москвѣ въ 1679 году, такъ какъ начало ученія царевича относится еще къ марту 1677 года. Позволимъ себѣ замѣтить кстати, что̀ Крекшинъ, котораго можно дѣйствительно упрекнуть въ фантастическомъ колоритѣ его повѣствованія, всегда, между тѣмъ, *въ основѣ* своего сказанія *вѣренъ*, и вредитъ себѣ онъ только неумѣстнымъ, напыщеннымъ краснобайствомъ, отнюдь не измышляя отъ себя *вовсе небывшаго*. Переиначить нѣсколько и перекрасить по своему, давъ неудачное истолкованіе—его дѣло; но, сказать, чтобы, все имъ приводимое, было небылицы и сказки, нельзя. Поэтому мы не должны пройти молчаніемъ и самаго эпизода начатія обученія царевича Петра, по нашему мнѣнію, очень характернаго.

Царь Ѳедоръ, видите ли, на другой годъ по воцареніи своемъ, посѣтилъ, жившую, какъ извѣстно, въ потѣшномъ дворцѣ, царицу—мачиху свою, придя къ ней съ любимцемъ своимъ, дворецкимъ Ѳедоромъ Прокофьевичемъ Соковнинымъ*). Заговорилъ государь,—вѣроятно, по внушенію же своихъ приближонныхъ,—что̀ *пора учить грамотѣ* царевича Петра. Мать приняла охотно это заявленіе и попросила найдти учителя, котораго взялся представить Соковнинъ; тутъ же назвавъ его прямо по имени. Не ясно ли, что выборъ *сдѣланъ былъ уже*, когда послѣдовало предложеніе? Царицѣ вдовѣ не пришлось, слѣдовательно, выбирать или отказываться отъ выбраннаго.

Далѣе, *повѣсть о рожденіи П. В.* описываетъ, почти въ драматической формѣ, призывъ Н. М. Зотова,—это былъ онъ указанъ Соковнинымъ,—къ царю, давшему новому учителю сперва *написать*, чтобы видѣть его почеркъ, а потомъ «честь книги». Для опробаціи призванъ былъ Симеонъ Полоцкій, рѣшившій избраніе будущаго наставника отзывомъ, по испытаніи — «яко право того писаніе и изряденъ глаголъ чтенія». Больше, стало быть, ничего и не требовалось знать ему. Голиковъ, разсказъ о выборѣ учителя, взялъ у Крек-

*) Старшимъ братомъ упорной раскольницы боярыни Ѳедосьи Прокофьевны Морозовой и окольничаго Алексѣя Прокофьевича Соковнина, составившаго съ Циклеромъ заговоръ на жизнь Петра, въ февралѣ 1697 года.

шина, въ *повѣсти* котораго (Туманскаго Соб. Зап. Т. I, стр. 255) интересны и самыя подробности начатія ученія, потому что характеръ ихъ, вполнѣ національный и оригинальный, высказывается вездѣ, даже въ мелочахъ. Изъ *повѣсти* Крекшина, напр., узнаемъ мы, что Соковнинъ, послѣ представленія учителя царю, повелъ его, по приказу государя, къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, назначившей слѣдующій же день для начатія классовъ. Утромъ въ этотъ день (12 марта) пришолъ въ помѣщеніе вдовствующей царицы опять царь и за нимъ патріархъ.

«И святѣйшій патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручи Зотову. Онъ же, принявъ государя-царевича и, посемъ, посадя на мѣсто и сотворя земное поклоненіе,—началъ ученіе». При этомъ патріархъ пожаловалъ Зотову 100 рублей, царь Ѳедоръ наградилъ избраннаго наставника домомъ, а царица подарила ему «двѣ пары платья богатаго и уборъ весь». Такія черты, по нашему мнѣнію, сочинить нельзя и Крекшинъ могъ узнать ихъ отъ живыхъ дворцовыхъ прислужниковъ, если не отъ сыновей самого Зотова. Приводя далѣе, изъ того же источника, самый будто бы *порядокъ* и методъ ученія пятилѣтняго царевича, «Зотовъ», говоритъ уже по крайнему разумѣнію авторъ дѣяній, «хотя и не зналъ наукъ и языковъ, но былъ искусенъ въ россійскомъ и довольно свѣдущъ въ исторіи, а паче отечественной, и при хорошемъ сердцѣ имѣлъ великое усердіе и неутомимую прилежность въ обученіи царевича. Онъ по утрамъ обучалъ его грамотѣ и изъяснялъ первыя начала закона, послѣ обѣда разсказывалъ ему дѣла прославившихся россійскихъ государей». У Крекшина находимъ мы, что къ разсказамъ устнымъ Зотовъ прибѣгалъ, когда замѣчалъ въ дитяти-царевичѣ утомленіе отъ сидѣнья за книгою. Тогда наставникъ водилъ его по разнымъ комнатамъ, расписаннымъ всякаго рода изображеніями, и все написанное здѣсь на стѣнахъ въ разговорѣ объяснялъ ему. При этомъ наставникъ находилъ возможность развивать любознательность геніальнаго ребенка, обращая вниманіе его на «военныя дѣла, дальные нуждные (тягостные) походы, бои, взятіе городовъ; и коликую претерпѣвали нужду и тягость больше простаго народа (правители народа—предки царевича) и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли—государство россійское распространили». Чтобы имѣть случай, незамѣтно для ученика своего, въ обыкновенныхъ разговорахъ съ нимъ, передавать ему великія истины, безъ которыхъ «державнымъ монархамъ невозможно быть», Зотовъ, по словамъ Крекшина, заранѣе подготовилъ свой образной—наглядный курсъ. Выпросивъ у царицы Натальи Кириловны всѣ книги съ гравюрами и рисунками русскихъ городовъ, онъ потребовалъ, чтобы комнаты царевича *обклеены были* ими, *или расписаны* нарочно. Будто бы даже, «приказалъ чистымъ мастерствомъ и драгими красками грады и палаты, зданія, и дѣла военныя, и великіе корабли и исторіи лицевыя, съ подписьми—самымъ лучшимъ мастерствомъ писать». Зная пристрастіе Петра I къ иконографическимъ затѣямъ всякаго рода, съ приличнымъ изъясненіемъ аллегорій и уподобленій,—нельзя не признать возможнымъ, приведеннаго нами, указанія повѣсти Крекшина о методѣ ознакомленія въ дѣтствѣ будущаго преобразователя съ исторіею міра, посредствомъ изображеній. При этомъ, однако, не умаляя тѣмъ ни разумности, ни находчивости остроумнаго Зотова въ этомъ от-

ношеніи, должны мы замѣтить только, что указанный Крекшинымъ способъ украшенія стѣнъ—какъ бы въ первый разъ придуманный для Петра,—былъ въ ходу еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; гораздо ранѣе уже заставлявшемъ стѣны своихъ палатъ расписывать притчами и исторіями. Эстампы, гравированные на мѣди и деревѣ, извѣстны были подъ именемъ *потѣшныхъ нѣмецкихъ печатныхъ листовъ*. Такими фряжскими (т. е. итальянскими), да нѣмецкими листами торговали въ Москвѣ, въ овощномъ ряду. Покупали ихъ много и во дворецъ, «для дѣтей государевыхъ, съ игрушками. Малолѣтніе царевичи и царевны, забавляясь этими листами, говоритъ Забѣлинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и пр. Въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича висѣло «пятьдесятъ листовъ съ листами фряжскими». Въ хоромы царевича Петра Алексѣевича въ 1682 году взято *сто листовъ* фряжскихъ, прибивавшихся къ стѣнамъ лужеными гвоздиками, по деревянному дорожнику, служившему рамками».

Нельзя, сверхъ того, при разсужденіи о методѣ ученія, терять изъ вида и еще одного, общеупотребительнаго тогда, учебнаго руководства, дававшагося въ руки ученику, наученному читать только. Вѣдь Петръ I, по словамъ Крекшина, ограниченный объемъ свѣдѣній наставника скоро проглотилъ, не утоливъ своей, хотя дѣтской, но не по лѣтамъ сильной, жажды къ знанію. Царевичъ, говоритъ авторъ *повѣсти*, «по немногомъ ученіи и трудахъ вся совершенно обучи и книжное ученіе, толико—въ твердости, что все евангеліе и апостолъ наизусть прочиталъ». Затѣмъ, неминуемо, если еще не ранѣе, долженъ былъ попасть въ руки Петра-дитяти *азбуковникъ*. Въ XVII вѣкѣ, на Руси, азбуковники рукописные замѣняли книги для чтенія, служа вмѣстѣ съ тѣмъ и въ родѣ хрестоматіи. Вѣроятнѣе всего, что Зотовъ, научивъ своего ученика читать рукописное, послѣдовалъ этой же методѣ; если только, въ три года, могъ онъ съ ученикомъ своимъ дойти и такъ далеко?

Извѣстно, что были во младенчествѣ у Петра сверстники, съ нимъ учившіеся. Въ его *потѣшныхъ* были не одни набранные солдаты, но и *товарищи* игръ юнаго царя съ младенчества. Такими сверстниками называетъ Устряловъ Григорья Лукина и Екима Воронина, убитыхъ въ азовскомъ походѣ.

Въ товариществѣ этихъ, да, можетъ быть, и многихъ еще другихъ, сверстниковъ, обычнымъ образомъ шло начальное ученіе юнаго Петра, за чтеніемъ *поверхамъ*, начавшееся (съ Зотовымъ или и безъ него уже) *часословомъ* и *псалтирью*. Если мы допустимъ ученіе по *азбуковнику*, то должно допустить, безъ сомнѣнія, преподаваніе какой нибудь граматики. Она встрѣчается въ азбуковникахъ, также какъ и ариѳметика «рекши россійскимъ языкомъ числительница»—пятое изъ *свободныхъ художествъ*. Руководства для изученія цифири были еще при Грозномъ. Правда, *азбуковники* заключаютъ еще геометрію и астрономію, но изъ нихъ мы, если не обѣ, то хотя одну, послѣднюю, въ составъ первоначальнаго образованія царевича Петра Великаго включать никакъ не рѣшаемся, хотя его любознательность могла требовать большаго знанія и не удовлетворяться всею программою энциклопедіи свѣдѣній, доступныхъ тогда въ Москвѣ. Въ программу же входили: географія или космографія, съ исторіею въ видѣ лѣтописнаго перечня царей и главнѣйшихъ эпохъ

міроваго бытописанія,—составлявшаго верхъ учености. Не могъ не узнать любознательный царь-отрокъ, что еще его родитель, при помощи Матвѣева, *состроилъ* (въ годъ его рожденія) книгу «о началѣ россійскихъ государей и ихъ титулѣ въ сношеніяхъ съ великими государями христіанскими» и проч. или, могъ ли онъ не увѣдать, что́, по повелѣнію того же монарха, составилъ Лаврентій Херуличь «Родословіе и геральдику россійскихъ государей», повелѣвъ перевести «хрисмологіонъ» (родъ всеобщей исторіи съ пророчествами) и «хронографъ»? Была вѣдь сочинена для Алексѣя же Михайловича, дьякомъ Ѳедоромъ Грибоѣдовымъ, и *русская исторія*, взятая по написаніи тотчасъ къ государю *вверхъ*. И описанія иностранныхъ земель уже были. Напр. въ 1677 году написано полууставомъ «описаніе китайскаго государства» (на 333 лист.). Въ изборникахъ встрѣчаются описанія Америки *) и «описаніе отъ космографіи, трехъ частей земли». Стрыйковскій, Бѣльскій, «великая и предивная наука» Раймунда Люллія, да Бароніевы «дѣянія церковныя» (1678 г.) составляли не рѣдкость въ собраніяхъ книгъ любознательныхъ людей того времени, когда выросталъ Петръ Великій. Ему не могли они не попасться, а попавшись—не быть прочитанными?..

Знаемъ мы также, что у Петра I былъ и голландскій атласъ картъ всего свѣта **). Универсальность знаній, выказываемая впослѣдствіи Петромъ I въ возрастѣ мужества, по нашему мнѣнію, была прямымъ слѣдствіемъ его любви къ чтенію, и этимъ путемъ великій монархъ успѣлъ пополнить послѣдовательно, какъ намъ кажется, недостаточность начальной научной подготовки; а ничѣмъ другимъ. Путешествія и практическое знакомство съ дѣломъ, при сильно развитомъ любопытствѣ и природномъ остроуміи, конечно, быстрѣе вычитаннаго изъ книгъ, приводили къ счастливымъ результатамъ; но чтеніе всего, что́ попадалось, имѣло и должно было имѣть свое мѣсто, и одно изъ главныхъ даже, въ дѣлѣ многосторонняго развитія ума Петра I.

Въ пятистахъ томахъ одной патріаршей библіотеки находились всѣ отрасли литературы; но мы имѣемъ право заключать, что́ книгохранилище самаго царя было не бѣднѣе патріаршей библіотеки и также состояло, какъ у первосвятителя, изъ рукописныхъ переводовъ съ иностранныхъ на отечественный языкъ. Поэтому, вопросъ о возможности саморазвитія для Петра разрѣшится самъ собою и мы можемъ, безъ натяжекъ, заключить—чѣмъ обязанъ Петръ себѣ и книгамъ, въ дѣлѣ научнаго образованія.

Насъ, можетъ быть, станутъ осуждать за постановку настолько прямо настоящаго вопроса, который историками и изслѣдователями жизни Петра I обыкновенно обходился? Но, мы лучше желаемъ подвергнуться обвиненію въ произвольности выводовъ, чѣмъ оставлять читателей безъ всякаго указанія на возможность самообразованія Петра, при небреженіи, или, лучше сказать, видимой недостаточности научнаго подготовленія его въ дѣтскомъ возрастѣ, для роли, которая ожидала Великаго—какъ сына государя и наслѣдника престола отеческаго.

---

*) «Объ островахъ дикихъ людей, коихъ нѣмецкіе люди называютъ Новый Свѣтъ или четвертая часть вселенныя».

**) Хранящійся теперь въ морской библіотекѣ.

Наслѣдованіе же престола наступило для него неожиданно, въ такія еще раннія лѣта, когда будущій преобразователь едва получилъ навыкъ читать, не только пріобрѣлъ свѣдѣнія, сколько либо пригодныя для управленія обширною державою.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, какъ мы уже сказали, болѣзненный отъ природы и слабый, на двадцатомъ году жизни, однако, женился на Агафьѣ Семеновнѣ Грушецкой, по собственному выбору. Выборъ этотъ, по всей вѣроятности не случайный, оправдывался нѣжными чувствами супруги и привязанностью къ ней юнаго государя. Внезапная смерть жены, всего черезъ годъ, погрузила его въ тяжкое горе. Силы этаго слабаго организма не выдержали. День ото дня болѣе слабѣя, больной царь, ожидая, можетъ быть, облегченія въ ласкахъ подруги, по совѣту своихъ приближонныхъ, вступилъ во второй бракъ съ шестнадцатилѣтнею дочерью Матвѣя Васильевича Апраксина—Маѳой Матвѣевной. Но уже было поздно ожидать его поправленія здоровья и возстановленія силъ. Черезъ два мѣсяца съ небольшимъ, 27-го апрѣля 1682 года, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ скончался.

Крекшинъ, въ *повѣсти о зачатіи и рожденіи Петра В.*, говоритъ, что, по смерти царя, патріархъ,—принимая во вниманіе болѣзненность и неспособность Іоанна Алексѣевича, хотя имѣвшаго и 16 лѣтъ отъ роду,—не затруднился подать голосъ за избраніе въ цари младшаго его брата Петра, по тому уваженію, что онъ хотя былъ и 10-ти лѣтъ, «обаче добротою и возрастомъ и остротою ума одаренъ отъ Бога». Это сдѣлалось въ самый день кончины его царственнаго брата. Въ посольскомъ и разрядномъ архивѣ найдены два даже документа объ избраніи Петра I. Въ первомъ говорится, что предложенъ былъ престолъ обоимъ, но Іоаннъ отказался. А по второму, объ отказѣ Іоанна нѣтъ ни слова, но избраніе Петра послѣдовало отъ представителей сословій, собранныхъ передъ дворцомъ. Между тѣмъ, какъ только наречонъ царемъ Петръ, начинаетъ выказывать оппозицію царевна Софья Алексѣевна,—единственное лицо во всей исторіи нашей, являющееся, наперекоръ исконнымъ порядкамъ, изъ недоступнаго дѣвичьяго царскаго терема, управлять государствомъ; что всегда считалось удѣломъ не слабаго женскаго пола.

Сперва призываетъ она патріарха и членовъ думы боярской и проситъ не лишать престола Іоанна, предпочитая ему младшаго брата. Ей отвѣчаютъ, что уже дѣло сдѣлано: Петръ избранъ и свергать его съ престола нельзя. Она возражаетъ съ угрозою, что за такую несправедливость могутъ возникнуть мятежи и кровопролитіе. Но и это не помогаетъ. Тогда, какъ бы уступая общему рѣшенію, идетъ поздравлять она младшаго брата—избранника, но, затаивъ злобу, подготовляетъ, при посредствѣ Милославскаго, стрѣлецкій бунтъ.

И. Е. Забѣлинъ, въ книгѣ своей «Бытъ русскихъ царицъ», очень остроумно замѣчаетъ, что̀, при подражаніи въ царскомъ обиходѣ византійскимъ порядкамъ, роль принцессы Пульхеріи—опекунши брата (императора восточнаго Ѳеодосія II)—могла очень естественно придти въ голову царевнѣ Московской, особенно честолюбивой и умной на столько, какъ третья дочь Алексѣя Михайловича, въ эпоху смерти царя Ѳедора имѣвшая двадцать четыре года и одаренная сильнымъ характеромъ и рѣшительно мужской энергіею. Если же легко могла зародиться мысль въ ней о роли, сколько-нибудь напоминавшей Пуль-

херію, за то приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ во дворцѣ Московскомъ оказывалось гораздо труднѣе, чѣмъ въ Цареградѣ.

Самымъ важнымъ затрудненіемъ былъ выходъ изъ терема и явленіе въ публику. Для этого пущено было ею въ ходъ сперва горячее сестрино участіе къ больному самодержцу-брату. Этотъ маневръ удался: царевна Софья Алексѣевна явилась у постели царя Ѳедора—подавать ему лекарство; не отлучаясь отъ него на шагъ. Но и здѣсь обманула расчоты хитрой царевны быстрота хода болѣзни. Ѳедоръ Алексѣевичъ лежалъ въ постели всего дней девять, не болѣе. Въ такой короткій срокъ ничего нельзя было выполнить, кромѣ, развѣ, показанія себя ближнимъ людямъ, окружавшимъ постель болящаго государя. Для нея и этого было на первый разъ достаточно. Остальное взяла она отвагой и неожиданностью.

Когда уже умеръ братъ-государь, роль хожатой попечительницы, конечно, кончилась. На погребеніе его обычай запрещалъ выходить царевнамъ; даже, дочерямъ, хоронившимъ отца, не только сестрамъ брата. Послѣ царя и наслѣдника, было мѣсто здѣсь одной вдовствующей царицѣ. На погребеніи царя Ѳедора могли, слѣдовательно, быть: вдова — царица Марѳа Матвѣевна, царь Петръ Алексѣевичъ и, по малолѣтству его — мать его. Но, вотъ, только вынесли въ сѣни, стольники, вдову умершаго, а за нею послѣдовалъ дитя — царь Петръ, какъ, рядомъ съ нимъ, пошла съ краснаго крыльца и царевна Софья Алексѣевна, важно, смѣло и торжественно; озадачивъ всѣхъ такимъ *нарушеніемъ чина* царскаго дворца. Царица Наталья Кириловна не могла не замѣтить такого явнаго посягательства на ея права со стороны падчерицы. Потому, какъ только «гробъ поставили на уготованное мѣсто среди храма», говоритъ современная записка, «Царь съ матерью, поцѣловавъ мощи, изволилъ *идти къ себѣ*, и у обѣдни на «отпѣваньѣ не былъ». Оставались при этомъ только царица Марѳа и царевна Софья. Получивъ, такимъ образомъ, отпоръ незаконному посягательству на публичность, царевна внушила теткамъ — еще жившимъ съ нею въ теремѣ,—Аннѣ и Татьянѣ Михайловнамъ, сдѣлать замѣчаніе мачихѣ, что *брату* такъ дѣлать *негодится и неприлично*. Сама же, даже можетъ быть, радуясь, отсутствію царя и мачихи царицы, послѣ отпѣванья,—вѣрная своему плану, Царевна Софья заголосила и начала причитать передъ народомъ, будто отъ сильнаго горя: «Извели покойнаго брата злые люди. Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни заступника. Брата Ивана на царство не выбрали! Умилосердитесь надъ нами, сиротами. Если въ чомъ провинились мы передъ вами, отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ!»

Эти слова не прошли даромъ. Они были такою же подготовительною мѣрою для возбужденія разжигаемыхъ страстей народа и натравленія ихъ противъ мальчика-царя, да его матери, какъ и разсказъ, пущенный тайкомъ,—черезъ кого, трудно было дознаться, потому что его всѣ пересказывали другъ другу,—будто Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ (только что возвращонный изъ опальной ссылки), примѣрялъ на себя порфиру и корону, садясь на тронъ и говоря, что всѣ эти украшенія *пристанутъ къ нему лучше всьхъ*. Будто эту продѣлку его видѣла царевна Софья Алексѣевна и, преданная ей во всемъ, невѣстка, вдова царица Марѳа Матвѣевна. Что̀, какъ стали онѣ выговаривать

Нарышкину, настолько забывавшемуся, то онъ, соскочивъ съ трона, бросился на царевича Ивана, съ ними бывшаго тутъ же, и чуть не задушилъ его, схвативъ за горло.

Народъ слушалъ эти разсказы и вѣрилъ, недовольный правительствомъ въ настоящемъ и не ожидая лучшаго въ будущемъ. Представители вооружонной силы, заключавшейся въ стрѣлецкихъ полкахъ, съ своей стороны обижали мирныхъ посадскихъ, сами притѣсняемые непосредственными начальниками своими и не находя отъ злоупотребленій ихъ защиты въ правительствѣ. Приказомъ Стрѣлецкимъ въ то время управлялъ, между тѣмъ, престарѣлый князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, слывшій за человѣка правдиваго. За то честолюбецъ Языковъ, товарищъ его, на которомъ лежало управленіе de facto, былъ человѣкъ другого закала. Въ глазахъ его всякая жалоба подчиненныхъ на начальниковъ считалась преступленіемъ. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни царя Ѳедора Алексѣевича, стрѣльцы полка Пыжова подали челобитную на полковника своего, жестоко притѣснявшаго всѣхъ подчиненныхъ. Вмѣсто разбора этого дѣла, Языковъ приказалъ жестоко наказать самихъ челобитчиковъ. Затѣмъ, новая жалоба отъ всего полка, на полковника Семена Грибоѣдова, подана была передъ самою смертью царя Ѳедора Алексѣевича, уже лежавшаго въ постели. Языковъ нѣсколько былъ озадаченъ ею и велѣлъ было сперва посадить подъ арестъ Грибоѣдова, но на другой день его выпустилъ. И на этотъ разъ, слѣдовательно, жалоба не достигла правильнаго результата, раздраживъ только обиженныхъ, между которыми неудовольствія и ропотъ начали раздаваться больше и больше. Этимъ-то состояніемъ раздраженія стрѣльцовъ и воспользовалась хитрая царевна. Съ недовольными вошла она въ сношенія, черезъ посредство своихъ сторонниковъ: Александра Милославскаго, да Ивана и Петра Толстыхъ. Они склонили самыхъ вліятельныхъ у стрѣльцовъ: полковниковъ Циклера и Озерова, честолюбивыхъ, не богатыхъ и не знатныхъ — обѣщаніемъ почестей, корысти и значенія. Эта стачка происходила именно въ то время, когда умиралъ царь Ѳедоръ, и, надѣясь на поддержку уже стрѣльцовъ, царевна потребовала отъ патріарха признанія царемъ брата ея Ивана, вмѣсто котораго надѣялась она управлять безпрепятственно. Отпоръ, данный ей избравшими Петра, заставилъ Софію на время замолчать, чтобы приготовить возстаніе.

Тѣмъ временемъ, возвращонъ изъ ссылки Матвѣевъ, котораго царица Наталья Кириловна вызвала какъ лучшаго совѣтника для укрѣпленія правительства своего сына. Языковъ, не любимый стрѣльцами, удаленъ былъ отъ дѣлъ, вмѣстѣ съ Милославскимъ, и, 30-го Апрѣля, стрѣльцы, отъ имени 16-ти полковъ, подали общую челобитную на своихъ непосредственныхъ начальниковъ, которые всѣ разомъ и были приговорены,—впрочемъ, безъ достаточнаго обсужденія виновности ихъ,—къ лишенію должностей и помѣстій. Эта же уступка, показавшая слабость новаго правительства, сдѣлала стрѣльцовъ болѣе задорными и требовательными. Сторонники Софьи, раздачею денегъ подкупая самыхъ своевольныхъ, научили ихъ требовать возведенія на престолъ Іоанна, съ угрозами противниковъ этого — побить. Начальниковъ своихъ, назначенныхъ на мѣсто разжалованныхъ, они уже въ грошъ не ставили и совсѣмъ не слушались, расхаживая толпами на площадяхъ; всѣхъ же,

мѣшавшихъ такимъ сборищамъ ихъ, — убивали. Число приверженцевъ царевны въ полкахъ стрѣлецкихъ, съ развитіемъ своеволія и распущенности, все росло. Каждую ночь собирались они въ домѣ Милославскаго; получали отъ него приказанія: распускать въ народѣ новыя клеветы на Нарышкиныхъ. Присоединились къ возмущеннымъ и послѣдніе три изъ 19-ти стрѣлецкихъ полковъ, да изъ солдатскихъ — Бутырскій.

Мая 15-го, около трехъ часовъ по полудни (въ 9-мъ часу дня) сторонники царевны Софьи Алексѣевны: Петръ Толстой и Александръ Милославскій, созвавъ по барабану стрѣльцовъ къ полковымъ съѣзжимъ избамъ ихъ, объявляли имъ, что Нарышкины удушили царевича. Возбудивъ этою сказкою стрѣльцовъ, они повели въ Кремль вооружонную толпу ихъ, кричавшую: «изведемъ всѣхъ Нарышкиныхъ, губителей царскаго рода!»

А. С. Матвѣевъ уже сбирался ѣхать домой и вышелъ на крыльцо, когда испуганный князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что бунтующіе стрѣльцы съ пушками идутъ въ Кремль. Отдано было приказаніе запереть ворота, но исполнители — стрѣльцы Стремяннаго полка — были въ союзѣ съ возставшими и не исполнили этого. Толпа ворвалась и заняла тѣсные площади и переулки вокругъ царскаго жилища. Требованія: «если не выдадутъ цареубійцъ Нарышкиныхъ — всѣхъ перебьемъ!» загремѣли подъ окнами дворца. Понявъ, что причина мятежа и возбужденія стрѣльцовъ заключается въ ложномъ слухѣ, бояре присовѣтовали царицѣ Натальѣ Кириловнѣ выйти на крыльцо съ пасынкомъ и сыномъ и показать бунтовщикамъ, что цѣлы и невредимы царь и царевичъ. Они показались на красномъ крыльцѣ и волненіе, дѣйствительно, стало усмиряться. Стрѣльцы, впрочемъ, не удовольствовались однимъ смотрѣніемъ царевича издалека, но, приставивъ лѣстницы и поднялись на *красное крыльцо*, приступили къ старшему изъ братьевъ, спрашивая его сами: «ты ли царевичъ Іоаннъ?.. кто изъ бояръ-измѣнниковъ тебя изводитъ?» Отрицательный отвѣтъ оробѣвшаго царевича разрѣшилъ всякія сомнѣнія. Стрѣльцы стали удаляться, перешептываясь. Въ это время вышелъ и сталъ говорить, посѣдѣвшій въ ссылкѣ, Матвѣевъ, прежде такъ сильно любимый всѣми стрѣлецкими полками. Его убѣжденія подѣйствовали, многіе казались тронутыми напоминаніемъ о святости присяги и раздались даже голоса, просившіе его о заступничествѣ и ходатайствѣ передъ царемъ за нихъ, обманутыхъ и возмутившихся. Народъ сталъ расходиться.

Но, въ это время, выкативъ на площадь нѣсколько бочекъ вина изъ погребовъ, сторонники Софьи стали поить стрѣльцовъ, скоро потерявшихъ сознаніе. Въ ту минуту, когда хмѣльные стрѣльцы уже забушевали, вышелъ начальникъ стрѣлецкаго приказа — князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій (смѣнившій ненавистнаго всѣмъ Языкова) и сталъ приказывать, бранить и угрожать имъ наказаніемъ.

Бѣшенство овладѣло буйными и еще не усмиренными стрѣльцами и Долгорукій былъ сброшенъ ими на копья. Смерть его сдѣлалась сигналомъ убійствъ и неистовства, въ продолженіи трехъ дней. Наклонивъ свои бердыши, стрѣльцы бросились, все уничтожая на пути своемъ, въ царскія комнаты. Во внутреннихъ апартаментахъ, среди трепещущаго отъ страха царскаго семейства, увидѣли они преданныхъ бояръ и между ними — Матвѣева, кото-

раго держала за руку царица Наталья. Обезумѣвшіе злодѣи вырвали изъ рукъ ея воспитателя и сбросили его на копья съ *краснаго крыльца*. Напрасно загораживалъ его своею грудью личный врагъ, но мужественный и правдивый, князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій, намѣстникъ казанскій. И самъ онъ едва спасся, оторванный отъ своей жертвы и избитый. Царица въ слезахъ и отчаяньи скрылась съ дѣтьми въ послѣднее убѣжище—*Грановитую Палату*. Стрѣльцы, подстрекаемые агентами Милославскаго, разсыпались по всему дворцу, ища Нарышкиныхъ. Карло Хомякъ указалъ имъ Аѳанасія Кириловича Нарышкина, спрятавшагося подъ престоломъ въ дворцовой церкви. Его вывели на паперть и умертвили, а обезображенный трупъ выбросили. Убійства происходили и внѣ дворца. Подлѣ Чудова монастыря убитъ воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій; въ домѣ священника на Хлыновкѣ—Языковъ; въ своемъ домѣ за Москвою-рѣкою—князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, къ которому приходили убійцы сами извиняться за убійство его сына, какъ говорили они — «по ошибкѣ». Несчастный отецъ, не показавъ имъ неудовольствія, по удаленіи ихъ выразилъ негодованіе наединѣ, пересказанное тотчасъ же безсовѣстнымъ его слугою—стрѣльцамъ, уже удалявшимся.

На другой день, стрѣльцы, у всѣхъ выходовъ, изъ Кремля, Бѣлаго города и Китая, разставили крѣпкіе караулы, никого не пропуская. Вступивъ, затѣмъ, въ Кремль, опять съ барабаннымъ боемъ, и окруживъ дворецъ, они снова потребовали Ивана Кириловича Нарышкина, но, не получивъ его, разошлись, погрозивъ только придти на слѣдующій день и *всѣхъ перебить*. Выйдя же изъ Кремля, разсѣялись по городу и занялись грабежомъ, убивъ однимъ изъ первыхъ тогда дьяка Аверкія Кирилова.

Мая 17-го, дѣйствительно, толпы стрѣльцовъ больше прежнихъ нахлынули въ Кремль, требуя выдачи Нарышкиныхъ. Царевна Софья Алексѣевна выступила въ роли совѣтницы царицы Натальи, настаивая на выполненіи просьбы малодушныхъ бояръ—для спасенія всѣхъ преданныхъ слугъ—пожертвовать братомъ, спрятаннымъ вмѣстѣ съ отцомъ и сыномъ Матвѣева, въ чуланѣ царевны Маѳы Алексѣевны. Внушенія злобной Софіи и требованія бушующихъ стрѣльцовъ наконецъ заставили несчастную сестру-царицу уступить. Тогда, взявъ Ивана Кириловича, сама царевна Софья Алексѣевна вывела его изъ церкви Спаса за *золотою рѣшоткою* и передала злодѣямъ, истерзавшимъ ея жертву.

Смерть его кончила бунтъ. Партія царевны достигла власти, хотя только 25-го мая Іоаннъ провозглашенъ царемъ. Впрочемъ, на грамотѣ въ Запорожьѣ выставлено 27 число какъ день этого событія, но, вѣрнѣе сказать, что 26-го мая исполнялась формальность представленія Боярской Думы и патріарха къ Ивану, прося его раздѣлить съ братомъ престолъ. А съ слѣдующаго дня стало считаться двойное царствованіе и началась роль сестры въ качествѣ правительницы, имя которой поставлено вслѣдъ за именами обоихъ царей (первымъ поставленъ Іоаннъ). Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, близкій любимецъ царевны, назначенъ Намѣстникомъ новгородскимъ и начальникомъ Посольскаго Приказа. Иванъ Милославскій получилъ завѣдываніе доходами государственными, какъ начальникъ Приказа Большой Казны. Иванъ Хованскій сдѣланъ управляющимъ Стрѣлецкимъ приказомъ, а сынъ его Андрей—Судимъ. Стрѣльцы получи-

ли титулъ *надворной пѣхоты*, съ прибавкою окладовъ жалованья. Мало того, правительство царевны признало неистовства, совершонныя ими въ три страшные дня убійствъ, *заслугами*; по смыслу поданной стрѣльцами (6-го Іюня) челобитной, гдѣ жертвы ихъ оклеветаны въ злоумышленіяхъ и измѣнѣ. На Красной площади воздвигнуты были столбы, съ прописаніемъ именъ и мнимыхъ винъ убитыхъ. Стрѣльцамъ розданы еще по полкамъ, съ красными печатями, похвальные листы, которые носили буяны съ торжествомъ по улицамъ, хвалясь своими позорными дѣлами, будто бы славными подвигами.

Приготовленія къ коронованію Петра и Іоанна—такъ какъ двухъ коронъ и регалій одинакихъ не было, потому что не было никогда и двухъ самодержцевъ на русскомъ престолѣ,—заняли цѣлый мѣсяцъ. Царское вѣнчаніе братьевъ совершилось только 25 Іюня. Награжденіе при этомъ сторонниковъ царевны-правительницы не усмирило смутъ.

Первыми начинателями ихъ выступили теперь раскольники, усмиренные и заточенные вслѣдствіе соборнаго опредѣленія 1667 года. При могучей поддержкѣ стрѣльцовъ и начальника ихъ Хованскаго, державшагося *капитонова согласія*, они явились въ Москву открыто проповѣдывать свое ученіе. *Пустосвятъ Никита*, предводитель ихъ, дерзко кричалъ, бродя по улицамъ: «постойте православные за вѣру истинную, коя гибнетъ у насъ на Руси, и у Грековъ, и по всей земли»! Благодаря этимъ возгласамъ и безсилію правительства,—хотя царевна и достигла власти,—дерзость раскольниковъ дошла даже до того, что́, 5-го Іюля, толпа изувѣровъ вломилась въ Кремль и у самой паперти Успенскаго собора разставила свои налои, зажгла свѣчи, развернула старопечатныя книги и громко начала ругать, вызывая, патріарха, въ то время совершавшаго въ Соборѣ литургію. Князь Иванъ Хованскій, между тѣмъ, вздумалъ разыгрывать роль посредника между правительствомъ и буянами, говоря, что лучшею мѣрою для успокоенія раскольниковъ будетъ назначить открытый диспутъ духовенства съ ними, тутъ же, на площади. Предложеніе это сдѣлано было защитникомъ раскола, конечно, ужъ не изъ убѣжденія, что сторона его одержитъ верхъ въ спорѣ, доводами логики и фактовъ. Онъ хотѣлъ, скорѣе всего, воспользоваться жаромъ преній для начатія насилій и убійства высшихъ предстоятелей церкви. Но царевна Софья склонилась только на половину на его представленія и, не отвергая диспута, назначила произвести его не на площади, а въ Грановитой Палатѣ, въ своемъ присутствіи. Не удалось Хованскому и вызвать на площадь, въ бунтующую толпу, патріарха, проведеннаго въ Грановитую Палату другимъ ходомъ. Дворъ, Дума и духовенство заняли мѣста свои въ Палатѣ, и тогда велѣно было впустить раскольниковъ. Попъ-разстрига—Никита Пустосвятъ, предводительствуя ими, не воздерживался отъ ругательствъ, даже во время самаго чтенія ихъ курьозной челобитной. По заслушаніи же ея начались доказательства правовѣрія господствующей церкви со стороны архіереевъ и патріарха. Основательнѣйшаго изъ возражателей раскольникамъ—архіепископа холмогорскаго Афанасія,—Никита хотѣлъ-было ударить, но его оттащили отъ іерарха выборные, послѣ чего царевна Софья, объявивъ соборъ закрытымъ, ушла. Анекдотическій разсказъ приписываетъ, при этомъ именно, не дѣтское присутствіе духа десятилѣтнему Петру I, за удаленіемъ пристыженной раскольниками правительницы, будто бы повелѣвшему своимъ

стольникамъ схватить самыхъ буйныхъ раскольниковъ, приступавшихъ къ патріарху съ угрозами. Анекдотъ этотъ занесъ въ свои «Дѣянія» и Голиковъ; но, едва-ли нужно доказывать, что онъ вымышленный, послѣ Петровскаго царствованія. По свидѣтельству трехъ очевидцевъ: патріарха Іоакима, Сильвестра Медвѣдева и Саввы Романова, — царя на соборѣ не были.

Буйство Никиты Пустосвята, а больше и главнѣе всего — собственное посрамленіе царевны, *) заставило ее употребить всѣ средства для того, чтобы болѣе не повторялась сцена въ Грановитой Палатѣ; Пустосвятъ схваченъ и 11-го Іюля казненъ на *красной площади*.

Противъ Хованскаго же нужно было дѣйствовать осторожнѣе. Августа 19-го Дворъ оставилъ столицу, переселясь въ Коломенское, гдѣ клевреты Милославскаго подбросили нелѣпый доносъ на Хованскаго. Правительница съиграла роль напуганной этимъ и поспѣшила увезти все царское семейство въ Савинъ-Сторожевскій монастырь и оттуда разослала грамоты въ города, призывая дворянство и народъ, на защиту царей и царства. Затѣмъ, Дворъ переселился въ Троицкую Лавру, и, на пути туда, изъ села Воздвиженскаго, царевна послала въ Москву ласковое письмо къ старому Хованскому, зовя его къ себѣ *для совѣщаній*. Тотъ, не чуя грозы, послушался и въ селѣ Пушкинѣ былъ арестованъ (17-го Сентября), высланною ему на встрѣчу воинскою партіею, подъ начальствомъ боярина князя М. И. Лыкова. Въ тотъ же день, безъ дальнаго суда, не смотря даже на то, что это былъ день ангела царевны Софьи, отецъ и сынъ Хованскіе были казнены; — «безъ сомнѣнія, не къ славѣ ея имени», какъ выразился Устряловъ.

Казнь отца и дѣда случайно увидѣлъ стольникъ Петра I-го, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій (младшій) и, ночью ускакавъ въ Москву, возмутилъ стрѣльцовъ, рѣшившихся сперва *засѣсть* въ столицѣ. Они начали-было и укрѣплять *Земляной городъ*, но, 19-го Сентября, одумавшись, стали просить патріарха представить только требованіе ихъ о возвращеніи Двора въ Москву, потому что они не имѣютъ никакого умысла. Лавру уже окружали въ это время достаточныя силы, потому царевна велѣла объявить стрѣльцамъ черезъ патріарха, чтобы они, вмѣсто нелѣпыхъ требованій, скорѣе принесли повинную и для того прислали бы 20 *лучшихъ людей* по выбору, *изъ каждаго полка*. Стрѣльцы нѣсколько дней не рѣшались, боясь послать выборныхъ на вѣрную смерть; но, наконецъ, 24-го сентября таки отправили. Ихъ приняла, не долго томя ожиданіемъ, 27-го же числа, царевна Софья. Сперва сдѣлала выговоръ, велѣла для заслуженія прощенія возвратить во всѣ мѣста забранные снаряды и оружіе, а затѣмъ представить челобитную, за общею подписью.

Въ день Покрова созвалъ патріархъ стрѣльцовъ слушать о результатѣ посольства выборныхъ, а черезъ день челобитныя были посланы съ новою депутаціею, сопровождаемою, также, какъ и въ первый разъ, архимандритомъ

*) По словамъ раскольника Саввы, описателя дѣйствій этого эпизода раскольничьяго буйства, когда Царевна встала и съ угрозою сказала «пойдемъ изъ царства всѣ вонъ!» то нѣкоторые стрѣльцы закричали ей: «И пора, государыня, давно вамъ въ монастырь! полно царствомъ-те мутить! Намъ бы здоровы были цари-государи, и безъ васъ пусто не будетъ.» — И бысть ей зазорно вельми и съ великимъ стыдѣніемъ иде на царское мѣсто» — говоритъ правдивый Савва.

Адріаномъ (бывшимъ послѣднимъ патріархомъ). Прощеніе виновнымъ дано, но съ обязательствомъ: оставить раскольниковъ, не вступаться за Хованскихъ, служить вѣрно и впредь не дѣлать безпорядковъ. Самъ зачинщикъ Хованскій, выданный Головину, только сосланъ. Столбъ *стрѣлецкій* по просьбѣ полковъ сломанъ (6 Ноября), а спустя четыре дня воротился и Дворъ въ столицу, въ сопровожденіи многочисленнаго дворянства, занявшаго всѣ караулы въ кремлевскихъ палатахъ. Декабря 10-го управленіе Стрѣлецкимъ Приказомъ ввѣрено дьяку Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому, съ этого времени вѣрному исполнителю всѣхъ порученій правительницы, успѣвшему сначала обуздать стрѣлецкое войско, а впослѣдствіи, какъ увидимъ, натравить его на Петра, что, спустя семь лѣтъ, кончилось гибелью его и царевны. Ея же правительствомъ мы займемся здѣсь только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло коснется личности царя Петра Алексѣевича, жизнь и дѣла котораго насъ единственно занимаютъ.

Между тѣмъ, за первые годы правленія Софіи такъ мало о немъ свѣдѣній, что и въ самомъ дневникѣ Гордона, любившаго передавать потомству даже ничтожныя мелочи, записано всего одно обстоятельство: болѣзнь—*оспа*, поразившая юнаго государя 22 января 1684 года. Къ счастію, болѣзнь не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій для юнаго Петра, вступившаго тогда въ возрастъ, годный для умственнаго развитія, о которомъ мало заботились другіе, пока самъ онъ не почувствовалъ потребности знаній, чуть не инстинктивно. Поводомъ къ возбужденію этого, новаго для Петра, ощущенія, было ничтожное само по себѣ обстоятельство. Передъ отправленіемъ въ посольство во Францію, князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій представлялся юношѣ-государю, и, въ разговорѣ съ нимъ, помянулъ, что существуетъ инструментъ, «которымъ можно бы было брать дистанціи или разстоянія издали, не доходя до самаго мѣста». Пятнадцатилѣтній государь пожелалъ видѣть такую диковинную штуку, но Долгорукій сказалъ, что у него инструментъ этотъ украли. Петръ тогда поручилъ ему *непремѣнно* купить такой точно инструментъ во Франціи. Посланникъ не могъ не исполнить порученія, но когда онъ передалъ астролябію и готовальню съ циркулемъ,—это были, какъ оказалось, тѣ самыя диковинки; — любознательный царь не находилъ вокругъ себя никого, кто бы научилъ ими пользоваться. Наконецъ, докторъ Фанъ-деръ-Гульстъ сыскалъ въ Москвѣ, по просьбѣ царя, своего же одноземца (голландца) Франца Тиммермана, который и сталъ давать государю уроки геометріи и фортификаціи. — «И тако», говоритъ самъ Петръ въ собственноручной запискѣ (о началѣ морского дѣла, писанной 1719 года) «сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ кампаніяхъ съ нами». Но этотъ наставникъ самъ зналъ не много, ошибаясь въ простомъ сложеніи. Можно представить себѣ, какова была у Петра страсть къ знанію, когда изъ полу-толковыхъ объясненій наставника, геніальный умъ молодого монарха успѣлъ-таки найти выходъ и научиться не только ариѳметическимъ дѣйствіямъ, но даже дойти и до высшей математики? Учебныя тетради Петра I-го, всѣ письма собственной руки его, показываютъ, какъ онъ «скоро достигъ до многосложной теоріи астролябіи и въ нѣсколькихъ словахъ показалъ, какъ можно ею *собрать* или измѣрить поле», говоритъ Устряловъ. Петръ затѣмъ, послѣдовательно, изучилъ подробности

сооруженія крѣпостей, затвердилъ термины фортификаціи, вычислилъ размѣры орудій и опредѣлилъ, при какихъ условіяхъ и на какомъ разстояніи падаетъ въ данную точку бомба. Послѣднія свѣдѣнія, по баллистикѣ и фортификаціи, конечно, пріобрѣтены Петромъ не въ одинъ годъ, и не отъ Тиммермана, вѣроятно, а, можетъ быть, отъ Брогдорфа, даже посвятившаго молодому государю свое руководство къ артиллеріи и фортификаціи,—если не въ Кенигсбергѣ.

По крайней мѣрѣ, намъ теперь нельзя уже сомнѣваться, что первыя занятія математикою съ Тиммерманомъ относятся къ послѣднимъ годамъ правленія царевны Софьи, когда ея геніальный братъ, юноша-государь, завелъ воинское обученіе *потѣшныхъ* своихъ. Сформированіе изъ нихъ двухъ первыхъ полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго, относится, положительно, къ 1687 году, когда въ Преображенскомъ кликнутъ *кличъ*, вызывавшій *охочихъ людей записываться* въ потѣшные. До того, въ 1682 году записалось 3-е, въ 1683—1, въ 1684—1, въ 1685—2 и въ 1686—1, всего 10 человѣкъ, а съ двумя сверстниками царя съ ранняго дѣтства его—*двѣнадцать*.

Ѳеодози, авторъ «житія Петра Великаго», написаннаго на итальянскомъ языкѣ, приписываетъ, вслѣдъ за другими, учрежденіе потѣшныхъ совѣту князя В. В. Голицына, любимца царевны Софьи Алексѣевны. Онъ, будто-бы, присовѣтовалъ, въ видахъ отвлеченія отъ дѣлъ и нравственной порчи при занятіи пустяками молодого царевича, окружить его въ селѣ Преображенскомъ «единолѣтными съ нимъ рѣзвыми и избалованными ребятами, въ чаяніи, что и онъ съ ними развратится и сдѣлается презрительнымъ и къ правленію царствомъ не способнымъ». Кличъ о призывѣ въ Потѣшные, конечно, безъ соизволенія правительницы не могъ быть сдѣланъ, да сверхъ того,—что самое главное,—и безопасное отъ преслѣдованій правительства положеніе семействъ мальчиковъ, вступившихъ на потѣшную службу, рѣшительно заставляетъ вѣрить разсказу, что царевна Софія сама хотѣла, чтобы состоялись, въ этой формѣ, забавы младшаго ея брата, для видовъ ея, слѣдовательно, пригодныя. Сама она, между тѣмъ, шла къ своей цѣли, безъ сомнѣнія, по принятому разъ уже плану. Такимъ слѣдованіемъ къ цѣли должны мы, по необходимости, принять и женитьбу болѣзненнаго царя Ивана Алексѣевича на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой (8 января 1684 года). Сдѣлано это царевною въ видахъ скорѣе имѣть отъ этого брака дѣтей мужескаго пола, съ правами тоже на престолъ, на случай смерти брата, за долговѣчность котораго трудно было поручиться. Надежда имѣть мужеское поколѣніе отъ царя Ивана, однако, какъ извѣстно, не оправдалась, также какъ и ожиданіе закружить дѣтскую голову Петра игрою въ *потѣшные*, которая привела юнаго монарха къ идеѣ преобразованія всего войска въ регулярное. Дѣло въ томъ, что умъ царя Петра былъ великъ не по лѣтамъ и самъ находилъ, для всякаго другого немыслимые пути къ развитію.

«Нѣсколько времени спустя, послѣ начатія уроковъ у Тиммермана», говоритъ самъ Петръ I въ запискѣ о начатіи флота,—«случилось намъ быть въ «Измаиловѣ, на льняномъ дворѣ, и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки «вещей дому Никиты Ивановича Романова (умершаго въ 1654 году), между «оными увидѣлъ я судно иностранное, и спросилъ Франца (Тиммермана) что «то за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ англійскій. Я спросилъ: гдѣ его

«употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки; я снова «спросилъ: какое преимущество имѣетъ онъ предъ нашими судами? (понеже «видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ). Онъ мнѣ сказалъ, что «онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтру, которое «слово меня въ великое удивленіе привело и яко-бы не имовѣрно. Потомъ я «его паки спросилъ: есть-ли такой человѣкъ, который бы его починилъ и «сей ходъ мнѣ показалъ? Онъ сказалъ мнѣ, что есть, то я съ великою ра- «достью услыша, велѣлъ его сыскать».

«И выперѣченный Францъ сыскалъ голландца Карштенъ-Бранта, который «призванъ при отцѣ моемъ въ кампаніи морскихъ людей, для дѣланія мор- «скихъ судовъ на Каспійское море; который оный ботъ починилъ и сдѣлалъ «маштъ и парусы и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удиви- «тельно и зѣло любо стало. Потомъ, когда я часто его употреблялъ съ нимъ «и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега,—я спро- «силъ его: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его «на просяной прудъ (тутъ-же въ Измайловѣ), но и тамъ не много авантажу «сыскалъ; а охота-стала отъ часу быть болѣе. Того для я сталъ провѣдывать. «гдѣ болѣе воды; то мнѣ объявили Переяславское озеро».

Въ началѣ іюня 1688 года Карштенъ-Брантъ въ первый разъ проплылъ на боту по грязной Яузѣ, а на другой день именинъ своихъ, Петръ выпросился уже у царицы-матери, съѣздить къ Троицѣ на праздникъ Св. Сергія, и оттуда очутился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (отстоящемъ отъ Лавры въ 63-хъ верстахъ). Озеро Плещеево, имѣющее въ длину 10 и въ ширину 8 верстъ, показалось моремъ шестнадцатилѣтнему государю. Тысячи огненныхъ затѣй закипѣли и зароились въ геніальномъ умѣ Петра I, при видѣ на столько обширнаго пространства воды. Онъ поспѣшно воротился въ Москву съ новыми планами, и присталъ къ матери съ просьбою: позволить пожить подольше въ Переяславлѣ, чтобы настроить тамъ судовъ для плаванья по озеру. Нѣжная мать, хотя съ стѣсненнымъ сердцемъ, не должна была согласиться. На этотъ разъ, кромѣ Карштенъ-Бранта, взятъ съ молодымъ царемъ и мастеръ Кортъ, чтобы дѣло закладки судовъ на его Трубежской верфи шло немедленно.

Заведя здѣсь игрушечную верфь свою и провозившись на ней іюль и часть августа, развивающійся царь-кораблестроитель поспѣшилъ въ Преображенское, гдѣ на берегу Яузы самъ онъ съ потѣшными соорудилъ земляную крѣпостцу, назвавъ ее Презбургомъ. Скоро съ валовъ ея раздался гулъ выстрѣловъ изъ пушекъ, встревожившій уже правительницу. Сентября 7-го Петръ потребовалъ къ себѣ всѣхъ 15 барабанщиковъ и флейтщиковъ Бутырскаго полка, и, къ явному неудовольствію князя В. В. Голицына, Ноября 13 го, перевелъ въ Преображенское большую часть стрѣльцовъ полка Сухарева, забравъ изъ Конюшеннаго приказа всю упряжь подъ свою артиллерію. При ней потѣхи его стали показывать что-то уже серьезное. Послѣ *клича* число записавшихся въ потѣшные было такъ уже велико, что въ Преображенскомъ не оказывалось даже мѣста для помѣщенія всѣхъ ихъ. Поэтому часть принятыхъ въ Потѣшные расположена была въ Семеновскомъ селѣ, находившемся не далеко, и, по мѣсту расположенія, получила названіе Семеновской пѣхоты. Тогда какъ оставленные въ Преображенскомъ сохраняли названіе потѣшныхъ преображенскаго полка,

въ которомъ первымъ полковникомъ былъ Юрій-фонъ-Менгденъ, а маіоромъ — Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ.

Въ это время царица Наталья Кириловна выбрала для своего сына-государя невѣсту, дочь окольничаго Илларіона Абрамовича Лопухина (переименованнаго при царскомъ бракосочетаніи въ Ѳедоры), одного изъ друзей своего рода,—красавицу Евдокію Ѳедоровну. Петръ, какъ видно, не противился предположенію женить его и бракъ отпраздновали 27 января 1689 года.

Не достигнуто было, однако, и этимъ бракомъ того результата, для котораго поспѣшила женить, въ семнадцать лѣтъ, предпріимчиваго сына своего царица Наталья. Онъ остался жить въ Преображенскомъ только въ зимніе мѣсяцы, но какъ только повѣяло весной, Петръ улетѣлъ въ свой Переяславль, гдѣ, въ самый день пріѣзда его, вскрылось озеро. Карштенъ-Брантъ на Трубежѣ оканчивалъ уже три яхты, дѣлая еще два малыхъ фрегата. Радостный государь отписалъ въ тотъ же день (20 Апрѣля 1689 года) матери: «...сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здоровіи слышать желаю, а у насъ молитвами твоими здорово. А озеро вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ; и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты по семисотъ саженъ, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится».

Продолжать же жить нельзя было, не пріѣхавъ въ столицу къ дню годовщины смерти царя Ѳедора (27 апрѣля), когда на панихидѣ должны были собраться всѣ члены царскаго семейства. Потому Наталья Кирилловна и вызвала, на этотъ день, своего державнаго сына въ Москву. И онъ, хотя завѣрялъ, что на озерѣ «ей дѣло есть» ему, все-таки не ослушался, а отправивъ церемонію, укатилъ опять въ Переяславль спускать суда. Здѣсь и провелъ онъ весь май, постоянно въ письмахъ къ матери хваля свои первыя сооруженія и вволю плавая на нихъ по озеру.

Прибывъ въ Москву къ панихидѣ по царѣ же Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, по случаю памяти его (8 го іюня,—въ ожиданіи Петра, не отправлявшейся на этотъ разъ до 11 іюня)—юный государь, какъ ни манило его Плещево озеро со своею крылатой флотиліей, въ это лѣто больше туда уже не ѣздилъ. Мать и онъ принимали уже мѣры для безопасности своей, зная по слухамъ, что царевна Софья замышляетъ что-то недоброе. Не довольствуясь презрительными эпитетами «озорниковъ» и «конюховъ», данными его потѣшнымъ, она распускала молву въ народѣ, что младшій братъ ея сталъ совсѣмъ *пьянцей*, ни *къ чему путному неспособнымъ*. Царь юноша не показывалъ вида, что до него доходятъ, хитро пущенные въ народъ, эти толки, живя тихо въ Преображенскомъ, среди преданныхъ ему людей, научившихся уже исправно владѣть оружіемъ. Зналъ Петръ, конечно, и то, что малѣйшее проявленіе кѣмъ-либо горячей къ нему преданности влекло къ розыску и пыткамъ у Шакловитаго, въ Марьиной рощѣ. Число жертвъ, завлеченныхъ туда и изувѣченныхъ, въ послѣднее время, дѣлалось все больше и больше, указывая сильнѣйшее развитіе подозрительности, а слѣдовательно, и *неувѣренности* въ своихъ силахъ правительства царевны Софьи,—уже при наименованіи себя самодержицею (въ указѣ 26 апрѣля 1686 года), конечно, думавшей о престолѣ, препят-

ствіемъ къ которому оказывался Петръ, къ тому еще успѣвшій теперь жениться, вопреки всѣмъ ея разсчотамъ. Князь Голицынъ, Шакловитый и Сильвестръ Медвѣдевъ (другъ второго и землякъ), конечно, знали честолюбивыя намѣренія царевны, и, въ видахъ собственнаго возвышенія, желали успѣха ея планамъ. Голицынъ думалъ раздѣлить даже престолъ съ Софьею (какъ хотѣла и она), Шакловитый же надѣялся самъ занять мѣсто Голицына при царевнѣ; а Медвѣдевъ хотѣлъ быть не больше, какъ, при этомъ патріархомъ. Розыскъ показалъ, что Шакловитый не разъ совѣтовалъ «царицу (Наталью) *известь*». Голицынъ, на одинъ изъ такихъ навѣтовъ, многозначительно выразился: «для чего же прежде, вмѣстѣ съ братьями, ее не уходили? ничего бы теперь не было».

Царевна хотѣла еще объявить себя государыней въ новолѣтіе 7195 года (1 сентября 1687 года), но остановилась за отказомъ стрѣлецкихъ слободъ подписать поголовно, изготовленную Шакловитымъ отъ лица стрѣльцовъ, *челобитную* о принятіи престола. Сторонники Софьи хотѣли, чтобы эта челобитная подана была царямъ на церемоніи, но, узнавъ, что подписывались подъ нею очень немногіе,—чтобы не потерпѣть неудачи,—объявили именемъ царевны наканунѣ, что *она несогласна*, «чтобы не было братьямъ ся въ гнѣвъ и въ безчестье». Въ 1688 году Шакловитый подговаривалъ опять стрѣльцовъ къ бунту, постоянно, подъ разными предлогами; но они все не поддавались на его голословныя обвиненія. Въ іюлѣ, напримѣръ, 1688 года, подсылалъ Шакловитый разъѣзжать ночью по Москвѣ (по улицамъ *земляного города*), въ бѣломъ атласномъ кафтанѣ и боярской шапкѣ, подъячаго приказа большой казны Матвѣя Шошина, съ стрѣлецкими двумя капитанами, тоже переряженными. Называясь Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ — Шошинъ нарочно больно билъ караульныхъ стрѣльцовъ при мясницкихъ и покровскихъ воротахъ, приговаривая: «заплачу же я вамъ за смерть братьевъ моихъ». Но и это средство раздражить стрѣльцовъ противъ Нарышкиныхъ не помогло. Поѣхавъ 1-го августа 1688 г. въ Преображенское на водоосвященіе, царевна взяла съ собою 300 стрѣльцовъ съ оружіемъ, намѣреваясь убить при этомъ царицу Наталью Кириловну, но побоялась сама многаго числа оказавшихся въ Преображенскомъ служилыхъ людей; и на этотъ разъ умыселъ отложенъ. Потомъ, іюля 25-го 1689 года, въ день тезоименитства царевны Анны Михайловны, жившей въ Вознесенскомъ монастырѣ и Петромъ особенно уважаемой (къ которой онъ ѣздилъ всегда въ имянины), Шакловитый поставилъ 50 вооруженныхъ стрѣльцовъ близъ Краснаго крыльца, и сказалъ имъ «какъ ударятъ въ спасскій набатъ, идите вверхъ и, кого велимъ брать—берите»! Но, Петръ хотя и побылъ у тетки немного, но, не подходя ко дворцу, скоро уѣхалъ къ себѣ; потому и настолько точныя приготовленія ни къ чему не повели. Это было уже, однако, при возвращеніи князя Голицына изъ несчастнаго похода къ Перекопу, когда, не смотря на явную неудачу, любимцу царевны были приготовлены пышныя похвальныя грамоты и назначены щедрыя награды всѣмъ, участвовавшимъ въ экспедиціи. Петръ былъ противъ награжденія за неуспѣхъ и, хотя, по предстательству царевны, дозволилъ опубликовать награды, но видѣть Голицына и другихъ воеводъ не хотѣлъ,—когда они явились къ нему (27-го іюля) въ Преображенское.

Въ ту же ночь, въ три часа, царевна вызывала стрѣльцовъ и угрозою—«буде негодны мы оставимъ царство!» заставила ихъ отвѣтить: что повелѣнія ея исполнятъ. Въ это время, приставъ стрѣлецкаго Жукова полка Стрижевъ, не разъ твердилъ товарищамъ, сбирая ихъ къ себѣ обѣдать «злодѣи царевны извѣстны: для чего бы ихъ *не принять* (на копья: т. е. убить), если укажетъ государыня?» На это, однако, никто не отзывался.

До царя Петра, между тѣмъ, эти подстрекательства дошли и онъ потребовалъ Стрижева къ себѣ. Шакловитый не далъ взять его и былъ самъ арестованъ въ Измайловѣ; впрочемъ, не надолго. Послѣ этого и самъ онъ уже сталъ скрываться во дворцѣ кремлевскомъ. Въ Москвѣ, между тѣмъ, носились слухи, что скоро ждутъ нападенія «потѣшныхъ конюховъ» на кремлевскіе чертоги. «Друзья Петровы трепетали за его жизнь», говоритъ Устряловъ. Въ особенности много было тревоги на праздникъ Преображенія; но онъ миновалъ благополучно. Софья рѣшилась, однако, какъ выяснилъ розыскъ,—перебить бояръ Петровыхъ, умертвить мачиху, да, едвали и Петра, не вмѣстѣ съ ними, на слѣдующій день. Утромъ (7 августа) царевна разгласила, что пойдетъ въ Донской монастырь «пѣшимъ походомъ; и для того наряжено бы было много стрѣльцовъ». Черезъ часъ послѣ этого объявленія, заговорили, что найдено подметное письмо, предостерегавшее царевну о мнимомъ *приходѣ изъ Преображенскаго*, въ ночь на 8 е августа, «для избіенія царя Ивана и всѣхъ его сестеръ царевенъ». Къ ночи, Шакловитый вытребовалъ 400 стрѣльцовъ *съ заряженными ружьями* изъ полковъ: Стремяннаго, Резанова, Жукова и Ефимьева, для отпора, будто бы, потѣшныхъ; на самомъ же дѣлѣ, для того, «*чтобы постращать* въ Преображенскомъ».

Услышавъ послѣднее толкованіе сбора вооружонныхъ и понимая, что это значитъ, стрѣльцы Стремяннаго полка: пятисотенный Ларіонъ Елизарьевъ, сотенный Михаилъ Ѳеоктистовъ; пятидесятники Дмитрій Мельновъ, Ипатъ Ульфовъ, Турка, Троицкій, Лодыгинъ, да Капраловъ, по взаимному уговору заранѣе, чтобы «при первомъ признакѣ опасности извѣстить о томъ государя», послали двоихъ изъ своего согласія (Мельнова и Ладыгина) въ Преображенское, съ вѣстью о сборахъ въ Кремлѣ. Посланные прискакали въ село около полуночи, когда всѣ уже спали; въ томъ числѣ и царь. Его, однако, по требованію пріѣхавшихъ, тотчасъ разбудили и онъ ихъ выслушалъ. Выслушавъ же, перепуганный не на шутку, Петръ, босой, въ одной сорочкѣ бросился въ конюшню и, вскочивъ на коня, уѣхалъ въ лѣсъ, приказавъ туда принести себѣ платье; наскоро одѣлся тамъ и, поспѣшно, съ немногими спутниками, поскакалъ въ Троицкую лавру. Въ 6-мъ часу утра, сняли его съ коня у воротъ монастырскихъ, измученнаго и истомленнаго; внесли въ царское помѣщеніе и уложили въ постель. Успокоившись нѣсколько, юный царь разсказалъ настоятелю о покушеніи на его жизнь, требуя убѣжища. Въ ту же ночь поѣхала въ лавру и царица Наталья Кириловна, съ беременною супругою Петра; за ними же отправились бояре, царедворцы и потѣшные.

Царевна, за два часа до разсвѣта, окружонная стрѣльцами, выѣхала изъ Кремля и въ Китаѣ, въ Казанскомъ соборѣ, слушала акаѳистъ. Сюда звала она князя В. В. Голицына, но онъ не пріѣхалъ, и она, прождавъ его долго, да, вѣроятно, получивъ черезъ Шакловитаго (деньщики котораго ѣздили въ

Преображенское) извѣстіе объ отъѣздѣ Петра еще тутъ,—далѣе не ѣздила, на разсвѣтѣ распустивъ войско и наградивъ деньгами. Шакловитый, на донесеніе деньщиковъ, сохраняя притворное спокойствіе, только сказалъ: «вольно ему, взбѣсясь, бѣгать!». *На самомъ же дѣлѣ, это извѣстіе и его и царевну не могло не поразить*, когда отъ него пришла въ ужасъ столица.

Августа 9-го всѣ приверженцы Петра поспѣшили направиться въ Лавру. Первый полкъ стрѣльцовъ приведенъ былъ туда въ этотъ же день вѣрнымъ полковникомъ Лаврентіемъ Сухаревымъ. Изъ Стремяннаго полка пріѣхали извѣщавшіе объ опасности. Артиллерію потѣшныхъ, пушки и мортиры со снарядами, окольными дорогами провезъ всю сполна, къ Троицѣ, капралъ Лука Хабаровъ. Въ тотъ же день, выслушавъ признаніе Елизарьева съ товарищами, Петръ послалъ къ брату и царевнѣ спросить: *для чего собраны были въ ночь на 8-е число*, въ Кремль, стрѣлецкія силы? Онъ, конечно, не удовлетворился отвѣтомъ: что стрѣльцы должны были провожать Софью Алексѣевну, *думавшую было ѣхать* ночью *помолиться* въ Донской монастырь. Тогда потребованъ былъ полковникъ Иванъ Циклеръ, еще подробнѣе разсказавшій планы царевны и ея сторонниковъ. Не зная, конечно, объ этомъ, Софья Алексѣевна послала 13-го августа князя Троекурова къ Троицѣ: *склонить брата оставить Лавру*. Отвѣтомъ царя Петра были грамоты, помѣченныя 14-мъ числомъ, во всѣ стрѣлецкіе полки, *о призывѣ по 10-ти человѣкъ отъ* каждаго *полка*, съ офицерами, *на 18-е число*, «для великаго государева дѣла». Грамоты на заставахъ у посланныхъ отобрали, а полковникамъ царевна запретила исполнять требованіе, сказавъ съ гнѣвомъ, чтобы они «въ распрю ея съ братомъ не мѣшались и къ Троицѣ не ходили», подъ страхомъ смерти. Для правительницы важно было теперь выманить Петра изъ Лавры и для того, она, отъ имени царя Ивана, съ призывомъ брата въ столицу, послала сперва князя Прозоровскаго; при неуспѣхѣ же его посольства—уговорила ѣхать патріарха, который и совсѣмъ остался въ лаврѣ. Тутъ уже царевна пришла въ смущеніе.

Шакловитый, по совѣту Голицына, подослалъ пугать стрѣлецкихъ женъ Сухарева полка, чтобы вызвали онѣ мужей изъ монастыря; но и это не помогло. Между тѣмъ, 27-го августа посланы Петромъ вторично грамоты въ полки, начальникамъ которыхъ приказывалось являться «безъ всякаго мотчанья и оплошки», съ угрозою смертной казни за неявку. Пять полковниковъ и до 500 урядниковъ явились на этотъ зовъ немедленно, были впущены въ монастырь и предъ лицо государя, который, въ сопровожденіи матери и патріарха, выйдя на крыльцо, объявилъ имъ самъ объ умыслѣ Шакловитаго, а затѣмъ велѣлъ дьяку прочесть выписку изъ распросныхъ рѣчей и стрѣлецкихъ извѣтовъ. Патріархъ уговаривалъ прибывшихъ сказать искренно: *кому что извѣстно*, для раскрытія дѣла. На это увѣщаніе святителя братья Саноговы признались, что ѣздили съ Шошинымъ, разыгрывавшимъ Нарышкина, «для озлобленія стрѣльцовъ побоями»; также разсказали и о подговорахъ Шакловитаго: убить царицу Наталью и государя.—Это было 29-го августа.—Услышавъ страшное признаніе, стрѣльцы Сухарева полка просили позволенія ѣхать въ Москву *захватить Шакловитаго*; но, вмѣсто нихъ,

стряжено съ полковникомъ Нечаевымъ по 10 человѣкъ изъ каждаго полка, съ указомъ къ дьяку стрѣлецкаго приказа и съ изложеніемъ винъ Шакловитаго.

Царевна, между тѣмъ, 29-го августа сама рѣшилась ѣхать въ Лавру, но не доѣзжая до нея 10-ти верстъ была остановлена стольникомъ Бутурлинымъ, передавшимъ ей слова Петра, *чтобы* она *не ѣздила*. Тоже повторилъ ей и князь Троеруковъ, прибавивъ, что, въ случаѣ насильнаго прихода, «съ нею поступлено будетъ не честно».

Съ отчаяньемъ въ душѣ и злобою воротилась царевна ночью на 1-е сентября въ Москву, и, призвавъ тотчасъ же къ себѣ *вверхъ* коноводовъ своей партіи, уговаривала ихъ *послужить* себѣ и не ходить къ Троицѣ; и заставила въ этомъ цѣловать крестъ. «Письма же, какія будутъ изъ похода, у съѣзжихъ избъ не читать, а приносить *вверхъ*»!

Черезъ нѣсколько часовъ прискакалъ Нечаевъ за Шакловитымъ и его клевретами, съ трудомъ пробравшись въ столицу проселочною дорогою, миновавъ стоявшаго на главномъ трактѣ съ сильнымъ отрядомъ полковника Айгустова. Исполняя буквально данное повелѣніе, въ Кремлѣ, на *Красномъ крыльцѣ*, отдалъ Нечаевъ грамоту дьяку стрѣлецкаго приказа, отнесенную имъ тотчасъ же къ царевнѣ; но посланные имъ въ полки успѣли прочесть царское воззваніе передъ съѣзжими избами. Смыслъ прочитаннаго разнесся по слободамъ и стрѣльцы отозвались: «воля великихъ государей! А мы за воровъ не стоимъ, и, буде сыщемъ ихъ,—исполнимъ по указу!»

Теперь сторонники царевны поспѣшили бѣжать изъ Москвы. Самъ Шакловитый хотѣлъ скрыться, но не смѣлъ выйдти изъ своего убѣжища. Князь В. В. Голицынъ удалился въ свое село Медвѣдково. Одна Софья не теряла еще надежды, или, по крайней мѣрѣ, бодрости. Призвавъ Нечаева, она грозно спросила его: какъ смѣлъ онъ принять на себя такое порученіе?

— Я не могъ ослушаться повелѣнія государя,—отвѣчалъ смѣлый полковникъ. Царевна велѣла отрубить ему голову, но не нашлось никого. Софья Алексѣевна сошла затѣмъ на площадь и стала убѣждать стрѣльцовъ, что въ грамотахъ брата написана ложь. Затѣмъ, приказавъ слушавшимъ ея рѣчь—дать вина, заговорила потомъ къ толпѣ народа, проведя на площади всего около трехъ часовъ. Удалившись къ себѣ, она сочинила съ Шакловитымъ воззваніе къ чинамъ московскаго государства, обвиняя въ немъ въ возбужденіи въ братѣ ея царѣ Петрѣ вражды къ ней—Нарышкиныхъ. Затѣмъ, еще разъ запретила исполнять по указамъ отъ Троицы: о присылкѣ туда денегъ и продовольствія, а, въ замѣнъ того, велѣла отсылать собранныя деньги на провіантъ въ Москву. Но ни воззванія, снабженнаго краснорѣчивымъ предисловіемъ Шакловитаго,—гдѣ говорилось о воспріятіи правленія царевною «токмо снисходя на челобитье всего московскаго народа»,—ни указа своего, царевнѣ Софіи не удалось публиковать. Сентября 2-го посланы царемъ Петромъ, къ брату Ивану, полковники Спиридоновъ и Сергѣевъ, съ окольничимъ Матюшкинымъ: требовать выдачи Шакловитаго. Въ этомъ не прекословилъ царь Іоаннъ, но хотѣлъ только, чтобы за нимъ пріѣхалъ самъ князь П. И. Прозоровскій. Стрѣльцы заропотали явно на упорство царевны. Въ это время, опасаясь, чего добраго, и справедливаго взысканія *за* свою *медленность въ явкѣ* на службу царскую, *по двумъ грамотамъ*, генералы-иноземцы просили позволенія у Го-

лицына ѣхать къ Троицѣ, но не дождавшись отъ него, очень понятно, ни какого разрѣшенія, ночью сами отправились и прибыли въ Лавру утромъ 5-го сентября, радуясь, что все счастливо сошло, и самъ царь, удостоилъ ихъ къ рукѣ, еще благодарилъ, подчуя изъ своихъ рукъ водкою.

Злоумышленниковъ уже ловили. Сентября 6-го утромъ захватили Абросима Петрова, самаго дѣятельнаго изъ соумышленниковъ Шакловитаго; его же самого взяли вечеромъ. Царевна долго его не выдавала и уступила только по необходимости, замѣтивъ не только поднявшійся ропотъ, но и раздавшіяся угрозы, въ толпѣ стрѣльцовъ. На слѣдующій день, привезенный въ Лавру, Шакловитый пытанъ и съ пытки разсказалъ все. О его признаніяхъ сообщилъ Петръ I брату письмомъ, въ которомъ между прочимъ заявлялъ: «А теперя государь братецъ настаетъ время намъ обоимъ особамъ, Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже, пришли есьми въ мѣру возраста своего, а третьему *зазорному лицу*, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на тобъ и твоя государя моего брата воля склонилася, потому что она учала въ дѣло вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Страмно государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ жъ, государю брату, объявляю и прошу: поволь государь, мнѣ, отеческимъ своимъ изволеніемъ, для пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ... писавый въ печалѣхъ, братъ вашъ, царь-Петръ здравія вашего желаю и челомъ бью».

Царь Иванъ предоставилъ младшему брату полную власть и Петръ далъ указъ исключить имя царевны Софіи изъ всѣхъ актовъ, гдѣ до того упоминалось оно. Затѣмъ, посланъ князь Троеруковъ къ царю въ Москву: просить удаленія виновной сестры въ Новодѣвичій монастырь, назначенный неисходнымъ ея пребываніемъ. Она долго не соглашалась и только въ послѣднихъ числахъ сентября переѣхала въ монастырь, гдѣ отведены были ей хорошо убранныя кельи, окнами на Дѣвичье поле. Свободы выѣзжать за монастырь она уже не имѣла и видѣться могла съ тетками и сестрами только въ большіе праздники.

Также удовольствовался молодой государь однимъ удаленіемъ и Голицына, котораго напрасно приглашалъ сперва его родственникъ князь Б. А. Голицынъ пріѣхать изъ Москвы, обѣщая царскую милость. Злополучный оберегатель печати отправился къ новому источнику милостей и кары уже 7-го сентября, но его пустили только въ посадъ и велѣли здѣсь ждать указа. Черезъ день, утромъ, потребовали князя съ сыномъ въ монастырь, когда уже Шакловитый *во всемъ* признался. Введя въ обитель, передъ крыльцомъ царскихъ палатъ, дьякъ прочиталъ падшему вельможѣ указъ о лишеніи чести боярства (какъ и сына) и ссылкѣ въ Каргополь. А по предсмертному признанію Шакловитаго,—при новыхъ, особенно важныхъ и сильныхъ, обвиненіяхъ—

въ Яренскъ, и, наконецъ. въ Пустозерскъ, *съ семействомъ, на житье.* Въ вину вмѣняли ему только личные доклады царевнѣ, мимо царей, съ писаньемъ ея имени, вмѣстѣ съ государями, да,—отступленіе отъ Перекопа, въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Разслѣдованіе по доносамъ и извѣтамъ преступнаго Шакловитаго, князей Голицыныхъ не коснулось, хотя бывшій начальникъ Стрѣлецкаго приказа и обвинялъ въ сильномъ соучастіи съ собою, *во всемъ*, князя Василія Васильевича. Его подъ конвоемъ 50-ти стрѣльцовъ отправили прямо, по объявленіи приговора, въ ссылку. Въ тотъ же день, вѣчной ссылкѣ подвергли и друга его, воеводу Л. Р. Неплюева. Сентября 12-го казнили Шакловитаго, Чермнаго и Абросима Петрова; остальныхъ, обвиненныхъ и приговоренныхъ къ мучительной смерти, молодой царь помиловалъ. Казни и наказанія исполнены за стѣнами лавры, на Московской дорогѣ. Черезъ два дня послѣ казни Шакловитаго, схваченъ въ Бизюковѣ монастырѣ (Смоленской губерніи) Сильвестръ Медвѣдевъ и присланъ въ лавру; его разстригли, отлучили какъ еретика отъ церкви и пытали, но, по ходатайству патріарха, даровали жизнь, заключивъ въ тѣсную келью въ лаврѣ—гдѣ онъ сознался въ своихъ заблужденіяхъ и удаленъ въ другой монастырь. Но съ дороги бѣжалъ, и, пойманный, по новымъ обвиненіямъ захваченнаго тогда же Стрижева, сложилъ голову на плахѣ.

Съ двѣнадцатаго сентября 1689 года собственно,—*со дня казни Шакловитаго* — началось правленіе государствомъ царя Петра I (его письмо къ брату, выше нами приведенное, относится къ этому числу, по всей вѣроятности, потому что въ письмѣ говорится, что государь намѣренъ перемѣнить всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій въ царствѣ московскомъ). Сентября 12-го онъ дѣйствительно назначилъ новыхъ управляющихъ приказами, оставивъ только на прежнихъ мѣстахъ: князя Б. А. Голицына (въ приказѣ казанскаго дворца); князя Троекурова — въ сибирскомъ (съ придачею Стрѣлецкаго), Соковнина—въ конюшенномъ приказѣ, князя В. Ѳ. Одоевскаго въ аптекарскомъ и думнаго дьяка А. А. Виніуса—въ ямскомъ. Дядя государя, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, получилъ въ управленіе посольскій приказъ, иноземскій, пушкарскій и рейтарскій даны князю Урусову; владимірскій-судный—князю М. Г. Ромодановскому; разрядный Т. Н. Стрѣшневу; большой казны и большаго прихода — князю П. И. Прозоровскому; большаго дворца и дворцовый-судный—дядѣ царицы, Петру Абрамовичу Лопухину; казеннаго дворца—постельничему Гаврилѣ Ивановичу Головкину (будущему канцлеру); п. земскихъ дѣлъ—окольничему М. Н. Львову; п. помѣстный—боярину П. В. Шереметеву; московскій судный пр. — князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову и разбойный приказъ, боярину князю М. И. Лыкову. Б. П. Шереметевъ (будущій фельдмаршалъ) оставленъ воеводою Бѣлгородскаго полка — стражемъ южной границы государства. Поколебался царь было принять гетмана малороссійскаго войска — Мазепу, жившаго въ Москвѣ съ конца іюля и пріѣхавшаго къ нему *на поклонъ* уже послѣ Голицына. Мазепа, какъ и Голицынъ, тоже остановленъ былъ въ посадѣ, и ожидалъ уже себѣ опалы—въ качествѣ приверженца бывшаго правительства,—но на другой день Петръ, почему-то, передумалъ: далъ ему аудіенцію, принялъ подарки и отпустилъ, осыпавъ незаслуженными милостями.

Назначивъ новыхъ лицъ во главѣ управленія, юный государь не хотѣлъ все еще прибыть въ столицу, пока неудалится царевна,—и, для того, 15-го сентября отправился съ своими потѣшными полками въ Александрову слободу. Тамъ Гордонъ дѣлалъ маневры, доходившіе до Лукьяновой пустыни (въ 25 верстахъ отъ Переяславля) и, въ занятіяхъ переходами изъ мѣста въ мѣсто, да примѣрными отпорами названыхъ враговъ, прошла незамѣтно цѣлая недѣля. Тѣмъ временемъ выживалъ князь Троеруковъ изъ дворца бывшую правительницу, о выѣздѣ которой получивъ отъ него извѣстіе, государь воротился въ лавру снова, и, наградивъ всѣхъ явившихся сюда для защиты его, уже, затѣмъ, 6-го октября въѣхалъ въ древнюю столицу, встрѣченный хлѣбомъ да солью жителями Москвы, въ селѣ Александровскомъ. При входѣ въ Успенскій соборъ, принялъ брата въ дружескія объятія царь Иванъ.

Во время пребыванія въ Лаврѣ и, потомъ, на маневрахъ, могъ, только, по всей вѣроятности, сдѣлаться молодому царю извѣстнымъ—Францъ Яковлевичь Лефортъ, въ слѣдующее десятилѣтіе такъ много значившій въ глазахъ Петра I, искренно полюбившаго этого иностранца; но отнюдь не за образовательные его планы или блистательные совѣты,—какъ силятся утверждать иностранные писатели, не хорошо знающіе наши дѣла,—а единственно *въ качествѣ веселаго собесѣдника на пирахъ и попойкахъ*. Лефортъ, въ то время полковникъ еще Елецкаго солдатскаго полка, могъ пріѣхать въ Лавру—какъ допускаетъ голословно Устряловъ (впрочемъ, не подтверждая ни какими свидѣтельствами или положительными точными датами)—«изъ слободы, вслѣдъ за государемъ, какъ скоро провѣдалъ о грозившей ему опасности». Это указаніе мы, потому, оставляемъ на отвѣтственности историка Петра I, съ своей стороны, склоняясь на другое, а именно: что Лефортъ едвали могъ прибыть раньше другихъ иноземцевъ,—безъ того, чтобы его отъѣздъ не сдѣлался извѣстнымъ,—какъ въ настоящемъ случаѣ. Мы уже говорили когда прибылъ Гордонъ, не слишкомъ торопясь заявить усердіе, пока шансы полнаго успѣха не перешли явно на сторону Петра. Почему бы Лефортъ могъ оказаться болѣе предвидѣвшимъ заранѣе успѣхъ Петра, чѣмъ осторожный его сослуживецъ, тоже полковникъ выборнаго Бутырскаго полка? Обоихъ ихъ, Гордона и Лефорта, зналъ, безъ сомнѣнія, и раньше Петръ, интересовавшійся особенно воинскимъ обученіемъ и западными порядками. Но, при правительствѣ Софіи, иноземцы не особенно старались подслуживаться ея юному, много уже затѣвавшему, брату, и, конечно, остались себѣ вѣрными въ этомъ, до конца. Но, какъ только перевѣсъ перешолъ къ Петру, является и предложеніе Гордона: сдѣлать маневры въ Александровской слободѣ. Лефортъ не могъ похвалиться передъ царемъ даже и особенными свѣденіями по строевой службѣ, тогда какъ Гордонъ отличился, все-таки, еще при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, защищая Чигиринъ отъ султанской многочисленной арміи. Петръ скоро оцѣнилъ въ немъ точность и исполнительность, равно и другія стороны характера, выставляющіяся на службѣ съ выгодной стороны: бдительность, неутомимость въ трудахъ, испытанную храбрость, безукоризненную честность, благородство и многолѣтнюю опытность. Словомъ, Гордонъ оказывался имѣю-

щимъ всѣ качества хорошаго боевого генерала, пользуясь въ Москвѣ общимъ уваженіемъ русскихъ и иноземцевъ.

Князь Голицынъ не разъ призывалъ его на совѣты, но слушался больше Шакловитаго; и у того Гордонъ не разъ бывалъ. Въ дружескихъ и дѣловыхъ сношеніяхъ былъ Гордонъ съ Виніусомъ, фонъ Менгденомъ, и очень можетъ быть, *они ему, а онъ имъ* служили при царѣ Петрѣ взаимною поддержкою. Виніусъ, какъ извѣстно, въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка, былъ у царя въ большомъ почотѣ, зная хорошо русскій языкъ и еще съ 1676 года завѣдуя рижскою и виленскою почтами. Нуженъ онъ былъ Петру I какъ сообщатель иностранныхъ извѣстій, въ его рукахъ сосредоточивавшихся и имъ переводимыхъ на русскій языкъ. Ему юный государь сталъ поручать: выписыванье изъ-за границы инструментовъ всякаго рода и моделей; наемъ иностранныхъ мастеровъ всѣхъ спеціальностей; переводъ голландскихъ книгъ; выдѣлку пороха; отливку пушекъ, бомбъ, ядеръ и устройство оружейныхъ фабрикъ; а впослѣдствіи, даже *учрежденіе* первой на Руси *школы навигаторовъ*. Юрій Менгденъ, въ 1692 году первый полковникъ Преображенскаго полка, служилъ до того подъ начальствомъ Б. П. Шереметева, внѣ Москвы. Маіоръ же его полка, Адамъ Адамовичь Вейде, рано обратилъ вниманіе государя на себя занятіями инженернымъ искусствомъ, хотя онъ и недалекъ былъ въ этой отрасли военныхъ наукъ, уступая въ многосторонности свѣденій и по всѣмъ частямъ, Якову Вилимовичу Брюсу, дѣйствительно человѣку глубокаго серьезнаго ума, тогда еще капитану Рейтарскаго полка, находившемуся однимъ изъ первыхъ съ Петромъ у Троицы. Мы не разъ увидимъ Брюса однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей Петрова царствованія, за свою ученость, въ глазахъ суѣвернаго народа прослывшимъ даже за колдуна. Если къ этимъ лицамъ, уже нами поименованнымъ, прибавимъ мы еще Ивана Ивановича Чамберса,—впослѣдствіи полковника Семеновскаго полка, а далѣе командира обоихъ гвардейскихъ,—какъ и Брюсъ, родившагося въ Москвѣ, и переводчика англійскаго языка при посольскомъ приказѣ—Андрея Юр. Кревета, раздѣлявшаго порученія монарха по выпискамъ изъ-за границы всякаго рода вещей вмѣстѣ съ Виніусомъ, то персоналъ иноземцевъ, пользовавшихся съ первыхъ годовъ царствованія Петра I доступомъ къ нему *безъ доклада*, будетъ весь на лицо.

Изъ русскихъ людей, въ интимный кружокъ государя, кромѣ сверстниковъ—совоспитанниковъ, пока еще были они живы,—слѣдуетъ включить: князей Ѳ. И. Троекурова, Ивана Юрьевича Трубецкаго, Б. И. Куракина, Аникиту Ивановича Репнина; Ѳедора Ивановича Плещеева, Ѳедора Матвѣевича Апраксина, Г. П. Головкина, П. П. Бутурлина, Андрея Артемоновича Матвѣева и Автомона Михайловича Головина. Въ томъ же числѣ были еще: учитель государя Н. М. Зотовъ и ближній стольникъ князь Ѳедоръ Юрьевичь Ромодановскій, которому Петръ—величая его *княземъ-кесаремъ*, —обыкновенно рапортовалъ, какъ бы подданный, объ успѣхахъ своего оружія, на такъ называемыхъ «тріумфахъ».

«Такова», говоритъ Устряловъ, «чудная смѣсь націй, вѣръ, языковъ, лѣтъ и званій», въ этой любимой *компаніи Петра I*, изъ среды которой вышли разумные исполнители, болѣе или менѣе. Но далеко не всѣ они были люди

съ умомъ, сколько нибудь *приходившимся по плечу* уму и способностямъ самого монарха. Немногіе блистали и образованіемъ въ этой семьѣ, попавъ въ нее случайно и оставаясь будто по ошибкѣ, незамѣчаемой главою компаніи, за недосугомъ, при спѣшной работѣ пересозданія государства. Но и этихъ *случайныхъ* товарищей (скорѣе собутыльниковъ и сотрапезниковъ, чѣмъ сотрудниковъ) своихъ Петръ озарилъ своею немеркнущею славою. Безъ него они бы остались, какъ и слѣдовало, незамѣченными.

Къ такой именно категоріи принадлежатъ *знакомства и связи Петра по нѣмецкой слободѣ*, оставшейся въ памяти современниковъ и потомства, скорѣе всего, благодаря пирамъ и кутежамъ Петра, на которыхъ завѣдывалъ хозяйствомъ, чаще всего, Лефортъ, получившій отъ щедротъ монаршихъ великолѣпныя палаты, на берегу мутной Яузы. Для самого Петра это были рѣдкіе дни отдыха, а въ большинствѣ дней, по собственному характерному выраженію неутомимаго въ трудахъ монарха, онъ «вкушалъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму». Когда же работа у Петра смѣнялась отдыхомъ, *компанія* собиралась если не у Лефорта, то въ Филяхъ у Л. К. Нарышкина, или у князя Б. Л. Голицына, либо у Гордона и Шереметева; веселясь далеко за полночь—вопреки старому обычаю ранняго отхода ко сну въ старой Москвѣ,—на пирахъ Петра въ нѣмецкой слободѣ чуть не всю ночь раздавалась музыка и залихватскія пѣсни, съ танцами; нерѣдко и при залпахъ орудій, разставленныхъ вокругъ дома пира. Предсѣдателемъ тостовъ и возліяній на этихъ шумныхъ торжествахъ, рано уже оказывается бывшій учитель Петра грамотѣ, Никита Моисѣевичъ Зотовъ, титулованный шутливо царственнымъ ученикомъ своимъ «княземъ-папою, патріархомъ презбургскимъ, яузскимъ и всего кокуя» *).

Князь Папа наблюдалъ такъ усердно за осушеніемъ кубковъ, что къ концу угощенія большая часть гостей засыпала на мѣстѣ; люди же преклонныхъ лѣтъ, какъ генералъ Гордонъ, послѣ пирушки нѣсколько дней не могли оправиться, не только-что съ разсвѣтомъ быть уже на работѣ и цѣлый день безъ отдыха трудиться съ жаромъ сознанія необходимости скорѣе кончить, да приниматься за другое, какъ дѣлалъ обыкновенно Петръ I. На пиру—онъ является душою пирующихъ, придумывая замысловатыя потѣхи, обходясь со всѣми запросто и не сердясь за прекословіе. Не сносилъ только онъ упорнаго противорѣчія, особенно если его выражало невѣжество, заступаясь за любимые былые порядки, и, подъ видомъ уваженія къ старинѣ, отстаивая свои темныя, рѣдко безкорыстныя, цѣли, съ порицаніемъ, понятно, науки и просвѣщенія. Выдержать такое нахальное искаженіе истины Петръ уже не могъ и, въ подобномъ случаѣ, одно неумѣстное *лишнее слово* переливало черезъ край чашу его уступчивости и воспламеняло въ юномъ государѣ такой гнѣвъ, отъ котораго разгулъ и похмѣлье улетали мгновенно изъ головы испуганныхъ собесѣдниковъ. Въ такія минуты, по словамъ иностранныхъ разсказчи-

*) Кокуемъ же звали московскіе жители нѣмецкую слободу, откуда иноземцы, при общей ненависти къ нимъ русскихъ, при первыхъ царяхъ, не имѣли желанія, да кажется и права, выходить *безъ нужды* въ городъ. Недаромъ сложилась сохранившаяся до нашихъ дней пословица въ Москвѣ: «нѣмецъ! *кыцъ—на кокуй* (т. е. убирайся въ свою слободу, по добру по здорову)».

ковъ, будто «одинъ Лефортъ могъ успокоить взволнованнаго царя». Онъ погружался въ раздумье, болѣе или менѣе тяжелое, а черезъ нѣсколько минутъ черты энергическаго лица монарха принимали, обычное ему, веселое выраженіе, вызывая продолженіе, прерваннаго вспышкою, пированья.

Во всю жизнь свою, съ дней молодости, Петръ I любилъ повеселиться на святкахъ и на масляницѣ. На святкахъ ѣздилъ онъ «славить», въ компаніи нѣсколькихъ десятковъ приближенныхъ, посѣщая дома не только бояръ, но и богатыхъ купцовъ, не отказываясь принимать радушно подносимые дары, какъ бы ничтожны они ни были. Такія славленья продолжались нѣсколько дней. Государь любилъ также огненныя потѣхи, начало которыхъ относится къ первому году его самостоятельнаго правленія, за удаленіемъ сестры. У Гордона въ дневникѣ замѣчено, что Петръ занятъ былъ фейерверкомъ 11-го января 1690 года (едва ли это не первое по времени указаніе объ этомъ родѣ царскихъ увеселеній). Самая потѣха огненная послѣдовала, впрочемъ, въ среду на масляницѣ (26 февраля). Фейерверкъ устроенъ былъ на рѣкѣ Преснѣ, гдѣ затѣйливое зрѣлище доставило полное удовольствіе не только двору, но и всей Москвѣ, туда собравшейся.

Самъ Петръ придумывалъ фигуры, освѣщонныя разноцвѣтными огнями и горѣвшія большую часть ночи. Кромѣ масляницы, фейерверкъ сдѣланъ былъ въ именины царицы-матери (26 августа), и съ этого времени огненныя потѣхи повторялись по два раза въ годъ, въ указанные нами дни постоянно, иногда, при неопытности исполнителей, оканчиваясь чьимъ-нибудь увѣчьемъ.

Кромѣ фейерверковъ, Петра — юношу занимало обученіе его потѣшныхъ, да плаванье на рѣчной флотиліи. Весною 1690 года построены были мелкія суда на Москвѣ рѣкѣ, на которую, въ составѣ другихъ, выведенъ царемъ 27-го апрѣля и знаменитый *ботикъ*—дѣдушка. Флотилія отправилась по теченію, къ Никольскому монастырю, *что на Угрѣши*; Петръ самъ управлялъ парусами, предшествуемый стрѣльцами въ лодкахъ. За царемъ слѣдовали въ легкихъ яликахъ бояре, царедворцы и иноземцы, желавшіе участвовать въ потѣхѣ. На веслахъ проплыли цѣлый день, остановившись у монастыря (Угрѣшскаго). Близь его жилъ бояринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ, домъ котораго и посѣтилъ съ гостями государь, въ столицу возвратившійся только 2-го мая. Черезъ мѣсяцъ, въ день примѣрнаго приступа къ полковому двору въ селѣ Семеновскомъ (2 іюня), чуть было не случилось несчастіе: одинъ изъ горшковъ, начиненныхъ горючимъ веществомъ и бросавшихся вмѣстѣ съ гранатами, разорвался такъ близко отъ государя, что лицо его сильно опалило, переранивъ нѣсколько офицеровъ. Петръ I былъ долго боленъ и потому опасные маневры возобновились уже въ сентябрѣ, но, при этомъ, получили другой, чисто строевой, характеръ. Сентября 4-го примѣрный бой потѣшныхъ со стрѣльцами Стремяннаго полка кончился, впрочемъ, чуть не серьезною схваткою, во время которой, выстрѣломъ повредило ногу Гордону. Осень и зиму (1690—1691 г.) Петръ I занятъ былъ стройкою *новой яхты*, при сооруженіи которой царю-строителю не помогали другіе мастера. Судно это, поднимавшее до 30 человѣкъ, государь спустилъ 14-го марта и катался на немъ всю весну, во всякую погоду легко управляя имъ и доѣзжая, по Москвѣ рѣкѣ, до Угрѣшей.

Все же лѣто Петръ обучалъ своихъ потѣшныхъ, готовясь къ болѣе сложнымъ, чѣмъ въ прежніе годы, маневрамъ, которые должны были начаться наканунѣ Преображенія, но, за болѣзнью царицы Натальи Кириловны, отложены были до 5-го октября. Въ арміи *генералиссимуса Фридриха* (князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго), числясь ротмистромъ, находился государь, называясь (не такъ какъ въ Голландіи) Петромъ Алексѣевымъ. Генералиссимусъ вывелъ свою армію за рѣку Красную «въ крѣпкую позицію» у лѣска. Бутурлинъ же, противникъ его, повелъ атаку, пустивъ партію гусаръ, подъ начальствомъ генерала Гульста, разбитую рейтарами «ротмистра Петра Алексѣева съ голою шпагою», при чемъ самъ Гульстъ попалъ въ плѣнъ. Видя неудачу въ этомъ, Бутурлинъ подкрался и вдругъ наскочилъ конницею на полки противника, самъ лично бросившись на военоначальника, «чтобы его убить и тѣмъ всю армію обезглавить». Но, тутъ опять является ротмистръ Петръ Алексѣевъ, спасающій жизнь генералиссимуса и берущій въ плѣнъ Бутурлина. Дѣло кончилось угощеніемъ плѣннаго и отпущеніемъ на свободу, при чемъ проводилъ несчастнаго вождя до его лагеря, опять «храбрый ротмистръ Петръ Алексѣевъ, одаренный шпагою». Въ бояхъ двухъ слѣдующихъ дней не видно, чтобы онъ принималъ настолько же живое непосредственное участіе. Смерть молодого князя Ивана Дмитріевича Долгорукова отъ раны, полученной на этихъ примѣрныхъ бояхъ, была поводомъ письма Петра I къ Ѳ. М. Апраксину, съ выраженіемъ сожалѣнія о павшемъ.

Послѣ маневровъ этихъ, въ концѣ года, Петръ I съѣздилъ въ Переяславль, гдѣ Карштенъ-Брантъ успѣлъ соорудить еще два фрегата съ тремя яхтами,—въ двухлѣтнее небытіе здѣсь государя. Въ эту зиму тамъ находился уже деревянный дворецъ и, противъ него, на озерѣ, сажень на сто отъ берега, на сваяхъ пристань, у которой лѣтомъ и стояли суда, отводимыя на зимовку въ Трубежъ, гдѣ ледъ весною не могъ повредить ихъ. Князь-кесарь, въ это время, является розыгрывающимъ уже роль государя. Онъ Петру Алексѣеву, какъ опытному мастеру, проявившему знанія въ строеніи судовъ на Яузѣ, далъ свой «государскій указъ» построить въ Переяславлѣ *военный корабль*, къ веснѣ (1692 г.) съ своими 16-ю учениками изъ потѣшныхъ преображенскихъ, между которыми самымъ смыслящимъ дѣло оказывался сверстникъ государя Якимъ Воронинъ. Петръ I успѣлъ постройку военнаго корабля окончить весною, хотя и увозили его, чуть не силой, въ Москву, принимать персидскаго посла (16 февраля). Послѣ этой аудіенціи государь черезъ два дня оставилъ столицу, приказавъ Лукѣ Хабарову, теперь квартирмейстеру уже Преображенскаго полка, перевести на озеро Плещеево, изъ Москвы, всѣ готовыя шлюпки и карбусы.

Лѣто 1692 года представило необычайное оживленіе на берегахъ, пустынаго обыкновенно, озера Плещеева. Въ шестое воскресеніе по Пасхѣ, 1-го мая (1692 г.), царь Петръ I Алексѣевичъ благополучно спустилъ здѣсь на воду, построенный его трудами и усиліями, первый корабль. Для двадцатилѣтняго монарха день этотъ былъ днемъ чистой радости, понятной всякому, кто что либо успѣлъ исполнить новое своимъ знаніемъ и изобрѣтательностью. Для полнаго наслажденія, не доставало только присутствія милыхъ Петру особъ: матери и супруги, съ родною сестрою.

Въ концѣ іюля пріѣхали и онѣ со всѣмъ дворомъ, пробывъ, затѣмъ, цѣлый мѣсяцъ въ Переяславлѣ. Здѣсь, въ день 1-го августа, совершено было торжественное водосвятіе съ крестнымъ ходомъ, а съ 13-го августа, по одиначкѣ, подходили полки изъ Москвы, для маневровъ на водѣ и сушѣ. Первымъ лицомъ, къ которому обращались оффиціально, какъ къ представителю высшей власти, былъ снова князь-кесарь, получившій въ прибавокъ къ титулу генералиссимуса и наименованіе *адмирала* (какъ при Азовѣ Лефортъ). Августа 14-го царь угощалъ царицъ на адмиральскомъ кораблѣ «съ церемоніей», а 18-го числа, при попутномъ вѣтрѣ, флотилія вступила подъ паруса и бросила якорь у противоположнаго берега озера, гдѣ поднявшійся противный вѣтеръ удержалъ ее двое сутокъ, такъ что гость и путешественницы прибыли въ переяславскій дворецъ только 21-го августа. Здѣсь начались игры и, среди общаго веселья, отпразднованы имянины царицы Натальи Кириловны, никогда еще не выражавшей такъ полно своего счастія, какъ теперь. Окруженная любимыми дѣтьми и новыми ощущеніями, безъ малѣйшей примѣси чувства страха, сознанія опасности или ожиданія грозы,—царица мать провела въ удовольствіяхъ еще недѣлю въ Переяславлѣ, воротясь въ столицу только 3-го сентября, нѣсколько даже утомленная и чувствуя легкое нездоровье. Ея силы, впрочемъ, скоро возстановились, но въ ноябрѣ захворалъ очень опасно Петръ I. Сперва оказался у него кровавый поносъ, за которымъ послѣдовало совершенное ослабленіе, такъ что до 14-го декабря отчаявались и въ самой его жизни.

Ближайшіе любимцы молодого монарха крѣпко пріуныли въ это время, а нѣкоторые изъ окружавшихъ (Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ и Плещеевъ) запаслись даже лошадьми, чтобы, въ случаѣ несчастія, спастись бѣгствомъ изъ столицы; но, опасенія ихъ оказались, къ счастію, неосновательными. Молодая натура превозмогла силу болѣзни и, около Рождества, государь сталъ видимо поправляться, а послѣ праздниковъ сталъ даже выѣзжать. Въ концѣ января 1693 года не совсѣмъ оправившійся еще, Петръ I принялъ званіе шафера на свадьбѣ золотыхъ дѣлъ мастера въ нѣмецкой слободѣ, но, распоряжаясь угощеніемъ гостей, самъ почти ничего не пилъ. Совсѣмъ выздоровѣлъ государь только къ масляницѣ и 21-го числа зажегъ пышный фейерверкъ, изготовленный имъ же самимъ, на Преснѣ. Послѣ трехъ залповъ изъ орудій, загорѣлся бѣлымъ огнемъ — павильонъ съ вензелевыми буквами имени князя-кесаря. Когда же исчезла въ дыму эта картина, показалась огненная группа *Геркулеса, раздирающаго пасть льву*. Самъ лично государь пускалъ при этомъ ракеты.

Огненную потѣху смѣнилъ роскошный ужинъ, продолжавшійся до трехъ часовъ ночи. Царица Наталья Кириловна свое удовольствіе вѣнценосному сыну, такъ ее потѣшившему своимъ фейерверкомъ, выразила подаркомъ полнаго мундира сержанта Преображенскаго полка.

Отпировавъ особенно весело масляницу, 27-го февраля Петръ уѣхалъ въ Переяславль и большую половину великаго поста провелъ тамъ въ стройкѣ судовъ, воротясь въ Москву только 7-го апрѣля. Съ 4-го же мая по 25-е число опять былъ государь тамъ; но, это уже—*въ послѣдній разъ*. Отпраздновавъ день своихъ имянинъ, Петръ I, 4-го іюля, поѣхалъ въ Архангельскъ, съ

тѣхъ поръ не заглядывая больше на Плещеево озеро до 1722 года. Въ Переяславлѣ же и донынѣ народъ празднуетъ, въ шестое воскресенье по Пасхѣ-день спуска перваго Петрова корабля,—крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора на берегъ Трубежа, гдѣ тогда стояла царскими руками сооружонная флотилія.

Въ собственноручномъ предисловіи къ Морскому Регламенту, Петръ I такъ объясняетъ самъ поводъ къ первому своему путешествію на сѣверъ, рѣшившему его призваніе моряка, а не просто кораблестроителя. «Нѣсколько лѣтъ исполнялъ я свою охоту на озерѣ Переяславскомъ; наконецъ оно стало для меня тѣсно; ѣздилъ я на Кубенское озеро: оно было слишкомъ мелко. Тогда я рѣшился видѣть прямо море. и сталъ просить позволенія у матери съѣздить къ Архангельску; многократно возбраняла она мнѣ столь опасный путь, но, видя великое желаніе мое и неотмѣнную охоту, нехотя согласилась».

Находившійся въ Москвѣ по дѣламъ епархіи и особенно уважаемый молодымъ государемъ, Афанасій, архіепископъ Холмогорскій, поспѣшилъ къ Архангельску для встрѣчи дорогого гостя. Іюля 4-го, со свитою до 100 *) человѣкъ, вслѣдъ за нимъ оставилъ Москву и Петръ; называясь все еще «сержантомъ Преображенскаго полка».

Въ далекое путешествіе изъ Москвы Государь поѣхалъ въ каретѣ *на рессорахъ*, обитой внутри разноцвѣтнымъ трипомъ; въ Вологдѣ же пересѣлъ на карбасъ (12-го іюля) и поплылъ до Устюга Сухоною, а оттуда Сѣверною Двиною. На двадцать четвертый день своего путешествія и послѣ шестнадцати-дневнаго плаванія, прибылъ государь въ Холмогоры (28 іюля), гдѣ архіепископъ Афанасій и двинской воевода, окольничій Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ, устроили торжественную встрѣчу монарху. Какъ только царскій карбасъ, ѣхавшій впереди прочихъ шести (со свитой), показался изъ-за Куръ-Острова, въ храмахъ городскихъ раздался колокольный звонъ; выстроенные отъ пристани къ соборной оградѣ два стрѣлецкіе полка открыли бѣглый огонь изъ ружей и грянули съ обрубовъ старыя пушки. Государь, отвѣтивъ выстрѣлами же съ своего карбаса,—причалилъ; и отъ пристани поѣхалъ въ каретѣ къ соборному храму Успенія, передъ которымъ ожидалъ его въ ризахъ святитель въ сонмѣ мѣстнаго духовенства, тоже въ облаченіи, съ крестомъ и святою водою. Приложившись ко кресту и въ соборѣ отслушавъ молебенъ, Петръ обѣдалъ у Афанасія, осмотрѣлъ его домъ и мельницу, погулялъ въ саду, ходилъ по городскимъ улицамъ и вечеромъ, на шнякѣ катался по Двинѣ; на другой уже день отправившись въ дальнѣйшій путь. Архангельскъ, въ свои, полуторавѣковыя тогда, твердыни, принялъ Петра только 30-го іюля, тоже: съ колокольнымъ звономъ, ружейными и пушечными залпами, и дружными восклицаніями радостнаго народа, въ первый еще разъ видѣвшаго

---

*) Государь взялъ съ собою: князя Бориса Алексѣевича Голицына, Алексѣя Семеновича Шеина, Кирила Алексѣевича Нарышкина, Гавріила Ивановича Головкина, Н. М. Зотова, князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, И. И. Бутурлина, Ѳ. М. Апраксина, обоихъ Лопухиныхъ, Лефорта, Виніуса, доктора Захарія Фанъ деръ Гульста, крестоваго священника, съ 8-ю пѣвчими, двухъ карловъ, 40 стрѣльцовъ подъ начальствомъ полковника Сергѣева и 10 потѣшныхъ съ трубачомъ.

у себя государя. Карбасъ Петра, обогнувъ старый острогъ и посадъ, ниже его, остановился у Мосѣева острова, гдѣ для пріѣзда монарха были нарочно построены «государскія свѣтлицы», а у пристани стояла двѣнадцати пушечная яхта «св. Петръ», приготовленная для морского плаванія.

На это судно перебрался Петръ съ ближними людьми на другой же день, нетерпѣливо ожидая попутнаго вѣтра. Сперва думалъ было государь ѣхать въ Соловецкій монастырь, но 2-го августа отмѣнилъ это, восхитившись мыслью видѣть плаваніе настоящихъ кораблей иностранныхъ, на волнахъ океана. Дѣйствительно, нѣсколько англійскихъ и голландскихъ купеческихъ кораблей, уже принявъ грузъ товаровъ, готовы были возвращаться домой, подъ конвоемъ голландскаго военнаго корабля, начальствуемаго капитаномъ Іолле Іоллесъ. Молодой государь изъявилъ желаніе итти вмѣстѣ съ ними.

Августа 4-го, суда, готовыя къ отплытію, рано утромъ снялись съ якоря, при слабомъ настолько вѣтрѣ, что̀ съ трудомъ могли добраться они, въ этотъ день, до Березовскаго устья и тамъ простояли весь слѣдующій день. Только уже въ праздникъ Преображенія подулъ свѣжій *шалоникъ* (южный вѣтеръ) и корабли двинулись въ море, при пушечной пальбѣ въ честь царственнаго гостя, съ ними плывущаго.

Слѣдя съ живымъ интересомъ за движеніями красивыхъ судовъ, конструкціи имъ до того не виданной, и любуясь ловкостью искусныхъ въ своемъ дѣлѣ матросовъ, Петръ не замѣтилъ, какъ удалился отъ Архангельска на триста верстъ, и только, на Терской сторонѣ, за рѣкою Поноемъ, не далеко отъ выхода въ океанъ, простясь со своими любезными спутниками, повернулъ назадъ, къ Архангельску, пробывъ всего на морѣ шесть дней.

Но, воротясь на берегъ, юный мореходъ почувствовалъ опять сильную охоту совершить еще такую же поѣздку и для того вздумалъ дождаться отхода слѣдующаго торговаго каравана въ море; или хотя прихода новыхъ кораблей, ожидаемыхъ изъ Амстердама. Въ такихъ мысляхъ написалъ онъ къ матери,—въ отвѣтъ на ея письмо, призывающее въ столицу: «изволила ты писать.... что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ не писалъ; а о томъ и нынѣ подлинно отписать не могу, для того, что дожидаюсь кораблей; а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому что больше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама; а какъ они будутъ, и я, искупя, что надобетъ, поѣду тотчасъ день и ночь». Гамбургскіе корабли пришли въ половинѣ сентября, и, удовлетворивъ свою любознательность только обзоромъ ихъ конструкціи, 19-го сентября Петръ оставилъ берега Бѣлаго моря.

Болѣе полуторыхъ мѣсяцевъ провелъ Петръ здѣсь, конечно, не для того только, чтобы любоваться на иностранные корабли. При видѣ ихъ у него разрывалось сердце, что̀ вывозятъ наши товары,—конечно, и по дешовой цѣнѣ,—*все одни чужеземцы;* сами же люди русскіе не имѣютъ возможности показаться въ чужихъ земляхъ, съ своими избытками. Чтобы помочь горю дѣломъ, геніальный монархъ, зная, что русскіе строить мореходныя суда умѣютъ,—на Вавчугѣ (впадающей въ Двину противъ Куръ-острова) братья Бужениновы строили уже корабли для голландцевъ и англичанъ,—приказалъ воеводѣ приготовить къ отпуску въ море два купеческія судна. Одно госу-

дарь даже успѣлъ отправить за море еще при себѣ, подъ русскимъ флагомъ, съ поташомъ, смолою, рыбнымъ клеемъ и икрою; а другое—назначилъ отправить будущимъ лѣтомъ. Неудовольствовавшись и одною яхтою «св. Петръ», самъ заложилъ, своими руками, на верфи, вновь для того устроенной на островѣ Соломбалѣ (ниже Архангельска), одинъ корабль. Другой фрегатъ о 44-хъ пушкахъ поручилъ купить въ Голландіи, и, по этому случаю, написалъ о томъ къ Амстердамскому бургомистру Николаю Витзену, посвятившему въ 1687 году русскимъ государямъ первую географическую карту сѣверной Азіи, имъ изданную. Для лучшаго же исполненія своихъ кораблестроительныхъ повелѣній, 22-го августа Петръ назначилъ Двинскимъ воеводою Ѳедора Матвѣевича Апраксина, вмѣсто Матвѣева; проявившаго послѣ рѣдкія способности дипломата на постахъ посланника въ Голландіи и Англіи.

Служа подданнымъ своимъ образцомъ кипучей разумной дѣятельности, царь Петръ былъ образцовымъ почтительнымъ наблюдателемъ и уставовъ религіи. Любя посѣщать регулярно богослуженіе, въ бытность въ Архангельскѣ, Петръ, въ праздничные и воскресные дни, ѣздилъ къ обѣднѣ въ церковь Ильи Пророка въ Кегостровѣ и, тамъ, становясь на клиросъ, пѣлъ басомъ съ пѣвчими; читалъ не рѣдко апостолъ, — послѣ службы заходя къ священнику на перепутье. Посѣщалъ не разъ и умнаго архіепископа Аѳанасія, любя съ нимъ проводить время, за трапезою бесѣдуя «многоразумно о царственныхъ дѣяніяхъ, о боярахъ и простыхъ людѣхъ, въ работѣ пребывающихъ, о домовномъ строеніи, объ учрежденіи заводовъ, плаваніи по морямъ и рѣкамъ кораблями и другими суды, со многимъ искусствомъ», какъ говорятъ Двинскія записки. То есть, открывалъ ему юный государь сердце свое и свои задушевныя стремленія и еще чуть зарождавшіеся въ его юной, свѣтлой, головѣ начатки плановъ, въ годы полнаго развитія отличавшихся у него, какъ извѣстно, глубиною и дальновидностью.

Сентября 18-го отъѣздъ Государя былъ уже рѣшонъ. Послѣ обѣдни въ Ильинской Кегостровской церкви, Петръ самъ перевезъ архіепископа въ небольшой шлюпкѣ своей черезъ Двину и, простясь съ нимъ, вечеромъ, изъ дворца своего спустилъ блестящій фейерверкъ, передъ отходомъ ко сну.

На возвратномъ пути, отправивъ изъ Холмогоръ въ *экипажахъ* свиту, самъ, съ немногими приближонными, въ маломъ карбасѣ прибылъ Государь на Вавчугу и осмотрѣлъ верфь Буженинновыхъ, которымъ хотѣлъ дать порученіе: построить первый большой корабль. Съ Вавчуги уже Петръ прибылъ черезъ Копытово, на девятый день, сухимъ путемъ въ Москву (1-го Октября).

Раннее ненастье въ этотъ годъ воспрепятствовало сдѣлать осенніе маневры въ окрестностяхъ Семеновскаго и Преображенскаго селъ, но неудачу здѣсь дѣятельный Петръ наверсталъ большею обширностью приготовленій къ морскому походу слѣдующаго года. Въ токарнѣ своей, въ Преображенскомъ, Государь надѣлалъ блоковъ для корабля, заложеннаго на Соломбальской верфи; для вооруженія же его отлилъ пушки. Для укомплектованія экипажа выбралъ теперь Петръ лучшихъ солдатъ изъ полковъ Семеновскаго и Преображенскаго; сочинилъ сигналы и составилъ планъ маневровъ. Вице - адмираломъ будущаго флота назначенъ И. П. Бутурлинъ, а контръ адмираломъ—генералъ Гордонъ. Самъ же Царь принялъ званіе *простого шкипера* и требовалъ, чтобы такъ, а не

иначе, называли его въ оффиціальныхъ бумагахъ. Когда же Апраксинъ прислалъ донесеніе изъ Архангельска съ царскимъ титуломъ, Государь въ отвѣтѣ ему сдѣлалъ за это выговоръ: «сомнѣваюсь, ко мнѣ ли ты писалъ съ такими зѣльными чинами, чего не люблю. А тебѣ можно знать, какъ ко мнѣ писать,—ты нашей компаніи!»

Вечера, послѣ трудовъ, проводилъ Петръ, въ ожиданіи весны, въ пирахъ и посѣщеніяхъ своего интимнаго кружка, не ожидая семейнаго несчастія, не ожиданно разразившагося надъ царскимъ домомъ. Января 20-го 1694 года, царица Наталья Кириловна, часто вообще недомогавшая, слегла въ постель; но болѣзнь ея считали настолько не важною, что Петръ хотѣлъ 25-го числа ѣхать и не думалъ отлагать своей поѣздки. Однако въ день, назначенный для отправленія, пріѣхавъ проститься съ матушкою, Государь нашолъ ее очень слабою. Мрачный и глубоко разстроенный, Петръ объявилъ Гордону, ожидавшему въ Преображенскомъ, что̀ врачи не видятъ надежды на сохраненіе жизни Государыни родительницы, въ 8 часовъ вечера уже скончавшейся, на 42-мъ году отъ роду.

На слѣдующій же день, по этикету стараго Московскаго двора, царицу похоронили. Трое сутокъ горько плакалъ по ней Петръ, на четвертые сутки нѣсколько успокоился и на вечеръ пришолъ къ Лефорту; съ слѣдующаго же дня принявшись за дѣла. Однимъ изъ первыхъ было письмо къ Апраксину: «Ѳедоръ Матвѣичь! Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю; о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Обаче воспоминая апостола Павла *яко же не скорбѣти о таковыхъ* и Ездры *еже не возвратити день, иже мимо иде*, сія вся, елико возможно, аще выше ума и живота моего (о чемъ и самъ подлинно вѣдаешь), еще, по елику возможно, разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по волѣ своей творящу.»

Затѣмъ слѣдуетъ приказъ о заказѣ шапокъ и башмаковъ, и извѣщеніе о посылкѣ мастеровъ для дѣланья малаго корабля. Между тѣмъ, смерть матери производила существенный переворотъ въ семейной жизни Петра. Подругу жизни своей и мать уже двоихъ дѣтей молодой Царь терпѣлъ, не проявляя къ ней видимаго неудовольствія, но былъ къ ней холоденъ; если съ нею видался, то легко тоже и обходился безъ ея присутствія. Сердечнаго влеченія къ Царицѣ-Супругѣ не чувствовалъ Государь, какъ можно судить по пламеннымъ письмамъ ея къ нему и неимѣнію отвѣтовъ на нихъ. Мать, своимъ дружескимъ, примиряющимъ вліяніемъ на сына, поддерживала доброе согласіе между супругами и—только. Не стало ея и вспышки женина непрошенной страсти, не раздѣляемой имъ, стали надоѣдать Петру, съ его громадными замыслами и кипучею энергіею, нуждавшемуся въ подругѣ другого характера, другихъ побужденій и меньшей привязанности къ старинѣ. Юный Государь, судя по первому письму къ Апраксину, хотѣлъ уѣхать еще вслѣдъ за похоронами матери—одному размыкать тоску потери, въ дальнемъ вояжѣ; но что-то его удержало до весны.

Послѣ прощальнаго обѣда у Лефорта, отпустивъ впередъ спутниковъ своего странствованія, самъ Государь выѣхалъ изъ Москвы только 1-го мая. За то прежде всѣхъ прибылъ въ Вологду (4-го числа), гдѣ, въ ожиданіи пріѣзда свиты, занялся осмотромъ заготовленныхъ княземъ П. Г. Лыковымъ карба-

совъ, поправкою снастей и вооруженія Московскихъ судовъ. Мая 8-го отвалили всѣ 22 карбаса отъ Вологодской пристани, послявъ оставляемому городу прощальный салютъ изъ орудій. На первомъ суднѣ, открывавшемъ шествіе, находился князь Ѳ. И. Троекуровъ, на одиннадцатомъ *господинъ шкиперъ*, на двѣнадцатомъ адмиралъ Ромодановскій; за тѣмъ 9 карбасовъ шло съ посудой, кухней, аптекою, запасами и служителями; а на самомъ заднемъ (22-мъ)—контръ-Адмиралъ Гордонъ. Флотилія плыла внизъ, по полой водѣ, чаще всего подъ парусами, пользуясь свѣтлою погодою. Въ Устюгѣ былъ ночлегъ и на другой день обѣдъ у воеводы П. А. Толстаго. 13-го мая карбасы вошли въ Двину; 17-го вечеромъ миновали Холмогоры и въ полдень 18-го числа бросило царево судно якорь близъ англійскаго моста, въ Архангельскѣ.

Занявъ прошлогоднее помѣщеніе на Мосѣевомъ островѣ, Петръ въ тотъ же день успѣлъ осмотрѣть строющійся корабль, уже поспѣвшій, къ полному удовольствію Государя-морехода. Не откладывая, Петръ I спустилъ его на воду 20-го мая, самъ подрубивъ подпоры, и на новомъ чадѣ зыбей угостивъ мастеровъ (Никласа и Яна) со всею своею компаніею.

За спускомъ корабля и въ ожиданіи прихода, купленнаго въ Голландіи, фрегата, Петръ предпринялъ поѣздку въ Соловецкій монастырь, на яхтѣ Св. Петръ, въ сопровожденіи архіепископа Аѳанасія, ближнихъ бояръ, духовника и нѣсколькихъ служивыхъ. Мая 30-го, въ три часа по полуночи, яхта снялась съ якоря, простояла слѣдующій день въ устьѣ Двины, но, выйдя въ море (1-го Іюня) при крѣпкомъ вѣтрѣ, пройдя Унскую губу (120 верстъ отъ Архангельска) попала въ страшный ураганъ, какого не помнили самые бывалые мореходы. Надежда на спасеніе казалась напрасною: всѣ приготовились къ смерти. Самъ Петръ принялъ причастіе изъ рукъ архіепископа, но, сохраняя спокойствіе, продолжалъ управлять рулемъ, ободряя потерявшихся мореходовъ. Одинъ изъ нихъ, стрѣлецъ Соловецкаго монастыря, лодейный кормщикъ Антипъ Тимофѣевъ, взятый въ лоцманы, подошолъ смѣло къ Государю и сказалъ ему, что однимъ только средствомъ, если удастся оно, спастись можно: войти въ Унскую губу «только бы улучить путь въ Унскіе рога»! Царь передалъ ему руль и велѣлъ править въ губу. Опытный глазъ и привычная рука не измѣнили Антипу. Яхта проведена между рядами камней узкими извилинами, и, въ полдень 2-го Іюня, близъ Пертоминскаго монастыря, стала безвредно на якорь. Выйдя на берегъ, Петръ прошолъ въ храмъ Преображенія: благодарить Бога за спасеніе, а въ ознаменованіе своего сюда прихода назначилъ 2,000 гривенъ на постройку ограды бѣдной обители; роздалъ 600 гривенъ на руки убогой братіи, и столько же на сооруженіе ладьи-монастырской, разбитой бурею въ предшествующую навигацію; отведя, сверхъ того, земли, рыбныя и звѣриныя ловли монастырю. Своему спасителю Антипу-лоцману Государь далъ 30 рублей, три раза поцѣловалъ его въ голову и подарилъ на память весь измокшій костюмъ свой, назначивъ ежегодную пенсію. Такъ умѣлъ привлекать Петръ I, своею простотою обращенія, народъ свой, поощряя всякое доброе дѣйствіе достойною наградою.

Буря еще продолжала свирѣпствовать трое сутокъ. Оставаясь въ Пертоминской обители, Петръ своими руками сдѣлалъ на память спасенія отъ бѣды, деревянный крестъ въ 1 ½ сажени вышиною, съ голландскою надписью.

Самъ принесъ его на своихъ плечахъ на берегъ и водрузилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нога его коснулась земли.

За тѣмъ, когда утихла буря, вышли 6-го іюня опять въ море и, на слѣдующій только день, бросили якорь благополучно у монастырской пристани въ Соловкахъ. Здѣсь, въ постѣ и въ молитвѣ, провелъ государь трое сутокъ: поклонился мощамъ угодниковъ, пожаловалъ на украшеніе раки ихъ и на новый иконостасъ въ Преображенскій соборъ 1000 руб.; указавъ еще приписать къ монастырю Новосоловецкую и Чухломскую-Аверкіеву пустыни.

Іюня 10-го, царь отправился въ обратный путь, и прибылъ въ Архангельскъ на четвертые сутки. «Благополучное возвращеніе государя изъ столь опаснаго путешествія было празднуемо нѣсколько дней сряду веселыми пирами»—говоритъ Устряловъ. Первый обѣдъ данъ былъ, 14-го іюня, капитаномъ англійскаго корабля; «при чемъ не щадили ни вина, ни пороха», — говоритъ Гордонъ. Черезъ день, справлялъ именины Т. Н. Стрешневъ, а на слѣдующій день (17-го іюня) задалъ пиръ *воевода* Ѳ. М. Апраксинъ.

Празднуя, Петръ не забывалъ и дѣла: 28-го іюня, вывелъ на рейдъ новый корабль и въ именины свои принималъ на немъ поздравленія; пригласивъ всѣхъ, къ нему являвшихся, на обѣдъ въ царскія свои палаты. Вечеромъ же, самъ принялъ угощеніе англійскаго капитана Джона Греймса. Оснащонный и вооруженный корабль названъ «св. Павелъ» и отданъ (11 іюля) въ команду П. И. Бутурлину. Черезъ восемь дней послѣ этого прибылъ и голландскій 54-хъ пушечный фрегатъ «Св. Пророчество», подъ начальствомъ капитана Флама, съ экипажемъ изъ 40 матросовъ. Петръ самъ ввелъ его въ Двину—Березовскимъ устьемъ и, поставивъ (21-го числа) у острова Соломбала — собралъ на корабль всю компанію. Среди веселаго пира, дѣлясь своею радостью съ московскими приближенными, царь послалъ Виніусу письмо, прося поклониться «*всѣмъ нашимъ*». Сдѣлавъ за тѣмъ, въ недѣлю, своимъ «призоромъ и тщаніемъ» необходимыя починки, Петръ, 27-го іюля, сталъ грузить на «Пророчество» провіантъ, а 3-го августа отправился, — вмѣстѣ съ 4-мя нѣмецкими кораблями, возвращавшимися съ грузомъ,—въ море; пустивъ впереди «св. Павла», а въ аріергардѣ яхту «св. Петръ». За недостаткомъ вѣтра, снялись съ якоря въ устьѣ только 14 августа, но на слѣдующій день, во время тумана, Гордонъ чуть не посадилъ свою яхту на мель. 17-го же числа, достигнувъ Святаго Носа, по соглашенію, за противнымъ вѣтромъ, положено воротиться назадъ и, то пользуясь свѣжимъ вѣтромъ, то останавливаясь за безвѣтріемъ, фрегатъ адмирала вошолъ въ Березовское устье 21-го августа, также какъ и—Гордонъ; но Бутурлинъ пришолъ только на слѣдующій день.

Съѣхавъ на берегъ, Петръ провелъ въ Архангельскѣ небольше трехъ дней, поспѣшивъ въ Москву: дѣлать *кожуховскіе маневры*. На нихъ, изъ двухъ прежнихъ генералиссимусовъ, Бутурлинъ названъ «польскимъ королемъ». Мѣстомъ военныхъ дѣйствій выбрана равнина въ двухъ верстахъ отъ Симонова монастыря, за деревнею Кожухово, по имени которой примѣрные бои названы въ современной рукописи «Кожуховскимъ походомъ». До пріѣзда царя построенъ былъ здѣсь, у Москвы-рѣки, въ полуверстѣ отъ берега, «безъименный городокъ», въ формѣ пяти-угольника, со рвомъ и валомъ. *Польскій*

король провелъ свои стрѣлецкіе полки черезъ Москву 23-го сентября, а Ромодановскій — 26-го числа. Передъ преображенскимъ полкомъ, съ Троекуровымъ и Гуммертомъ, маршировалъ *бомбардиръ Петръ Алексѣевъ*. Сентября 28-го Ромодановскій переправлялъ черезъ Москву рѣку подъ сильнымъ дождемъ свои полки, на правомъ берегу построившіе укрѣпленный лагерь. Битвы начались со 2-го октября. Седьмаго числа, во время схватки, *бомбардиръ Петръ Алексѣевъ* взялъ въ плѣнъ полковника Стремяннаго полка Сергѣева, за что получилъ благодарность генералиссимуса. Было два приступа къ кожуховскому городку, изъ которыхъ второй, веденный послѣ правильныхъ минныхъ работъ, чуть было не кончился неудачею, по причинѣ дурной диспозиціи.

Послѣ потери крѣпости «польскимъ королемъ», былъ веденъ, по правиламъ же, штурмъ его лагеря, въ который первыми ворвались преображенцы (17-го октября). На слѣдующій день, пиръ у генералиссимуса *на счотъ купечества* заключилъ маневры. Кожуховскій походъ, не смотря на его неурядицу, показалъ, однако, Петру, что у него есть войско, способное съ честью выдержать бой съ турками. Эта ли увѣренность, или дѣйствія татаръ, заставившія русское правительство вести оборонительную войну цѣлыхъ пять лѣтъ, рѣшили вопросъ о необходимости проучить хищниковъ,—теперь сказать трудно. По смыслу письма царя къ Апраксину (отъ 16-го апрѣля 1693 года), мы должны принять обѣ высказанныя причины одинаково вліявшими на Азовскій походъ. Петръ говоритъ: «хотя въ ту пору, какъ осенью, въ продолженіи пяти недѣль трудились мы подъ Кожуховымъ въ марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла». Южныя границы наши не имѣли покоя отъ набѣговъ крымскихъ и кубанскихъ татаръ, да ногаевъ. Устья Дона и Днѣпра были въ рукахъ турокъ, лишая насъ выхода въ Черное и Азовское моря. Турки послѣ 1643 года сдѣлали изъ Азова первоклассную крѣпость, въ видѣ четыреугольника съ бастіонами и, внутри, съ отдѣльнымъ замкомъ. Выше главной крѣпости, на обоихъ берегахъ Дона, построены были два каменные блокгауза въ видѣ каланчей. На сѣверномъ же притокѣ Дона—Мертвомъ Донцѣ—построенъ каменный замокъ Лютикъ. Въ началѣ 1695 года объявленъ въ Москвѣ походъ на Крымъ, съ тѣмъ, чтобы это извѣстіе, дойдя по назначенію, отвлекло вниманіе турокъ отъ Азова, которымъ думалъ Петръ овладѣть въ расплохъ. Января 20-го съ постельнаго крыльца объявленъ приказъ сбираться войскамъ къ Бѣлгороду «для промысла надъ крымскимъ ханомъ». По первому подножному корму, бѣлгородская армія, въ числѣ 20,000, направилась по степи къ низовьямъ Днѣпра. Между тѣмъ, полки новаго устройства, съ московскими стрѣльцами, въ числѣ 31,000 человѣкъ, назначено вести на Азовъ,—только не потѣшнымъ генералиссимусамъ, а—тремъ генераламъ, каждому свою дивизію: Автомону Михайловичу Головину, Францу Яковлевичу Лефорту и Петру Ивановичу Гордону. Изъ нихъ послѣдній былъ, какъ выше мы уже замѣтили, дѣйствительно *боевой* генералъ. Диспозиціи, впрочемъ, дѣлались *въ консиліи*, съ общаго приговора и соизволенія «бомбардира преображенскаго полка, Петра Алексѣева».

Февраля 6-го, на пушечномъ дворѣ, въ военномъ совѣтѣ утвержденъ планъ похода. Дивизіямъ Головина и Лефорта велѣно идти Окою и Волгою

до Царицына, отъ него до Паньшина городка сухопутнымъ, а отъ Паньшина Дономъ, на судахъ. Дивизія Гордона (авангардъ), собранная въ Воронежѣ, должна была спуститься по Дону въ Черкаскъ и, соединясь съ казаками, обложить Азовъ, пресѣкши ему всѣ пути къ доставкѣ продовольствія. Потомъ сборный пунктъ Гордону вмѣсто Воронежа измѣненъ на Тамбовъ, куда въ апрѣлѣ собралось 12 полковъ, съ которыми храбрый генералъ тащился до Черкаска чуть не два мѣсяца.

Тѣмъ временемъ, турки снабдили Азовъ черезъ море конницею и провіантомъ; усилили гарнизонъ и исправили укрѣпленія. Начальникомъ въ Азовѣ назначенъ Мустафа-Бей. Іюня 26-го Гордонъ, наконецъ, пришолъ и разбилъ лагерь при впаденіи въ Донъ рѣки Койсуги, въ 15-ти верстахъ отъ Азова. Сюда явился государь въ день именинъ своихъ и, выйдя на берегъ, отслушалъ въ походной церкви обѣдню, вечеромъ же отправился въ лагерь. Генералы послѣ ужина составили военный совѣтъ, на которомъ положено подступить къ Азову, не теряя времени. Послали казаковъ къ укрѣпленіямъ: развѣдать, что дѣлается у непріятеля?—Партіи казачьи прогнаны сильною турецкою конницею. На другой день, за обѣдомъ у Лефорта, Гордонъ спросилъ: какъ стать войскамъ? Петръ развернулъ планъ и пальцемъ указалъ на немъ мѣста дивизій: Головину на правомъ флангѣ, Лефорту на лѣвомъ, Гордону—въ центрѣ. Іюля 5-го, по захожденіи солнца, государь отправился въ траншеи, заложенныя въ центрѣ, взявъ съ собою Головина, Гордона и инженеровъ, чтобы съ ними назначить мѣста контръ-валаціонныхъ линій. Тутъ возникли споры между инженерами и вопросъ отложенъ до утра. Въ центрѣ сосредоточенъ былъ сильнѣйшій огонь. Здѣсь на баттареѣ объ 8-ми орудіяхъ, распоряжался самъ Великій, въ званіи *бомбардира*: самъ наводилъ орудія и, даже, въ первыя двѣ недѣли, металъ бомбы въ Азовъ. Іюля 11-го на военномъ совѣтѣ рѣшено взять штурмомъ *первую каланчу*, ночью. Самъ государь вызвалъ охотниковъ изъ донскихъ казаковъ; обѣщая дать каждому изъ вызывающихся по 10 рублей. Явилось 200 человѣкъ. Іюля 14-го за часъ до разсвѣта казаки штурмовали каланчу и взяли ее, не смотря на упорное сопротивленіе турокъ. Въ войскѣ успѣхъ этотъ произвелъ общую радость, омраченную нѣсколько бѣгствомъ въ Азовъ Янсена — голландскаго матроса, любимаго Петромъ и знавшаго всѣ царскія намѣренія, также какъ планы и расположеніе становъ осадныхъ корпусовъ. Предатель подвелъ въ полдень турокъ къ самому лагерю, и, пользуясь неосторожностью карауловъ во время сна большинства ратниковъ, враги произвели общее смятеніе, стоившее намъ большихъ потерь. Къ счастію, казаки снова подняли духъ войска, упавшій при неудачномъ боѣ съ турками, взявъ и вторую каланчу 16-го іюля. А съ 27-го числа началось бомбардированіе Азова, въ которомъ самъ Петръ принималъ непосредственное и живое участіе. Объ этомъ намекаетъ государь въ письмѣ къ Кревету, говоря о работахъ въ траншеяхъ, гдѣ *наклонясь ходятъ*, «потому что подошли къ пчельнику близко и пчелъ раздразнили, которыя за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ по маленьку сыплется». Турки изъ-за своихъ стѣнъ зорко слѣдили за русскими и горе было неосторожному, высунувшемуся изъ-за бруствера. Такъ, убитъ инженеръ Мурло, только что пріѣхавшій въ русскій лагерь. «Таковы были *дороги*, по кото-

рымъ ходилъ Петръ, уклоняя вѣнценосную главу свою отъ непріятельскихъ выстрѣловъ», замѣчаетъ при этомъ Устряловъ. Не даромъ даже царь Иванъ умолялъ брата въ письмахъ «въ сраженіи съ непріятельскими людьми ходить опасно».

Муртаза-паша, тревожа безпрестанными вылазками наши отряды и не думая сдаваться на самыя выгодныя условія, вынудилъ попытку штурма Азова, противъ чего сильно возражалъ, хотя напрасно, опытный Гордонъ. Вѣсти перебѣжчика-грека, сообщившаго объ уменьшеніи на третью часть силы гарнизона и недостаткѣ продовольствія въ крѣпости, вмѣсто отложенія ненадежнаго штурма, только утвердили государя въ намѣреніи его *дѣйствовать неотложно.*

Августа 5-го, на разсвѣтѣ, битьемъ зори данъ сигналъ къ началію приступа. Бутырскій и Тамбовскій полки подступили къ боковому бастіону и безъ лѣстницъ взойдя на валъ,—безъ поддержки второй осадной колоны, засѣвшей въ садахъ,—были отбиты турками; также какъ и казаки, подплывшіе рѣкою. Видя потерю въ четырехъ полкахъ до 1,500 человѣкъ, Гордонъ ударилъ отбой. Такъ съ одною потерею и воротились въ лагерь. На военномъ совѣтѣ, на слѣдующій день, неохотно согласились продолжать осаду, какъ хотѣлъ государь. Не ожидая успѣха отъ минныхъ работъ, Гордонъ 14-го августа посовѣтовалъ укрѣпить взятыя нами каланчи, чтобъ удержать ихъ за собою, съ удаленіемъ главныхъ силъ отъ Азова. Петръ, осмотрѣвъ каланчи 17-го августа, самъ сталъ наблюдать за успѣхомъ работъ. Турки, послѣ неудачнаго приступа, еще упорнѣе и отважнѣе безпокоили наше войско вылазками, днемъ и ночью, убивая въ траншеяхъ лучшихъ людей. Петру была тяжела потеря молодого друга его, князя Ѳедора Ивановича Троекурова, умершаго отъ ранъ 7-го сентября; тѣло его велѣлъ грустный монархъ отвезти въ Ярославль и самъ ѣздилъ хоронить его. Шереметевъ съ Бѣлгородскою арміею также отрекался произвести что-либо серьезное, ссылаясь на недостатокъ оружія и неприсылку жалованья. Но, въ то время, когда уже не надѣялись слышать вѣстей радостныхъ, прислано донесеніе о взятіи крѣпостей Кази-Керменя и Тагана, что вызвало на торжественномъ пирѣ передъ Азовомъ громъ орудій, встревожившій осажденныхъ. Неудача взрыва минъ Головина снова сильно огорчила государя, рѣшившаго уже вторичный штурмъ, совершившійся 25-го сентября. Три раза приступалъ къ пролому Гордонъ и три раза, видя великость потерь, долженъ былъ бить отбой, но, все-же, крѣпость за разъединеніемъ отрядовъ взять не удалось, хотя въ городѣ и были уже полки Преображенскій и Семеновскій, да 1,000 казаковъ, подъ начальствомъ П. М. Апраксина, зайдя съ Дона на судахъ. Черезъ день послѣ этой неудачи, рѣшено воротиться въ Москву, занявъ 3,000 гарнизономъ каланчи, названныя городомъ Новосергіевскомъ.

Въ день праздника Покрова послѣдовало отплытіе отъ Азова войскъ, арьергардъ которыхъ тревожили турки до р. Скопинки (3 октября). Государь самъ шолъ съ войскомъ до г. Валуекъ, откуда 1-го ноября отправился впередъ. Нѣсколько дней, въ ожиданіи подхода войскъ, провелъ, на этотъ разъ, Петръ близъ Тулы, на желѣзномъ заводѣ Льва Кириловича Нарышкина, не задолго ему подаренномъ, по смерти Марселиса. Здѣсь ковалъ Петръ Великій *своими*

руками желѣзныя полосы. Въ Москву же съ войскомъ вступилъ государь только 22-го ноября.

Огорченный неудачею, идя еще отъ Азова степью, отъ р. Айдара, 27-го октября, Петръ отправилъ грамоту къ императору въ Вѣну, прося присылки искусныхъ инженеровъ, за неимѣніемъ которыхъ невозможно было на этотъ годъ взять Азова. О присылкѣ «подкопныхъ мастеровъ» писалъ государь и къ курфирсту бранденбургскому. Кромѣ инженеровъ, нужны были Петру и суда, съ помощью которыхъ можно было бы запереть подвозъ къ Азову продовольствія съ моря. По прибытіи въ Москву, черезъ недѣлю, Петръ уже писалъ къ Апраксину въ Архангельскъ: «По возвращеніи *отъ невзятія* Азова, съ «консиліи господъ генераловъ, указано мнѣ къ будущей войнѣ дѣлать галеи; «для чего удобно мню быть шхиптиммерманамъ всѣмъ, отъ васъ, сюды: «понеже они сіе зимнее время туне будутъ провождать, а здѣсь тѣмъ вре«менемъ великую пользу къ войнѣ учинить. А кормъ и за труды заплата «будетъ довольная, и ко времени отшествія кораблей возвращены будутъ безъ «задержанія, въ чемъ ихъ обнадежь и на дорогу дай кормъ».

Подъ городомъ Воронежомъ, на Луговой (Ногайской) сторонѣ рѣки Вороны, въ 15-ти верстахъ отъ впаденія ея въ Донъ, Петръ предположилъ основать теперь галерную верфь. На стольника Григорья Титова возложено заготовленіе лѣса для работъ и къ февралю долженъ онъ былъ «для галеаскаго, галернаго, каторжнаго и брандернаго дѣла «распилить слишкомъ 2000 деревъ строеваго лѣса (дуба, липы и ясени) въ пластины, брусья и доски; собравъ съ обывателей, по наряду, смолу и конопать, а съ желѣзныхъ Романовскихъ заводовъ вытребовать скобы, крючья и гвозди; и все это сложить на Воронежѣ, къ пріѣзду Государя. Петру же хотѣлось построить 30-ть галеръ, поднимавшихъ бы 170—120 человѣкъ солдатъ, да 1300 струговъ подъ припасы и *штабы* «съ чердаками, свѣтлицами и мыльнями брусяными». Изъ Преображенцевъ и Семеновцевъ сформированы (со вновь набранными) 28 ротъ морскихъ солдатъ (до 4000 человѣкъ), главнымъ командиромъ которыхъ назначенъ Лефортъ съ титуломъ «адмирала морскаго каравана плавнаго пути»; въ этомъ караванѣ Петръ зачислилъ и себя—*капитаномъ третьей роты*.

Сухопутное войско для новаго похода назначено пополнять по приказу, сказанному на постельномъ крыльцѣ, 27-го ноября; декабря же 13-го кликнули кличъ *на болотѣ*, чтобы «всѣ охочіе люди шли въ преображенское и записывались въ службу». 75,000 человѣкъ собрано въ составъ стрѣлецкихъ и казачьихъ полковъ, да 42000—съ морскими солдатами,—въ войскахъ новаго строя. Генералиссимусомъ (главнокомандующимъ) назначенъ боярин Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, о здравомъ умѣ и предусмотрительности котораго современники отзывались съ похвалою. Среди этихъ хлопотливыхъ приготовленій, у Государя вдругъ заболѣла нога и онъ, по этому случаю, не показывался даже на церемоніи, въ день Богоявленія. Былъ тутъ только царь Иванъ; также какъ и на панихидѣ—въ день второй годовщины отъ смерти царицы Натальи Кириловны. И черезъ день (26 января) старшій изъ царей братьевъ опять былъ у обѣдни въ дворцовой церкви, а двадцать девятаго января (1696 года), почти вдругъ, онъ скончался. Скоропостижная смерть брата, такъ искренно любившаго Петра, сильно огорчила государя. Онъ еще не выходилъ и не могъ

быть на похоронахъ; не совсѣмъ еще хорошо ступая на ногу. Въ концѣ февраля даже, уѣхавъ для спѣшныхъ работъ на Воронежъ, Государь подвигался туда очень медленно, противъ своего обычая, такъ что цѣлую недѣлю ѣхалъ до мѣста своей, предстоящей, кипучей дѣятельности. Тамъ же, на Воронежѣ, принявшись за дѣло, царь Петръ скоро забылъ и боль, и печаль о потерѣ брата, весь проникнутый святостью своего долга: пещись о славѣ родины.

Архангельскіе корабельные мастера крѣпко опоздали; такъ что только царю, съ его московскими «мостильщиками», предстояло однимъ строить спѣшно гребныя суда для осады Азова. Проводя цѣлые дни и часть ночей на верфи, Петръ самъ построилъ самую большую галеру «Принципіумъ», вмѣщавшую до 200 человѣкъ.

А тутъ еще,—въ самую горячую пору такой спѣшки работъ, — 7 апрѣля поднялась вьюга съ бурею, вихремъ и снѣгомъ, при морозѣ, лишивъ возможности работать цѣлыхъ четыре дня. Но, не смотря и на это неожиданное препятствіе, начался спускъ судовъ въ свое время. Апрѣля втораго спустилъ царь съ церемоніями свою «Принципіумъ», да «св. Марка» и «св. Матвѣя».

Между тѣмъ, со второй половины марта стали подходить войска къ Воронежу. Первымъ прибылъ Гордонъ (23 марта); послѣднимъ же Лефортъ (16-го апрѣля). На другой день по прибытіи его сошла со штапеля адмиралтейская галера, на которой адмиралъ плавнаго каравана угостилъ мастера веселымъ пиромъ, поднявъ свой флагъ, 21-го апрѣля. Вступивъ на свою галеру, тоже исполнилъ генералиссимусъ, выступивъ совсѣмъ къ Азову. Черезъ пять дней, мая 3-го поднялся и авангардъ «морского каравана», ввѣреннаго *капитану Петру Алексѣеву*, сопровождаемому Ѳ. А. Головинымъ и К. А. Нарышкинымъ. За царемъ же вслѣдъ двинулся и Лефортъ, — впрочемъ, отставшій отъ Петра очень далеко; тогда какъ Государь нагналъ почти даже передовыхъ, прибывъ вслѣдъ за Гордономъ въ Черкаскъ, уже 15 мая. Плывя Дономъ, 8 мая, Петръ отдалъ первый приказъ о распорядкѣ во время движенія судовъ, и не многія правила, въ приказѣ этомъ заключающіяся, послужили зародышемъ морскаго регламента, спустя два десятилѣтія слишкомъ, рукою же Петра довершеннаго. Въ первомъ приказѣ только было воспрещено во время похода отставать другъ отъ друга, или *идти не своимъ путемъ*: «понеже», говоритъ Царь, «того де требуетъ общая польза и военныя суда, плотно другъ отъ друга идущія, могутъ объѣхать вселенную, небоясь никакого шторма; если же разлучатся, и ста сажень переплыть не могутъ».

Узнавъ, что турецкіе корабли, не прорвавшіеся въ Азовъ, остались на морѣ, при устьѣ Дона, Петръ послалъ деньщика своего Александра Кикина за Гордономъ и, по совѣщаніи съ нимъ, рѣшился лично аттаковать эти корабли—галерами, при помощи донцовъ. Мая 19-го вечеромъ, казаки на 40 лодкахъ пустились внизъ по р. Каланчѣ. За ними вслѣдъ, на 9 галерахъ, пошолъ царь, съ однимъ полкомъ изъ Гордонова отряда. Вѣтеръ дулъ крѣпкій сѣверякъ: вода на Дону спала, такъ что протоки обмелѣли. Въ море успѣли выбраться Каланчею только легкія казачьи лодки, вмѣщавшія человѣкъ по 20-ти не больше. Галерамъ же не удалось ни по Каланчѣ, ни по Кутерьмѣ (другой ея вѣтви) пробраться въ море. Въ этой крайности, Петръ пересѣлъ на казачью лодку и вышелъ на ней въ море, думая найти два непріятельскихъ корабля. Но, вмѣсто

двухъ, у турокъ оказалось тринадцать большихъ кораблей, кромѣ галеръ и тунбасовъ (транспортовъ). Съ такими слабыми средствами, какъ казачьи лодки, эту силу аттаковать было слишкомъ дерзко и рискованно, потому, съ огорченіемъ предстояло воротиться государю, оставивъ при устьѣ Каланчи только атамана Минаева съ его флотиліею лодокъ. Но, въ то время, когда, отчаявшійся отбитія турецкаго флота въ устьѣ, государь плылъ къ своему Новосергіевску, чуть не шутя поправили дѣло донцы: до вечера простоявъ смирно въ устьѣ Каланчи, когда стѣмнѣло, увидѣли они, что турки—на 13-ти тунбасахъ, подъ прикрытіемъ янычаръ на 11-ти ушколахъ, отпустили провіантъ къ Азову. Какъ только транспорты поровнялись съ ними, храбрецы стремительно ударили на караванъ непріятельскій и, перебивъ гребцовъ, овладѣли 10-тью тунбасами. Янычары въ ушколахъ своихъ, вмѣсто защиты транспортовъ, бросились сами къ кораблямъ и произвели на своей эскадрѣ такое смятеніе и страхъ, что весь флотъ поспѣшилъ сняться съ якорей и уйти въ море. Не успѣли только во время сняться два корабля: турки одинъ изъ нихъ сами затопили, а другимъ овладѣли казаки. Въ 3 часа по полудни, на слѣдующій день, узнавъ объ этой побѣдѣ, Петръ, придя къ Гордону, весело разсказалъ ему подробности дѣла, приказавъ открыть пальбу съ укрѣпленій и галеръ. Затѣмъ, часовъ въ пять, государь отправился снова на устье Каланчи: дѣлить турецкую добычу.

Передъ полуднемъ 22-го мая государь возвратился въ Новосергіевскъ, на встрѣчу Шеину и Лефорту, подходившимъ съ ввѣренными имъ силами. Въ это время, южнымъ вѣтромъ, уже нагнало воду въ Донскіе протоки, такъ что вся флотилія могла выйти въ море. А такъ какъ запоздавшій адмиралъ и соединившійся въ Черкаскѣ съ нимъ генералиссимусъ, оба явились въ Новосергіевскъ, 26 мая, то, уже нисколько не откладывая, царь повелѣлъ имъ вести 22 галеры къ устью; не дойдя до него въ этотъ день двухъ верстъ всего. Утромъ 27-го мая, при ясномъ небѣ Петрова флотилія вышла въ Азовское море, вечеромъ выдержавъ успѣшно непривычную борьбу съ сильною бурею, затопившею всѣ островки гирлъ и задавшею много страха Гордону, стоявшему лагеремъ на одномъ изъ нихъ и принужденному спасаться на лодкахъ.

Мая 30-го привелъ въ Новосергіевскъ еще семь галеръ вице-адмиралъ Лима, явившись на взморье 1 іюня. Съ этими средствами Петръ I увидѣлъ возможность *запереть* для турокъ *Донъ совсѣмъ*. Для того приказалъ онъ, на правомъ берегу, не далеко отъ устья, возвести еще земляное укрѣпленіе. Государь,ославъ Гордона, съ его отрядомъ, къ Азову, самъ и достроилъ эту крѣпостцу, возведя противъ нея, на другомъ берегу, такую же твердыню и посадивъ въ ней солдатъ, да стрѣльцовъ, съ достаточнымъ количествомъ пушекъ. «Теперь мы безопасны отъ турецкаго флота», отъ 11 іюня написалъ къ Ромодановскому Петръ I, подступивъ серьозно къ Азову.

Гарнизонъ этой крѣпости съ окончаніемъ прошлогодней осады, кажется, считалъ себя безопаснымъ отъ всякихъ новыхъ враждебныхъ посягательствъ московскаго царя и въ теченіи зимы мало заботился объ усиленіи средствъ къ защитѣ. Назначенный новымъ комендантомъ въ Азовъ, Гассанъ-Паша, въ свою очередь, не получилъ ожидавшихся подкрѣпленій въ числѣ 4-хъ тысячъ пѣхоты. Трое пашей, ведя ввѣренное имъ войско это, *очень* уже *не торопились*, такъ что явились на Дону, когда берега его заняты были русскими и имъ пробраться

въ крѣпость не было никакой возможности. Только крымскій Ханъ Нур-ад-динъ, съ нѣсколькими тысячами татаръ, соединясь съ кубанскимъ владѣльцемъ Кубекъ-агою, для отвлеченія силъ нашихъ стали за Кагальникомъ, собираясь дѣйствовать на лагерь. Занять мѣсто прошлогодней стоянки передъ Азовомъ турки нисколько не воспрепятствовали первопришедшимъ войскамъ. На мѣстѣ лагеря Лефорта расположились Бѣлгородскій отрядъ да казаки (14000 человѣкъ); Гордонъ занялъ стрѣлецкими и солдатскими полками (5 іюня) правый флангъ, а Шеинъ сталъ въ центрѣ.

Послѣ отбитія татаръ, напавшихъ на разсвѣтѣ 10 іюня изъ-за Кагальника, получено извѣстіе съ моря о приходѣ запоздавшаго турецкаго десанта подъ начальствомъ Турночи-паши, не осмѣлившагося и близко подойти къ устью Дона. Петръ отправился съ Гордономъ и другими генералами самъ: узнать силу прибывшихъ. Но, найдя у нихъ 6 большихъ кораблей, 3 катарги и 14 фуркатовъ, — сперва распорядился въ лагерѣ отпоромъ десанта, если бы приходъ его послѣдовалъ; а затѣмъ, прибывъ на флотилію, приготовилъ ее къ бою. Боевое положеніе, принятое нашими галерами, одно навело, между тѣмъ, такой страхъ на прибывшаго пашу, что онъ двѣ недѣли не дѣлалъ никакихъ попытокъ ко входу въ Донъ и только уже 25 іюня послалъ было десантъ къ устью, но, замѣтивъ, что «наши стали вынимать якоря, чтобы на нихъ ударить», поднялъ паруса и ушолъ въ море. Тѣмъ не менѣе, Петръ остался дожидать турокъ на морѣ, рѣдко являясь въ лагерѣ и посылая туда приказы съ своей галеры «Principium». За то, являясь въ траншеи во время рѣдкихъ пріѣздовъ своихъ къ войску, государь безстрашно обходилъ самые опасные пункты, разставлялъ самъ орудія, даже металъ бомбы съ батарей;—ночевать возвращаясь обыкновенно къ себѣ на галеру, чтобы всегда быть готовымъ встрѣтить непріятеля, при малѣйшемъ покушеніи его прорваться съ моря. Опасности прогулокъ по траншеямъ Петръ шутливо описывалъ, въ письмахъ, въ Москву, къ любимой сестрѣ своей Натальѣ Алексѣевнѣ, въ отвѣтъ на ея наказы беречься: «по письму твоему, я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ; прикажи имъ, чтобъ не ходили. Однакожъ хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. А къ Азову турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ; я чаю, что желаютъ насъ къ себѣ».

Въ Петровъ день,—на тринадцатый день по открытіи бомбардировки,—Шеинъ приказалъ перебросить въ Азовъ на стрѣлѣ письмо, въ которомъ предлагалъ: *добровольно сдаться*, обѣщая выпустить весь гарнизонъ, куда пожелаютъ. Вмѣсто отвѣта, турки открыли пальбу, а татары сдѣлали вылазку; за которую дорого, однако, поплатились. Дѣло осады, между тѣмъ, не подвигалось, за неприбытіемъ обѣщанныхъ австрійскихъ инженеровъ, явившихся только 11-го іюля, благодаря невѣжеству Украинцева, не сообщившаго посланнику въ Вѣну о началѣ военныхъ дѣйствій. Съ пріѣздомъ цесарцевъ, искусное направленіе полковникомъ Граге выстрѣловъ разрушило палисады турецкіе и солдаты въ ночь заняли, оставленный потому турками угловой бастіонъ. Затѣмъ донцы сами сдѣлали штурмъ 17-го іюля и, овладѣвъ валомъ, ворвались въ улицы, едва не овладѣвъ укрѣпленнымъ замкомъ, въ срединѣ Азова. Турки послѣ этого, увидѣвъ невозможность долѣе сопротивляться, не имѣя уже и достаточно зарядовъ, на слѣдующій же день, въ полдень (18-го числа) прислали предложеніе о сдачѣ, выгова-

ривая одно только «выпустить ихъ съ женами и дѣтьми». Туркъ заставили выдать измѣнника Янсена, да всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, со всѣми снарядами и орудіями; а мы обязались перевезти выпущенныхъ изъ Азова, съ имуществомъ ихъ, на нашихъ судахъ до устья Кагальника. На слѣдующій день назначено занять крѣпость и, въ то время, какъ восемь русскихъ полковъ вступали въ разрушенныя стѣны Азова, 30 струговъ и 2 галеры (подъ начальствомъ Вейде) повезли 3000 турокъ.

Передъ самою посадкою на суда, шедшій во главѣ удалявшихся турокъ, Гассанъ-бей вручилъ генералиссимусу городскіе ключи и преклонилъ передъ нимъ 16 знаменъ своихъ. По занятіи Азова, подошли съ моря царскія галеры и, ставъ въ два ряда, открыли залпами пальбу. Радостный Петръ оповѣстилъ объ овладѣніи Азовомъ своихъ ближнихъ людей собственноручными письмами. «Нынѣ со св. Павломъ, радуйтеся всегда о Господѣ и, паки реку, радуйтеся! Нынѣ радость наша исполнена; тако бы Господь Богъ двухлѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ: вчерашняго дня Азовцы, видя конечную свою бѣду, отдались».

На радостяхъ своихъ, государь отпустилъ на волю и весь лютикскій гарнизонъ, хотя въ Азовскомъ договорѣ и ничего о томъ не говорилось, а онъ не могъ обороняться. Петръ видѣлъ себя обладателемъ всего Дона и выхода въ море и не считалъ чего нибудь стоющими 115 человѣкъ: останутся ли они въ плѣну или прямо будутъ отпущены?

Въ Москвѣ взятіе Азова произвело неописанную радость: патріархъ, прочитавъ грамоту царя, полученную Нарышкинымъ, «прослезился, велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ и въ присутствіи царицъ и царевича принесъ благодареніе Всевышнему», какъ писалъ царю Виніусъ. Ромодановскій—Цезарь, отвѣчая своему монарху о парадѣ—«воинской радости»—отправленномъ въ честь взятія Азова, хвалилъ «адмирала, генераловъ, всѣхъ начальныхъ людей, пѣхоту и *тебя каптейна*. Вѣдаемъ мы, что паче многихъ ты, господине, въ трудахъ пребываешь и намъ желаемое исполняешь».

А оказалось, что Петръ вовсе не думалъ ограничиваться исполненіемъ только такихъ дѣлъ, которыми заканчивались стремленія Ромодановскаго съ братіею, думавшихъ, что, со взятіемъ Азова, начнется вѣчный кутежъ и бездѣйствіе. Петръ уже думалъ окружить Азовское море рядомъ крѣпостей, на волнахъ азовскихъ развести грозный флотъ и съ помощью его сдѣлаться властелиномъ Чернаго моря, а можетъ быть, и открыть для нашего флага проходъ черезъ Босфоръ въ Средиземное море.

Въ этихъ видахъ, дѣятельный монархъ полагалъ: возвести, по проэкту, составленному Лавалемъ, на мѣстѣ Азова пяти бастіонную крѣпость, съ равелинами на западѣ и кронверкомъ на востокѣ. Исполнять работы поручилъ Петръ инженеру Брюкелю и самъ сталъ искать мѣста для гавани, гдѣ бы помѣстился *будущій флотъ*. Отправившись, для этой цѣли, на галерахъ, въ море, 26-го іюля, на слѣдующій день Петръ осмотрѣлъ мысъ Таганрогъ, и остановилъ на немъ свой выборъ. Другой мысъ, *Очаковскій рогъ*,—неудобный для устройства гавани по причинѣ глинистаго грунта,—предположилъ царь обратить въ сильный фортъ и поручилъ инженеру Боргдорфу составить планы. Переночевавъ,—послѣ усиленныхъ трудовъ и разъѣздовъ этого дня, — въ лодкѣ, на голой

лавкѣ и съ пустымъ желудкомъ, нашъ Великій Петръ на утро продолжалъ поиски и, только, осмотрѣвъ крѣпостцу при устьѣ Донца, воротился уже вечеромъ, въ Азовъ.

Здѣсь всякаго рода работы велись съ такою энергіею, что въ три недѣли поднялась страшная крѣпость, способная отразить цѣлую армію непріятеля; если бы вздумалъ онъ привести ее, по нашемъ удаленіи. Изъ развалинъ магометанскихъ мечетей возникли въ Азовѣ два храма; 8 и 13 августа ихъ освятили уже, отправивъ первую литургію при громѣ орудій. Между тѣмъ, съ 4-го августа начался отливъ военныхъ силъ, въ Москву.

Петръ, отпуская (8-го числа) малороссійское войско, пожаловалъ ему 15,000 р. въ награду и 6 полевыхъ орудій; кромѣ подарковъ чиновникамъ. Самъ государь уѣхалъ въ Черкаскъ въ день Успѣнія Богоматери, оставивъ въ Азовѣ гарнизонъ изъ 8300 человѣкъ строевыхъ, подъ командою стольника князя П. Гр. Львова. Изъ Черкаска послалъ царь Виніусу повелѣніе: «понеже писано есть, достоинъ дѣлатель мзды своея, того для, мню, яко удобно, къ воспріятію господина генералиссима и прочихъ господъ, чрезъ два времени въ толикихъ потахъ трудившихся, тріумфальными портами (воротами) почтити. Мѣсто же, мню, къ сему удобное на мосту, черезъ Москву рѣку устроенномъ, и нигдѣ лучше». Призванъ былъ мастеръ Салтановъ, обязавшійся построить на концѣ каменнаго моста (со стороны Замоскворѣчья) ворота, вышиною въ 5 сажень, да шириною отъ 7—8 сажень,—къ 18 сентября.

Ожидая изготовленія тріумфа, Петръ посѣтилъ: Городищенскій, Ведменскій и Протвинскій желѣзные заводы, въ Тульскомъ уѣздѣ, проведя на нихъ за дѣломъ около мѣсяца. Раньше этого,—на пути еще къ Воронежу, за нынѣшнимъ Острогожскомъ (тогда город. Рыбной), государю приготовилъ пышную встрѣчу гетманъ Мазепа, поднеся драгоцѣнную саблю и заявивъ подвигъ Запорожцевъ, подъ начальствомъ кошеваго Чалаго, наведшаго ужасъ на турокъ въ Черномъ морѣ и въ Крыму.

Невиданное до того въ Москвѣ, торжественное вшествіе войскъ, послѣдовало 30-го сентября. Церемонію открывалъ конюшенный штатъ, и за нимъ везъ, въ каретѣ, подарки Мазепы Н. М. Зотовъ, сопровождаемый пѣвчими. Въ каретахъ ѣхали за нимъ Головинъ и Нарышкинъ, послѣдуемые конюшнею Лефорта, слѣдовавшаго за лошадьми своими, «въ саняхъ государевыхъ, шестернею». За значкомъ Лефорта слѣдовалъ морской караванъ, по 8-ми въ рядъ. У своей (3-ей) роты, въ простомъ мундирѣ *морского капитана*, только отличенный бѣлымъ пером на шляпѣ, маршировалъ самъ государь, пѣшкомъ совершивъ всю дорогу, отъ Серпуховскихъ воротъ до Преображенскаго, въ свитѣ адмирала своего. Гдѣ отыщемъ мы другой примѣръ подобной простоты и скромности въ самодержавномъ монархѣ?

Съ первой поѣздки на Бѣлое море, Петръ «всю мысль свою уклонилъ къ строенію флота», а боязнь турокъ при видѣ галеръ русскихъ, еще болѣе убѣдила царя въ неотложности обзаведенія кораблями. На дорогѣ въ Москву, думалъ государь въ одинъ годъ построить разомъ 50 кораблей. Для этого, въ началѣ ноября 1696 года, «бояре и царедворцы» приглашены были въ Преображенское, для обсужденія или изысканія мѣръ и средствъ: безотлагательно приступить къ сооруженію морскихъ судовъ.» Царская дума, въ виду объясняе-

мой царемъ, необходимости имѣть флотъ, постановила: возложить постройку на помѣщиковъ и вотчинниковъ—духовныхъ и свѣтскихъ, на гостей и торговыя сотни, на посады и слободы; не исключая бѣломѣстцевъ. Духовныя власти обязаны съ 8000 дворовъ крестьянскихъ построить большой корабль; свѣтскіе съ 10,000 дворовъ. Срокомъ выполненія работъ назначенъ апрѣль 1698 года. Городскія сословія, съ бѣломѣстцами въ совокупности, обязаны были изготовить всего 12 бомбардъ. На 1-е января 1697 года обязаны явиться въ Москву помѣщики, владѣвшіе не менѣе какъ 100 дворами, «для раскладки и составленія кумпанствъ». Мелкопомѣстныхъ обложили взносомъ по полтинѣ съ двора, на два срока. По составленіи всѣхъ 61-го «кумпанства» (въ томъ числѣ было 19 кумпанствъ духовныхъ), дѣло о раскладкахъ на постройку флота передано въ *судный володимірскій приказъ* въ вѣденіе Окольничаго А. Т. Протасьева, оказавшагося потомъ взяточникомъ и смѣненнаго въ 1698 году. Ближайшій надзоръ за судостроеніемъ возложенъ на учителя государя, Франца Тиммермана; мастеровъ корабельныхъ выписали изъ Венеціи, Швеціи и Голландіи.

Заботясь о удобнѣйшей доставкѣ лѣсовъ съ Волги на Донъ, Петръ придумалъ теперь же прорыть каналъ между этими двумя рѣками,—тамъ, гдѣ онѣ ближе всего сходятся,—и, для того, приказалъ инженеру Брокелю проэктировать каналъ со шлюзами между рр. Плавлею и Камышенкою. Для выполненія же земляныхъ работъ, сюда отряжены «изъ посошныхъ людей низовыхъ городовъ» 350,000 человѣкъ. «Тако», говоритъ самъ Петръ, «началось въ Россіи новое дѣло: строенія великимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, помыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и, того ради, многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства, учиться архитектурѣ и управленію корабельному».

Учиться такимъ образомъ государь назначилъ, на первый разъ, пятьдесятъ своихъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ: 28 въ Италію, да 22 въ Англію и Голландію. Все это были люди лучшихъ фамилій, большею частію прославившіеся впослѣдствіи, на всѣхъ путяхъ государственной администраціи, талантами, умѣньемъ и, даже, *знаніемъ*. Съ ними задумалъ выѣхать заграницу «поучиться» и самъ государь.

Декабря 6-го 1696 года, въ посольскомъ приказѣ, думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ объявилъ, что «государь указалъ, для своихъ великихъ государственныхъ дѣлъ, послать въ окрестныя государства, къ цесарю, къ королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ голландскимъ штатамъ, къ курфирсту бранденбургскому и въ Венецію, великихъ и полномочныхъ пословъ»: Франца Яковлевича Лефорта, Ѳедора Алексѣевича Головина и Прокофья Богдановича Возницына. Въ составѣ этого посольства, подъ именемъ волонтера «преображенскаго урядника *Петра Михайлова*», отправлялся самъ государь, думая подъ своимъ инкогнито избѣжать церемоній и любопытства толпы; чтобы лучше ознакомиться съ дѣломъ и поработать на верфяхъ, подъ руководствомъ *настоящихъ* мастеровъ корабельныхъ. Кромѣ Петра, взято при посольствѣ еще другихъ *34 волонтера* и 20 дворянъ въ свитѣ. *Волонтеры* раздѣлены на три десятка и отданы подъ начальство «командора» князя Андрея Михайловича Черкасскаго. Цѣль ихъ отправки за границу, исключительно была

изученіе морского дѣла. Десятками завѣдывали: первымъ Гаврило Кобылинъ, третьимъ Ѳедоръ Плещеевъ, а вторымъ самъ *Петръ*.

На память великимъ посламъ государь собственноручно написалъ *12 пунктовъ*, исключительно касавшихся: отысканія за границею нужныхъ техниковъ, пріобрѣтенія снарядовъ, матеріаловъ и заказа орудій артиллерійскихъ. Такъ что, отнюдь не далекая и не гуманная идея, которую стараются навязать Петру иностранные писатели «оставить царство, чтобы поучиться лучше царствовать», увлекла великаго монарха нашего; а прямая и положительно наглядная цѣль *изученія искусства мореплаванія*. Управленіе государствомъ вѣрилъ монархъ коллегіи изъ трехъ равноправныхъ вельможъ: Льва Кириловича Нарышкина, и князей Бориса Алексѣевича Голицына, да Петра Ивановича Прозоровскаго, обязанныхъ дѣйствовать *съ общаго согласія*, «именемъ царскаго величества» по дѣламъ военнымъ, посольскимъ и внутреннимъ. Москву же собственно *приказалъ* государь вѣдать князю-кесарю Ѳ. Ю. Ромодановскому, главному начальнику полковъ Преображенскаго и Семеновскаго. Въ Азовѣ и Бѣлгородѣ велѣно сосредоточить, на случай движенія со стороны Турціи, значительныя силы, подъ начальствомъ князя Якова Долгорукова и Шейна. Послѣднему же лично поручено наблюдать за сооруженіемъ крѣпостей на Дону и берегахъ Азовскаго моря, вымѣрявъ предварительно глубину въ донскихъ протокахъ. На низовья Днѣпра посланъ думный бояринъ Бухвостовъ, съ порученіемъ возстановить Казы Кермень и приготовить, къ веснѣ 1698 года, 30 большихъ галеръ, для осады Очакова.

Чтобы отвлечь вниманіе Европы отъ исканій въ свитѣ великихъ пословъ самого государя, вѣрный Люпсъ, въ Ригѣ, утверждалъ, что «на морѣ и на сушѣ готовятся великія вооруженія и царь идетъ на Воронежъ, гдѣ назначено построить 50 кораблей».

Между тѣмъ «*Петръ Михайловъ*» готовился въ путь, отнюдь не въ Воронежъ. Февраля 23-го Лефортъ давалъ прощальный вечеръ съ музыкою и танцами. Склонялось время уже къ ужину, когда государя вызвали изъ компаніи «по весьма важному дѣлу», стрѣльцы Стремянного полка: пятисотенный Ларіонъ Елизарьевъ и пятидесятникъ Григорій Силинъ. Доносили они, что думный дворянинъ Иванъ Цыклеръ подговариваетъ стрѣльцовъ зажечь домъ и, «на пожарѣ, или гдѣ инде изрѣзать государя ножей въ пять». Петръ, не измѣнясь въ лицѣ, выслушавъ эту страшную вѣсть и, воротясь къ собесѣдникамъ, сказалъ только, что ему не надолго нужно уѣхать. Взявъ не многихъ самыхъ приближенныхъ, онъ прямо поѣхалъ въ домъ Цыклера: арестовалъ его; свезъ въ Преображенское; допросилъ и, тутъ же, довелъ до сознанія уликами доносившихъ. Признанія Цыклера открыли подстрекательство его къ цареубійству со стороны Алексѣя Прокофьевича Соковнина; его же отвѣты навели на третьяго участника въ замыслѣ,—зятя его, стольника Ѳедора Матвѣевича Пушкина. Обвинены были и осуждены съ Пушкинымъ, *къ лишенію головы*, еще: донской казакъ Лукьяновъ, да стрѣльцы Филиповъ и Рожинъ. Двое главныхъ зачинщиковъ были четвертованы и изъ приговора бояръ, оканчивавшихъ процессъ уже по отъѣздѣ государя,—видны указанія на участіе въ готовившейся крамолѣ Софьи Алексѣевны. Марта 3-го совершены казни, при исполненіи которыхъ кровь казненныхъ капала, въ открытый гробъ, вырытаго изъ могилы,

Ивана Милославскаго, поставленный подъ плахой. Опалѣ и ссылкѣ подверглись и родственники злоумышленниковъ. Тогда же посланъ въ ссылку, въ г. Тотьму, и отецъ царицы Евдокіи, Ѳедоръ Абрамовичъ Лопухинъ; но, за что? неизвѣстно. Кажется, Петръ, уѣзжая въ Европу, подозрѣвалъ родственниковъ жены своей въ неблаговидныхъ подстрекательствахъ ея противъ себя.

Совершивъ казни, марта 10-го 1697 года, царь оставилъ Москву; — на другой день послѣ отъѣзда великихъ пословъ, дожидавшихся его въ селѣ Никольскомъ,—откуда выѣхала вся свита, въ числѣ 250 человѣкъ. Черезъ Тверь, Торжокъ, Вышній Волочекъ, Новгородъ и Псковъ, послы доѣхали до шведской границы. Переправившись черезъ нее, 22-го марта, послѣ всѣхъ обѣщаній дружескаго пріема, послы наши не находили, однако, ни гдѣ, ни корма, ни лошадей, и принуждены доѣхать до Риги на своихъ псковскихъ подставахъ—черезъ Пскуль, Смильтенъ, Стерлиговъ, Венденъ, Сальбекъ и Агишъ. Марта 41-го, за три мили отъ Риги, ждали пословъ, отъ имени губернатора, три легкія кареты, а еще черезъ пол-мили, съ 60-ю рейтарами подполковникъ Пальмструкъ, произнесшій поздравительную рѣчь и предложившій шесть парадныхъ каретъ, въ томъ числѣ одну золотую, для пословъ.

Впереди каретъ ѣхала рота черноголовыхъ, съ двумя трубачами. Пословъ провезли черезъ Песчаныя ворота *и Старую площадь*—гдѣ ратуша и домъ черноголовыхъ—по улицѣ господъ (Herren Strasse) сквозь Карловы ворота, на береговое предмѣстье Штадіенъ, гдѣ приготовлены были дома: Гака, Преторіуса и Гильда съ почетнымъ карауломъ. На слѣдующій день послы посылали дворянъ благодарить «за пріемъ» губернатора. Имъ царь, повидимому, былъ въ началѣ доволенъ, потому что написалъ въ Москву: «вчерашняго дня пріѣхали въ Ригу, Слава Богу въ добромъ здоровьѣ и *приняты* господа послы *съ великою честію*, при которомъ въѣздѣ была изъ 24-хъ пушекъ стрѣльба, когда въ замокъ вошли и вышли».

Рижскимъ губернаторомъ былъ въ то время графъ Дальбергъ — старикъ подозрительный, не любезный и брюзгливый, тяжолый характеръ котораго, выказавшійся въ оскорбительныхъ для царя и свиты дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, поселилъ, послѣ перваго дня пребыванія въ Ригѣ, такое непріятное чувство въ молодомъ государѣ, что, принужденный прожить здѣсь цѣлую недѣлю, за вскрытіемъ рѣки, Петръ переправился черезъ нее при первой возможности и—уѣхалъ въ Митаву, оставивъ посольство дожидаться судовъ для переправы обоза. Въ донесеніи своемъ королю, Дальбергъ объяснялъ, что послы ѣхали не къ его государю, и какъ бы хвалился, своими вызывающими мѣрами, въ родѣ не дозволенія *посмотрѣть даже въ зрительную трубу укрѣпленій города*. Между тѣмъ, его грубость была въ послѣдствіи выставлена какъ побудительная причина къ войнѣ съ Швеціею. Оставляя Ригу съ затаеннымъ оскорбленіемъ, Петръ 8-го апрѣля написалъ въ Москву—«здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ». И въ ноябрѣ 1709 года припомнилъ государь настоящую свою обиду, явившись къ начатію осады Риги и написавъ Меньшикову «такъ Господь Богъ сподобилъ насъ видѣть начало отмщенія сему *проклятому мѣсту*».

За то, пріемъ курляндскаго герцога Фридриха Казиміра былъ во всемъ противоположенъ рижскому. Герцогъ на границу свою еще выслалъ для встрѣ-

чи посольства, митавскаго бургомистра фонъ-Сакена. Парадные герцогскіе экипажи привезли пословъ и свиту въ городъ, при пушечной пальбѣ. Въ домахъ, отведенныхъ для посольства, приготовленъ былъ сытный столъ, съ придворною прислугою. На утро любезный герцогъ прислалъ своего канцлера съ поздравленіемъ. На третій день (16-го апрѣля) бургомистръ предложилъ посѣтить герцога въ его замкѣ и отвезъ туда пословъ въ герцогскихъ каретахъ съ гайдуками. На дворцовомъ дворѣ выстроенная пѣхота отдала честь посольству—барабаннымъ боемъ. Герцогъ, принявъ старшаго посла у подъѣзда, самъ ввелъ его, а послѣ аудіенціи проводилъ до кареты; апрѣля же 17-го самъ посѣтилъ своихъ дорогихъ гостей—иначе пословъ и назвать нельзя, потому что содержаніе ихъ, въ теченіе всего пребыванія въ Митавѣ, было отъ герцога же. Что больше еще можно бы ему было сдѣлать, при постоянной и обязательной во всемъ предупредительности?

Митава, впрочемъ, не могла доставить Петру ни одного изъ предметовъ, интересовавшихъ его любознательность и, вырвавшись изъ этой радушной столицы мелкаго нѣмецкаго двора, юный монархъ полетѣлъ въ Либаву (25-го апрѣля), гдѣ представилось ему въ первый разъ Балтійское море, надобно прибавить, въ грозномъ величіи: при бурномъ волненіи и раскатахъ грома. Посламъ велѣлъ государь ѣхать къ курфирсту бранденбургскому, сухимъ путемъ — въ каретахъ; самъ же съ товарищами напялъ здѣсь купеческій корабль св. Георгія, до Пиллау, хотя для того пришлось прождать еще цѣлую недѣлю, по случаю противныхъ вѣтровъ. Бродя по улицамъ Либавы, отъ нечего дѣлать, любознательный государь заходилъ въ аптеку и — увидѣлъ въ ней, диковинку по Москвѣ—саламандру въ банкѣ, тотчасъ остановившую его проницательное вниманіе. Прибывъ въ Пиллау, царь далъ знать въ Кенигсбергъ курфирсту Фридриху III о своемъ прибытіи, изъявляя желаніе видѣть его *за-просто*. Получивъ приглашеніе въ столицу курфиршества, — древній *польскій Крулевецъ*—царь пріѣхалъ туда 7-го мая, остановившись на островѣ р. Прегеля на Книпгофѣ, въ двухъ домахъ, гдѣ курфирстъ велѣлъ также отъ себя довольствовать *г-на московскаго оберъ-командора* (какъ велѣлъ здѣсь называть себя Петръ), «чтобы ни въ чемъ не было недостатка».

Въ Пиллау началъ и въ Кенигсбергѣ продолжалъ государь брать уроки *въ искуствѣ метанія бомбъ, каркасовъ и гранатъ*, у прусскаго полковника Штернфельда, который прислалъ даже, потомъ, въ Москву, въ 1698 году, и аттестатъ своему даровитому ученику. Въ немъ учитель прописалъ, что онъ «благопомянутаго господина Петра Михайлова, не только въ теоріи науки, но и въ практикѣ, частыми работами собственныхъ рукъ его, обучалъ и что, въ томъ и въ другомъ случаѣ, въ непродолжительное время, къ общему изумленію, онъ такіе оказалъ успѣхи, и такія пріобрѣлъ свѣденія, «что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». Ко времени этихъ уроковъ, относятся собственноручныя замѣтки государя о разныхъ составахъ пороха, калибра орудій и правилахъ бросанія бомбъ въ данную точку, которыя Устряловъ относилъ ко времени уроковъ Тиммермана.

Опуская церемоніальный въѣздъ пословъ въ Кенигсбергъ, также какъ и

аудіенцію ихъ у курфирста 21-го мая,—такъ какъ не можемъ при этомъ указать какую роль, при торжествахъ, игралъ государь; — замѣтимъ только, что 24-го мая, покончивъ съ отвѣтами на письменныя предложенія курфирста дипломатическаго свойства, послы приглашены его свѣтлостью герцогомъ «на ужинъ», вмѣстѣ съ «оберъ-командоромъ». Во время пира передъ окнами дворца на прудѣ зажжонъ фейерверкъ такой превосходный, что, по отзыву пословъ, они «такого еще не видали». Здѣсь, между прочимъ, была картина русскаго флота подъ Азовомъ, сочиненная инженеромъ Штернфельдомъ (наставникомъ Петра въ пиротехніи). Мая 25-го показывалъ герцогъ посламъ и свитѣ, въ своемъ звѣринцѣ, травлю быковъ съ медвѣдями, а потомъ, черезъ два дня, угощалъ ихъ въ увеселительномъ замкѣ, и 30-го мая—сходивъ поздравлять государя съ днемъ его рожденія, долго съ нимъ пробесѣдовалъ. Вѣроятно, слѣдствіемъ этого свиданія было измѣненіе маршрута путешествія пословъ, вмѣсто Вѣны, направленныхъ въ Голландію. Петръ же остался по отъѣздѣ пословъ еще на три недѣли въ Кенигсбергѣ, ожидая результата избранія въ польскіе короли курфирста саксонскаго. Тѣмъ временемъ, при личномъ объясненіи, 9-го іюня, курфирсту удалось склонить Петра на заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза и трактатъ подписанъ ими обоюдно (12—22 іюня 1697 года): о взаимной дружбѣ и любви, взаимныхъ выгодахъ торговли, выдачѣ политическихъ преступниковъ, и о содѣйствіи со стороны курфирста посылаемымъ заграницу русскимъ пансіонерамъ «для науки всякихъ хитростей». На прощаньи царь подарилъ курфирсту дорогой рубинъ на память, и оставилъ въ Кенигсбергѣ учиться артиллеріи бомбардировъ преображенскихъ: Бужанинова, Новицкаго, Корчмина и Овцына.

Іюня 30-го изъ Пиллау Петръ уѣхалъ на голландскомъ гальотѣ, который 4-го іюля бросилъ, за бурею, якорь въ Кольбергѣ—откуда и послана государемъ грамота новоизбранному королю Августу. За нее, на приватной аудіенціи 8-го августа, въ Краковѣ, король сказалъ нашему послу Никитину: «Даю честное слово быть съ его величествомъ за одно противъ враговъ креста святого.... Изъявленный же мнѣ аффектъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Посылаю мой поклонъ его царскому величеству» и при этомъ словѣ, прибавлялъ Никитинъ, «Король поклонился гораздо низко».

Въ то время Петръ уже былъ въ Амстердамѣ. Изъ Кольберга выѣхалъ онъ съ послами 11-го іюля сухимъ путемъ и сперва, спѣша въ Голландію, останавливался только для ночлега, проѣхавъ безъ осмотра: Кюстринъ, Берлинъ, Шпандау, Бранденбургъ, Магдебургъ и Гальберштатъ; но изъ послѣдняго города свернулъ Царь въ сторону, для обозрѣнія знаменитыхъ ильзенбургскихъ желѣзныхъ заводовъ (23-го іюля). На слѣдующій же день, взойдя на Брокенъ, любовался оттуда видами на окрестность.

На пути оттуда, въ Коппенбургѣ (въ герцогствѣ Целле) ожидали Петра—желая его видѣть и для того пріѣхавъ сюда изъ Ганновера—двѣ принцессы, славившіяся умомъ и образованіемъ. Это были: курфирстина ганноверская Софія и дочь ея, курфирстина же, бранденбургская, Софія-Шарлотта — гостившая въ это время у матери. Принцессы взяли съ собою 60-ти лѣтняго герцога Цельскаго, трехъ сыновей курфирстины гановерской (въ томъ числѣ былъ и Георгъ I, будущій король Англіи), множество дамъ и кавалеровъ, и, даже,

итальянскихъ пѣвцовъ. Пріѣхало это общество въ Копенбургъ раньше Петра, прибывшаго сюда только въ 8 часовъ вечера, 27-го іюля, (раньше пословъ) и остановившагося въ домѣ крестьянина.

Только пріѣхалъ царь, ничего не подозрѣвая, какъ является къ нему камергеръ Копенштейнъ и, отъ имени курфирстинъ, проситъ *пожаловать на ужинъ*. Петръ сперва отказался, но, по настоятельнымъ просьбамъ дамъ, — черезъ часъ, согласился видѣться съ ними безъ всякихъ церемоній и съ тѣмъ еще, *чтобы не было постороннихъ*. Даже придворные не могли посмотрѣть на проходившаго монарха, потому что онъ вошолъ заднимъ крыльцомъ, ни кѣмъ не замѣченный.

Встрѣтивъ въ комнатѣ передъ столовою сами, такъ усердно приглашаемаго гостя, принцессы были поражены его высокимъ ростомъ, стройностію и мужественною красотой. Сперва казался онъ неловкимъ (отъ застѣнчивости) и, при входѣ въ залу, закрывъ лицо руками, на всѣ привѣтствія повторялъ — Ich kann nicht sprechen—но скоро вошолъ въ себя, разговорился и обворожилъ принцессъ умомъ и занимательностью бесѣды своей. Курфирстины сѣли по сторонамъ Петра и, во весь ужинъ, продолжавшійся часа четыре, говорили съ нимъ безъ умолка: то распрашивая, то разсказывая сами и истощая свое остроуміе, которое такъ славилось въ Европѣ. Мать особенно была говорлива. «Я удивляюсь, какъ мы не наскучили ему своею болтовнею», — признается откровенная Шарлотта Софія, описывая этотъ памятный для нея ужинъ.

Петръ, по словамъ курфирстины, нисколько не тяготился поддержкою разговора; на всѣ вопросы отвѣчалъ быстро и вѣрно, частію самъ, частію черезъ переводчика; постоянно шутя и смѣясь — «со всѣмъ какъ дома». Съ Шарлоттою Софіей къ концу бесѣды онъ такъ подружился, что, взявъ у ней табакерку, далъ ей свою въ замѣнъ, «въ знакъ памяти». Впослѣдствіи курфирстина очень дорожила этой табакеркой, на которой былъ вензель царскаго имени.

Къ концу ужина принцессы просили и царь не отказалъ въ просьбѣ ихъ: впустить придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Когда вошли всѣ, царь поставилъ у дверей своего любимца (котораго называлъ правою рукою) и, не велѣвъ выпускать, подчивалъ кавалеровъ изъ большихъ стакановъ виномъ, заставляя осушать по два и по три. Это сдѣлали и принцессы, въ угодность царю, стоя, и выпивъ здоровье его, курфирста и свое. Веселье усилилось. Шарлотта Софія приказала позвать итальянцевъ. Пѣніе ихъ слушалъ Петръ съ видимымъ удовольствіемъ, поднесъ даже большой стаканъ главному пѣвцу, но отозвался, что къ музыкѣ не имѣетъ большой наклонности.

— Можетъ быть, вы предпочитаете охоту? спросила старшая курфирстина.

— Отецъ мой любилъ ее, а я болѣе всего люблю плавать по морямъ, спускать фейерверки и строить корабли! отвѣчалъ Петръ, показывая руки свои, загрубѣвшія отъ работы и давая пощупать мозоли на нихъ.

«Царь знаетъ въ совершенствѣ четырнадцать ремеслъ», замѣчаетъ при этомъ курфирстина-писательница.

Послѣ ужина, Шарлотта Софія пожелала видѣть, какъ царь пляшетъ *по-русски* и велѣла позвать московскихъ музыкантовъ. Петръ отказывался начать танцы, прежде чѣмъ самъ увидитъ какъ танцуютъ принцессы. Онѣ при-

няли вызовъ и курфирстины мать открыла балъ съ Головинымъ; во вторую пару сталъ Лефортъ съ молодою графинею Платенъ, а мать ея взялъ, въ третью пару, Возницынъ. Лефортъ управлялъ танцами и показывалъ позы и движенія русской пляски, до того понравившейся принцессамъ, что онѣ протанцовали до четырехъ часовъ утра. Петръ также танцовалъ и, будто бы принимая корсетныя пружины за натуру, выразился шутливо, «какъ *чертовски жестки* эти нѣмки!» Впрочемъ, по словамъ курфирстины гановерской, былъ *онъ очень любезенъ*.

Дочь ея Софію Доротею, имѣвшую десять лѣтъ (мать Фридриха II), приподнялъ и поцѣловалъ два раза, перемявъ ей головной уборъ; цѣловалъ и сына — Георга (будущаго врага своего). «И нельзя ни описать, ни вообразить себѣ этого необыкновеннаго человѣка, не видавъ его своими глазами. Онъ имѣетъ доброе сердце и возвышенныя чувства, но сердитъ. Если бы его лучше воспитали, онъ былъ бы образцомъ совершенства», порѣшила, въ заключеніе, царственная писательница.

Петръ былъ такъ доволенъ случайно устроившимся знакомствомъ съ принцессами, что хотѣлъ съ ними видѣться еще разъ, на другой день, и представить свою свиту; но это не удалось, потому что, прямо съ бала, уѣхали онѣ въ Герренгаузенъ и, узнавъ потомъ о намѣреніяхъ Петра, очень жалѣли.

Изъ Коппенбурга государь направился съ послами черезъ Гаммельнъ, Минденъ, Герфордъ, Билефельдъ, Ритбергъ, Липштадтъ и Гаммъ, на Люненъ, на р. Липпе.

Прибывъ сюда 1-го августа, далѣе, только съ 18-ю человѣками уѣхалъ царь на Рейнъ. На фарткѣ отъ Ксантена плылъ онъ до Рееза, оттуда въ шмакѣ до Эммериха и, въ этомъ городкѣ нанявъ ботъ до Сардама, при Шенкеншанцѣ (5 августа) вступилъ въ Голландію. По ней плылъ государь, только правымъ рукавомъ Рейна до Віанена, а далѣе каналами. Ночью на 6-е августа миновалъ Петръ Утрехтъ и вечеромъ 7-го августа прибылъ въ Амстердамъ.

Въ столицѣ генеральныхъ штатовъ, на двухъ обширныхъ верфяхъ — въ вѣденіи адмиралтейства и на Остъ-Индской, строились въ то время корабли, военные и купеческіе, большихъ размѣровъ. Но сардамскіе плотники, работавшіе въ Россіи, наговорили такъ много хорошаго о своей отчизнѣ, что молодой государь съ 6-ю спутниками прежде всего отправился на эмериксомъ ботѣ туда; только высадивъ прочихъ спутниковъ въ Амстердамѣ. Въ Сардамъ прибылъ Петръ уже 8-го августа.

Былъ часъ шестой пополудни, когда, подъѣзжая къ Форзану въ Керкеранѣ, увидѣлъ государь знакомое лицо, работавшаго въ Москвѣ, кузнеца Геррита Киста, съ лодки ловившаго угрей. Петръ кличетъ его по имени. Тотъ узнаетъ въ лицо государя, но удивляется, видя его здѣсь и, при томъ, въ костюмѣ голландскаго плотника: красномъ фризовомъ бострогѣ, въ бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ и въ лакированной низенькой шляпѣ. Изумленію честнаго кузнеца не было предѣловъ, когда царь еще сказалъ ему, что́ намѣренъ нѣсколько времени прожить здѣсь, у нихъ, въ Сардамѣ, и сталъ просить: уступить *ему* заднюю половину своего бѣднаго домишки, нанимаемаго вдовою какого-то поденщика. Кистъ отговаривается тѣснотою, но царь непреклоненъ и

неотступно требуетъ квартиры. Дѣлать нечего; Кистъ бѣжитъ къ жилицѣ и уговариваетъ ее выѣхать, обѣщая приплатить 7 гульденовъ. Царь, оставленный будущимъ домохозяиномъ своимъ на улицѣ, между тѣмъ, вошолъ въ гербергъ подъ вывѣскою *выдры*. Былъ день воскресный и народъ высыпалъ на улицу. Русская одежда царскихъ спутниковъ привлекла на себя общее вниманіе и толпа обступила гербергъ, засыпая иностранцевъ вопросами. «Мы простые плотники», отвѣтилъ за всѣхъ государь по голландски, выходя изъ герберга и направляясь къ домику Киста. Тотъ уже прибиралъ для него помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ-оконнаго деревяннаго домика съ черепичною кровлею. Внутренность его заключала всего двѣ комнаты, съ изразчатою печью въ первой изъ нихъ, кухнѣ. Примыкавшая къ ней глухая каморка назначалась только для кровати и, кромѣ нея, ничего уже другаго не могла помѣстить; да еще при входѣ былъ чуланчикъ. Вотъ и—все. Домишко стоялъ въ западной части селенія, самой уединенной, на *Кримпѣ*.

Здѣсь, не долго думая, поселился великій монархъ, изъ любви къ морскому дѣлу простершій свое инкогнито до того, что, на другой же день, 9-го августа, въ понедѣльникъ, рано утромъ, купивъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничные инструменты, пошолъ на верфь Линста Рогге, на Бейтензанѣ, и записался въ число плотниковъ, подъ именемъ *Петра Михайлова*.

На другой день по пріѣздѣ въ Сардамъ—слѣдовательно въ самый день записанія въ плотники,—Петръ купилъ яликъ у корабельнаго маляра Гарменсона за 40 гульденовъ, да за кружку пива, которую тутъ же и роспилъ съ продавцомъ, близь Овертома, въ гербергѣ. Купивъ, Петръ сѣлъ въ свой яликъ и поѣхалъ по Зану, и по каналамъ, въ заливъ Эй. Любовь его къ плаванію по водѣ нашла здѣсь себѣ обильную пищу.

Во вторникъ (10-го августа), проработавъ цѣлый день съ восхода до заката, на верфи Рогге, Петръ, идя домой, купилъ сливъ и, положивъ въ шляпу, сталъ лакомиться сочными плодами. *На южной плотинѣ* пристали къ нему мальчишки и одному изъ нихъ онъ далъ нѣсколько ягодъ. Не получившіе, съ досады, стали бросать въ него сперва грязью, а потомъ, непонявшись, — и каменьями, отъ которыхъ монархъ долженъ былъ даже укрыться въ гербергъ «Три лебедя». Разгнѣванный, онъ потребовалъ туда къ себѣ бургомистра. Градоначальникъ, Алевинъ Вильмсонъ Іоръ поспѣшилъ на зовъ, и, узнавъ обстоятельства дѣла, немедленно вывѣсилъ объявленіе на улицу, грозившее жестокимъ наказаніемъ за бросанье «грязью и камнями въ знатныхъ иноземцевъ, которые хотятъ оставаться *неизвѣстными*». Тогда же поставлена бургомистромъ и стража на мосту на Кримпѣ, чтобы не давать толпиться народу передъ домомъ Киста. Вечеромъ въ этотъ же день, обильный столькими приключеніями, сошолся предупредительный бургомистръ съ государемъ у купца Кальфа и предложилъ, черезъ переводчика, «не угодно ли господину откушать завтра рыбы *по-сардамски*», но царь уклонился отъ приглашенія отговоркою: «что онъ не главный, а начальникъ еще не пріѣхалъ».

Августа 12-го Петръ купилъ у Дирка Стофельса, за 450 гульденовъ, буеръ и тотчасъ самъ занялся придѣлкою къ нему новаго бугсприта.

Снарядивъ свой буеръ, государь разъѣзжалъ уже на немъ весь слѣдующій день, пустившись въ заливъ еще съ четырехъ часовъ утра. Приставъ въ полдень,

на Занѣ, царь отправился обѣдать къ Кальфуи, пообѣдавъ, снова уѣхалъ на буерѣ. На этотъ разъ у Бейтензана встрѣтили его на яхтахъ и буерахъ компаніи любопытныхъ. Чтобы уѣхать отъ нихъ, Петръ направился къ плотинѣ, отдѣляющей заливъ отъ гарлемскаго моря (Хольф-вегъ), но голланды послѣдовали и туда; такъ что принудили царя причалить къ плотинѣ. Онъ выскочилъ на берегъ, гдѣ обступили его опять новыя толпы зѣвакъ. Одинъ изъ наиболѣе нахальныхъ, Корнелій Марсенъ, съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ чуть не въ упоръ въ глаза разгнѣвавшагося наконецъ монарха, давшаго ему съ горяча даже пощочину, при крикахъ толпы: «браво, Марсенъ, ты теперь сталъ рыцаремъ!» За тѣмъ, Петръ ушолъ въ ближайшій гербергъ и заперся тамъ, просидѣвъ до вечера, и уже тогда, какъ совсѣмъ стемнѣло, воротился домой.

На слѣдующій день готовились перетаскивать черезъ плотину изъ Биннензана въ Форзанъ большой корабль (построенный Кальфомъ), по нарочно устроенной для того деревянной настилкѣ. Для царя устроено было особенное мѣсто, огражденное полисадомъ; послѣ же спуска хозяинъ корабля звалъ Петра къ себѣ обѣдать. Это отклонилъ, однако, государь, обѣщавшись, впрочемъ, придти посмотрѣть перетаскиваніе и спускъ въ каналъ. Когда же, утромъ, толпы народа покрыли Кримпъ, царь рѣшился остаться дома. Явились звать его бургомистры, обѣщаясь провести незамѣтно, и онъ было согласился, но, выглянувъ на улицу и видя тысячи дожидающихъ его появленія, сказалъ съ досадою: «слишкомъ много народу» и, захлопнувъ дверь, цѣлый день не выходилъ изъ дома. Это было въ субботу. На воскресенье приливъ освобожденныхъ отъ работы долженъ быть еще больше. Стража на мосту на Кримпѣ не могла удержать уже напиравшія толпы публики, желавшей видѣть царя-плотника. Петру это было тѣмъ досаднѣе, что толпа мѣшала ему дойти даже до канала Горна, гдѣ стоялъ его буеръ; гнѣвный, прошолъ онъ, однако, съ трудомъ къ нему и, не смотря на бурю, распустилъ парусъ, а черезъ три часа былъ въ Амстердамѣ, куда должно было вступить его посольство торжественно, на слѣдующій день (16 го августа). Вмѣстѣ съ послами, на другой день по пріѣздѣ ихъ, въ сопровожденіи бургомистровъ, утромъ (17-го авг.) осматривалъ Петръ ратушу, которою совершенно справедливо гордится Амстердамъ; вечеръ же провелъ въ театрѣ. Давали балетъ «очарованія Армиды» и комедію «притворный адвокатъ». Августа 18-го осматривалъ любопытный монархъ адмиралтейство, съ корабельными его верфями и магазинами, а на слѣдующій день приглашонъ бургомистрами, вмѣстѣ со свитою своей, на обѣдъ, длившійся до вечера; такъ что, по выходѣ изъ-за стола прямо зажгли на Амстелѣ блистательный фейерверкъ. Наконецъ, въ заключеніе, августа 22-го, въ заливѣ Эй устроены были морскіе маневры, гдѣ адмиралъ Схей, передъ Схелинъ-Вудомъ поставивъ въ двѣ боевыя линіи всѣ парусныя суда, далъ примѣрное сраженіе, продолжавшееся съ утра далеко за полдень. На это зрѣлище Петръ, въ сопровожденіи пословъ и бургомистровъ, пріѣхалъ на роскошно убранной яхтѣ Остъ-Индской компаніи и, при появленіи своемъ, встрѣченъ салютомъ изо всѣхъ орудій. Чтобы насладиться вполнѣ великолѣпными маневрами, государь со своей яхты пересѣлъ на военный корабль и непрерывно направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе. Можно согласиться съ очевидцемъ, что эффектъ былъ полный, когда пальба съ кораблей и баттарей

береговыхъ закрыла дымомъ всю окрестность, солнечный день превративъ въ сумерки; отъ гула же нельзя было ничего разслышать.

За день до этого, истинно царскаго, праздника, достойнаго морской первостепенной державы, Петръ I поступилъ на верфь Остъ-Индской компаніи; въ ночь съ 19-го на 20-е августа явившись въ послѣдній разъ въ свой сардамскій домикъ и увезя изъ него на своемъ буерѣ инструменты. Просилъ же государь бургомистра Витсена пріискать ему верфь для практическихъ занятій въ Амстердамѣ, чтобы избѣгнуть несноснаго любопытства простолюдиновъ; — еще въ день въѣзда пословъ своихъ. Въ исполненіе заявленнаго монархомъ желанія работать, состоялось, 19-го августа, особое собраніе директоровъ Остъ-Индской верфи (однимъ изъ которыхъ былъ и Витсенъ). Въ опредѣленіи этого собранія говорится, «что знатная особа, пребывающая здѣсь инкогнито, желала бы провести нѣкоторое время на верфи компаніи, при сооруженіи судовъ и при другихъ работахъ, прося для жительства приготовить домъ канатнаго мастера и заложить новый фрегатъ. Исполнивъ все, согласно заявленнымъ желаніямъ, директоры поручили только Витсену спросить Петра, лично, «въ какомъ размѣрѣ желательно видѣть строеніе фрегата—на 130 или на 100 футовъ?» и если онъ не будетъ стоять за размѣръ, то заявить, что 100 футовая длина, по мнѣнію компаніи, будетъ лучше.

Но, лишь только Витсенъ передалъ государю радостную для него вѣсть, за обѣдомъ въ ратушѣ, его съ трудомъ могли уговорить посмотрѣть фейерверкъ; онъ уже хотѣлъ тотчасъ летѣть въ адмиралтейство. И едва кончилась потѣха, какъ уѣхалъ на буерѣ въ Сардамъ. Всю ночь провелъ въ разъѣздахъ туда и обратно, но рано, утромъ, переселившись на новоселье, въ Остенбургъ, въ тотъ же день побывалъ у корабельнаго мастера Геррита Класа Поль. Поступивъ къ нему въ плотники самъ, Петръ распредѣлилъ по работамъ и волонтеровъ своихъ: десятерыхъ оставилъ при себѣ «для изученія корабельнаго дѣла»; по двое къ дѣламъ: мачтовому, ботовому, парусному и блочному. Царевича Александра Арчиловича Имеретинскаго послалъ въ Гагу учиться артиллеріи, да 7-хъ въ матросы роздалъ по разнымъ кораблямъ. Самъ же, изъ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, которые пробылъ на верфи, первыя три недѣли провелъ въ приготовленіи матеріаловъ, а сентября 9-го заложилъ, подъ руководствомъ мастера, въ 100 футъ длиною фрегатъ, окончивъ и спустивъ его на воду 16 ноября и назвавъ «Петръ и Павелъ». На другой день закладки фрегата написалъ царь къ патріарху: «Мы въ Нидерландахъ въ городѣ Амстердамѣ, благодатіею Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи, живы, и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ свободителями благодатіею его быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану».

Работая день на верфи, вечеръ проводилъ государь за чтеніемъ письменной корреспонденціи и отвѣтами на вопросы по дѣламъ государственнымъ, о которыхъ, по встрѣченнымъ недоразумѣніямъ, требовали его рѣшенія бояре московскіе съ каждою почтою. Не оставлялъ Петръ зорко наблюдать и за ходомъ иностранной политики, какъ видно по запискамъ къ Виніусу.

Въ качествѣ штатгальтера Голландіи, видя Петра въ Утрехтѣ и Гагѣ, король англійскій Вильгельмъ III, по возвращеніи въ Лондонъ, приказалъ приготовить лучшую свою яхту и послалъ ее въ даръ Петру, черезъ недѣлю послѣ спуска его корабля. Этотъ подарокъ былъ государю такъ пріятенъ, что благодарить щедраго Вильгельма Петръ отправилъ А. А. Вейде съ заявленіемъ: что ему хотѣлось бы посѣтить «англійскую землю незнатнымъ лицомъ, чтобы видѣть корабли и морское поведеніе». Влекла въ Англію теперь Петра надежда изучить теоретически кораблестроеніе, тогда какъ въ Голландіи, кромѣ практическихъ пріемовъ, онъ другого знанія, болѣе точнаго и положительнаго, получить не могъ. И, замѣчательно, что, послѣ пребыванія въ Голландіи, тамошнихъ кораблестроителей Петръ пересталъ цѣнить; явно отдавая преимущество англійскимъ. Класъ Поль далъ съ своей стороны аттестатъ (15-го января 1698 г.), въ которомъ, перечисливъ всѣ роды работъ технически-кораблестроительныхъ, говоритъ, что «Петръ Михайловъ» при исполненіи всѣхъ ихъ «поступалъ какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ, и помогалъ намъ въ строеніи фрегата «Петръ и Павелъ», отъ форштевня до штирборда. Кромѣ того, подъ моимъ надзоромъ корабельную архитектуру и черченіе плановъ его благородіе изучилъ такъ основательно, что можетъ, сколько мы сами разумѣемъ, въ томъ и другомъ упражняться».

Но чѣмъ доволенъ былъ старый строитель, того казалось мало и недостаточно для геніальнаго ученика-государя; особенно послѣ королевскаго обѣщанія прислать за нимъ суда для переѣзда въ Англію, *учиться теоріи строенія кораблей геометрически*. Двѣ яхты королевскія прибыли въ концѣ декабря къ Гельветслюйсу, при устьѣ Мааса, съ конвоемъ 3-хъ линейныхъ кораблей и 1 гукора, подъ начальствомъ вице-адмирала Митчеля. Отпраздновавъ Крещенье веселымъ пиромъ, Петръ, 7-го января 1698 года, вмѣстѣ съ Брюсомъ, Меньшиковымъ и съ половиною своихъ волонтеровъ, сѣлъ на яхту и пошолъ каналомъ къ морю, а 9-го числа прибылъ къ эскадрѣ и поплылъ съ ней въ гости къ любезному Вильгельму, съ разсвѣтомъ 10-го числа. Погода стояла бурная, нельзя было поднять всѣхъ парусовъ, но вѣтеръ дулъ попутный и еще утромъ открылся англійскій берегъ;—хотя въ Темзу въѣхали въ сумерки и только утромъ на слѣдующій день пришли къ мѣсту назначенія, въ Лондонъ.

Пересѣвъ съ яхты на баржу, за Лондонскимъ мостомъ, Петръ Великій съ спутниками перевезенъ на берегъ въ Уоркъ-Бильдингсъ, гдѣ приготовлены были для него и свиты три частныхъ дома. Въ этотъ день король присылалъ поздравлять камергера Бертона и спросить: когда можно видѣться съ Государемъ? Отвѣтивъ, что готовъ видѣть Его Величество во всякое время, Петръ просилъ, чтобы къ нему назначили вице-адмирала Митчеля, разумѣвшаго голландскій языкъ, и на утро имѣлъ удовольствіе видѣть уже этого моряка. За нимъ, представлялся маркизъ Кармартенъ, черезъ котораго ведено было дѣло о подаркѣ Вильгельмомъ яхты. Петру онъ сразу понравился за веселый нравъ, свѣденія въ мореплаваніи и готовность кататься съ нимъ по Темзѣ, на яхтѣ, во всякое время.

Король посѣтилъ своего Великаго гостя на четвертый день по пріѣздѣ его, а Царь отдалъ ему визитъ 23-го января, проведя въ бесѣдѣ съ нимъ около двухъ часовъ. Познакомился тогда же Петръ I и съ принцессою Анною (пріі-

емницею Вильгельма на престолѣ), которую, въ письмѣ къ Апраксину въ 1702 г. (отъ 5-го іюня), называлъ онъ почему-то «сущею дочерью нашей церкви». Января 27-го царь посѣтилъ королевское Общество Наукъ, «гдѣ видѣлъ всякія дивныя вещи», побылъ въ Арсеналѣ (въ Лондонской башнѣ) на монетномъ дворѣ, и на Обсерваторіи. Не чуждался и театра, гдѣ, по свидѣтельству Мотли, свелъ короткое даже знакомство съ актрисою Кросъ; чаще всего, однако, являясь въ Дептфордѣ, на верфи королевской.

Въ Дептфордъ, лежащій въ трехъ миляхъ отъ столицы (на правомъ берегу Темзы), Петръ и совсѣмъ переѣхалъ 9-го февраля, помѣстившись въ домѣ мистера Эвелина, задній фасадъ котораго выходилъ къ верфи; такъ что Государь выходилъ на работу прямо, не проходя по улицѣ. Здѣсь, принявшись серьезно за изученіе *кораблестроенія, какъ науки*, Петръ Великій незамѣтно провелъ два съ половиною мѣсяца, неутомимо добиваясь опредѣленія научными пріемами геометрическаго черченія—пропорцій судовъ всѣхъ видовъ и размѣровъ. Ѣздилъ Петръ и въ Вуличъ—главный артиллерійскій складъ съ литейнымъ заводомъ и обширнѣйшимъ арсеналомъ—учиться морской артиллеріи и дѣлать опыты метанья бомбъ. Посѣщая Тоуэръ, на монетномъ дворѣ его, приглядывался, во все вникающій, царь къ искуству чеканить монету, которое доведено было въ Англіи до высокаго совершенства, а въ Москвѣ не выходило изъ младенчества. Всѣмъ интересуясь и все самъ желая видѣть и провѣдать, Петръ былъ и въ засѣданіи Парламента, и въ Оксфордскомъ университетѣ; посѣщалъ собранія квакеровъ и не разъ удѣлялъ время для бесѣдъ о вѣрѣ съ англійскими епископами, которые нашли его сильно упорнымъ послѣдователемъ православія восточнаго.

Представленную Митчелемъ яхту «Транспортъ Рояль» (королевская перевозка), 2-го же марта Петръ попробовалъ, проѣздивъ на ней по Темзѣ, съ маркизомъ Кармартеномъ, часа съ три, на парусахъ, и заявилъ свое удовольствіе въ письмѣ къ Стрешневу: «зѣло изрядным судномъ подарилъ меня король англійскій.» Яхту эту намѣренъ былъ государь Волгою перевести въ Азовское море. Но подаркомъ яхты и модели 120-ти пушечнаго корабля (длин. 1 арш. 14 верш.) Вильгельмъ не ограничилъ своей любезности, давъ еще, по примѣру Голландіи, и примѣрное морское сраженіе, 24-го марта. Для маневровъ, 21-го числа вечеромъ, царь прибылъ въ Портсмоутъ, гдѣ, послѣ ночлега у губернатора, смотрѣлъ на рейдѣ флотъ изъ 12 военныхъ кораблей (изъ нихъ 2 стопушечные), салютовавшихъ ему при самомъ появленіи въ шлюпкѣ. Съ пальбою, при крикахъ экипажа, подъѣхавъ къ 80-ти пушечному кораблю Митчеля «Гамбургъ», государь вошолъ на палубу и въ это время весь флотъ сталъ подъ паруса, направившись въ обходъ остр. Вайта. Затишье заставило, впрочемъ, у Вайта же стать на якорь, чѣмъ воспользовавшись, Петръ посѣтилъ всѣхъ капитановъ кораблей; оссбенно полюбивъ одного, знавшаго кузнечное мастерство. На утро же, когда подулъ благопріятный вѣтръ ВЮВ, корабли построились въ двѣ боевыя линіи и, вступивъ въ дѣло, повторили всѣ боевыя эволюціи подлинной баталіи, къ полному удовольствію Государя, въ восторгѣ оставившаго рейдъ по окончаніи маневровъ. Посѣтивъ Саутгамптонъ, на возвратномъ пути въ Лондонъ былъ Петръ въ Виндзорѣ, лаконически отозвавшись о всемъ этомъ замкѣ съ его великолѣпною капеллою св. Георгія: «зѣло изрядно»!

Все это путешествіе продолжалось шестеро сутокъ, а въ день возвращенія царя въ Дептфордъ (27-го марта) вечеромъ пріѣхалъ бояринъ Головинъ изъ Амстердама, для заключенія условій съ техниками, нанятыми въ Англіи; въ числѣ ихъ упомянемъ будущихъ полезныхъ дѣятелей: Джона Перри инженера, нанятого для соединенія Волги съ Дономъ, Осипа Ная, корабельнаго мастера Петербургской верфи и Андрея Фархерсона, съ помощниками Гвиномъ и Гревсомъ—бывшими наставниками школы навигаторовъ. Изъ Англіи вообще взялъ царь мастеровъ: корабельныхъ, огнестрѣльныхъ, рѣзнаго, станочной оковки, жестяныхъ дѣлъ, инженеровъ и 25 бомбардировъ. Горныхъ техниковъ не взялъ экономный Государь, за высокость просимыхъ ими окладовъ, предпочтя имъ саксонцевъ, а моряки англійскаго флота сами не пошли ни за какія деньги. Апрѣля 9-го, въ Дептфордѣ же, царь принялъ въ службу еще норвежца Корнелія Крюйса вице-адмираломъ, за 9000 гульденовъ въ годъ; да 3-хъ капитановъ изъ голландцевъ, кромѣ разныхъ нижнихъ морскихъ чиновъ, до матросовъ включительно. Послѣднихъ же разомъ взялъ 350 человѣкъ; также нѣсколько лекарей по рекомендаціи Патома Рюйша,—съ которымъ любознательный царь познакомился съ первыхъ дней пріѣзда въ Амстердамъ и котораго единственный кабинетъ, впослѣдствіи купленный, Петръ часто любилъ разсматривать. Въ Дептфордѣ же, Петръ заключилъ условіе съ лордомъ Кармартеномъ объ отдачѣ ему на откупъ торговли табакомъ въ Россіи. Полученная отъ него годовая сумма впередъ—48,000 фунтовъ стерлинговъ, роздана тутъ-же въ задатки нанятымъ техникамъ, кромѣ переведенныхъ г. Виніусомъ на Амстердамъ 82,000 ефимковъ, 42,000 червонцевъ и проданныхъ соболей на 1,000 руб. Съ королемъ Вильгельмомъ, послѣ маневровъ, видѣлся Петръ еще разъ, передъ оставленіемъ его королевства, 18-го апрѣля, и, при этомъ, согласился на его желаніе: позволить списать портретъ свой Кнеллеру, королевскому живописцу, въ свое время считавшемуся лучшимъ художникомъ въ этомъ родѣ.

Портретъ этотъ кисти Кнеллера, по крайней мѣрѣ голова, списанная съ натуры, не оставляетъ желать ничего лучшаго по живости и особенно по выраженію характера предпріимчивости, присущаго Петру; такъ что, имѣя въ виду эти качества, трудно отрицать сходство этого лучшаго изъ петровскихъ портретовъ, временъ его молодости. Изъ Англіи вынесъ Государь самое пріятное чувство достиженія результата путешествія и, въ послѣдствіи, не разъ говаривалъ: «навсегда остался бы я только плотникомъ, если бы не поучился у англичанъ!» Монархъ разумѣлъ одно кораблестроеніе въ этихъ словахъ, но промышленная Англія, своими мастерскими всякаго рода, не переставала интересовать его и по окончаніи занятій въ Дептфордѣ.

Послѣдніе три дня пребыванія въ Лондонѣ, Петръ буквально провелъ на монетномъ дворѣ, въ Тоуерѣ, и только 21-го апрѣля уѣхавъ изъ столицы на яхтѣ своей «Рояль транспортъ», отправился въ Голландію, заѣхавъ еще разъ въ свой любимый Вульвичъ: пострѣлять изъ пушекъ и въ Четэмъ: посмотрѣть флотъ. Туда пріѣхалъ Петръ I, впрочемъ, на малой голландской яхтѣ и провелъ цѣлый день въ подробномъ разсматриваніи внутренняго устройства кораблей. Возвратившись, для продолженія плаванія, на большую яхту свою только 23-го апрѣля—наканунѣ Пасхи, Петръ простоялъ у Мергета на якорѣ весь первый день праздника, за противнымъ вѣтромъ. Съ перемѣною же его, при продолжавшем-

ся еще штормѣ, рано утромъ 25-го апрѣля, безстрашный царь вышелъ въ море и вечеромъ увидѣлъ берегъ Гелветслюйса, но долженъ былъ на ночь стоять на яхтѣ своей на якорѣ; достигнувъ пристани только на четвертый день по выходѣ изъ Темзы. На яхтѣ, каналомъ, доѣхалъ за тѣмъ царь до Дортрехта и тамъ пересѣлъ на шкутъ. 27-го апрѣля осматривалъ университетъ, остановившись въ Лейденѣ, и 28-го числа прибылъ наконецъ въ Амстердамъ, въ помѣщеніе свое на Ость-Индской верфи.

Осмотрѣвъ затѣмъ въ Ло дворецъ штатгальтера, Петръ посѣтилъ Сардамъ, жители котораго докучали такъ ему, при первомъ пріѣздѣ, своимъ назойливымъ любопытствомъ. Здѣсь проведя вечеръ у меннонита Кальфа, царь сталъ отправлять техниковъ въ Москву, черезъ Архангельскъ, пославъ туда яхту. Въ это время онъ былъ уже не доволенъ посредничествомъ голландскихъ штатовъ въ дѣлѣ, заключаемаго императоромъ съ турками, мира, потому и поспѣшилъ въ Вѣну, чтобы остановить, если ему можно, этотъ миръ. Озабоченный, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣстями изъ Москвы, гдѣ поставленные правители не принимали дѣятельныхъ мѣръ къ обузданію являвшихся въ столицу бѣглыхъ стрѣльцовъ, Петръ оставилъ Амстердамъ 13 мая въ дурномъ расположеніи духа. Послы соединились съ государемъ уже въ Нимвегенѣ и здѣсь (17 мая) Петръ далъ своему другу Тессингу привиллегію печатать русскія книги и, въ теченіи 15 лѣтъ, торговать ими въ Россіи. Поставивъ опять и отсюда выѣхать раньше пословъ, государь осматривалъ въ Клеве паркъ съ каскадами и на деревѣ вырѣзалъ свое имя (19 мая); черезъ день же, въ Везелѣ, переправился вмѣстѣ съ послами черезъ Рейнъ. Съ 22-го по 28-е мая, проѣзжая тѣми же мѣстами, какъ въ прошломъ году, Петръ опять былъ въ Коппенбургѣ и Билефельдѣ—на полотняныхъ фабрикахъ (25 мая). Изъ Гальберштадта направившись въ Дрезденъ, черезъ Лейпцигъ, гдѣ провелъ монархъ цѣлый день, въѣхавъ въ городъ при громѣ пушекъ. Въ столицѣ своего новаго союзника Августа II, въ осмотрѣ цейхгауза, кунсткамеры и лабораторіи съ *зеленою кладовою*, незамѣтно провелъ Великій Петръ три дня, съ не меньшимъ любопытствомъ обозрѣвая и крѣпость Кенигштейнъ. Прагу же проѣхалъ государь ночью, останавливаясь за городомъ (6 іюня); черезъ пять дней доѣхалъ, затѣмъ, до Вѣны.

Въ четырехъ миляхъ отъ столицы императора (въ дер. Штокерау) пришлось, однакожъ, Петру четыре дня ожидать министерскихъ распоряженій о въѣздѣ пословъ, совершившемся только 16 іюня. Возникли при этомъ даже и серьезныя затрудненія изъ-за квартиры, которою оставшись недовольны, послы наняли на свой счетъ другое помѣщеніе, въ предмѣстьи Пратеръ, — домъ Кенигсека съ садомъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ велѣлъ этотъ домъ назначить въ распоряженіе посольства.

Царь сперва хотѣлъ было вступить въ столицу императора въ свитѣ пословъ, въ качествѣ дворянина, но, недовольный бѣдною обстановкою въѣзда, по рецепту надменныхъ имперскихъ министровъ-заправителей дѣломъ, пріѣхалъ въ Вѣну съ почтою (13-го іюня), какъ бы предчувствуя путаницу, дѣйствительно, послѣдовавшую отъ упрямства одного военнаго генерала, ведшаго войска на перерѣзъ поѣзду. По милости остановки этой послы простояли восемь часовъ на одномъ мѣстѣ, у Таборской заставы.

Между тѣмъ, личное свиданіе съ императоромъ, выпрошенное Петромъ, во дворцѣ Фаворитѣ (19 іюня), дало возможность государю только склонить Леопольда на объясненіе по дѣламъ турецкимъ черезъ государственнаго канцлера, не дожидаясь дня посольской аудіенціи.

На свиданіе съ императоромъ Петръ явился въ кафтанѣ темнаго цвѣта, голландскаго покроя, *съ поношеннымъ галстухомъ*, при вызолоченной шпагѣ безъ темляка и показался сутуловатымъ, по придирчивымъ замѣчаніямъ австрійскаго церемоніальнаго протокола; тогда какъ императоръ Леопольдъ,—въ сущности воплощенное ничтожество, вышелъ залитый алмазами и обернутый въ бархатъ и кружева. Онъ могъ вяло повторять одни заученные, ничего не выражавшіе, комплименты, на быстрыя предложенія (черезъ Лефорта) царя. Даже, въ противность этикета церемоніи, встрѣтивъ императора не у 5-го, а у третьяго окна, Петръ быстро подошолъ къ нему и непринужденно поздоровался съ нимъ, когда еще Леопольдъ еле выходилъ изъ внутреннихъ комнатъ своихъ. Пройдя же, съ аудіенціи, витою лѣстницею—въ садъ, Петръ не могъ удержаться, чтобы не покататься въ гондолѣ, по пруду. Пославъ къ канцлеру графу Кинскому, послѣ свиданія съ императоромъ, записку о турецкихъ дѣлахъ: думаетъ ли Австрія мириться, чѣмъ при этомъ удовольствуется и что предлагаютъ ей турки? Государь, въ ожиданіи отвѣта, осматривалъ арсеналъ, библіотеку, кунсткамеру и всякаго рода замѣчательности. Въ день имянинъ императора, въ оперѣ, сидя за послами, Петръ увидѣлъ въ первый разъ семейство Леопольда и на утро сдѣлалъ визитъ императрицѣ въ зеркальной залѣ, въ Фаворитѣ. На этотъ разъ государь былъ предупрежденъ императрицею, его встрѣтившею, и, сказавъ нѣсколько комплиментовъ, спросилъ о лѣтахъ принцессъ, хваля красоту ихъ. Императрица освѣдомилась, въ свою очередь, о здоровьѣ *сестры своей* царицы *московской*; что Петру очень понравилось, какъ и весь визитъ у ея Величества, хотя и не долго продолжавшійся. Сама императрица возъимѣла тоже глубокое уваженіе къ Петру и, впослѣдствіи, предлагая прислать въ Вѣну царевича Алексѣя Петровича, котораго Петръ хотѣлъ учить въ Берлинѣ, просила измѣнить первоначальное рѣшеніе, проча за наслѣдника Петра I одну изъ дочерей своихъ.

Іюня 28-го, Петръ имѣлъ свиданіе и съ наслѣдникомъ престола въ Аугартенѣ, проговоривъ въ большой аллеѣ съ четверть часа, стоя съ нимъ безъ шляпъ. За день же до того имѣлъ конференцію государь въ посольскомъ домѣ съ графомъ Кинскимъ, и выговаривалъ ему: зачѣмъ вздумалъ императоръ мириться съ турками одинъ, не думая о такомъ союзникѣ, какъ Россія?—Слѣдствіемъ объясненія было представленіе канцлеру статей, которыя Австрія должна выговорить въ пользу Россіи при мирѣ съ Турціею; въ случаѣ отказа обязавшись не мириться до 1701 года, какъ положено въ договорѣ. Петръ хотѣлъ получить Керчь: «безъ чего», по словамъ 1-го пункта записки, «никакой пользы намъ отъ мира не будетъ». Но, отвѣтъ Леопольда (30 іюня) о трудности принудить турокъ на уступку Керчи, не взявъ ея оружіемъ,—не успокоилъ государя, который, наканунѣ, въ день тезоименитства своего (29 іюня) пригласилъ къ себѣ на пиръ, именемъ пословъ, все высшее общество Вѣны, угостивъ до 1,000 особъ обоего пола. По приказанію императора, каммеръ-музыканты его и итальянскіе пѣвцы съ пѣвицами дали въ посольскомъ саду, при этомъ, серенаду; а самъ царь зажегъ летучею ракетою пышный фейерверкъ, для

смотрѣнія его перевезя гостей на другой берегъ рѣки. Танцы, начавшіеся за тѣмъ, продолжались до разсвѣта и, описывая ихъ, царь въ письмѣ къ Виніусу выразился такъ: «были до свѣта, и безпрестанно употребляли *тара-ра*, *тара-ра* кругомъ, изъ которыхъ иные и свадьбы съиграли въ саду».

За назначеніемъ на конгрессъ съ турками, со стороны Россіи, Возницына, Петру оставаться больше въ Вѣнѣ было уже не зачѣмъ и онъ намѣренъ былъ ѣхать въ Италію, если бы не задержала его дача аудіенціи посламъ, состоявшаяся, какъ извѣстно, только 18-го іюля, послѣ долгихъ споровъ, вслѣдствіе которыхъ на 10-е число она была даже отказана.

До аудіенціи, впрочемъ Леопольдъ, успѣлъ устроить для Петра пышный маскерадъ, строго этнографическаго характера; такъ какъ костюмы участниковъ изображали народы всѣхъ странъ свѣта.

Петру прислано было росписаніе костюмовъ, съ просьбою выбрать для себя нарядъ по личному вкусу, но онъ отвѣтилъ, что будетъ *въ своемъ костюмѣ* фрисландскаго крестьянина, привезенномъ изъ Голландіи, и былъ извѣщонъ, что назначенная въ пару къ нему *подруга*—фрейлина Іоганна фонъ-Турнъ,—будетъ также одѣта. Императоръ съ императрицею, нарядившись «хозяиномъ и хозяйкою гостинницы», по собраніи гостей прислали сказать государю, что *не достаетъ въ ихъ отели, на праздникѣ, Фрисландскаго* крестьянина. По такому зову царь и отправился во дворецъ, «черезъ садъ». Поздоровавшись съ высокими хозяевами, встрѣтившими его съ музыкою у дверей залы, Петръ быстро прошелъ ее, отыскалъ свою пару и открылъ съ нею балъ. За столомъ, накрытымъ въ верхней галлереѣ на 80 персонъ, Петра посадили шестымъ отъ императрицы, съ фрейлиною Турнъ по правую, и фельдмаршальшею Штаренбергъ, по лѣвую руку. За стуломъ царя стояли два молодые чеха. Въ половинѣ ужина самъ императоръ, вставъ изъ-за стола, поднесъ бокалъ венгерскаго *Фрисландцу* и наливъ себѣ за тѣмъ въ тотъ же бокалъ вина, онъ выпилъ за его здоровье. Хрустальный бокалъ работы Ди-Рокка,—изъ котораго пили государи,—цѣнимый въ 2000 гульденовъ, посланъ былъ потомъ царю въ подарокъ, вмѣстѣ съ тремя конями испанской породы, съ императорскихъ конюшень.

Затѣмъ іюля 11-го числа, Петра посѣтилъ *инкогнито* императоръ Леопольдъ, подъѣхавъ къ заднимъ воротамъ посольскаго дома и пройдя пѣшкомъ черезъ садъ на дворикъ, гдѣ встрѣтилъ его Петръ безъ шляпы, шпаги и перчатокъ. Введя въ комнату императора, стоя проговорилъ съ нимъ царь съ четверть часа, не упомянувъ ни слова объ аудіенціи и снова, потомъ, проводилъ до дворика. Іюля же 15-го Петръ ѣздилъ прощаться съ Леопольдомъ и его семействомъ, на нѣсколько минутъ, торопясь домой, гдѣ все уже готово было къ отъѣзду въ Венецію и четверо волонтеровъ даже отправлены туда впередъ.

Но въ то время, когда происходило прощаніе государей, почта привезла изъ Москвы донесеніе кн. Ромодановскаго, отъ 17 іюня, о томъ, что стрѣлецкіе полки на литовской границѣ возмутились и, прогнавъ полковниковъ, съ пушками идутъ къ Москвѣ, находясь отъ нея только въ 90 верстахъ. Письмо это измѣнило рѣшеніе Петра ѣхать въ Венецію и онъ написалъ отвѣтъ: «пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго, т. е. злые замыслы стрѣльцовъ) растетъ; въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ

сего ни чѣмъ сей огонь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла, однако, сей ради причины будемъ къ вамъ, такъ какъ вы не чаете».

Выѣхать прямо все же нельзя было, потому что 18 іюля, какъ сказали мы, уже назначена, наконецъ, такъ долго ожидаемая, посольская аудіенція; послѣ которой, за обѣдомъ, царь стоялъ за стуломъ Лефорта, а онъ, подъ видомъ отвѣданія вкуса винъ, взялъ и подалъ первый бокалъ Петру. За тѣмъ пили послы уже. Только на другой день послѣ этого (19 іюля) царь, принявъ Римскаго короля Іосифа, въ 4 часа уѣхалъ въ Россію, къ полному удивленію вѣнскаго двора, еще незнавшаго московскихъ происшествій. Первые пять дней, черезъ Никольсбургъ, Брюннъ, Ольмюцъ, Троппау, Ратиборъ, Тарновицъ и Олькушъ—въ Краковъ, ѣхалъ Петръ днемъ и ночью. Въ Краковѣ приготовленъ былъ обѣденный столъ, но царь не принялъ приглашенія и поспѣшилъ выѣхать далѣе. Только за городомъ уже получилъ онъ донесеніе объ усмиреніи стрѣлецкаго мятежа; а потому, дальнѣйшую часть путешествія совершилъ съ разстановками и ночлегами, веселясь съ польскими помѣщиками и осматривая замѣчательности. Въ Величкѣ спускался онъ въ соляныя копи по лѣстницѣ, имѣвшей 333 ступени, посѣтивъ и три подземные храма въ шахтахъ. Близь Бохни же (25-го іюля) осматривалъ лагерь войска короля Августа, съ которымъ лично увидѣлся, съѣхавшись въ м. Равѣ, близь Томашова (31-го іюля) и проведя вмѣстѣ четыре дня (по 3-е августа). Отсюда въ семнадцать дней прибылъ государь въ Смоленскъ *); 25-го же августа, въ вечерни, въѣхалъ въ Москву и, проводивъ пословъ въ дома ихъ, отправился въ Преображенское.

Въ отсутствіе Петра, переведенные послѣ зимовки въ Азовѣ, на службу же, на литовскую границу, стрѣлецкіе полки Козина, Чернова, Чубарова и Гундертмарка, въ великій постъ прислали въ Москву 115 человѣкъ, будто бы жалобу принесть боярамъ на скудность содержанія, въ самомъ же дѣлѣ: предложить царевнѣ Софьѣ правленіе государствомъ. Тягостная служба при взятіи Азова смѣнилась для нихъ, стрѣльцовъ, еще большими трудами и лишеніями на постоянномъ квартированіи на границѣ; тогда какъ они привыкли въ Москвѣ, въ старину, послѣ непродолжительныхъ лѣтнихъ маневровъ, къ лѣни и кутежу, зимою. Въ такомъ невыгодномъ для себя порядкѣ вещей обвиняли они Петра съ его затѣями для «всенароднаго отягощенія», по ихъ словамъ, и рѣшились явнымъ возмущеніемъ отдѣлаться въ столицѣ отъ его сторонниковъ, а его, при возвращеніи, не допустить до Москвы, разсѣявъ слухъ заранѣе, что царя уже нѣтъ на свѣтѣ. Царевна жила въ Новодѣвичьемъ монастырѣ непостриженная. Прислуга у ней оставлена вся прежняя и содержаніе также щедрое. У воротъ монастырскихъ караульными были преображенцы и семеновцы, но богомольцевъ пропускали они. А безъ царя, Софья являлась даже въ крестныхъ ходахъ, въ храмовые праздники. Заговоръ Цыклера, правда, заставилъ усилить бдительность за царевною: не стали пускать и нищихъ; но, ограниченный, князь Ромодановскій позволилъ Авдотьѣ, карлицѣ царевны Маѳы Алексѣевны, носить

*) Черезъ Замостье, Хелмъ, Брестъ-Литовскъ, Пружаны, Слонимъ, Миръ, Минскъ, Бобръ и Шкловъ.

къ заключенной *стряпню* (рукодѣлья, кушанья и сласти). Черезъ карлицу, этимъ путемъ, сестры царевны, враждебныя Петру, и стали (въ хлѣбахъ) передавать Софьѣ Алексѣевнѣ письма съ вѣстями отъ стрѣльцовъ. Отвѣты свои царевна также отсылала *въ стряпню*.

Стрѣльчихи, ходя къ царевнамъ, подъ видомъ просительницъ на храмы и на бѣдность, передавали вѣсти, ходившія въ слободахъ, и распускали слухи, какіе угодно было царевнамъ, по указаніямъ въ стряпнѣ. Одна изъ стрѣльчихъ Артарская свела знакомство съ постельницами царевны Маѳы Алексѣевны (Жуковой и Клушиной) и передала черезъ нихъ письмо царевнѣ «о стрѣлецкихъ нуждахъ», данное ей стрѣльцами Чубарова полка: Проскуряковымъ и Тумою. Отвѣтъ, чрезъ нее же переданный Тумѣ, былъ—воззваніе самое возмутительное. «Вѣстно мнѣ учинилось,—писала въ немъ Софья,—что вашихъ полковъ приходило къ Москвѣ малое число и вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ и бить челомъ: идти мнѣ къ Москвѣ противъ прежняго, на державство; а если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ отпускать не стали, и съ ними бы управиться и ихъ побить, и въ Москвѣ быть; а кто бы не сталъ пускать, съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы учинить съ ними бой».

Съ умысломъ распространили слухъ, что *нѣтъ уже царя*, и пришлось это кстати, потому что цѣлый мѣсяцъ замедленія почты весною заставилъ самихъ правителей усумниться: не правду-ли говорятъ слухи? «И на всѣхъ бабій страхъ напалъ», какъ выразился Петръ въ весеннемъ грозномъ письмѣ своемъ, передъ отъѣздомъ изъ Лондона.

Высланные изъ Москвы, съ семеновскими солдатами, бѣглые стрѣльцы въ Великихъ Лукахъ смѣло распространяли воззваніе Софьи въ полкахъ своихъ. А тутъ еще подоспѣло второе посланіе царевны, присланное съ сестрою Тумы, на имя десятниковъ и пятидесятниковъ: «нынѣ вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Идите къ Москвѣ. Чего стали? про государя ничего не слышно.»

Стрѣльцы, при такихъ вѣстяхъ, и стали сбираться къ Москвѣ, да, составляя сборища, между собою толковать. Въ концѣ же мая изъ Великихъ Лукъ перевели эти полки ближе къ польской границѣ, въ Торопецъ, въ главную квартиру князя М. Г. Ромодановскаго, а 2-го іюня его самого вызвали въ Москву, и полкамъ велѣно стоять: одному въ Вязьмѣ, другому въ Бѣломъ, третьему въ Ржевѣ и четвертому въ Дорогобужѣ, «бѣгавшихъ же въ Москву схватить и сослать на вѣчное житье». Когда Ромодановской объявилъ рѣшеніе Думы о выдачѣ бѣглецовъ, присланному за ними, Микулину,—уже вспыхнулъ явный бунтъ. Кн. Ромодановскій, видя затруднительность своего положенія, прежде всего выѣхалъ изъ Торопца въ поле съ новгородскими полками и велѣлъ стрѣльцамъ, чтобъ *непричастные къ бунту* отдѣлились и шли съ полковниками, куда написано; но не многимъ пятисотеннымъ удалось уговорить своихъ людей исполнить этотъ приказъ. Однако, полки Чубарова и Гундертмарка вышли первые; мятежники же выдѣлились, и, въ глазахъ Ромодановскаго, захвативъ пушки и знамена, пошли за полками. Идя такимъ образомъ дня два и достигнувъ уже Двины, всѣ четыре полка сошлись, и, тутъ-то, 4-го іюня, возникло общее возстаніе. Пятидесятникъ Масловъ прочолъ воззваніе Софьи и общій крикъ «идемъ къ Москвѣ!» заглушилъ слова команды полков-

никовъ. У Ржева, впрочемъ, взяло было раздумье возмущонныхъ и хотѣли они уже повернуть на дорогу къ Бѣлой, но братья Калистратовы, загородивъ дорогу, не пустили робкихъ.

Первое извѣстіе о бунтѣ явилось въ Москвѣ 10-го іюня. Получивъ его, бояре ночью же собрались, но не пришли ни къ какому рѣшенію. На утро, не получивъ донесенія полковниковъ, оставшихся вѣрными, и не зная причины мятежа, послали Шеина и Гордона «съ ратными людьми московскаго чина и солдаты» не пропускать стрѣльцовъ къ Москвѣ. Іюня 13-го войско ихъ выступило на Ходынку, въ составѣ 3700 человѣкъ (возмутившихся было 2200 человѣкъ), а 16-го, сдѣлавъ смотръ, Шеинъ повелъ своихъ защитниковъ столицы въ Тушино. Получивъ же, тамъ, въ ту же ночь извѣстіе, что возмутившіеся стрѣльцы направились къ Воскресенскому монастырю, военачальники сами туда поспѣшили и предупредили ихъ. Гордонъ занялъ выгодную позицію на холмахъ, на лѣвомъ берегу Истры, и, здѣсь, встрѣтивъ мятежниковъ, пересѣкъ имъ дорогу. Стрѣльцы прислали къ Шеину извѣтъ, излагая причины, побудившія ихъ къ возстанію и выставляя тягости своей службы. Шеинъ послалъ на слѣдующій день Гордона уговаривать мятежниковъ, требуя: выдачи 145-ти зачинщиковъ и удаленія остальныхъ, по назначенію. Не могши убѣдить стрѣльцовъ доводами, Гордонъ далъ имъ четверть часа времени на размышленіе, прибавивъ: «если теперь не воспользуетесь милостью государя, потомъ не пеняйте!»—самъ же велѣлъ раздать войскамъ патроны. И, когда срокъ прошолъ, далъ залпъ изъ 25 пушекъ, поднявъ орудія, такъ что ядра пролетали надъ головами мятежниковъ. Видя безвредность залпа, стрѣльцы, съ крикомъ «Сергіе!» грянули изъ своихъ мушкетовъ, ранивъ нѣсколькихъ ратниковъ царскихъ, но, тутъ полковникъ Граге, понизивъ орудія и давъ залпъ въ густыя толпы мятежниковъ, смѣшалъ ихъ. Думая скрыться въ ущельяхъ, они встрѣчены Лефортовымъ полкомъ и, взятые во флангъ четырьмя ротами Бутырцевъ, обратились назадъ. Послѣдовалъ третій выстрѣлъ и они съ крикомъ бросились на царскую пѣхоту, но четвертый залпъ, на близкомъ уже разстояніи, положилъ ихъ цѣлыми рядами, наведя панику на остальныхъ; бросившихся бѣжать, куда попало. Оставшіеся просили пощады и впустили въ свой лагерь два баталіона Бутырскаго полка. Затѣмъ мятежники были переловлены и разсажены въ Воскресенскомъ монастырѣ, подъ крѣпкій караулъ.

Іюня 19-го бояре прислали указъ о приступленіи къ розыску, не открывшему происковъ Софьи Алексѣевны, скорѣе всего упущенныхъ изъ вида Шеинымъ. 1-го Іюля приговорили къ казни виновныхъ, а 2-го семьдесятъ четыре человѣка повѣсили, да 1905 человѣкъ послали въ ссылку. Іюля же 3-го Шеинъ воротился въ Москву съ большимъ полкомъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Петръ воротился въ столицу свою и, побывавъ въ нѣсколькихъ домахъ въ городѣ и въ *нѣмецкой слободѣ*, не видѣлъ жены своей, ожидавшей его съ большимъ, чѣмъ кто другой, нетерпѣніемъ. Чѣмъ провинилась она? остается тайною, унесенною обоими супругами въ гробъ съ собою. Кажется, связь царицы съ державнымъ супругомъ ея на вѣки разорвалъ заговоръ Соковнина, гдѣ участвовали родные ея. Если тутъ не была замѣшана другая страсть, замѣнившая натянутыя супружескія отно-

шенія?—Не случайно же царь Петръ, въ день пріѣзда своего въ Москву, побывалъ въ нѣмецкой слободѣ, въ домѣ купчихи Монсъ?

Еще изъ Лондона прислалъ царь повелѣніе боярамъ и духовнику царицы Евдокіи: *склонить ее къ постриженію* добровольному, но Стрѣшневъ далъ отвѣтъ, что Евдокія «упрямится, а духовникъ малославный человѣкъ; а что ему письмомъ подновить, то онъ больше станетъ прилежать». Петръ *подновилъ* письмомъ изъ Амстердама; но и это не подѣйствовало. Наконецъ, на седьмой день по возвращеніи въ Москву, самъ государь уговаривалъ, въ домѣ Виніуса, супругу свою, въ продолженіи 4-хъ часовъ съ нею бесѣдуя, по донесенію Гворіента; она все стояла на своемъ. Черезъ три недѣли послѣ этого свиданія, любимая сестра Петра, царевна Наталья Алексѣевна, взяла изъ Кремля, отъ Евдокіи—сына, въ свое помѣщеніе въ Преображенское, а мать увезли въ простой каретѣ, безъ свиты, въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь (23 сентября). Въ іюнѣ же слѣдующаго (1699) года послѣдовалъ царскій указъ архимандриту Спаса-Евфимьева монастыря въ Суздалѣ, Варлааму, постричь ее въ монашество подъ именемъ Елены; что и исполнено іеромонахомъ Иларіономъ въ кельяхъ казначеи Маремьяны.

Сплетни стрѣльчихъ обвиняли въ остудѣ царя къ женѣ царевну Наталью Алексѣевну, а иностранные писатели (какъ напр. Ал. Гордонъ) указываютъ, какъ на причину разлада, на ревность царицы и упреки за привязанность Петра къ иностранцамъ; къ которымъ вся родня Евдокіи питала ненависть, а братъ ея явно, въ присутствіи даже Петра, оскорблялъ Лефорта. Въ манифестѣ 1718 года Петръ выразилъ самъ причину удаленія Евдокіи, лаконическою фразою: «для нѣкоторыхъ ея противностей и подозрѣнія». Во всякомъ случаѣ подозрѣнія эти должны были быть велики, если Петръ удалилъ, недавно еще любимую, жену — мать его наслѣдника. Передъ царемъ больше не стояло, съ ея удаленіемъ, никого уже, заступавшагося за старые обычаи и ломка ихъ началась съ самаго же пріѣзда Петра изъ-за границы.

Въ день именинъ любимой сестры государя, на другой день пріѣзда его въ Москву, рано утромъ (26-го августа) явились во дворецъ, въ Преображенское, какъ вельможи, такъ и люди не очень знатные,—*поклониться* Петру. Онъ ласково привѣтствовалъ всѣхъ, многихъ обнималъ и собственноручно подбрѣзалъ тутъ же у нѣсколькихъ, привѣтствовавшихъ его, бороды: у перваго Шеина, потомъ у Ромодановскаго; пощадивъ, однако, Т. Н. Стрешнева, да старца князя М. А. Черкасскаго. Въ день новолѣтія (1 сентября), на пиру у Шеина, повторились такія же сцены. Гостей было множество, отъ бояръ до матросовъ. Царь самъ изъ своихъ рукъ раздавалъ яблоки, по старому обычаю, шутилъ, предлагалъ тосты при пушечной пальбѣ и, въ минуты величайшаго веселья, явившійся съ ножницами шутъ у нѣсколькихъ гостей отхватилъ бороды, при общемъ смѣхѣ. Такъ легко удалось совершить Петру I переворотъ въ исконныхъ мнѣніяхъ, что «бороду брить грѣхъ».

Въ окружномъ посланіи патріарха Адріана, лѣтъ за семь не больше, прямо приводилъ святитель въ примѣръ кары за бородобритіе, постановку на иконѣ страшнаго суда съ обритыми бородами «бесерменовъ, лютеровъ, поляковъ и другихъ» *ошуюю*. За три мѣсяца Ромодановскій, услышавъ, что Головинъ явился въ Вѣнѣ безъ бороды, въ нѣмецкомъ платьѣ, вскричалъ съ негодо-

ваніемъ: «не хочу вѣрить, чтобы Головинъ дошолъ до такого безумія»! и, между тѣмъ, самъ на себѣ скоро испыталъ, что, обривъ бороду, онъ не сталъ нисколько глупѣе прежняго. Мало того еще, что обрилъ царь бороду кому-нибудь, но онъ *сдѣлалъ обязательнымъ бритье* для всѣхъ, положивъ особый сборъ за пощеніе бороды, тогда же придумавъ и бородовые знаки для заплатившихъ за право не бриться.

Обривъ бороды аристократамъ своимъ, царь велѣлъ имъ перемѣнить и костюмъ исконный русскій—на иностранный; чтобъ не дичились и не чуждались нѣмцевъ его подданные, за простоту одежды. Костюмъ самого Петра былъ очень простъ всегда. *Шкипером*ъ носилъ онъ темно-сѣрый или черный кафтанъ суконный, на стамедѣ, съ волосяными пуговицами. Въ Голландіи, какъ говорили мы, носилъ *Петръ Михайловъ* красный фризовый бострогъ (куртку широкую или короткую блузу), а *обыкновенно*, въ будни, впослѣдствіи—тотъ же бострогъ изъ синяго сукна съ серебряными пуговицами, съ суконными же или саржевыми штанами. Въ праздники кафтанъ *шкипера* нашего бывалъ бархатный черный, на подкладкѣ изъ объяри песочнаго цвѣта съ обшитыми золотомъ пуговками; на шеѣ же галстухъ съ кружевами. Былъ у него еще суконный французскій кафтанъ, съ шелковыми пуговицами, васильковаго цвѣта, на красной камчатной подкладкѣ и къ нему штаны черные бархатные, съ камзоломъ изъ шелковаго *муара*. Зимой же Петръ носилъ *азямъ* на бѣлыхъ хребтахъ, крытый китайской матеріей вишневаго цвѣта съ собольею опушкою; вотъ и весь гардеробъ царя—повелителя чуть не полуміра.

Обривъ бороды, на первыхъ же дняхъ пріѣзда не оставилъ Петръ и тщательнаго изслѣдованія стрѣлецкаго бунта, далеко не приведеннаго въ извѣстность по боярскому суду. Съ 17-го сентября 1698 года начались допросы съ употребленіемъ пытокъ; огнемъ даже. Тутъ ясно обрисовались планы и вмѣшательство Софьи Алексѣевны; что Петръ заранѣе и предвидѣлъ. Онъ самъ въ селѣ Покровскомъ допрашивалъ царевну Марѳу Алексѣевну, а 27-го сентября и Софью. Послѣдняя, какъ всегда, заперлась о письмахъ стрѣлецкихъ, не смотря на всѣ улики ея собственныхъ женщинъ и стрѣльцовъ. Новыя показанія дали Петру даже убѣжденіе, что *всѣ сестры*, кромѣ родной его (Натальи Алексѣевны) участвовали въ дѣлѣ; потому онъ и оставилъ о нихъ дальнѣйшіе розыски. 30 сентября повѣсили 201-го стрѣльца, да 100 сослали. У покровскихъ воротъ, куда явился самъ Петръ въ польскомъ кафтанѣ, читанъ смертный приговоръ и, когда дѣлались приготовленія къ казни, предсталъ передъ царя патріархъ Адріанъ, съ иконою Богоматери въ рукахъ, умоляя о пощадѣ и милосердіи. Ему гнѣвно сказалъ тутъ Петръ: «зачѣмъ подвигнулъ ты святую икону? Удались и поставь ее на свое мѣсто. Я чту Бога и Пресвятую Богородицу, не менѣе тебя; но долгъ мой охранять народъ и наказывать злодѣяніе».

Въ отсутствіе царя, уѣхавшаго въ Сергіеву лавру на встрѣчу прибывшему вице-адмиралу Корнелію Крюйсу, открыты между тѣмъ новыя нити заговора и извѣстія, остановившія на двѣ недѣли поѣздку царя въ Воронежъ, къ флоту. Вторично пришлось допрашивать царевну Марѳу Алексѣевну (8-го октября), въ томъ же Покровскомъ. Затѣмъ наступила вторая эпоха казней, когда въ семь дней (октября 11, 12, 13, 17—19 и 21) повѣшены 773

стрѣльца, всѣ оказавшіеся виновными въ мятежѣ и его послѣдствіяхъ; изъ числа ихъ, 195 человѣкъ казнены передъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, противъ оконъ царевны Софьи. Она же теперь пострижена съ именемъ Сусанны; также какъ и Марѳа Алексѣевна (названная Маргаритою и заключенная въ Александровской слободѣ, въ Успенскомъ монастырѣ). Къ Софьѣ ѣздить сестрамъ позволилъ государь только два раза въ годъ, въ храмовой монастырскій праздникъ (28-го іюля), да въ Пасху. Любопытны и послѣднія слова инструкціи царя, по этому случаю данной Ромодановскому: «со здоровьемъ—бабъ и дѣвокъ не посылать,... а въ праздники бывъ, не оставаться; если останется,—до другаго праздника не выѣзжать и не выпускать. Пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старицы ладно, только бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ *спаси отъ бѣдъ*, а въ паперти деньги на убійство даютъ».

Розыски стрѣльцовъ еще продолжались; съ ними и казни. Февраля 3-го 1699 г. казнено на болотѣ и красной площади еще 137 человѣкъ, а 86 человѣкъ «пущіе заводчики» оставлены еще на годъ и, допрошенные 30 января 1700 г., казнены тогда уже, 9-го февраля (послѣдніе 40 человѣкъ, да 25 сосланы на каторгу).

Нельзя не видѣть на ихъ участи смягченія уже, справедливо разгнѣваннаго, государя, которому грозные розыски показали участниковъ въ зломысліи во всѣхъ стрѣлецкихъ полкахъ. Потому,—чтобы покончить съ этими неистовыми преторіанцами Москвы, навязанными старыми порядками,—Петръ призналъ за лучшее уничтожить и всѣ остальные шестнадцать полковъ стрѣлецкихъ. Для того, въ іюнѣ 1699 г. велѣно стрѣльцовъ *распустить* «по городамъ въ посадъ, куда кто похочетъ», выславъ туда же семейства ихъ, а имущество въ Москвѣ отдать желающимъ «на оброкъ». Бывшихъ же стрѣльцовъ, изъ мѣстъ избраннаго ими пребыванія, не пускать уже въ столицу. Въ солдаты принимать стрѣльцовъ запрещено было въ началѣ и, только уже въ 1702 и 1704 годахъ изъ нихъ сформированы были новые полки: Нечаева и Протопопова, да Нелидова и Бутурлина; кромѣ оставленныхъ стрѣльцовъ Новгородскихъ, Псковскихъ и Смоленскихъ, не принимавшихъ участія въ бунтахъ своихъ московскихъ товарищей.

Опасность для государственнаго покоя, отъ участія сестеръ государя въ заговорѣ, постепенно раскрывавшаяся съ открытіями стрѣлецкаго розыска, остановила отъѣздъ Петра въ Воронежъ до 23-го октября (1698 г.), когда уже наступила распутица и, по собственному замѣчанію государя, онъ и спутники «въ семъ пути несказанную нужу приняли; однакожъ, по суетному теченію времени, тотъ же часъ забыли, какъ пріѣхали».

Да и какъ же было не забыть, когда, за испытанныя непріятности съ лихвою вознаградилъ царя видъ 20-ти кораблей. Въ магазинахъ, противъ города, кромѣ другихъ припасовъ, было до 300 чугунныхъ пушекъ, присланныхъ изъ Швеціи. «Все въ зѣло *изрядномъ состояніи* нашли мы», писалъ Петръ, «только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣти».

Чтобы *не укоснить*, Петръ и заложилъ 19-го же ноября, по своему чертежу, англійскимъ манеромъ, 60-ти пушечный корабль «Предестинація»;

придумавъ такой способъ постройки, что корабль, даже въ случаѣ поврежденія киля, могъ держаться на водѣ, по словамъ очевидца Перри. Дѣло закипѣло и у другихъ мастеровъ, такъ что «препараторіумъ великій» подлинно сдѣлалъ царь Петръ. И все это на случай войны съ Турціею. «Состоится ли миръ или нѣтъ, я выведу флотъ мой въ море», говорилъ въ Москвѣ царь Гордону, а на замѣчаніе его, что нужно предварительно бы устроить гавань, промолвилъ: «корабли мои сами найдутъ себѣ пристань!»

Приготовленія эти оказались какъ нельзя болѣе кстати, потому что на конгрессѣ въ Карловицѣ, австрійцы, не стоя за наши интересы, заключили отдѣльный миръ и пришлось на турокъ дѣйствовать страхомъ, такъ какъ они сами заявили еще домогательства о возвращеніи Азова и городовъ по Днѣпру, Возницынъ же предъявилъ царское требованіе объ уступкѣ еще Керчи. При такомъ положеніи дѣло ограничилось простымъ перемиріемъ, нужнымъ царю для выиграния только времени; да и на него турки не соглашались потомъ. Въ этихъ обстоятельствахъ къ веснѣ 1699 года сказанъ походъ, а для усиленія доходовъ на военныя издержки царь завелъ гербовую бумагу, мысль о которой подалъ дворецкій Б. П. Шереметева, извѣстный съ этихъ поръ *прибыльщикъ*, Алексѣй В. Курбатовъ. Для того же, чтобы обнадежить торговыхъ людей въ дѣйствительности дѣлопроизводства на гербовой бумагѣ, преобразовано городское управленіе заведеніемъ бурмистерской палаты, съ выборомъ въ бурмистры самими городскими обывателями изъ своей среды.

Устроивъ это дѣло и заключивъ пиры на масляницѣ фейерверкомъ (19-го февраля 1699 г.), Петръ поѣхалъ въ Воронежъ приготовить *морской караванъ*. Безъ царя же умеръ Лефортъ, послѣ короткой болѣзни (злокачественной горячки), въ ночь на 2-е марта, отъ простуды, схваченной при угощеніи посланниковъ Датскаго и Бранденбургскаго, въ концѣ февраля на открытомъ воздухѣ.

По словамъ современныхъ иностранныхъ писателей, Петръ заплакалъ, прочитавъ увѣдомленіе о смерти своего друга, и поскакалъ въ Москву хоронить его, успѣвъ прибыть въ столицу 8 марта и назначивъ похороны 11-го числа, на которыхъ тоже плакалъ, прощаясь съ дорогимъ усопшимъ.

Возницынъ, присмотрѣвшись къ направленію умовъ турецкихъ сановниковъ на конгрессѣ, далъ, опечаленному потерею Лефорта, Петру дѣльный совѣтъ: послать въ Константинополь *умнаго человѣка*, который бы поступалъ смѣло и дѣльно, смиреннымъ отнюдь себя не показывая; такъ какъ мира съ Россіею турки желаютъ.

Царь послушался и выбралъ Емельяна Игнатьевича Украинцева, велѣвъ ему отправиться въ Царьградъ на нашемъ военномъ кораблѣ и *бросить якоръ подъ стѣнами Сераля, съ пушечною пальбою*. Для удостовѣренія же турокъ, что у насъ не одинъ этотъ корабль, самъ Петръ захотѣлъ проводить его съ сильною эскадрою до Керчи.

Турки думали, что большія суда не могутъ выйти изъ Дона въ море и, чтобы разувѣрить ихъ, Петръ снарядилъ эскадру изъ 10 кораблей, 2 галеръ, яхты, 2-хъ гальотовъ, 3 бригантинъ и 4 струговъ съ 500 казаковъ. Іюля 30-го 1699 г. данъ былъ приказъ съ первымъ попутнымъ вѣтромъ идти въ море «для обучительной баталіи», и 5-го августа суда вышли въ

море, снявшись съ таганрогскаго рейда. На слѣдующій день, отойдя всего верстъ съ двадцать, эскадра попала въ штормъ и должна была бросить якорь. Стоя здѣсь, 7-го августа, сдѣлано было, по приказу адмирала, *примѣрное сраженіе* судовъ нашихъ, построенныхъ по пяти вымпеловъ въ линію. «Высшій командоръ Петръ Михайловъ» занималъ второе мѣсто, между Фохтомъ и генералъ-адмираломъ, противъ капитана Ф. Памбурга. Бой продолжался—до поднятія бѣлаго флага на адмиральскомъ кораблѣ 1½ часа,—и съ прекращеніемъ его эскадра воротилась въ Таганрогъ исправлять поврежденія, сдѣланныя бурею. Вновь снялись съ якоря суда наши только 14-го августа, а 17-го числа, эскадра бросила якорь, при входѣ въ проливъ, въ 15-ти верстахъ отъ Керчи, на слѣдующій день ставъ противъ самаго города и отсалютовавъ ему троекратною пальбою. Турки съ 4-хъ кораблей своихъ отвѣтили тѣмъ же числомъ выстрѣловъ и тогда на берегъ послана шлюпка подъ бѣлымъ флагомъ, съ увѣдомленіемъ о посланникѣ. Паша съ своей стороны спросилъ: почему съ посланникомъ пришолъ такой большой караванъ?—и, не удовлетворившись объясненіемъ: что это для провода посланника,—объявилъ, что онъ ни одного чужого корабля не смѣетъ пропустить Чернымъ моремъ, къ Константинополю; а потому прислалъ своего провожатаго, который долженъ былъ провести посла сухимъ путемъ. Украинцевъ съ своей стороны настаивалъ на поѣздку моремъ; такъ что, по необходимости, пришлось согласиться Муртозѣ-пашѣ, вообще старавшемуся оказывать всевозможныя вѣжливости прибывшимъ на эскадрѣ. Августа 21-го Головинъ сдѣлалъ визитъ турецкому адмиралу, причемъ былъ и Петръ въ одеждѣ сардамскаго плотника. Наконецъ, 24-го августа турки отпустили Украинцева ѣхать моремъ, въ сопровожденіи своихъ четырехъ кораблей.

Простившись съ посломъ своимъ; часа черезъ два, отсалютовавъ Керчи, пошелъ и Петръ въ обратный путь. Прибывъ же къ Таганрогу только 31-го августа, на слѣдующій день государь освятилъ въ немъ христіанскую церковь, и пробывъ тамъ 4 дня, да ночевавъ въ Азовѣ, уѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ, проработавъ недѣли полторы на кораблѣ своемъ, воротился въ Москву.

Цѣль была достигнута. Украинцевъ, хотя пущенъ въ Черное море, не въ тотъ день когда уѣхала эскадра, но все же *пущенъ* (28-го августа), и 2-го сентября въ полдень, самою серединою пролива прошолъ черезъ Босфоръ первый русскій корабль, бросивъ якорь въ трехъ миляхъ отъ Цареграда, а 6-го числа, послѣ новыхъ споровъ съ турецкими властями, пойдя передъ *сандаломъ* посланника, корабль бросилъ якорь въ виду Сераля (7-го сентября), давъ привѣтственный залпъ ему изъ всѣхъ своихъ орудій. Прибытіе корабля дало переговорамъ посланника большее значеніе. Турки освѣдомлялись не разъ, много ли у царя кораблей, всѣ ли они оснащены и такъ ли велики? Въ концѣ же концовъ, черезъ 8-мь мѣсяцевъ, заключили прочный миръ, согласно съ видами Петра, нетерпѣливо дожидавшагося его, чтобы начать двадцатилѣтнюю борьбу со Швеціею.

Эту войну возбудилъ своимъ предложеніемъ Августъ II король польскій, по внушеніямъ Паткуля. Петръ, видя по приготовленіямъ Августа, что онъ горячо хочетъ помѣряться съ Шведами,—со словъ Паткуля считая завоеваніе Лифляндіи дѣломъ легкимъ,—охотно приступилъ къ союзу съ нимъ, съ цѣлью

возвращенія отъ Шведовъ исконнаго русскаго достоянія береговъ Невы и выхода изъ нея въ Балтику. Въ этихъ побужденіяхъ, прежде сговоренный на союзъ противъ Швеціи, и «Датскій король заключилъ договоръ въ Москвѣ съ царемъ», 6-го іюля 1699 года. Августъ же II прислалъ отъ себя генерала Карловича, для того же дѣла, въ сентябрѣ. Съ этимъ уполномоченнымъ заключенъ оборонительный и наступательный трактатъ 11-го ноября (1699 года). Виднымъ и отвлекающимъ всякія подозрѣнія поводомъ поѣздки въ Москву Карловича было отправленіе съ нимъ къ Петру рудныхъ техниковъ, изъ Саксоніи; поэтому, одновременно прибывшее въ Россію шведское посольство нисколько не подозрѣвало соперника-дипломата въ лицѣ саксонскаго генерала, имѣвшаго конференціи только въ Преображенскомъ.

Приготовляясь къ борьбѣ съ Швеціею, Петръ учредилъ *тридцать* полковъ новаго устройства и, для того, въ ноябрѣ 1699 года, приказалъ *собрать* со всего государства *даточныхъ* въ *солдаты*. Учить ихъ пришлось Вейде и Головину, потому что самый дѣльный изъ строевыхъ генераловъ, престарѣлый Гордонъ, въ это время скончался (29 ноября 1699 г.). Стараніями усердныхъ исполнителей Петровыхъ велѣній, въ три мѣсяца сформированы и начали учиться 29 полковъ пѣхотныхъ, да 2 драгунскихъ, обмундированные по нѣмецки въ темнозеленые кафтаны и вооружонные ружьями съ *багинетомъ* (штыкомъ).

При перемѣнѣ лѣтосчисленія, справляя въ первый разъ торжество новаго года, 1 января 1700 г. Петръ велѣлъ палить изъ пушекъ и ружей, а въ день Богоявленія вывелъ въ строю 12000 человѣкъ на Москву рѣку, въ парадъ.

Переговоры съ Турками во всю осень 1699 года подвинулись немного, и, чтобы быть готовымъ поддержать свои требованія силою, Петръ думалъ еще усилить флотъ на Азовскомъ морѣ. Для этого, отправясь 11-го февраля 1700 г. въ Воронежъ, царь провелъ въ кораблестроительныхъ работахъ цѣлыхъ три мѣсяца, успѣвъ додѣлать и спустить свой корабль «Предистинацію» 28 апрѣля. Къ этому дню царевна Наталья Алексѣевна привезла туда—царевича Алексѣя Петровича; прибыли жены бояръ знатныхъ, да нѣсколько дамъ и дѣвицъ изъ Нѣмецкой слободы,—обыкновенно бывавшія на царскихъ пирахъ.

Среди веселья, въ Воронежѣ, получилъ Петръ извѣстіе, что король Августъ II открылъ уже военныя дѣйствія противъ шведовъ, не успѣвъ, однако, въ расплохъ взять Риги. Объ этой неудачѣ союзника, Петръ написалъ съ неудовольствіемъ Головину: «бахусовымъ веселіемъ и безразсуднымъ легкомысліемъ не оцѣненное время потеряно,»—а самъ поспѣшилъ послать Корчмина въ Нарву, подъ предлогомъ покупки старыхъ пушекъ,—осмотрѣть положеніе крѣпости. Между тѣмъ, получено извѣстіе и объ успѣшномъ началѣ военныхъ дѣйствій датскимъ королемъ 17-го марта, занятіемъ Шлезвига, Гузума, Фридрихштадта и осадою Теннингена. Съ своей стороны, Петръ не могъ еще сдѣлать того же, безъ мира съ Турками, и, чтобы выиграть время, оповѣстилъ о назначеніи великимъ посломъ въ Швецію князя Я. Ѳ. Долгорукаго, а резидентомъ туда послалъ князя А Я. Хилкова.—Шведскій король, между тѣмъ, принудилъ датскаго короля заключить постыдный миръ въ

Травендалѣ, въ тотъ самый день, когда явилось въ Москву донесеніе Украинцева о заключеніи мира съ турками. Петръ I, получивъ его, написалъ Августу II собственноручно, на другой же день: «никакого же сомнѣнію досель медленіе наше подлежитъ въ начатомъ семъ дѣлѣ, ибо трудныя ради причины, сіе удержано было. Нынѣ же, при помощи Божіей, получа миръ съ Портою на 30 лѣтъ (Слава Богу съ нарочитымъ удовольствіемъ), къ сему подвигу приступили есмы, о чемъ сегодня къ Новгородскому воеводѣ указъ послали, дабы, какъ наискоряе, объявя войну, вступилъ въ непріятельскую землю и удобныя мѣста занялъ; такожде и прочимъ войскамъ немедленно иттить повелимъ, гдѣ, при оныхъ, въ концѣ сего мѣсяца, и мы сами обрѣтатися будемъ. И надѣемся въ помощи Божіей, что ваше величество, инаго, развѣ пользы, не увидите.» Лангену, посланнику Августа, бывшему въ Москвѣ, уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, Петръ говорилъ: «если сегодня получу извѣстіе о мирѣ, то завтра двину свои войска на Шведовъ». Сказалъ—и исполнилъ. Августа 18-го получилъ донесеніе, а 19-го далъ приказъ двинуться; «въ 18-й день мы объявили миръ съ турками зѣло съ преизряднымъ фейерверкомъ, а въ 19 день объявили войну противъ шведовъ», написалъ самъ Петръ Апраксину.

Паткуль былъ очень озадаченъ, узнавъ, что 22-го августа войска русскія выступили въ походъ *подъ Нарву*. Петръ, въ качествѣ *капитана бомбардирской роты*, шолъ съ Преображенскимъ полкомъ до Твери и здѣсь, получивъ извѣстіе, что Карлъ XII скоро будетъ въ Ливоніи, съ 18,000 войска, написалъ Головину въ недоумѣніи: «о томъ я многократно думалъ, истиналь или подлогъ? И буде истина, то конечно Датскій осиленъ. Мы пойдемъ отселѣ завтра до Новгорода, не мѣшкавъ. Къ Якову Брюсу я послалъ, чтобъ остановился, если за рубежъ не вышелъ. Извольте управляться, также и прочимъ приказать; а мы пойдемъ и будемъ дѣлать, какъ Богъ наставитъ». Въ Новгородѣ ничего, однакожъ, не узнавъ о Карлѣ XII, царь продолжалъ путь и, 23 сентября ставъ передъ Нарвою, занялся, не мѣшкая, распоряженіями къ осадѣ. Для нея, между тѣмъ, встрѣтилось разомъ столько затрудненій: и о продовольствіи, и о снарядахъ, и о пушкахъ, и по медленному движенію войскъ, что только 20 октября русскія баттареи открыли огонь противъ нарвскихъ укрѣпленій, которыя не могли, какъ казалось, долго продержаться. Но вышло напротивъ: они выдержали осаду до прихода Карла XII, при извѣстіи о походѣ котораго Петръ I ввѣрилъ начальство надъ своею арміею опытному стратегу герцогу де Круа, а самъ съ Головинымъ поспѣшилъ въ Новгородъ: торопить подходомъ остальныхъ полковъ подъ Нарву.

Безъ царя же, 19-го ноября, когда въ лицо нашимъ новобранцамъ била сильная вьюга, мѣшавшая видѣть что либо въ 20-ти шагахъ, подошолъ Карлъ XII. Его испытаннымъ въ бояхъ побѣдоноснымъ драбантамъ не трудно было, при растянутости линіи нашихъ укрѣпленій, безъ большого труда овладѣть ими, прорвавъ не сомкнутые ряды неопытныхъ защитниковъ. Особенно, когда, явившійся часовъ за шесть прежде, Шереметевъ, посланный съ конницею для задержки непріятеля при Пиггайоки, за 120 верстъ, оставивъ свой постъ, распространилъ общій ужасъ разсказами о громадной численности непобѣдимыхъ враговъ. А нѣмца—начальника мало знали, плохо слушали от-

дѣльные командиры, и, когда Шереметевъ, переправляясь въ безпорядкѣ съ конницею за р. Нарову, сломалъ мостъ, изчезла всякая дисциплина въ войскѣ. Не потерялись и не бросились бѣжать только полки Преображенскій и Семеновскій. Загородившись рогатками, они отбивались отъ шведовъ до ночи, пугая ихъ своей отчаянной обороной. Стоялъ твердо и отрядъ генерала Вейде. И если бы въ то время, когда ночью шведы переплылись, разграбивъ русскія палатки, ударили на нихъ наши, исходъ дѣла для Карла XII былъ бы сомнителенъ. Но, къ несчастію, разобщенные другъ съ другомъ, отряды не знали, гдѣ и что дѣлается, и, опасаясь общей гибели, на слѣдующій день, генералы ночью же поспѣшили вступить съ королемъ въ переговоры, отдавая шведамъ артиллерію. Карлъ XII, сказавъ, что оставляетъ солдатамъ оружіе, за храбрость, съ которою защищались, недумая долго, согласился. Шведы построили мостъ и переправили полки за Нарову, удержавъ десять нашихъ генераловъ, подъ предлогомъ, что увезли казну, въ противность условію гдѣ, между тѣмъ, ничего о ней не говорилось. Вступивъ въ освобожденную Нарву, Карлъ XII, по совѣту Пипера и его партіи, хотѣлъ было двинуться самъ за Нарову, ставъ въ Россіи на зимнія квартиры, но скоро оставилъ этотъ, на самомъ дѣлѣ грозный и крайне не выгодный для насъ, планъ и, отвергнувъ миръ, предлагаемый ему Августомъ,— изъ личной ненависти къ этому королю, хотя прежде добить совсѣмъ его,—отошелъ къ Дерпту. Здѣсь же, выждавъ подкрѣпленія, двинулся къ югу.

Петра I нарвскій побѣдитель почему-то презиралъ, представляя на медали царя бѣгущимъ впереди всѣхъ отъ Нарвы, роняя царскую шапку свою, бросивъ шпагу и отирая платкомъ слезы, съ текстомъ Евангелія, выражающимъ малодушіе первоверховнаго апостола: «и шедъ вонъ плакалъ горько».

Петръ между тѣмъ не только не упалъ духомъ отъ неудачи, но проявилъ въ это именно время величайшую энергію и изумительную оборотливость. Приказавъ князю А. И. Репнину привести въ исправность полки, ушедшіе отъ Нарвы въ безпорядкѣ, въ короткое время укрѣпилъ Новгородъ и Псковъ, съ Печерскимъ монастыремъ. Князю Борису Голицыну поручилъ наскоро набирать новые *полки тысячные* «изъ вольницы», къ веснѣ уже выславъ ихъ въ Новгородъ; сдѣлавшійся теперь центромъ нашихъ операцій. Чтобы создать артиллерію, повелѣлъ царь «со всего государства», отъ церквей и монастырей, «собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры», наказавъ Виніусу «и то зѣло—надобно, ибо время яко смерть». Въ ноябрѣ 1701 года Виніусъ уже хвалился, что приготовилъ 300 хорошихъ орудій, сберегъ противъ прежнихъ подрядовъ 10,000 рублей и собралъ въ школы 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ толковые инженеры, артиллеристы и мастера. Борисъ Петровичъ Шереметевъ назначенъ главнокомандующимъ еще 5-го декабря 1700 г. и приказано ему было «идти въ даль для лучшаго вреда непріятелю». Но исполнить этого не удалось ему. Отъ Маріенбурга оттѣснивъ русскихъ, Шлиппенбахъ въ январѣ 1701 вошелъ за нашу границу, но былъ у Печерскаго монастыря въ свою очередь пораженъ, а затѣмъ цѣлый годъ обѣ стороны не вступали въ дѣло.

Между тѣмъ, скрѣпивъ союзъ съ Августомъ личнымъ свиданіемъ въ замкѣ Биржѣ (Динабургскаго уѣзда, въ февралѣ 1701 г.), Петръ обязался: дать

сму для войны 15—20,000 пѣхоты, выставить въ Витебскъ 100,000 фунтовъ пороха и выплачивать по 100,000 въ продолженіе трехъ лѣтъ. Одинъ очевидецъ биржевскаго свиданія сказалъ о Петрѣ въ это время, что онъ «очень свѣдущъ въ географіи, черченіи и рисованіи, и прилежно занимается этими предметами». По пріѣздѣ въ Москву, къ царю явился посланный Августа за деньгами, причемъ оказался недостатокъ: 1,000 золотыхъ взяли въ Троицкой лаврѣ, 10,000 далъ богатый гость Филатьевъ и 420 — поручикъ *Меньшиковъ*. Репнинъ привелъ 20,000 пѣхоты 21 іюня въ Кокенгаузенъ, гдѣ стоялъ саксонскій фельдмаршалъ Штейнау; но это мало принесло пользы союзнику. Карлъ XII разбилъ въ пухъ Штейнау 9-го іюля, отнявъ всю артиллерію, и осада Риги, назначенная въ августѣ мѣсяцѣ, не состоялась. Карлъ XII хотѣлъ было за тѣмъ двинуться на русскихъ, и послалъ приказаніе уже Шлиппенбаху подойти къ Пскову, но передумалъ еще разъ, обратившись на Августа.

Петръ въ это время обрадованъ былъ первымъ перевѣсомъ нашего оружія— отбитіемъ Шведовъ отъ Архангельска (въ іюлѣ 1701 г.); при чемъ русскіе взяли у нихъ, сѣвшіе на мель, фрегатъ и яхту, съ 13 пушками. «Зѣло чудесно», написалъ при этомъ Петръ Апраксину, что отразили «злобнѣйшихъ шведовъ».

Января 1-го 1702 года Шереметевъ между тѣмъ, при мызѣ Эрестферъ, одержалъ первую сухопутную побѣду подъ Шлиппенбахомъ, положивъ 3,000 шведовъ на мѣстѣ и 350 взявъ въ плѣнъ. Извѣстіе объ этомъ счастливомъ для насъ дѣлѣ, получивъ въ Москвѣ, въ день Богоявленія, отъ сына побѣдителя, Петръ въ радости сказалъ памятныя слова: «Слава Богу, мы можемъ, наконецъ, бить Шведовъ»; и 10-го ч. послѣ молебствія «съ не малою пушечною и изъ мелкаго ружья стрѣльбою былъ великій фейерверкъ». Шереметевъ пожалованъ фельдмаршаломъ и посланъ къ нему орденъ св. Андрея съ поручикомъ отъ бомбардиръ Александромъ Меньшиковымъ, съ этого времени являющимся довѣреннымъ любимцемъ государя, при извѣстіи объ Эррастферской побѣдѣ *въ первый разъ* показавшаго полную радость съ самаго дня потери Лефорта. Меньшиковъ, замѣнившій этого любимца, былъ, по способностямъ, гораздо выше него и во многихъ случаяхъ для Петра былъ незамѣнимъ, не только въ качествѣ толковаго и дѣльнаго исполнителя, но и какъ тонкій политикъ, не разъ разгадывавшій заранѣе хитрости министровъ чужестранныхъ (какъ было, напримѣръ, въ Саксоніи, передъ Альт-ранштадскимъ миромъ). Малое знаніе дѣла выказываютъ тѣ изъ писателей, трактующихъ жизнь Петра, которые относятъ возвышеніе Меньшикова предосудительнымъ побужденіямъ молодаго монарха, на самомъ дѣлѣ приблизившаго «Алексашу» своего за замѣчательныя,—чтобы не сказать болѣе — способности его и быстроту въ работѣ, да за неусыпность, соединенную съ энергіею почти петровскою, незнавшими остановокъ и препятствій. У другихъ же, самостоятельныхъ дѣятелей, всегда находились возможности помедлить. Такъ напримѣръ, новый фельдмаршалъ, вслѣдъ за пожалованіемъ, сталъ проситься въ Москву; хотя не безъ затрудненія, но царь позволилъ «на страшной или на шестой пріѣхать, а на святой паки назадъ!» въ концѣ же мая сталъ торопить выступленіемъ въ Лифляндію изъ Пскова. «Есть вѣдомость,—пи-

салъ Петръ къ нему, «что непріятель послалъ въ Лифляндію транспортъ изъ Померанін въ 10,000 человѣкъ, а самъ конечно пошелъ къ Варшавѣ: теперь истинный часъ (прося у Господа силъ помощи), пока транспортъ не учинепъ, ихъ нападеніемъ предварить». Шереметевъ выступилъ съ 30,000 войска противъ Шлиппенбаха, имѣвшаго 8,000, и 18-го іюля, при мызѣ Гуммельсгофъ, нанесъ ему совершенное пораженіе». Для полнаго же обезпеченія себя, со стороны Лифляндіи, Петръ предписалъ раззорить эту страну, «чтобъ непріятелю пристанища и секурсу своимъ городамъ подать было не возможно».

До конца августа приказаніе было исполнено и Петръ Апраксину могъ написать изъ Архангельска «Борисъ Петровичь въ Лифляндахъ гостилъ изрядно». Въ Архангельскъ же завелъ Петра фальшивый слухъ, пущенный шведами нарочно: о намѣреніяхъ ихъ идти въ Бѣлое море. Въ Москвѣ повѣрили слуху и 18-го апрѣля царь, вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ и 5 батальонами гвардіи, предпринялъ поѣздку въ Архангельскъ, чтобы при малыхъ силахъ умнѣе тамъ распорядиться. Въ ожиданіи непріятелей государь провелъ на сѣверѣ до 5-го августа, занимаясь стройкою судовъ и слѣдя за ходомъ иностранныхъ торговыхъ кораблей. Позднимъ возвращеніемъ Петра объясняется и открытіе кампаніи на берегахъ Невы, только осенью этого года. Походъ въ Ингерманландію назначенъ былъ, между тѣмъ, болѣе ранній. П. М. Апраксинъ вступилъ за шведскій рубежъ еще въ маѣ, но только 10-го августа сталъ на Ижорѣ и 13-го числа одержалъ побѣду надъ шведскимъ генераломъ Кроніортомъ, послѣ нея ушедшимъ въ Выборгъ.

Задержанный до того труднымъ передвиженіемъ судовъ волокомъ черезъ Нюхчу къ Онежскому озеру, царь получилъ въ одно время извѣстіе о побѣдѣ и объ удаленіи Кроніорта,—на Свири, 11-го сентября; и тутъ же написалъ: «зѣло время благополучно не надобно упустить». Приказывая Шереметеву поспѣшно идти черезъ Новгородъ — къ Ладогѣ; самъ поспѣшивъ пріѣздомъ туда же (22-го сентября). За нимъ пришелъ туда же и Шереметевъ, съ которымъ сдѣлавъ смотръ 14-ти полкамъ, на р. Назьѣ (25-го сентября), Петръ двинулъ ихъ къ шведской крѣпости Нотебургу (русскому Орѣшку) на Невѣ. Сюда пришли передъ полуночью (на 27-е сентября) 400 преображенцевъ, а къ 7-ми часамъ утра и все войско. Въ первые же дни начатія осады Нотебурга, черезъ перешеекъ изъ Ладожскаго озера, по сдѣланной въ лѣсу трехверстной просѣкѣ, государь велѣлъ перетащить въ Неву, ниже крѣпости, перевозныя суда, построенныя на Свири, а потомъ самъ же и перевезъ 1,000 человѣкъ преображенцевъ и семеновцевъ на другой берегъ, гдѣ овладѣли они шведскимъ укрѣпленіемъ. Государь распоряжался также, въ качествѣ капитана отъ бомбардиръ, мортирами на лѣвомъ флангѣ. Находясь на баттареяхъ, 30-го октября, Петръ принялъ письмо изъ Шлиссельбурга—офицерскихъ женъ, просившихъ позволенія выйти изъ крѣпости «ради великаго безпокойства отъ огня и дыма»,—и на это далъ отвѣтъ письменный, что «фельдмаршалъ ихъ опечалити не изволитъ; а если изволятъ выѣхать, то изволили-бъ и любезныхъ супружниковъ своихъ вывесть купно съ собою». За эту насмѣшку усилили пальбу шведы, въ ту сторону, гдѣ находился государь, но безъ особаго вреда; разрушеніе же отъ нашихъ ка-

леныхъ ядеръ и бомбъ было такъ велико, что, не смотря на неудачу штурма, 11-го октября, свои же принудили коменданта сдать крѣпость, въ которой все горѣло или было разбито. Въ ту же ночь во всѣ проломы наши впущены, по подписаніи условія, а на другой день, узнавъ, что идетъ къ Нотебургу Кроніортъ, Петръ самъ развелъ караулы, на смѣну шведовъ, чуть не силою; въ 14 же день октября всѣ войска вступили торжественно, согласно договору. Когда отпущенъ былъ гарнизонъ къ Выборгу и совершено молебствіе, Петръ прибилъ къ одной башнѣ ключъ крѣпости и назвалъ ее Шлиссельбургомъ.

Щедро наградивъ участниковъ штурма шлиссельбургскаго и повѣсивъ бѣжавшихъ, не слушая команды, Петръ 4-го декабря приготовилъ тріумфальный входъ войскамъ въ Москву, гдѣ проведя праздники и новый годъ (1703 г.) поспѣшилъ выѣхать въ Воронежъ, безпокоясь о положеніи дѣлъ съ Турціею, которую вооружили послѣдніе грабежи запорожцевъ. Но это неудовольствіе, нѣкогда грозныхъ сосѣдей, миновало счастливо и, увѣрившись, что съ юга нечего ожидать враждебнаго, царь, не долго пробывъ въ Воронежѣ, въ мартѣ уже воротился въ Москву, а изъ нея въ Шлиссельбургъ, гдѣ хозяйничалъ съ шестаго февраля Меньшиковъ, сдѣланный тамъ губернаторомъ. Отправляя его, вмѣсто себя, изъ Москвы, государь наказалъ ему изготовить на мѣстѣ достаточное число паузковъ ко вскрытію рѣкъ, да наблюсти за ходомъ работъ такого же рода на Сясской верфи, устроенной близъ Ладоги, и на Свири. Тамъ строились фрегаты, нужные для дѣйствій противъ шведовъ въ такой приморской странѣ, какъ невская, гдѣ должны были начаться дѣйствія со взятіемъ Шлиссельбурга. Самъ Петръ прибылъ 19-го марта въ Шлиссельбургъ, куда стали собираться полки съ начала апрѣля, но вскрытіе рѣкъ такъ замедлило походъ, что Шереметевъ прибылъ сюда не раньше 23 апрѣля, а П. М. Апраксинъ и совсѣмъ не попалъ къ Ніэншанцу. Выждавъ приходъ фельдмаршала и не давъ ему даже дневки, Петръ послалъ его лѣвымъ берегомъ Невы осаждать шведскую крѣпостцу на Невѣ, около которой войска и заняли мѣсто 25-го апрѣля; къ вечеру пересѣкши всякія сообщенія съ окрестностью. На слѣдующій день пріѣхалъ къ войску и государь, тотчасъ по прибытіи осмотрѣвшій Ніэншанцъ и сдѣлавшій заключеніе (въ письмѣ къ Меньшикову), что эта крѣпость «больше, чѣмъ сказывали, однако не будетъ съ Шлиссельбургъ. Про новый валъ говорили что низокъ, а онъ выше самаго города и выведенъ изрядною фортификаціею. Стрѣльба зѣло рѣдка».

Пользуясь этою рѣдкостью выстрѣловъ, 28-го апрѣля, взявъ съ собою семь ротъ гвардейскихъ полковъ (4 преображенскаго и 3 семеновскаго), царь на 60 лодкахъ проплылъ мимо крѣпости—осматривать Невскія устья и на взморьѣ оставилъ, для наблюденій, три роты подъ командою Щепотьева. Къ возвращенію Петра устроенныя инженеромъ Ламбертомъ баттареи вооружены были вполнѣ (19 пушками и 14 мортирами) и съ нихъ, по полученіи отказа коменданта сдать крѣпость, въ 7 часовъ вечера 30-го апрѣля открыта бомбардировка, продолжавшаяся во всю ночь и надѣлавшая столько вреда, что на разсвѣтѣ, 1-го мая, на валу крѣпости ударили въ барабанъ къ сдачѣ. По прекращеніи пальбы, въ 10 часовъ утра, высланы комендантомъ условія

для заключенія договора, вмѣсто которыхъ Петръ написалъ свои, обѣщая: выпустить гарнизонъ, дать провожатыхъ и перевозныя суда до Нарвы, позволяя взять на мѣсяцъ провіанта. Что же касается включенной было статьи о сдачѣ обратно шведамъ крѣпости по окончаніи войны, царь, отмѣняя ее, написалъ: «понеже сія статья и въ принимании Нотенбурга оставлена, того ради и нынѣ о томъ упоминаться не довлѣетъ: ибо будущіе случаи въ единаго Бога вѣдѣніи суть». Въ этомъ смыслѣ заключенъ договоръ и, по подписаніи капитуляціи, въ тотъ же вечеръ введенъ Преображенскій полкъ въ крѣпость, а Семеновскій въ контръ-эскарпъ, жители же размѣщены у палисадовъ, до сбора въ путь.

На другой день по взятіи Ніэншанца, въ воскресенье (2-го мая), при пальбѣ изъ пушекъ и ружей, отслуженъ молебенъ въ войскѣ за покореніе названной Шлотбургомъ крѣпости, «а наипаче за пріобрѣтеніе желаемой морской пристани». Петръ собственноручно написалъ Ромодановскому, величая себя нижайшимъ подданнымъ, а его *своимъ милостивымъ королемъ*, о сдачѣ шведами невскаго укрѣпленія *на аккордъ*, «по десятичасной стрѣльбѣ изъ мортировъ», наказывая въ припискѣ: «сіе торжество отправить хорошенько, и чтобъ послѣ соборнаго молебна, изъ пушекъ, что на площади, было стрѣляно».

Вечеромъ, по отсылкѣ этого наказа, отъ партіи, оставленной на взморьѣ, получено донесеніе о приходѣ непріятельскихъ кораблей къ устью Невы. Шведы сдѣлали два выстрѣла изъ пушки, думая, что ихъ услышатъ въ Ніэншанцѣ, сдачи котораго они не предполагали. Шереметевъ велѣлъ отвѣчать ровнымъ числомъ выстрѣловъ, поддерживая заблужденіе непріятелей, которые, вслѣдъ за тѣмъ, послали съ адмиральскаго корабля ботъ за лоцманами. Но, какъ только пріѣхавшіе солдаты и матросы сошли съ него на берегъ, въ лѣсокъ, русскіе напали на нихъ изъ засады, но успѣли захватить одного, сказавшаго, что пришедшая эскадра состоитъ изъ 9 кораблей, что она подъ командою вице адмирала Нуммерса. Черезъ три дня адмиральскій ботъ Геданъ и шнау Астрильдъ, отдѣлившись передъ вечеромъ отъ флота, подошли ко входу въ Неву, но за темнотою и непастьемъ стали на якорь. Дано было о томъ знать государю и онъ, взявъ съ собою Меньшикова, немедленно на 30 лодкахъ явился съ остальными ротами гвардіи и, при наступленіи ночи, когда пошелъ довольно сильный дождь,—распорядился нападеніемъ на шведскія суда съ двухъ сторонъ: одну половину лодокъ поставивъ за нынѣшнимъ гутуевскимъ островомъ, съ другою же пустившись въ объѣздъ Васильевскаго. На разсвѣтѣ дня, 7-го мая, когда Петръ показался со стороны Вольнаго острова, Меньшиковъ съ своею партіею вышелъ изъ-за Гутуевскаго и вмѣстѣ взяли на абордажъ ботъ и шнау, на которыхъ находилось всего 18 пушекъ. Но, дѣйствовать артиллеріею своею шведы, за близостью разстоянія, не могли удачно, гренадеры же, съ Петромъ во главѣ, налетѣли мигомъ на суда и ручными гранатами, да ружейнымъ огнемъ, очистивъ палубу, взошли на шнау и ботъ и взяли ихъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія шведовъ, убитыхъ въ числѣ 58 человѣкъ изъ 77.

«За сію, никогда же прежде бывшую, морскую побѣду» мая 10-го, по отправленіи молебствія, Петръ и Меньшиковъ получили орденъ св. Андрея,

возложенный на перваго Головинымъ, а на другаго Шереметевымъ. Офицерамъ розданы золотыя медали *на цѣпочкахъ*, а нижнимъ чинамъ—просто.

На слѣдующій день,—какъ значится въ журналѣ, веденномъ при преображенскомъ полку,—*капитанъ бомбардирской* отправился въ Шлиссельбургъ и 13-го мая катался на яхтѣ, заходя отъ истока Невы въ озеро «верстъ десять и больше», послѣ же прогулки отправился на Сяськую верфь и, явившись здѣсь 14-го числа, въ день пятидесятницы (16 мая) былъ на Свири, а въ Духовъ день (17-го) прибылъ въ Лодейное поле, куда вызваны изъ Воронежа галерные мастера, для сооруженія гребныхъ судовъ, построенныхъ въ Шлиссельбургѣ въ недостаточномъ количествѣ. Дѣла задержали на Олонцѣ Петра 10 дней и, воротясь къ стоянкѣ у Шлотбурга, 31-го мая, государь 4-го іюня уѣхалъ въ сдавшуюся Шереметеву шведскую (бывшую русскую) крѣпость Ямы (г. Ямбургъ). Ее захотѣлъ царь надежно укрѣпить, какъ указываютъ инструкціи Петра, данныя на мѣстѣ (5-го іюня).

Управившись же съ этимъ спѣшнымъ дѣломъ, неутомимый монархъ явился на берега Невы и въ день своихъ имянинъ положилъ основаніе земляной крѣпости С.Петербургъ, одновременно съ заложеніемъ храма во имя первоверховныхъ Апостоловъ. Въ этотъ день царь угостилъ работниковъ и наличныхъ представителей своихъ военныхъ силъ, при пушечной пальбѣ. Близъ новозакладываемой шестибастіонной крѣпости, у Невы, стояли лагеремъ тогда шесть полковъ дивизіи князя М. И. Реннина, подъ командою генералъ-маіора Чамберса. Взявъ ихъ всѣ, въ ночь съ 6 на 7 іюля, Петръ повелъ свое войско для прогнанія шведскаго генерала Кроніорта, отъ Выборга подошедшаго къ р. Сестрѣ и занявшаго крѣпкую позицію, передъ мостомъ черезъ нее. Сюда дошли Петръ и Чамберсъ въ 8 часу утра и увидѣли непріятеля, защищавшаго переправу баттареею изъ 13 орудій, надъ крутымъ берегомъ. Тотчасъ приказано полковнику Рену съ драгунами его овладѣть мостомъ. Стремительная аттака этого офицера имѣла полный успѣхъ: Кроніортъ не только не отстаивалъ моста, но, снявъ поспѣшно орудія, ретировался и самъ.

Государь рѣшился преслѣдовать непріятеля. Переправившись по мосту, драгуны спѣшились и по тропинкѣ, по одному, двинулись впередъ между возвышеніями; выйдя же изъ нихъ,—построились, начавъ правильное наступленіе на Кроніорта, остановившагося на возвышеніи: фронтомъ вдоль ската; думая имѣть дѣло съ одною кавалеріею. Когда же за драгунами показалась гвардейская пѣхота, шведскій генералъ началъ быстрое отступленіе, при которомъ, по словамъ Петра, «шведовъ зѣло много порубили, понеже солдаты брать живьемъ не хотѣли».

Это была первая побѣда при относительномъ равенствѣ силъ,—если не включать шведскія 13 орудій и принимать дѣйствительное число бывшихъ съ шведами драгунъ,—такъ какъ пѣхота въ бой не вступала вообще. Сравнительно съ непріятелями и потеря наша (изъ 32 убитыхъ и 45 раненыхъ) была въ семеро менѣе побѣжденныхъ.

Узнавъ о личномъ участіи въ бою на р. Сестрѣ, бывшій при нашемъ войскѣ здѣсь Паткуль, принятый въ русскую службу, сказалъ Петру, что ему «надобно повелѣвать, но свою персону беречь,» потому что «пуля мушкетера повергнетъ армію и все государство въ неизбѣжную опасность». Царь поблагодарилъ

за такую заботливость; но исполнять совѣтъ не думалъ, ни теперь, ни послѣ. Угнавъ Кроніорта къ Выборгу, «*капитанъ*» Петръ Алексѣевичь 15-го іюля уѣхалъ въ Шлиссельбургъ, и оттуда, за бездорожьемъ не имѣя возможности ѣхать на Олонецъ въ экипажѣ, отправился въ ручной качалкѣ (на носилкахъ), безплодно проплававъ три дня по озеру Ладогѣ и не попавъ за противнымъ вѣтромъ на Свирь. Туда звали монарха дѣла, нетерпящія отлагательства: спускъ судовъ, задержавшій до октября Петра I, въ два слишкомъ мѣсяца съѣздившаго только на день въ Новгородъ, съ Сясьской верфи.

Наконецъ, управивъ все на Лодейномъ полѣ, предводя первою невскою флотиліею и поднявъ свой флагъ на 24-хъ пушечномъ фрегатѣ «Штандартъ», государь предпринялъ обратный походъ въ новооснованный городъ «въ свое имя», черезъ бурное Ладожское озеро. Находясь на немъ уже, Петръ получилъ увѣдомленіе отъ Меньшикова объ уходѣ Нуммерса съ эскадрою, 1-го октября. Извѣстіе это заставило предпріимчиваго монарха поспѣшить прибытіемъ на Неву, и отсюда, не смотря на плававшій, по раннему наступленію холодовъ, довольно большой ледъ,—на «Штандартѣ» къ острову Котлину. Выйдя на пустынные берега его и осмотрѣвъ во всей подробности, Петръ, тутъ же, не откладывая, самъ *собственноручно измѣрилъ глубину фарватеровъ*, вокругъ всего острова и мгновенно оцѣнилъ всю важность его, въ случаѣ достаточнаго укрѣпленія.

Обдумывая проэктъ укрѣпленій, государь далъ указъ о призывѣ сюда рабочихъ къ началу весны и распорядившись содержаніемъ остающихся здѣсь съ П. М. Апраксинымъ на зимнее квартированіе войскъ, государь отправился 24-го октября съ остальными полками въ Москву, куда явился и Шереметевъ: участвовать 11-го ноября въ тріумфѣ. Войско проходило сквозь трои ворота, построенныя: на Мясницкой, близъ Ильинскихъ воротъ въ Китаѣ, и передъ входомъ въ Кремль. На вторыхъ воротахъ, сооружонныхъ духовенствомъ, вывѣшена была карта шведской Ингерманландіи, находившейся уже въ русскихъ рукахъ—съ текстомъ изъ I кн. Маккавейской *). При этихъ воротахъ, во главѣ духовенства, встрѣтилъ Петра мѣстоблюститель патріаршества, митрополитъ рязанскій Стефанъ, произнеся поздравительную рѣчь.

Отпраздновавъ день новаго года обычнымъ фейерверкомъ, но недождавшись масляницы, царь уѣхалъ въ Воронежъ, взявъ съ собою Меньшикова. Посылая же его въ Петербургъ, въ февралѣ, далъ ему собственноручную модель осьміугольнаго замка, который съ южной стороны Котлина, ко вскрытію воды, должно было срубить на льду, на ящикахъ бревенчатыхъ съ булыжникомъ, употребивъ въ дѣло всѣхъ наличныхъ плотниковъ. Дѣло закипѣло. Принявъ турецкаго посла при возвращеніи въ Москву, изъ древней столицы Петръ направился черезъ Олонецъ въ Петербургъ. Прибывъ сюда 26-го марта, въ Вербное воскресенье (1-го апрѣля 1704 г.), государь былъ на освященіи первой церкви въ Петербургѣ—Петропавловскаго собора, построеннаго лѣтомъ и отдѣлывавшагося въ теченіи всей зимы. Мая же 4-го освятилъ Петръ и поспѣв-

*) «Ниже чуждую землю пріяхомъ, ниже чуждая одержахомъ, но наслѣдіе отецъ нашихъ, (еже) въ нѣкое время неправедно удержася. Мы же, время имуще, воспріяхомъ наслѣдіе отецъ нашихъ» (гл. 15 ст. 33 и 34).

шій у Котлина замокъ, назвавъ его по голландски Кронштотъ (замокъ-вѣнецъ); считая съ сооруженіемъ его дѣло обладанія Невою какъ-бы совершившимся благополучно (увѣнчавшимся). Въ собственноручной инструкціи, данной Кронштотскому коменданту, Петръ предписалъ не сдаваться до *послѣдняго человѣка*; стрѣлять во всякаго, кто захочетъ прорваться силою мимо; нейтральныхъ пропускать не иначе, какъ по осмотрѣ, съ дачею лоцмановъ, и смотрѣть зорко за подсылкою отъ непріятеля брандеровъ. Свой Кронштотъ Петръ самъ и вооружалъ, привезя на флейтѣ Велькомъ артиллерію и разставивъ ее по мѣстамъ.

Съ закрытіемъ входа въ Неву своимъ Кронштотомъ, Петръ думалъ идти Невою и Ладожскимъ озеромъ къ Выборгу—и отправился даже въ этотъ походъ съ гвардейскими полками, 19-го мая;—но, еще не доѣзжая Шлиссельбурга, получилъ донесеніе П. М. Апраксина, просившаго подкрѣпленій на случай ожидавшагося прихода на Нарову шведскаго флота, въ большомъ числѣ вымпеловъ; одновременно съ наступленіемъ Шлиппенбаха со стороны осажденной Нарвы. Это остановило исполненіе плана Петра относительно Выборга на шесть лѣтъ, отвлекши силы наши къ Нарвѣ. Сюда же, при нахожденіи съ оберъ комендантомъ Брюсомъ (смѣнившимъ Рена), только шести полковъ регулярныхъ, да семи фрегатовъ свирскихъ, съ галерами, явился въ гости съ 8000 шведовъ преемникъ умершаго Кронiорта — Майдель, 11-го іюля, внезапно открытый развѣдочною партіею, на Выборгской дорогѣ. На слѣдующій день, подойдя къ Невкѣ на Выборгской сторонѣ, Майдель былъ прогнанъ въ лѣсъ огнемъ съ береговыхъ баттарей и фрегата, поставленнаго поперегъ Невки, и тогда же ушолъ къ Выборгу; не имѣвъ успѣха и при вторичномъ приходѣ черезъ три недѣли (4-го августа).

Пока это дѣлалось на берегахъ Невы, осада Нарвы велась нами усиленно и Петромъ придумана хитрость, ослабившая значительно непріятельскій гарнизонъ. Іюня 8-го велѣлъ онъ провести на Ревельскую дорогу, къ урочищу Тервако полки наши, имѣвшіе синій мундиръ (Семеновскій и Ингерманландскій), чтобъ имъ розыграть роль, будто пришедшаго, шведскаго подкрѣпленія, котораго въ Нарвѣ ожидали. Когда же эти мнимые шведы видны стали изъ осажденнаго города, послана была еще наша партія, какъ бы для прогнанія ихъ. Комендантъ Нарвы былъ одураченъ этимъ и выслалъ изъ крѣпости, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ разныхъ полковъ, сильную вылазку, для подкрѣпленія мнимо прибывшихъ; давшихъ къ тому же двумя выстрѣлами изъ пушекъ извѣстіе о себѣ, какъ дѣлали обыкновенно шведы. Нарвскіе шведы, радуясь, прискакали въ толпу одѣтыхъ въ синіе мундиры, крича издали дружеское привѣтствіе и—были прямо взяты нашею партіею, предводимою самимъ Петромъ. Во время замѣтившіе ошибку свою бросились назадъ, но были перебиты, заступившими имъ дорогу, отрядами Репнина и Меньшикова. Въ это время въ службу нашу пріѣхалъ фельдмаршалъ лейтенантъ Огильви, и ему ввѣрилъ царь начальство надъ осаднымъ нарвскимъ корпусомъ, самъ съ генералами съѣздивъ къ Вайварскимъ горамъ (гдѣ велѣлъ дѣлать двѣ линіи, чтобы воспрепятствовать подачѣ шведами осажденнымъ помощи съ этой стороны). На другой же день своихъ именинъ, Петръ уѣхалъ къ Шереметеву, осаждавшему Дерптъ, и, прибывъ туда, осмотрѣвъ положеніе мѣста, прика-

залъ противъ старой стѣны города за р. Эмбахомъ — дѣлать баттареи, для дѣйствія мортирами. Траншеи же вести противъ крѣпости, черезъ болото, къ башнямъ Новыхъ воротъ и Русскихъ воротъ. Іюля 6-го удалось отсюда сдѣлать брешь, а 13-го числа, послѣ взятія уже нашими наканунѣ переднихъ палисадовъ комендантъ, долженъ былъ сдаться.

По взятіи Дерпта, Петръ уѣхалъ, черезъ Чудское озеро, на шведскихъ яхтахъ, со взятыми у непріятеля знаменами, подъ Нарву, прибывъ туда 17-го числа. Съ его пріѣздомъ привезена изъ Петербурга и артиллерія, давшая возможность съ 30 іюля открыть бомбардированіе. Отъ дѣйствія разрушительныхъ снарядовъ, въ праздникъ Преображенія обвалился брустверъ бастіона Гоноръ, засыпавъ часть рва. Затѣмъ разбитъ и бастіонъ Викторія; такъ что на флангахъ его, изъ семидесяти орудій, одно уже стало отвѣчать на наши выстрѣлы. Послѣ этого предложено сдаться на честныхъ условіяхъ, но комендантъ отказомъ своимъ довелъ дѣло до штурма (9 августа), во время котораго убито шведовъ чрезвычайно много; такъ что, изъ 4,500 гарнизона, отдалось плѣнными только 1848 человѣкъ.

Петръ въѣхалъ въ Нарву съ Огильви и свитою, верхомъ, черезъ два часа послѣ штурма, и, приказавъ трубить сборъ, чтобы прекратить грабежъ, поставилъ къ уцѣлѣвшимъ домамъ караулъ; одного же солдата, не слушавшаго приказа, закололъ своею шпагою. Указывая на нее, въ домѣ Гетте, и бросая на столъ, царь, будто, сказалъ: «Не бойтесь—это не шведская, а русская кровь!» По словамъ же шведскаго историка Адлерфельдта,—въ Нарвѣ въ это время, однако, не бывшаго,—царь будто бы далъ пощечину коменданту Горну, взятому на валу, приказавъ посадить его въ тюрьму, гдѣ и содержался онъ 12 дней. По взятіи Нарвы, комендантъ Иванъ-города Штернштраль продержался еще недѣлю и сдался 16 августа. Наканунѣ же пировалъ государь въ Нарвѣ, и, по случаю завоеванія ея, пилъ за здоровье своихъ генераловъ, черная вино изъ мортиры, поставленной передъ домомъ Меньшикова. Увѣдомляя Ромодановскаго, Петръ описывалъ штурмъ Нарвы такъ: «гдѣ передъ четырьмя лѣты всемилостивый Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдители учинилъ: ибо сію преславную крѣпость, чрезъ лѣстницы, шпагою, въ три-четверти часа получили».

За взятіемъ Нарвы послѣдовалъ отъѣздъ государя на Олонецъ: поторопить достройку судовъ, чтобы къ будущей кампаніи можно было не опираться на одинъ миніатюрный Кронштотъ, а защищаться, выведеннымъ въ помощь ему, флотомъ. На лодейнопольской верфи съ конца іюля начался уже спускъ судовъ и когда, въ сентябрѣ, туда пріѣхалъ Петръ—спустили его шнау «Мункеръ и стали готовить къ отплытію флотилію, которую государь повелъ самъ въ Петербургъ. При полномъ безвѣтріи суда вошли въ озеро (4-го октября), гдѣ встрѣтили вскорѣ страшную бурю, продержавшую на мѣстѣ четыре дня смѣлаго вожатая. Онъ могъ продолжать плаваніе только 9 октября, но, не доходя 40 верстъ до Шлиссельбурга, опять попалъ въ новый штормъ. Такъ что, 11 октября вечеромъ, одному Петру удалось прибыть праздновать годовщину возвращенія Орѣшка. Разсѣянныя суда флотиліи здѣсь стали только показываться съ 14 числа, а 17 октября, достигли уже всѣ городка на Невѣ, вступивъ въ Петербургъ на слѣдующій день. Эти бури и замедленія, ими про-

изводимыя въ спѣшномъ дѣлѣ, заставили Петра I искать мѣста для верфи морскихъ судовъ, не доходя до Ладожскаго озера. По прибытіи въ Петербургъ, съ слѣдующаго же дня отправился державный хозяинъ на поиски, взявъ Меньшикова, и, въ теченіи шести дней, осмотрѣлъ всѣ мѣста около Шлиссельбурга и по теченію Невы, съѣздивъ даже на Котлинъ и ночевавъ тамъ. Болѣе удобнаго пункта для основаніи верфи, однако, не оказалось, какъ островъ на Невѣ, противъ крѣпости, гдѣ, на мѣстѣ упраздненнаго нынѣ главнаго адмиралтейства, Петръ и заложилъ адмиралтейскій домъ, въ воскресенье, 5 ноября; задавъ своимъ сотрудникамъ по сооруженію флота обѣдъ въ австеріи нѣмца Іогана Фельтена,—пока еще единственнаго трактирщика въ будущей столицѣ. Спустя четыре дня послѣ этого, государь оставилъ соименный себѣ городъ, отправившись къ завоеванной Нарвѣ: принимать турецкаго посла; скучавшаго долгою задержкою. Чтобы повеселить строптиваго турка, царь устроилъ для него, въ день имянинъ Меньшикова, иллюминацію съ транспарантами; на утро же далъ ему аудіенцію и, обласкавъ, отпустилъ менѣе недовольнымъ, чѣмъ прежде. Тогда же и положеніе дѣлъ нашихъ съ турками улучшилось вообще. Успокоенный на этотъ счеть, царь, оставивъ Нарву 2 декабря, черезъ Новгородъ проѣхалъ въ Москву и устроилъ, 19 декабря, опять тріумфальный входъ войскъ въ древнюю столицу, заключивъ этимъ торжествомъ свои труды и подвиги въ 1704 году.

Къ этому году еще слѣдуетъ отнести начало знакомства Петра, а затѣмъ и связи—съ Екатериною Алексѣевною, восемь лѣтъ спустя съ нимъ вѣнчанною и черезъ двадцать лѣтъ коронованною.

Въ Маріенбургѣ (1702 г. 19 августа), въ числѣ другихъ жителей этого города, взятъ былъ русскими въ плѣнъ пробстъ Эрнстъ Глюкъ, въ семействѣ котораго, съ 12-ти лѣтъ росла Катерина Скавронская, дочь умершаго курляндскаго крестьянина Самуила и жены его Доротеи; по смерти родителей взяла ее къ себѣ тетка Маріанна Веселевская. Въ 18 лѣтъ отъ роду (1702 г.), Катерину отдали замужъ за шведскаго капрала, что не помѣшало Шереметеву, къ которому представился Глюкъ,—удержать Катерину у себя «для услугъ». Прошло съ полгода, когда Шереметева посѣтилъ Меньшиковъ и взялъ отъ него къ себѣ пригожую плѣнницу. Она жила здѣсь года два. Случилось, что въ одинъ изъ пріѣздовъ царя, Катерина показалась, зачѣмъ-то, и, съ разу понравилась Петру такъ, что царь потребовалъ ее, вслѣдъ затѣмъ, у Меньшикова. Тогда она приняла православіе съ именемъ Екатерины (причемъ царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ воспріемникомъ ея), стала учиться по русски и скоро забыла природный языкъ, на которомъ объяснялась съ младенчества. Жила она постоянно въ Преображенскомъ, довольно уединенно, и, послѣ рожденія дочери Екатерины, съ преданною ей дѣвицею А. К. Толстой, стала разъѣзжать, по приказаніямъ Петра, въ разныя мѣста обширной Россіи и Литвы, куда призывали его дѣла, при разыгрывающейся грозной борьбѣ съ Карломъ XII. Петръ называлъ Екатерину *маткою*, а спутницу ея—Толстую, *теткою*, въ шутливыхъ интимныхъ письмахъ своихъ. Ихъ письма къ нему начинаются съ 1705 года, когда поздравляли *дорогаго капитана* со взятіемъ митавскаго замка подруги, между которыми подписалась и «Катерина сама третья.» Это даетъ поводъ Устрялову догадываться, что, раньше Екатерины Петровны (умерш.

1708 года) были еще два сына: «Петръ и Павелъ», которые въ концѣ письма просили «благословенія капитана».

Марта Рабе—Екатерина Алексѣевна замѣнила скоро въ сердцѣ Петра мѣсто Анны Монсъ, любимой страстно царемъ, но не отвѣчавшей ему взаимностью. Мы намекнули объ этой особѣ, говоря о постриженіи царицы Евдокіи. Дѣвица Монсъ, которой построенъ былъ въ *Нѣмецкой слободѣ*, близъ лютеранской кирки, каменный, роскошный по времени, домъ въ 1698 году, пользовалась между своими единовѣрцами большимъ почотомъ и въ 1703-мъ г. еще получивъ въ козельскомъ уѣздѣ дворцовое помѣстье (село Дудино, 295 дворовъ); въ 1721 году пожалованное Брюсу, за Ништадтскій миръ. Мать этой красавицы (Елена Фадембрехтъ,—Устряловымъ почему-то называемая ея подругою) въ то время писала къ Петру письма, называя въ нихъ уже его «любезнѣйшимъ сыночкомъ». Оно тѣмъ, конечно, и могло кончиться, еслибы ея глупая дочка не влюбилась въ прусскаго посланника Кейзерлинга, предпочтя этому молодцу Петра I. Тщеславнаго прусака занимала мысль быть царскимъ соперникомъ и онъ формально попросилъ руки дѣвицы Монсъ, а она, по внушенію хитраго Меньшикова, вліянія ея опасавшагося, письменно даже заявила любовь свою къ жениху. Письмецо это Меньшиковъ показалъ Петру, какъ улику. Петръ явился, требуя объясненія, вынудилъ признаніе и, осыпавъ упреками въ невѣрности, отнялъ помѣстья и портретъ свой, осыпанный брильянтами, сказавъ: «портретъ болѣе не нуженъ, когда оригиналу предпочтенъ презрѣнный рабъ!». Впрочемъ и въ гнѣвѣ Петръ показалъ великодушіе: домъ остался въ собственность Монсъ, со всѣмъ, что было въ немъ. Она вышла за любимаго человѣка, но скоро разочаровалась въ немъ и, видя невозвратнымъ прошлое, съ его блистательною перспективою, впала въ чахотку и въ 1714 году умерла. Въ 1705 году она еще не была за Кейзерлингомъ, даже находилась въ родѣ домашняго ареста; но связь съ Петромъ была уже порвана невозвратно.

Изъ Москвы, встрѣтивъ здѣсь новый 1705 годъ, Петръ поѣхалъ, по обыкновенію, въ Воронежъ, только 18-го февраля, (прибывъ туда 22 февраля и пробывъ до 19 апрѣля, занятый кораблестроеніемъ) тамъ успѣвъ спустить на воду 80 пушечный корабль «Старый дубъ». Воротясь за тѣмъ въ столицу, получилъ государь извѣстіе о сшибкахъ корпуса Рена, въ жмуди, съ шведами и поляками партіи Сапѣги. Думая по этимъ вѣстямъ лично обозрѣть расположеніе войска, около Полоцка, Петръ внезапно заболѣлъ лихорадкою, удержавшею его весь мѣсяцъ май въ Москвѣ. Здѣсь отпраздновавъ свое рожденіе, государь на другой день поѣхалъ въ Полоцкъ, гдѣ находились главныя русскія силы, подъ начальствомъ Шереметева, Огильви и Репнина. Отсюда 15 іюня послалъ Петръ въ походъ—Шереметева къ Митавѣ, противъ Левенгаупта,—самъ же 1 іюля съ арміею пошолъ къ Вильнѣ, и, явившись туда 15-го іюля, получилъ грустную вѣсть о пораженіи фельдмаршала при Муръ-Мызѣ и потерѣ имъ артиллеріи, брошенной на мѣстѣ боя. Потому, Петръ I повелъ на помощь Шереметеву нѣсколько полковъ въ Курляндію, чтобы не оставлять Левенгаупта безъ преслѣдованія. Въ Биржахъ 6 августа встрѣтилъ онъ Шереметева и, по прибытіи отставшихъ полковъ, съ нимъ вмѣстѣ отправился за Левенгауптомъ къ Ригѣ, остановившись у Митавы, сдавшейся 3-го

сентября. Имъ сдался и Баускъ 14 сентября, но государь за день до того поѣхалъ въ Гродно, приказавъ туда же идти и Огильви. Слѣдуя дальше, въ Тыкоцынѣ, Петръ смотрѣлъ саксонскія войска, находившіяся подъ командою Шуленбурга и польскія — Вишневскаго, а затѣмъ, воротясь въ Гродно, расположилъ свои войска на зимнія квартиры, оставивъ въ Тыкоцынѣ Меньшикова. Проѣздомъ изъ Тыкоцына Петръ имѣлъ свиданіе съ Августомъ, подаривъ ему знамена, взятыя у Лещинскаго при Прагѣ Горбовымъ и съ союзникомъ своимъ прожилъ за тѣмъ въ Гродно (съ 30 октября по 7-е декабря) до самаго возвращенія въ Москву—куда совершилъ опять торжественный входъ съ преображенскимъ баталіономъ (19-го декабря), везшимъ пушки и знамена, взятыя въ Митавѣ.

Встрѣтивъ 1706 годъ въ Москвѣ, получилъ здѣсь государь извѣстіе о походѣ шведскаго короля къ Гродно, и, поспѣшно оставивъ столицу (13 января), черезъ Смоленскъ прибылъ въ Дубровну (25 января). Здѣсь Меньшиковъ, ѣхавшій на встрѣчу, донесъ, что войска наши, подъ начальствомъ Огильви, заперты шведами въ Гродно, откуда бѣжалъ въ Саксонію Августъ, захвативъ нашихъ 4 полка въ видѣ конвоя. Грустный воротился Петръ назадъ въ Смоленскъ (29 января) и, заѣхавъ въ Оршу, занялся спѣшнымъ формированіемъ *какихъ-нибудь полковъ*. Требуя присылки изъ Москвы солдатъ и рекрутъ, Петръ сознавалъ всю опасность, въ которую поставилъ его Огильви, давъ запереть себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заботился и старался Царь завести съ его арміею корреспонденцію. Изъ Орши переѣхавъ за тѣмъ въ Минскъ, еще цѣлый мѣсяцъ провелъ государь въ сильномъ безпокойствѣ, облегчившемся нѣсколько 15 марта, когда сношенія съ Огильви были возстановлены. Все тяжелое для себя время это провелъ Петръ спѣшно обучая новобранцевъ *на случай крайности*, и только видя измѣненіе дѣлъ нашихъ къ лучшему, сдалъ начальство Меньшикову, а самъ черезъ Смоленскъ и Торопецъ поѣхалъ къ Петербургу; не видѣвъ его болѣе года, за болѣзнію и ожиданіемъ шведовъ. Въ Нарвѣ, на этотъ разъ встрѣтилъ Петръ I праздникъ Свѣтлаго Воскресенія (24 марта) и поѣхалъ на берега Невы только въ ночь 29 числа (въ Пятницу на Святой). Апрѣль и май настоящаго года за то всецѣло посвятилъ Петръ своему *парадизу*, гдѣ получены имъ радостныя вѣсти о выходѣ Огильви и потушеніи Астраханскаго бунта. Въ Петербургѣ въ этотъ пріѣздъ Петръ заложилъ 13-го мая каменную крѣпость Петропавловскую, вмѣсто наскоро построенной земляной, возведенной подъ смотрѣніемъ его и пятерыхъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ, именами которыхъ были названы отдѣльные бастіоны. Раньше же этого, пользуясь открытіемъ навигаціи, 23 апрѣля, Петръ вывелъ самъ юный флотъ свой къ Кронштоту и, пересѣвъ на шнау «Мункеръ», съ 5-ю фрегатами вышелъ въ море (15-го мая); первый замѣтивъ шведскій флотъ у Красной горки. Во время поѣздки этой, послѣ непріятностей, испытанныхъ зимою, обнаружился упадокъ силъ неутомимаго монарха и, съѣхавъ на берегъ, онъ долженъ былъ подвергнуть себя серіозному леченію. По открытіи крови, врачи предписали Петру «двѣ недѣли на мѣстѣ принимать лекарство». Это и задержало его здѣсь до полученія извѣстія о движеніи Карла XII изъ Литвы на Волынь, принудивъ едва поправившагося государя спѣшить уже къ Днѣпру, гдѣ ждала его армія, расположенная отъ Гомеля къ Чернигову.

Быстро собравшись въ дальнюю дорогу, 1-го іюня, Петръ еще разъ прибылъ къ эскадрѣ, стоявшей у Котлина и, пробывъ здѣсь двое сутокъ на шнявѣ «Мункеръ», пошолъ южнымъ фарватеромъ до Горы-Валдая, откуда уже берегомъ, черезъ Копорье и Нарву, переѣхалъ въ Гдовъ, а на бывшихъ шведскихъ шкунахъ, по озерамъ Чудскому и Псковскому — въ Псковъ, и оттуда, черезъ Великія Луки — въ Смоленскъ, гдѣ ожидалъ его Меньшиковъ. Съ княземъ по Днѣпру плылъ государь до Могилева и, сухимъ путемъ, черезъ Быховъ— въ Гомель, гдѣ провелъ весь уже день. За тѣмъ, на Черниговъ, поѣхалъ Петръ въ Кіевъ.

Сюда влекла монарха необходимость защиты своихъ предѣловъ со стороны Волыни, откуда тогда, всего вѣроятнѣе, слѣдовало ждать нашествія шведовъ. Въ видахъ задержки здѣсь своего соперника по оружію, Петръ усиленно повелъ дѣло сооруженія обширной крѣпости и не прежде оставилъ энергическое веденіе работъ, какъ узналъ про совершенно неожиданное удаленіе Карла XII въ Саксонію. Тогда, не безпокоясь болѣе за югъ, направился Петръ отдохнуть въ своемъ бѣдномъ еще «парадизѣ», къ которому съ сухого пути подходили-было шведы (24 іюля), переправившись черезъ Неву у Ижоры, но 1 августа были прогнаны. Берега Невы увидѣлъ Петръ 8 сентября, а на слѣдующій день посѣтило государя здѣсь наводненіе, при чемъ вода въ его «полковничьихъ хоромахъ» была на 21 дюймъ «сверхъ пола, а по улицамъ вездѣ ѣздили на лодкахъ», но «меньше трехъ часовъ»; нагнало ее «вѣтромъ *В. З. В.*», какъ писалъ самъ монархъ въ письмѣ къ Меньшикову. Возможность неожиданнаго посѣщенія воды, однако, не помѣшала Петру, уже заводившему здѣсь осѣдлость, выписать изъ Архангельска въ Петербургъ разнаго рода инструменты, домашнюю утварь, приборы, съѣстные припасы и пр. Въ видахъ же обезопасенія своей будущей резиденціи съ сѣвера, сформировавъ и вмѣстѣ съ Апраксинымъ росписавъ заранѣе войска, Петръ повелъ ихъ подъ Выборгъ (4-го октября). Взявъ съ собою Брюса, Государь съ полками своими съѣхался, 5-го октября, въ Осиновой Рощѣ, съ 7-го по 9-е переправлялъ войско черезъ р. Сестру и, 11-го числа, подошолъ къ мѣсту слѣдованія. Безплодный подвигъ храбрости Щепотева и Дубасова, да пожары отъ «крѣпкаго бомбардированія», были, однако, единственными результатами настоящаго похода, рѣшивъ который, забыли взять мелкія суда, а безъ нихъ нельзя было попасть къ городу со стороны воды.

Неудача при Выборгѣ была забыта государемъ, получившимъ отъ Меньшикова извѣстіе о побѣдѣ, одержанной имъ надъ шведскимъ генераломъ Мардефельдомъ (26-го октября); но, празднуя настоящій успѣхъ своего оружія пальбою «съ города и кораблей», молебствіемъ и, послѣ него—пиромъ съ обильнымъ трехдневнымъ тостованьемъ,—Петръ I, черезъ Долгорукова, скоро узналъ, что измѣнилъ ему Августъ II, заключившій съ Карломъ XII постыдный миръ въ Альтранштедтѣ. Послѣ этого мира Петръ не имѣлъ уже союзниковъ и долженъ былъ помѣряться одинъ на одинъ со своимъ шведскимъ соперникомъ, отвергавшимъ всякое примиреніе. Съ идеею неизбѣжной близкой борьбы и неувѣренности въ успѣхѣ оставилъ государь на этотъ разъ Нарву, гдѣ встрѣтила его недобрая вѣсть и боязнь за свой, такъ ему милый, «парадизъ». Поѣздка въ Москву встрѣчать новый годъ отложена, а вмѣсто нея послѣдовало пу-

тешествіе на югъ, къ войску. Проведя праздникъ Рождества въ Кіевѣ, отсюда, черезъ Острогъ, Петръ проѣхалъ въ Жолкву (на Волыни), гдѣ стояли съ арміею Шереметевъ и Меньшиковъ, да находились и министры, со съѣхавшимися польскими сенаторами, партіи Августа. Здѣсь встрѣтилъ Петръ I новый, самый тяжелый для него изъ всей кампаніи (если не во всю его жизнь), 1707-й годъ, занимаясь обученіемъ войска и военными совѣщаніями, результатомъ которыхъ было намѣреніе: дать большое сраженіе шведскому королю на границѣ нашей; въ предѣлахъ же Польши уклоняться отъ боя, разоряя страну,— гдѣ проходить долженъ непріятель, — чтобы томить недостаткомъ провіанта. Въ Жолквѣ, послы рѣчи Посполитой совѣщались съ Петромъ о кандидатахъ на польскій престолъ, упразднившійся отреченіемъ Августа, вслѣдствіе мира съ шведами. Тогда какъ Лещинскаго—какъ неизбраннаго, а навязаннаго ей, нація не считала законнымъ государемъ, и всѣ благомыслящіе патріоты считали настоящее положеніе *междуцарствіемъ*. Карлъ XII между тѣмъ не двигался изъ Саксоніи. Потому изъ Жолквы съѣздилъ государь въ Дубно, посмотрѣть дивизію Репнина, а оттуда проѣхалъ (5-го мая) въ Люблинъ. Близь этаго города, въ мѣстечкѣ Якубовичахъ прожилъ Петръ I почти весь май, пока получились извѣстія о движеніи изъ Саксоніи Карла XII, въ Помераніи прибавившаго резервный корпусъ въ 9000 человѣкъ, что увеличило наличность арміи имъ командуемой до 54000 человѣкъ.

Узнавъ все это, Петръ послалъ приказъ Корчмину укрѣпить московскій Кремль, а самъ поѣхалъ (28-го мая) въ м. Казимержъ, осмотрѣвъ здѣсь, на слѣдующій день, 12 драгунскихъ полковъ, подъ командою генералъ-поручика принца Гессенъ-Дармштадтскаго. Оттуда же, проѣхавъ въ Стенжицу, видѣлся Петръ съ польскими сенаторами, требуя отвода пастбищъ для драгунъ своихъ, по близости. При возвращеніи въ Люблинъ, государя ждала новая непріятность. Гетманъ Литовскій Синицкій, около Борисова, отбилъ нашу казну, везенную къ войску (40000 руб.) и, увезя ее въ Быховъ, засѣлъ въ этой крѣпости, объявивъ себя на сторонѣ Лещинскаго. Приказавъ сперва Алларту идти къ Быхову, на помощь Боуру, Репнину же двинуться къ Вильнѣ, потомъ Петръ вызвалъ къ себѣ Алларта въ Варшаву и, прибывъ туда 11-го іюля, въ домъ маршала Билинскаго, заболѣлъ лихорадкою, продержавшею его въ постели 10 дней. Въ то время столица Польши кишѣла врагами Россіи, открыто и явно вооружившимися, а при государѣ былъ всего одинъ батальонъ преображенскаго полка. Между тѣмъ дѣла и по минованіи болѣзни задержали монарха здѣсь до 4-го сентября, пока шведская армія, медленно двигаясь, все еще была за Одеромъ. А когда перебрались шведы черезъ эту рѣку (14-го сентября), въ тотъ же день оставилъ Петръ Тыкоцынъ, а Меньшиковъ, занявъ прежде Прагу, отступилъ потомъ черезъ Бѣлостокъ къ Дзенціоламъ; между тѣмъ Шереметевъ все стоялъ въ Минскѣ. Государю потребовалось переѣхать черезъ Гродно въ Вильну и вызвать въ Меречь Меньшикова, наказавъ ему при свиданіи: отступать пѣхотою, оставляя драгунскіе полки ближе къ непріятелю; чтобы не оставлять его въ покоѣ во время движенія. Петръ узналъ здѣсь, что Карлъ XII еще разъ своротилъ съ дороги въ Польшу, разставивъ войска на зимнія квартиры около Данцига. Тогда и государь на Полоцкъ, Невель и Великія Луки, поѣхалъ

въ Петербургъ, черезъ Ладогу (по Ловати и Волхову) прибывъ на берега Невы 23-го октября и проживя здѣсь больше мѣсяца (до 1-го декабря), въ рѣшеніи не терпящихъ отлагательства дѣлъ по заведенію невскаго флота, да укрѣпленію и устройству самаго Петербурга, съ окрестностями. Затѣмъ, провелъ мѣсяцъ (съ 5-го декабря по 6-е января) царь въ Москвѣ, встрѣтивъ въ ней рождественскіе праздники, такъ любимые имъ всегда, и новый 1708 годъ. Оставивъ же столицу, черезъ Смоленскъ, Копысь и Минскъ, Петръ явился въ Дзенціолахъ (12-го января)—въ главной квартирѣ Меньшикова, гдѣ черезъ недѣлю узналъ о подлинномъ движеніи въ Литву шведскихъ войскъ, направленныхъ разомъ двумя трактами: на Гродно и къ Дзенціоламъ. Петръ поѣхалъ въ Гродно, а оттуда въ Вильно, неся, такъ сказать, на плечахъ Карла XII, пришедшаго къ Гродно двумя часами только позднѣе отъѣзда царскаго. При занятіи шведами этого города, русская конная партія, изъ аріергарда,—напала на главный шведскій караулъ и едва не весь его изрубила, подвергнувъ величайшей опасности жизнь самого короля. Пѣхота же наша въ это время заняла Бѣшенковичи, расположась около Двины, гдѣ могла послѣдовать баталія; если бы дальновидность недовѣрявшаго полякамъ Петра не заставила генераловъ нашихъ уклоняться отъ принятія ея, по смыслу заранѣе отданнаго приказа: *ретироваться къ своимъ границамъ*. Этимъ и завлеченъ былъ далеко герой шведскій, дѣйствіями нашими въ 1708-мъ году доведенный до ослабленія, задолго прежде Полтавы.

Между тѣмъ Карлъ XII изъ Гродно поднялся въ Сморгони и вдругъ оттуда снова поворотилъ на юго-востокъ къ Родошковичамъ, гдѣ опять остановился на долгое время. Пользуясь его поворотомъ, черезъ Псковъ и Дерптъ, въ мартѣ царь поѣхалъ въ Петербургъ, прибывъ сюда въ вербную субботу (27-го марта).

Въ Петербургѣ же,—который въ это время, на предложенія, дѣланныя со стороны Франціи въ пользу Россіи, Карлъ XII ни за что не хотѣлъ оставить въ царскихъ рукахъ, — Петръ съ первыхъ дней заболѣлъ лихорадкою, промучившею его всю Страстную, такъ что, будучи, какъ извѣстно, искреннимъ наблюдателемъ обрядовъ и установленій религіи, Петръ I на этотъ разъ не могъ прослушать всей пасхальной службы, пробывъ въ церкви при началѣ утрени и на обѣдни до Евангелія. При лихорадкѣ же, въ апрѣлѣ открылась болѣзнь груди и горла, такъ что, самъ чувствуя упадокъ силъ, государь писалъ Меньшикову—на другой день какъ сталъ выходить изъ комнаты (14-го апрѣля),—чтобы увѣдомили его тогда только, какъ шведы рѣшительно начнутъ походъ; желая совсѣмъ поправиться. Между тѣмъ, въ самый день отсылки письма разошлась Нева; не владѣя почти собою и только давъ пройти первому льду, Петръ поплылъ по рѣкѣ на своей верейкѣ, на слѣдующій же день приказавъ выводить шнявы и фрегаты,—а еще черезъ день назначивъ выходъ флота, стараніями Крюйса еще съ марта приведеннаго въ состояніе бороться съ врагами.

Серіозная болѣзнь Петра напугала царское семейство, ѣхавшее уже для посѣщенія невскихъ береговъ. Едва оправившійся государь поѣхалъ девятнадцатаго апрѣля въ Шлиссельбургъ встрѣчать царицъ и привезъ ихъ въ свой, уже хорошо укрѣпленный, Орѣшекъ на слѣдующій день, при пушечной пальбѣ.

Здѣсь, высокіе гости,—задержанные льдомъ пять дней,—провели время невольнаго роздыха въ обозрѣніи всего замѣчательнаго и только 25-го числа на 9-ти буерахъ отвезены въ Петербургъ. Не доѣзжая до него пяти верстъ, встрѣтилъ флотилію прибывшихъ адмиралъ Апраксинъ и проводилъ гостей до пристани близь маленькаго домика царя-плотника,—что у посольскаго дома.

На утро это, въ тогдашнемъ Петербургѣ великолѣпнѣйшее зданіе—сгорѣло, испугавъ царицу Прасковью Федоровну, въ немъ остановившуюся съ дочерьми своими. Едва оправившись послѣ этого неудачнаго шага на петербургскомъ новосельи, любимая невѣстка Петра приняла предложеніе державнаго хозяина показать его флотъ и, на двухъ бригантинахъ, поѣхала съ нимъ къ Котлину. Эта поѣздка, между тѣмъ, неоправившемуся государю привела новый припадокъ болѣзни, но, хотя, снова принявшись лечиться, онъ, все-таки, въ день Вознесенія (13-го мая), торжественно заложилъ въ новой крѣпости второй каменный бастіонъ, обращенный къ Васильевскому острову.

При закладкѣ его предоставилъ честь положенія перваго камня митрополиту Стефану, сказавшему, совсѣмъ по вкусу государя—слово *о трехъ сѣняхъ Петровыхъ на Θаворѣ*, примѣнивъ изрѣченіе «Духъ Господень на водахъ» къ мѣстности Петербурга и второю сѣнью назвавъ закладываемую крѣпость. Второй камень въ основаніе положилъ уже самъ Петръ, третій—царица Прасковья; а потомъ прочіе гостьи и гости (князь-папа съ соборомъ). Рѣчь Стефана государь назвалъ: «зѣло изрядною предикою» и послѣ церемоніи всѣхъ пригласилъ на обѣдъ къ одному изъ строителей крѣпости, кн. Шаховскому. И послѣ невѣстокъ и сестеръ возилъ царь въ море своего *всешутѣйшаго* съ братіею на этотъ разъ посѣтивъ съ ними товарищей по флоту, въ то именно время, когда получена вѣсть отъ Меньшикова о *рѣшительномъ движеніи шведовъ* къ нашимъ границамъ.

При этой вѣсти Петръ въ три дня собрался въ путь съ гостями своими (въ числѣ которыхъ была и Екатерина Алексѣевна, съ новорожденною Анной Петровной). Іюня 25-го всѣ отправились въ Нарву, гдѣ была, 27-го іюня, какъ бы пророческая,—*торжественная* встрѣча монарху и фейерверкъ въ день его именинъ, отправивъ которыя обычно на утро государь уѣхалъ черезъ Псковъ къ арміи. Наши, при Головчинѣ, 3-го іюля уже успѣли теперь помѣряться со шведами, предводительствуемыми *непобѣдимымъ*, какъ до того говорили, *королемъ* ихъ, на этотъ разъ съ русскими поступившимъ далеко не по своему обычаю; побѣда, не смотря на усилія шведовъ, осталась нерѣшонною.

По мнѣнію Петра, ужъ и то было хорошо, что «устояла часть еще нашихъ силъ, передъ всею арміею непріятеля».

Прибывъ 13-го іюля въ Горки, Петръ получилъ здѣсь извѣстіе объ отбитіи отъ Азова бунтовщика Булавина и, по убійствѣ его, объ усмиреніи донскихъ казаковъ. Это улучшило нѣсколько наше положеніе. Къ тому же, при готовившейся борьбѣ со шведами, увѣренность въ непобѣдимости ихъ начала исчезать между русскими солдатами, благодаря плѣненію генераломъ Реномъ шведскаго отряднаго начальника Канифера, привезеннаго въ главную квартиру государя, 3-го августа. Между тѣмъ, на слѣдующій день получено извѣстіе о переправѣ въ Могилевѣ черезъ Днѣпръ Карла XII, надѣявшагося на бунтъ Булавина и условленную уже измѣну Мазепы.

Петръ, двинувъ войска къ Мстиславлю, самъ съ половиною пѣхоты прибылъ туда 11-го августа. 16-го же получено извѣстіе, что шведскій король пришолъ къ Чирикову; потому, оставивъ часть войска въ Гомелѣ, царь за нимъ на утро же двинулся къ Рясне, а 20-го, перебравшись въ бродъ черезъ р. Сожъ у Кричева, продолжалъ путь черезъ Борисовичи къ Веприку, составлявшему трудный пунктъ для переправы. Шведы, видя, что ихъ предупредили, отъ Веприка пошли назадъ тою же дорогою, по которой прошли только войска наши; начавшія также обратный походъ. Въ Кричевѣ военный совѣтъ опредѣлилъ раздѣлить наши силы на трое и разставить въ опредѣленныхъ пунктахъ. Результатомъ этого распоряженія былъ бой подъ Добрымъ (29-го августа), гдѣ генералы князь Голицынъ и Флюгъ разбили правое крыло шведской арміи, успѣвъ ретироваться во время отъ главныхъ силъ шведовъ, шедшихъ за нами до Мигновичь,—чтобы обмануть и скрыть намѣреніе короля идти въ Украйну.

Узналъ объ этомъ государь (10-го сентября) одновременно съ извѣстіемъ о движеніи отъ Риги Левенгаупта, на соединеніе съ королемъ.

Армію Левенгаупта до сихъ поръ оставлялъ король вдали отъ себя, надѣясь управиться съ царемъ своими наличными силами; но, перейдя за Днѣпръ и найдя затрудненіе въ продовольствіи,—потому что страна, гдѣ проходилъ онъ, была заранѣе опустошена, — Карлъ XII принужденъ былъ предписать ему идти къ себѣ и везти запасы провіанта, оставленные въ Лифляндіи.

При извѣстіи о призывѣ Левенгаупта—у Петра явилась мысль: не допустить его до соединенія съ Карломъ XII. Съ этою цѣлью предписавъ Шереметеву, для отвлеченія подозрѣній, идти за главными силами шведовъ, самъ царь пошолъ на встрѣчу Левенгаупту. Въ селѣ же Григорковѣ (15-го сентября) узнавъ, что шведскій генералъ сталъ очень спѣшить походомъ, сдѣлалъ это и государь, чуть было не обманутый жидомъ вожатымъ. Послѣ усиленныхъ переходовъ, черезъ одиннадцать дней (27-го сентября), Петръ наконецъ настигъ Левенгаупта, на горѣ, за рѣкою у деревни *Долгіе Мхи*, гдѣ, впрочемъ, не удалось удержать шведовъ. Они остановились только на слѣдующій день, около полудня, при деревнѣ Лѣсной, въ числѣ 16,000 человѣкъ, съ обозомъ провіантовъ въ числѣ 2000. Открывъ непріятеля, наши 14000 человѣкъ начали бой, продолжавшійся (если не выключать роздыха) шесть часовъ, и кончившійся въ нашу пользу: шведы 8000-ми убитыхъ покрыли поле и потеряли обозъ. Петръ I, собственноручно выправляя юрналъ, далъ такую характеристику боя при Лѣсномъ. «Сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ, и по истинѣ оная виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій, понеже тутъ первая проба солдатская была и людей конечно ободрила».

Окончивъ бой, Петръ трое сутокъ стоялъ у Лѣснаго, на слѣдующій день отправивъ молебствіе при троекратныхъ залпахъ изъ пушекъ и оружій, и только 2-го октября двинувшись къ Смоленску, заѣзжалъ въ Чаусы — гдѣ умиралъ принцъ Дармштадтскій. Въ Смоленскъ вступилъ государь торжественно 8-го октября, проведя по городу плѣнныхъ и пронеся взятыя шведскія 44 знамени. Въ Смоленскъ прислалъ къ государю увѣдомленіе о побѣдѣ

своей въ Ингерманландіи надъ Либекеромъ, у Сойкиной мызы,—и генералъ-адмиралъ Апраксинъ.

По полученіи извѣстія отъ адмирала Апраксина, защищавшаго Петербургъ, на другой день (20-го октября) Петръ поѣхалъ къ войску, съ которымъ стоялъ Шереметевъ въ Стародубѣ, и, по прибытіи туда черезъ день (29-го октября), получилъ увѣдомленіе объ измѣнѣ гетмана Мазепы,—отъ Меньшикова, лично прибывшаго на другой день и посланнаго 31-го октября брать Батуринъ, гдѣ собраны были запасы для шведовъ хитрымъ измѣнникомъ. Батуринъ взятъ княземъ Ижерскимъ 2-го ноября, безъ большого урона.

Затѣмъ, государь прибылъ въ Глуховъ 5-го ноября, гдѣ черезъ день выбранъ въ гетманы Скоропадскій и тремя прибывшими архіереями 9-го числа преданъ проклятію Мазепа. Послѣ проклятія, изображеніе преступнаго гетмана протащено на веревкѣ и повѣшено палачомъ; на другой же день казнены сообщники Мазепы—Чечель и другіе, взятые въ Батуринѣ. Царь съ войскомъ поѣхалъ 16-го ноября на югъ,—въ Лебедянь, а оттуда до Веприка и Гадяча; въ то время, когда король шведскій былъ на маршѣ къ Ромнамъ. Въ Лебедяни Петръ провелъ «Рождество Христово», 26-го декабря отправившись съ двумя драгунскими, да двумя гвардейскими полками въ Сумы, гдѣ встрѣчалъ и новый 1709 годъ, такъ обильный важными результатами. Въ январѣ узналъ монархъ, что Карлъ XII пошолъ къ Красному-Куту, почему послалъ Меньшикова въ Ахтырку, а за нимъ и самъ явился туда, 2-го февраля;—отсюда уже, 9-го числа, отправившись въ Бѣлгородъ и, черезъ него, въ Воронежъ.

Со вскрытіемъ рѣкъ, въ Воронежѣ Петръ спустилъ на воду 4 корабля и, побывавъ въ Тавровѣ въ Азовѣ, получилъ увѣдомленіе Меньшикова о боѣ на Сокольнѣ, на Ворсклѣ, гдѣ были нашими разбиты 4000 шведовъ съ 3000 запорожцевъ. Затѣмъ государь, изъ Азова же, 26-го апрѣля выходилъ на бригантинахъ въ Азовское море, до Троицка, и, уже получивъ (13-го мая) извѣстіе отъ Меньшикова объ осадѣ шведскимъ королемъ Полтавы, къ ней въ нашъ лагерь явился Петръ I 4-го іюня.

Найдя войско свое за р. Ворсклою, царь назначилъ 13-го числа—переправу; но за трудностями это отложено до 20-го числа. Переправившись 25-го іюня, наши остановились отъ непріятеля не болѣе, какъ верстахъ въ двухъ. Въ день прихода сюда арміи, ночью Карлъ XII подскакалъ съ небольшою свитою къ кучкѣ неосторожныхъ казаковъ, и, соскочивъ съ коня, застрѣлилъ одного изъ нихъ, но другими самъ былъ жестоко раненъ въ ногу; такъ что не могъ встать съ мѣста отъ жестокой боли на другой день. Въ это именно время Петръ осматривалъ позицію свою и непріятельскую, рѣшивъ въ день имянинъ своихъ дать сраженіе. Шведскій король предупредилъ его. Іюня 27-го еще не разсвѣло, какъ непріятельская пѣхота и конница бросились на наши редуты и двумя не доконченными—овладѣли. Мы, однако, скоро принудили *часть праваго крыла* шведовъ спасаться въ лѣсу, оторвавъ отъ главныхъ силъ ихъ;—хотя пробившихся сквозь редуты, но оставившихъ въ рукахъ нашей кавалеріи 14 знаменъ и штандартовъ. Боуру велѣно было тогда отступать отъ окоповъ нашихъ направо, чтобы дать возможность вывести пѣхоту. Когда же это было имъ исполнено, а шведская пѣхота поведена Левенгауптомъ на его конницу, — страшнымъ огнемъ артиллеріи храбрый Левенгауптъ былъ отбитъ и остановленъ въ лѣс-

ной лощинѣ. Въ это время Меньшиковъ и Ренцель обходили уже лѣсъ, и, обойдя его, ударили на части оторваннаго праваго крыла, совсѣмъ здѣсь побитыя. Генералъ же Розенъ, засѣвшій въ редуты, былъ окруженъ и принужденъ сдаться. Тогда наши стали въ ордеръ баталіи передъ сбитымъ уже непріятелемъ и аттаковали главныя силы шведскаго короля (въ 8 часовъ утра). Отчаянный бой, затѣмъ, длился часа два, пока—говоря словами Петра—«непобѣдимые господа шведы хребетъ свой показали». Съ малымъ, сравнительно, нашимъ уономъ, вся опрокинутая непріятельская армія побѣжала, нигдѣ не останавливаясь, до лѣса, изъ котораго начался бой. Въ немъ, Петръ, нещадя себя, «поступалъ какъ доброму приводцу надлежитъ»; прострѣленная шляпа у него и пуля, найденная въ орчакѣ сѣдла, лучше словъ могутъ показать, что̀ былъ онъ въ величайшемъ огнѣ. Къ полдню бой уже былъ конченъ и за обѣдъ сѣлъ государь въ обозѣ, въ палаткахъ, пригласивъ къ столу шведскихъ генераловъ. Выхваляя храбрость старца Рейншильда, Петръ подарилъ ему свою собственную шпагу, позволивъ носить ее. Къ вечеру посланы были государемъ преслѣдовать непріятеля генералы: Боуръ и князь Голицынъ, а на слѣдующій день—Меньшиковъ, которому 30 іюня, при Переволочнѣ, и сдался на капитуляцію съ остатками шведской арміи Левенгаупта.

По совершеніи благодарственнаго молебствія и награды отличившимся, войско просило государя *принять чинъ сухопутнаго генерала и морской службы Шаутбей-нахта*, на что онъ соизволилъ; начавъ писаться съ этого времени генералъ-лейтенантомъ. Меньшиковъ произведенъ въ фельдмаршалы. Іюля 13-го отъ Полтавы пришли войска въ Рѣшетиловку, откуда Петръ послалъ Шереметева блокировать Ригу, а Меньшикова отрядилъ въ Польшу: прогнать Лещинскаго. Самъ же государь поѣхалъ въ Кіевъ (15-го іюля), прибывъ туда черезъ недѣлю (22-го іюля).—Въ бытность Петра въ Кіевѣ, куда черезъ три дня пріѣхалъ не на долго и Меньшиковъ—въ Софійскомъ соборѣ, префектъ кіевскихъ школъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ похвальное слово полтавскому побѣдителю, обративъ на себя этимъ милостивое вниманіе монарха, узнавшаго его способности. Похворавъ въ Кіевѣ больше недѣли отъ испытанныхъ недавно сильныхъ ощущеній, Петръ 15-го августа отправился въ Польшу; въ м. Полонномъ узнавъ о бѣгствѣ Карла XII съ Мазепою въ Бендеры, къ туркамъ.

Въ Люблинѣ встрѣтилъ Петра I, посланный Августомъ II *съ поздравленіемъ*, оберъ-шталмейстеръ его фонъ Фицтумъ; именемъ своего государя приглашая Петра въ Торнъ,—для свиданія съ бывшимъ союзникомъ, который, при поворотѣ счастія на нашу сторону, уже шолъ въ Польшу съ 14000 своихъ саксонцевъ. Предварительно поѣздки въ Торнъ, Петръ пріѣхалъ въ Варшаву (20-го сентября), гдѣ Сенатъ благодарилъ его за возвращеніе законнаго государя Августа, встрѣтившаго полтавскаго побѣдителя лично въ 6 миляхъ отъ г. Торна (26-го сентября), и 9-го октября заключившаго союзъ на прежнихъ основаніяхъ. Въ Торнъ явился съ подобною же цѣлью и датскій посланникъ, предлагающій возстановленіе прежнихъ отношеній обоихъ дворовъ. Въ заключеніе же, Петра I звалъ прусскій король на свиданіе въ Маріенвердеръ; гдѣ заключенъ и съ нимъ оборонительный союзъ. Заручившись союзниками, Петръ явился къ облокированной уже, Ригѣ и, въ городъ, — гдѣ потерпѣлъ три-

надцать лѣтъ назадъ непріятности, бросивъ собственноручно первыя три бомбы (14-го ноября),—поспѣшилъ въ свой невскій *парадизъ*, и прибылъ въ Петербургъ въ день именинъ Меньшикова (23-го ноября).

Скоро по прибытіи, заложилъ здѣсь государь, въ память одержанной побѣды при Полтавѣ, деревянный храмъ во имя св. Сампсона, память котораго празднуется 27-го іюня. Затѣмъ, въ день кавалерскаго праздника св. Андрея (30-го ноября), Петръ далъ въ австеріи Фельтена,—возведеннаго въ оберъ-кухен-мейстеры Его Величества,—обѣдъ «господамъ петербургскимъ жителямъ»; устроивъ вечеромъ фейерверкъ съ транспарантомъ и ракетами». Наконецъ, заложивъ корабль «Полтава» (6-го декабря), на слѣдующій день уѣхалъ Петръ въ Москву, къ тріумфальному вшествію съ войсками, совершонному въ день рожденія третьей дочери своей—Елизаветы Петровны (18-го декабря 1709 г.).

Въ наступившемъ же новомъ году, государь 21 февраля прибылъ въ Петербургъ, торопя приготовленіями къ походу на Выборгъ; куда уже 21-го марта послалъ Апраксина, а за нимъ—Брюса и Берхгольца. Апрѣля 23-го двинулась эскадра Крюйса и 25 поѣхалъ самъ Петръ, но до Котлина достигли суда только 29-го числа, а 30-го получено извѣстіе, что къ Березовымъ островамъ *пройти нельзя*, за стоящимъ стѣною льдомъ. Дойдя, однако, до льдовъ, Петръ сталъ на якорь при урочищѣ Курома, вмѣстѣ съ галерною эскадрою, везшею провіантъ къ Выборгу; 1-го же мая на шнявахъ своихъ—поѣхалъ къ Горѣ-Валдаю, а отсюда — къ Красной горкѣ. Въ отсутствіе государя большую часть галеръ и транспортовъ унесло въ море льдомъ, а парусныя суда не могли подать имъ помощи, за противнымъ вѣтромъ. Петръ явился, не зная ничего этого, 6-го мая; узнавъ же, немедля, на шнявахъ своихъ, пошолъ къ сплошной стѣнѣ льда;—хотя, пробившись весь вечеръ, и ничего не могъ сдѣлать. На слѣдующій день посланы со шнявами фрегаты, съ приказаніемъ: пробиться *непремѣнно* сквозь ледъ, къ галерамъ. Это они и исполнили, донеся 8-го мая, что галерный флотъ освобожденъ. Получивъ радостную для себя вѣсть, Петръ самъ поѣхалъ на гребную флотилію и съ нею въ тотъ же день пришолъ къ Выборгу; бросивъ якорь за 12 верстъ отъ города, у баттарей. Сюда явился къ государю Апраксинъ: благодарить за заботливость о войскѣ, выказанную привозомъ провіанта, котораго у осаждающихъ оставалось только на два дня.

Отдохнувъ отъ трудовъ борьбы съ бурею и льдомъ, 12-го мая Петръ осматривалъ крѣпость Выборгъ и, выгрузивъ провіантъ, съ остальною эскадрою (кромѣ оставленныхъ тутъ галеръ) воротился къ Котлину;—чуть не попавшись шведской эскадрѣ, пришедшей въ Выборгскій заливъ въ числѣ пятнадцати вымпеловъ, въ самый день отхода нашей флотиліи.

Пробывъ въ Петербургѣ недѣли четыре, Петръ опять явился подъ Выборгъ, доведенный нашею бомбардировкою до страшнаго положенія, при которомъ комендантъ уже велъ переговоры о сдачѣ. Къ совершенію договора Государь поспѣлъ какъ разъ и на другой день по прибытіи его послѣдовала сдача Выборга (12-го іюня). Вмѣстѣ съ генераломъ Берхгольцемъ, самъ Петръ ввелъ на брешь два батальона солдатъ своихъ, а 14-го іюня имѣлъ торжественный въѣздъ въ завоеванный городъ, съ преображенскимъ полкомъ,—какъ полковникъ его. На утро, покатавшись въ шлюпкѣ по Выборгской бухтѣ, царь заѣзжалъ на галерную эскадру и, совершивъ торжественное молебствіе за взятіе

Выборга при залпахъ артиллеріи и войска,—причемъ украсилъ грудь Апраксина андреевскою лентою, а затѣмъ уже, пропировавъ съ офицерами всю ночь, оставилъ Выборгъ. Побѣдоносныя войска пошли также въ Петербургъ и вступили въ него церемоніально въ годовщину Полтавы. Память завоеванія Выборга увѣковѣчилъ Петръ заложеніемъ Троицкаго собора въ Петербургѣ, приказавъ въ него переселить на *вѣчное житье*, съ семействами, 14971 человѣка мастеровыхъ людей; построивъ имъ дома отъ казны.

За торжествомъ взятія Выборга послѣдовала и сдача Риги Шереметеву (4-го іюля). На молебствіи, совершонномъ въ Петербургѣ по этому случаю, присутствовала вся царская фамилія, уже переселившаяся сюда согласно желанію державнаго основателя невскаго города, de facto сдѣлавшагося съ этого времени столицею Россіи.

Здѣсь Петръ былъ доступенъ всѣмъ и обращался дружески со своими сотрудниками и сотрудниками, посѣщая слободы, устраивая праздники и бывая запросто въ домахъ далеко не близкихъ къ нему людей. Построивъ около этого времени загородный домикъ «Петергофъ», государь дѣлалъ теперь новоселье въ немъ, пригласивъ Меньшикова и Апраксина на обѣдъ.

Изъ Петергофа, съ ними же, проѣхалъ Петръ на Котлинъ, проведя слѣдующій день на эскадрѣ у Крюйса, а отъ него прогулявшись на буерѣ къ Красной Горкѣ. Августа 14-го получилъ монархъ извѣстіе о взятіи Пернова Боуромъ и, празднуя эту побѣду, 18-го августа, заложилъ на «лѣтнемъ дворѣ» каменное помѣщеніе для себя, въ новой столицѣ. Черезъ четыре же дня, спустивъ новый корабль со штапеля и назвавъ «Выборгъ», Петръ самъ повелъ его во флотъ къ Кронштлоту и тамъ, вооруживъ какъ слѣдуетъ, пустился на немъ въ крейсерство по Финскому заливу. Во время этого крейсерства (2-го сентября) салютовалъ Петру въ первый разъ на финскихъ водахъ англійскій корабль, что́ тронуло государя—моряка до глубины сердца, и онъ, радостный, воротился въ свой *подлинно парадизъ*—пировать на новыхъ торжествахъ русскаго оружія: 8-го сентября взятъ Кексгольмъ Брюсомъ, а 29-го Ревель Боуромъ. Въ Кексгольмъ поѣхалъ государь 18-го октября, взявъ свой *шутейшій соборъ*, да Меньшикова, и тамъ, послѣ сытнаго обѣда (22-го октября) водилъ по стѣнамъ слабыхъ ногами *кардиналовъ* всею компаніей.

Оттуда же воротясь въ Петербургъ, Петръ отпраздновалъ свадьбу племянницы, царевны Анны Ивановны, съ герцогомъ курляндскимъ Фридрихомъ, исполняя на этомъ торжествѣ должность маршала и нарядясь въ алый кафтанъ съ бобровыми отворотами, да на голову надѣвъ высокій парикъ.

Въ этомъ пышномъ нарядѣ, государь ѣздилъ самъ за невѣстою въ шлюпкѣ, на которой и самые гребцы разряжены были въ красный бархатъ съ галунами и гербами царскими, вышитыми серебромъ. На другой день свадьбы вскрывъ самъ пироги, въ которыхъ посадили карлицъ, Петръ I одну изъ нихъ взялъ на руки и поставилъ на свадебный столъ къ ея дружкѣ, чтобы въ парѣ съ нею протанцовала крошка минуэтъ по столу, вокругъ гостей. Затѣмъ же, принявъ непосредственное участіе въ зажженіи фейерверка, государь чуть не поплатился дорого за свою любовь къ пиротехніи. Потѣшное присутствіе карлицъ въ пирогахъ было, впрочемъ, не единственное торжество въ 1710 году: Петръ I придумалъ черезъ двѣ недѣли отпраздновать свадьбу карлика

своего, Екима Волкова, устройствомъ цѣлаго поѣзда собранія 70-ти *поѣзжанъ-карликовъ*. Ихъ созвали и привезли со всѣхъ концовъ Россіи, къ этому чрезвычайному торжеству, совершенному, тоже, какъ и свадьба царевны, въ домѣ князя Меньшикова. Въ немъ же праздновалъ Петръ I, теперь третій уже разъ въ Петербургѣ, кавалерскій праздникъ св. Андрея Первозваннаго. Обѣдъ у старшаго изъ кавалеровъ, адмирала Головина, былъ началомъ празднества, а иллюминаціею, вечеромъ—заключился рядъ торжествъ этого, вполнѣ праздничнаго и блистательнаго, года, когда величіе Петра послѣ Полтавы стояло въ апогеѣ своей славы, въ глазахъ государей Европы.

Наводненіе, не слыханное по времени года (10 и 11 декабря) и разрушившее множество свайныхъ сооруженій въ юномъ Петербургѣ, за то сдѣлалось такъ сказать прелюдіею неудачъ слѣдующаго 1711 года, приготовленныхъ вѣстью изъ Константинополя о разрывѣ съ турками мира, одновременно съ ожидаемымъ набѣгомъ крымцевъ. Война съ турками подготовлена прямо интригами Карла XII въ диванѣ; туркамъ въ это время не давали мы ни малѣйшаго повода къ распрѣ.

Эти обстоятельства нерадостнаго для Петра характера выразились въ девизахъ фейерверка на новый (1711) годъ. На первомъ транспарантѣ изображена одна только звѣзда въ темномъ полѣ, съ надписью: «Господи покажи намъ пути твоя». На другомъ же щитѣ написанъ былъ столбъ съ палашемъ, щитомъ и надписью: «идѣ же правда, тамо и помощь Божія».

А тутъ еще, на третій день новаго года, новобрачный герцогъ курляндскій заболѣлъ. Впрочемъ, получивъ облегченіе, поѣхалъ къ себѣ, больной, 9-го января; но, въ 40 верстахъ отъ Петербурга, въ мызѣ Кипень скончался, оставивъ племянницу царя вдовою. Петръ простился съ тѣломъ его, въ Дудергофѣ, 17-го января, поспѣшно уѣзжая въ Москву, гдѣ учредилъ сенатъ (изъ восьми членовъ), возлагая на него правленіе государствомъ въ свое отсутствіе на войну. Сенатъ приведенъ къ присягѣ торжественно (2-го марта) въ блюденіи правды, дачѣ праваго суда, вѣрности государю и отечеству.

Февраля 25, въ Москвѣ же, государь издалъ манифестъ о разрывѣ мира—турками, прося въ немъ у Провидѣнія поддержки противъ миро-нарушителей. На новыя знамена полковъ своихъ Петръ помѣстилъ надпись: «за имя Іисусъ-Христово и—христіанство», а вокругъ крестъ съ подписью, въ сіяніи: «Симъ знаменіемъ побѣдиши».

Марта же 6-го, распорядивъ уже всѣ дѣла и уѣзжая въ ночь къ войску, Петръ объявилъ: мать трехъ дочерей своихъ, Екатерину Алексѣевну,—которую бралъ теперь съ собою въ походъ, — своею подругою и государынею. Съ этого времени письма свои къ ней государь сталъ надписывать: «Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

Путь Петра I лежалъ черезъ Вязьму, Смоленскъ и Горки, въ Слуцкъ, гдѣ находились пѣхотные полки, подъ командою фельдмаршала Шереметева. Въ Слуцкѣ Петръ и Екатерина провели шесть дней (13—18 марта) за устройствомъ перевозовъ черезъ Припять, по причинѣ уже наступившей распутицы; такъ что, черезъ три часа по переправѣ ихъ при Давыдъ-городкѣ, рѣка разошлась. Затрудненія и въ дальнѣйшемъ слѣдованіи были такъ велики, что только 25 марта доѣхали высокіе путешественники до м. Степани и черезъ день явились въ Луцкѣ.

А здѣсь, на другой же день по прибытіи, Петръ I заболѣлъ опасно *скорбутомъ*, съ жестокими пароксизмами. Болѣзнь эта держала государя въ постелѣ цѣлую недѣлю и только 5 апрѣля (въ четвергъ на святой недѣлѣ) онъ могъ встать съ одра;—хотя, уже 2-го апрѣля, далъ приказъ фельдмаршалу ѣхать къ себѣ со всѣми генералами: для совѣта; по случаю полученія отъ идущаго съ полками изъ Польши, князя М. М. Голицына, извѣстія о вступленіи «воеводы кіевскаго» съ татарами крымскими въ наши границы. Голицыну, на его донесеніе, немедленно предписалъ Петръ настичь и побить этихъ непріятелей; апрѣля же 6-го приказалъ князю Василію Вл. Долгорукову идти съ гвардейскими полками на р. Днѣстръ къ м. Полонному, направивъ туда же и другія три дивизіи. Черезъ день послѣ этого (8 апрѣля) самъ государь выѣхалъ изъ Луцка въ селеніе Елизарово, гдѣ провелъ въ саду пять дней, укрѣпляясь силами. Сюда съѣхались и генералы держать совѣтъ, послѣ котораго предписано фельдмаршалу, со всѣмъ войскомъ, къ 20 мая, отъ Брацлава, быть на Днѣстрѣ; изготовивъ и плоты, для переправы черезъ эту рѣку.

Распорядившись всѣми этими приготовленіями, Петръ съ Екатериною прибыли, 16-го апрѣля, въ Яворовъ, куда на слѣдующій день пріѣхали на свиданіе съ государемъ: сынъ бывшаго польскаго короля, Константинъ Собіески и трансильванскій князь Ракочи; а 19-го апрѣля здѣсь получено извѣстіе о смерти императора Іосифа I. Въ этотъ самый день Петръ I подписалъ договоръ о бракѣ царевича Алексѣя Петровича съ принцессою брауншвейг-бланкенбургскою Шарлоттою Христиною Софіею, родною сестрою супруги преемника Іосифа I—Карла VI, дочерью втораго сына царствовавшаго герцога Антона Ульриха, принца Людвига Рудольфа, отъ Христины Луизы Оттингской. Царь назначилъ на содержаніе двора будущей невѣстки своей по 50,000 ефимковъ въ годъ, съ единовременною выдачею, въ видѣ подарка на свадьбу, 25,000 ефимковъ—самой принцессѣ въ личную, полную собственность. Личное исповѣданіе лютеранства супругѣ царевича по договору предоставлено безъ всякихъ ограниченій, съ содержаніемъ пастора и капеллы при ея дворѣ, но съ непремѣннымъ требованіемъ отъ ея высочества—воспитыванія въ православіи дѣтей, обоего пола.

Въ Яворовъ князь М. М. Голицынъ прислалъ увѣдомленіе, что сторонниковъ Карла XII — воеводу кіевскаго съ татарами, въ числѣ 7000 человѣкъ,—онъ разбилъ совершенно, положивъ до 500 на мѣстѣ и освободивъ 10,000 захваченныхъ ими обывателей. Въ Яворовѣ же, какъ извѣстно, назначено было свиданіе съ Польскимъ королемъ, который, между тѣмъ, замедлилъ поѣздкою своею изъ Пруссіи цѣлый мѣсяцъ, такъ что, проживъ безплодно до 20 мая, увидѣлся съ нимъ Петръ уже въ Ярославлѣ (въ Галиціи). 22-го мая, и, условившись, чтобы Августъ шелъ осаждать Штральзундъ—вмѣстѣ съ частью русскихъ войскъ,—а намъ даны были, подъ начальствомъ Поцея, польскія войска на войну съ Турціею, о войнѣ этой здѣсь сдѣлано торжественное объявленіе, съ посылкою трубачей по городу. Изъ Ярославля воротясь опять въ Яворовъ, 30 мая, здѣсь получилъ го уларь донесеніе Шереметева о переходѣ черезъ Днѣстръ, при Рашковѣ, отбитіи татаръ и вступленіи въ Яссы партіи бригадира Кропотова—для принятія въ подданство господаря Кантеміра.

Послѣ этого уже медлить было нельзя и Петръ съ Екатериною, 1 іюня

черезъ Львовъ и Злочевъ уѣхали въ Брацлавъ, гдѣ ожидалъ прибытія ихъ Репнинъ съ гвардейскими полками. Съ ними, 8-го іюня, государь и его спутница отправились далѣе и 10 числа въ с. Шпиковѣ Петръ хотѣлъ отпустить съ дамами, въ Польшу, Екатерину, но она отказалась его оставить, и, какъ извѣстно, проведя вмѣстѣ съ государемъ весь походъ, раздѣляла всѣ опасности и оказала важную услугу, при заключеніи прутскаго мира.

Подойдя, 12-го іюня, къ Днѣстру съ войсками своими, Петръ переправилъ ихъ черезъ эту рѣку при м. Сороки 17-го числа, и, простоявъ здѣсь до 20-го, совершилъ съ ними, затѣмъ, по безводной мѣстности, съ величайшими трудностями, четырехдневный переходъ до Яссъ.

Здѣсь, за шесть миль отъ столицы своей, (23 іюня) выѣхалъ на встрѣчу Петру господарь молдавскій Константинъ Дм. Кантеміръ, заявивъ свою преданность. Сюда выслалъ и коварный Бранкованъ, господарь Валахіи, своего посланника—Кастріота, съ предложеніемъ содѣйствія въ заключеніи съ турками мира, при посредствѣ визиря; но это ходатайство оставлено безъ уваженія, «дабы не придать непріятелю куражу». Вмѣсто того держанъ военный совѣтъ, на которомъ, прежде всего, разсуждалось о провіантѣ и рѣшено дѣлать у Яссъ магазины, да ускорить походомъ къ Дунаю, чтобы захватить склады провіанта. Для этого на военномъ совѣтѣ рѣшено идти по правому берегу р. Прута до Фальчи, а оттуда, черезъ лѣса—къ р. Серету и командированъ былъ съ половиною кавалеріи ген. Ренъ, съ которымъ главныя силы должны были соединиться у Галаца.

До седьмаго іюля движеніе это совершалось арміею безъ помѣхи, но трусость генерала Януса въ этотъ день дала возможность туркамъ переправиться черезъ Прутъ и предупредить насъ у Фальчи; тѣмъ болѣе, что безкормица, при проходѣ мѣстами, съѣденными саранчею, лишала лошадей почти всѣхъ силъ. Медленность движенія происходила частію и отъ растянутости частей арміи при движеніи, такъ что цѣлый день восьмаго іюля прошелъ въ соединеніи дивизій Репнина и Вейде. Девятаго же числа, тѣснимые уже и тревожимые превосходными силами турокъ съ ранняго утра, войска наши, для отдыха и полученія водки, къ полудню стали у р. Прута. И здѣсь-то визирь аттаковалъ нашу армію всею своею 250,000 массою. Но аттака эта, не смотря на стремительность нападавшихъ и въ шесть разъ большую численность ихъ, отбиваема была до самой ночи, къ явному ущербу турокъ, потерявшихъ до 7,000 человѣкъ. Ночью, турки возвели баттарею съ той стороны, откуда приступали, а 10-го числа янычары отказались идти въ аттаку русской позиціи, обстрѣливаемой только пушками ихъ, хотя и безъ большаго вреда. Петръ, видя это, рѣшился, въ крайнемъ случаѣ, пробиться сквозь многолюдство непріятеля, прежде же—попытаться предложить миръ; согласно заявленію Бранкована. Турки замедлили отвѣтомъ; но, видя наши приготовленія къ наступленію, наконецъ, прислали увѣдомленіе *о готовности мириться*. Тогда посланъ въ непріятельскій лагерь подканцлеръ Шафировъ, которому, кромѣ полномочія, царь разрѣшилъ обѣщать визирю 150,000 рублей, да половину—его окружающимъ. Турки потребовали возврата Азова и срытія городовъ на Азовскомъ морѣ и Днѣпрѣ. По крайности положенія нашего, эти условія казались не такъ еще тяжелыми, и Петръ въ полномочіяхъ готовился даже на боль-

шія жертвы, потому немедленно миръ и былъ подписанъ, 12 іюля. Положеніе Петра при заключеніи его и уничтоженіи трудовъ пятнадцати лѣтъ, лучше всего, конечно, выражаетъ конецъ письма къ Апраксину: «Сіе дѣло есть: хотя и не безъ печали, что̀ лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которое несравнительною прибылью намъ есть».

Меньшиковъ понялъ значеніе намека и, въ отвѣтѣ своемъ на увѣдомленіе государя, разъяснилъ это *укрѣпленіе другой сторонѣ*, приписывая «особливо оный убытокъ сугубо наградится укрѣпленіемъ *сего мѣста* (т. е. Петербурга, изъ котораго писалъ онъ), которое правда во истину несравнительною прибылью намъ есть».

Іюля 14-го войско наше выступило изъ лагеря при Прутѣ, а 19-го Петръ съ Екатериною пріѣхали въ м. Стопановичи и на слѣдующій же день перешли черезъ Прутъ и 23-го числа подошли къ Днѣстру, берегомъ котораго продолжали слѣдовать до 3 августа. Августа же пятаго, оставивъ войско, Петръ отправился въ Карлсбадъ лечиться,—черезъ Каменецъ-Подольскъ, Гусятино, Стасово, Злочевъ, Москву и Ярославль. Отсюда водою, по Вислѣ, высокіе путешественники поднялись до Варшавы, гдѣ пробывъ всего два дня, поѣхали въ Торнъ; а тамъ Петръ отъ генерала Гольца получилъ увѣдомленіе Августа II объ осадѣ Штральзунда.

Уѣзжая одинъ изъ Торна, 2-го сентября, и оставивъ тутъ Екатеринѣ баталіонъ гвардіи, самъ Петръ I черезъ Познань направился мимо *Кросина* на Губинъ—въ Дрезденъ, гдѣ также проведя два дня (9—11 сент.), какъ и въ Варшавѣ, государь посѣтилъ затѣмъ Фрейбергъ и въ королевскомъ замкѣ принималъ всѣхъ мѣстныхъ горныхъ техниковъ, пришедшихъ поздравлять его, съ музыкою. Въ Карлсбадъ прибылъ Петръ вечеромъ 13-го сентября и съ 15-го сталъ принимать теплыя воды, продолжая курсъ ихъ три недѣли. Въ бытность въ Карлсбадѣ, являлся къ Петру Артемій П. Волынскій, присланный изъ Константинополя нашими министрами для немедленной отдачи Азова, о чемъ съ нимъ и посланъ, кому слѣдуетъ, подтвердительный указъ. Карлсбадъ оставилъ государь только 3-го октября и 7-го, пробывъ пять дней въ Дрезденѣ, оттуда по Эльбѣ спустился въ Торгау — праздновать свадьбу сына царевича Алексѣя Петровича съ принцессою бланкенбургскою Шарлоттою-Софіею Христиной.

Выборъ этотъ сдѣланъ былъ самимъ царевичемъ, во время пребыванія его за границею—для довершенія образованія. Петръ хотя рѣшилъ отправить сына учиться за границу вслѣдъ за возвращеніемъ своимъ изъ перваго путешествія, но не могъ привести въ исполненіе этого намѣренія до 1709 года, по обстоятельствамъ, слишкомъ извѣстнымъ, чтобы приводить ихъ на память читателямъ. Въ 1708 году принялись серьезно за окончательное образованіе царевича, такъ долго откладывавшееся и, въ этихъ видахъ, послѣ Полтавской побѣды, Петръ отправилъ сына, наконецъ, съ Меньшиковымъ, въ Дрезденъ. Въ письмѣ къ царевичу и вмѣстѣ инструкціи ему Петръ написалъ, при отправленіи: «приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкому и французскому, также геометріи и фортификаціи; также отчасти—и политиче-

ских дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію окончишь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ». По письмамъ, отправленныхъ съ царевичемъ—князя Юр. Юр. Трубецкаго и графа Ал. Гавр. Головкина,—видно, что къ концу 1710 года половина инструкціи была исполнена: Алексѣй Петровичъ «геометрію всю окончилъ», а за мѣсяцъ раньше онъ уже объяснился съ будущею своею невѣстою «самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ», при польской королевѣ, которая, какъ видно, вмѣстѣ съ посломъ нашимъ Урбихомъ устроивала дѣло брака царевича. Тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали, — *царевичъ Алексѣй самъ сдѣлалъ выборъ*, и еще разъ повторяемъ, что выборъ Шарлотты былъ—его собственный, хотя Петръ и требовалъ, чтобы сынъ его женился на иностранной принцессѣ. О выборѣ своемъ самъ царевичъ увѣдомилъ Петра I въ началѣ 1711 года. Не оставилъ Алексѣй Петровичъ о такомъ намѣреніи своемъ сообщить и духовнику своему Якову Ѳанасьеву, увѣдомляя о письмѣ къ отцу—«я писалъ, что когда его (т. е. отца) воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, *и я его волю согласую, чтобъ меня женить на вышесказанной княжнѣ*, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ, и лучше ея здѣсь мнѣ не сыскать». За утвержденіемъ брачнаго договора, царевичъ, прибывъ въ Брауншвейгъ, прожилъ въ семействѣ невѣсты все лѣто и отсюда переѣхалъ уже въ Торгау (9 октября). Октября четырнадцатаго совершено бракосочетаніе ихъ высочествъ «въ домѣ королевы польской», а на четвертый день послѣ свадьбы Петръ далъ наказъ сыну ѣхать въ Торнъ и распорядиться тамъ продовольствіемъ войскъ, хотя молодой новобрачный отправился туда и не вдругъ, а спустя недѣли три. Въ Торнъ, въ декабрѣ, пріѣхала къ нему и супруга. Въ іюлѣ же слѣдующаго года, царевичъ, по приказу отца, отправился къ войску въ Померанію, откуда, въ концѣ года, онъ отправился одинъ въ Россію.

Послѣ бракосочетанія сына, Петръ поѣхалъ на свиданіе съ прусскимъ королемъ и датскими министрами въ Кросенъ, гдѣ рѣшилъ порядокъ дѣйствій противъ шведовъ въ Помераніи и, покончивъ это дѣло, заѣхалъ за Екатериною въ Торнъ, а съ нею, по Вислѣ, доѣхалъ до Эльбинга (гдѣ провели они недѣлю — до 7 ноября). Оттуда же черезъ Фришгафъ переѣхали въ Кенигсбергъ и черезъ день, отсюда, на яхтахъ—въ Мемель, и, по Курляндіи въ Митаву и Ригу. Здѣсь была встрѣча Петру и его подругѣ, а царь, въ день Андрея Первозваннаго, сдѣлалъ фейерверкъ, на одномъ изъ трехъ щитовъ изобразивъ орла съ надписью—«виватъ оборона Лифляндіи». Такая же торжественная встрѣча ожидала высокихъ путешественниковъ и въ Ревелѣ, гдѣ они прожили двѣ недѣли (до 27 декабря), а за тѣмъ, черезъ день (29 декабря), явились въ Петербургъ, послѣ одиннадцати мѣсяцевъ отсутствія.

Въ самый день новаго 1712 года государь получилъ пріятное извѣстіе о разбитіи датскимъ генераломъ Ранцау шведовъ близъ Висмара. Но, вслѣдъ за этимъ, отъ посланниковъ стали получаться грустныя донесенія о бездѣйствіи союзниковъ, недостаткѣ осадной артиллеріи подъ Штральзундомъ и намѣреніи королей даже отойти съ арміями, каждому къ себѣ. Петръ мучился, получая эти тяжелыя извѣстія и наконецъ рѣшился послать вмѣсто себя, немедленно, въ Померанію, князя Меньшикова; ввѣряя ему главное начальство надъ нашими войсками. Царь отправилъ его уже 1 марта. Передъ тѣмъ же, 19 февраля 1712

г. (во вторникъ на всѣдной недѣлѣ), въ Исакіевскомъ соборѣ, Петръ I обвѣнчался съ Екатериною Алексѣевной и, прибывъ въ свой *зимній домъ*, далъ обѣдъ всѣмъ значительнымъ, почему либо, жителямъ Петербурга, чиновникамъ армій и флота съ ихъ семействами, духовенству, пѣвчимъ и даже приглашеннымъ изъ Риги и Ревеля ландратамъ. Изъ-за свадебнаго стола встали гости въ 6-мъ часу пополудни, танцовали до 11-го и, посмотрѣвъ на фейерверкъ, разошлись только послѣ полуночи.

При поздней пасхѣ, въ этомъ году Нева разошлась еще въ посту и до праздника выведены на рейдъ фрегаты, принявшіе участіе въ торжественномъ пріемѣ Шереметева. Петръ на святой недѣлѣ ѣздилъ на шнявѣ «Мункеръ» въ Выборгъ, навѣстить Боура. Іюня 3 го женилъ царь новаго князя-папу, на свадьбѣ его приказавъ всѣмъ гостямъ быть въ старинномъ платьѣ, и весь этотъ маскарадъ свозивъ въ Петергофъ, да на остр. Котлинъ. Затѣмъ, спустивъ на воду, 15 іюня, новый корабль «Полтава», государь угостилъ на бортѣ его многочисленное общество своихъ генераловъ, да чужестранныхъ посланниковъ, и черезъ день уѣхалъ въ Нарву, гдѣ ожидала его супруга; чтобы слѣдовать за границу. Ѣхалъ теперь туда Петръ мирить и направлять къ одной цѣли — противъ шведовъ — дѣйствія своихъ, несогласныхъ другъ съ другомъ, союзниковъ, изъ которыхъ двое (датскій и польскій короли) входили даже въ сепаратныя сношенія со шведами, склоняясь на миръ по одиночкѣ. На пути въ Померанію—на мѣсто военныхъ дѣйствій,—Петръ узналъ въ Ригѣ, что Англія заключила миръ съ Франціею по дѣлу о испанскомъ наслѣдствѣ, а присланный отъ Карла XII въ Польшу, Грудзинскій, деньгами переманилъ на сторону Лещинскаго много магнатовъ; сформировалъ даже 15000-е войско, раздѣленное на двѣ части, и разбилъ русскій полкъ, шедшій въ Познань, куда уже Меньшиковъ послалъ Боура разсѣять эти враждебныя намъ сборища. Это ему удалось при Лагоревѣ, на Вартѣ. Отправившись изъ Риги, 30-го іюня, Петръ и Екатерина, черезъ Мемель, Кенигсбергъ, Эльбингъ, Штолпе и Кеслинъ, пріѣхали въ Ландсбергъ, гдѣ нужно было царю увидѣться съ Августомъ II. Послѣ же свиданія съ прусскимъ королемъ Петръ I, пріѣхалъ въ Штетинъ. Здѣсь Меньшиковъ и царевичъ Алексѣй Петровичъ встрѣтили государя при арміи, сбиравшейся брать этотъ городъ, но дожидавшейся привоза изъ Даніи артиллеріи, стоявшей уже у Грейфсвальде, но далѣе не двигавшейся. Царь самъ поѣхалъ туда и, прибывъ, осматривая датскій флотъ, получилъ его въ команду свою, по именному повелѣнію датскаго короля. Въ качествѣ главнаго командира, Петръ велѣлъ адмиралу Сегестету вести немедленно къ Штетину артиллерію, а самъ 14-го августа уѣхалъ въ Волгастъ; еще разъ видѣться съ польскимъ королемъ. При царѣ собранный военный совѣтъ рѣшилъ: взять островъ Рюгенъ, а потомъ уже бомбардировать Штральзундъ. Это, впрочемъ, было оставлено, когда узнали о выходѣ шведскаго флота въ море и объ отходѣ датскаго, а вслѣдъ затѣмъ о десантѣ шведскомъ на островъ Рюгенъ.

Эта послѣдняя непріятность, въ соединеніи съ безпрерывнымъ напряженіемъ силъ и перенесеніемъ непогодъ, въ дурной, сырой мѣстности, вредно подѣйствовала на впечатлительную и уже болѣзненно-настроенную натуру Петра, такъ что онъ почувствовалъ упадокъ силъ и необходимость лечиться. Потому, по-

видавшись съ прусскимъ королемъ въ Берлинѣ, царь черезъ Потсдамъ, Виттенбергъ и Лейпцигъ, отправился въ Карлсбадъ и тамъ, въ пользованіи водами, провелъ весь октябрь мѣсяцъ. Послѣ же курса водъ, черезъ Теплицъ, проѣхалъ Петръ на недѣлю въ Дрезденъ и, отдохнувъ здѣсь, черезъ Виттенбергъ вторично проѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда къ войскамъ въ Мекленбургію, гдѣ находился и польскій король, получившій отъ государя, въ орденскій праздникъ—св. Андрея, а самъ въ обмѣнъ царю возложившій польскій орденъ. Это было въ мѣстечкѣ Лаго, откуда Петръ велѣлъ за собою слѣдовать гвардіи—въ г. Гистроу, изъ котораго Августъ уѣхалъ на сеймъ въ Варшаву. Оставшись затѣмъ одинъ, Петръ узналъ о новыхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ намъ турокъ и о движеніи шведскаго фельдмаршала графа Штейнбока къ Шверину и Гадебушу, съ цѣлью разбить по одиначкѣ датскія и саксонскія войска. По полученіи этой вѣсти, самъ отправившись въ Кривицы къ войску, Петръ написалъ датскому королю письмо, прося обождать принимать сраженіе до его прибытія. Войска наши собрались въ Кривицы такъ поспѣшно, что государь двинулъ уже ихъ для соединенія съ датскимъ королемъ, какъ былъ пораженъ вѣстью, черезъ день послѣ письма (10 декабря), что король вступилъ таки въ бой, его не послушавъ, и былъ разбитъ Штейнбокомъ; также какъ и Флемингъ, съ саксонскими войсками.

Дальше спѣшить было не зачѣмъ—дѣло сдѣлано. Поэтому, Петръ воротился въ Гистроу и, простоявъ тамъ восемь дней, получилъ извѣстіе, что Штейнбокъ пошелъ въ Голштинію. Одновременно съ этимъ явился генералъ-адъютантъ отъ датскаго короля, извинявшагося въ своей поспѣшности и просившаго помочь въ бѣдѣ. Не помня зла и легко входя въ грустное положеніе союзника, государь принялъ намѣреніе идти по слѣдамъ Штейнбока, и, отпустивъ царицу въ Петербургъ, отправился къ кавалеріи своей, расположенной въ Нейштадтѣ; куда хотѣлъ прибыть и датскій король, но—не явился. Прождавъ его четыре дня, Петръ поѣхалъ въ мѣсто расположенія датскихъ войскъ—Помпоу и тамъ, собравъ военный совѣтъ (24 декабря), выслушалъ единогласное рѣшеніе: соединиться съ саксонскими войсками и затѣмъ искать непріятеля. Слѣдуя за нимъ и узнавъ наканунѣ новаго года, что шведы идутъ къ Гамбургу и сожгли Альтону, Петръ также пошелъ къ Гамбургу. Въ немъ, черезъ два же дня получено извѣстіе, что Штейнбокъ вошелъ въ Голштинію, потому, собравъ провіантъ и осмотрѣвъ развалины Альтоны, Петръ 9-го января двинулся вслѣдъ за шведскимъ фельдмаршаломъ. Въ Рендсбургѣ увидѣвшись съ датскимъ королемъ и, прибывъ, черезъ Шлезвигъ, въ Гузумъ, узналъ уже вѣрно Петръ, что Штейнбокъ находится въ Фридрихштадтѣ, обезопасивъ себя перекопами дамбъ—единственныхъ путей къ этому городу, по болотамъ. Военный же совѣтъ, собранный въ Гузумѣ, приговорилъ *русскимъ войскамъ* съ царемъ *выбивать непріятеля* изъ этой неприступной, по мнѣнію всѣхъ, позиціи. Петръ, принявъ вызовъ, на слѣдующій же день пришелъ съ войскомъ въ Швабстедтъ; а 31 января 1713 года повелъ по дамбамъ, къ перекопамъ ихъ, свою армію, выславъ впередъ маіора Глѣбова съ четырьмя баталіонами гвардейскихъ полковъ и гренадерскимъ. Меньшиковъ съ кавалеріею посланъ по другой дамбѣ—къ деревнѣ Коломбитенъ. Баттареи надъ перекопами не остановили наступающихъ, предводимыхъ самимъ Петромъ. Штейн-

бокъ бѣжалъ и, оставленный имъ въ Фридрихштадтѣ Г. М. Штакельбергъ тоже очистилъ городъ, такъ что наши заняли 1 февраля, безъ выстрѣла, Фридрихштадтъ и учредили въ немъ главную квартиру; датская же — была въ Гузумѣ, отстоящемъ на одну милю. Прибывъ въ Гузумъ, Петръ далъ свой орденъ Андрея Первозваннаго датскому королю, на обменъ получивъ отъ него орд. Слона. Между тѣмъ, убѣжавшій отъ насъ Штейнбокъ 5 февраля пошелъ къ крѣпости Теннингену и заперся въ ней, а Петръ, сдавъ начальство надъ всѣмъ осаднымъ войскомъ датскому королю, самъ, черезъ Ганноверъ, 14 февраля отправился въ Петербургъ, на пути въ замкѣ Зальцдаленѣ увидѣвшись съ своею невѣсткою и семействомъ ея. А затѣмъ, узнавъ о смерти прусскаго короля, заѣзжалъ государь въ з. Шейнгаузенъ, близь Берлина, чтобы видѣть его преемника (отца Фридриха II), въ которомъ нашелъ еще болѣе искренняго и вѣрнаго союзника. Пробывъ съ нимъ до 3-го марта и уже нигдѣ болѣе не останавливаясь, государь черезъ Рацебургъ, Старгардъ, Маріенбургъ, Эльбингъ, Митаву, Ригу, Дерптъ и Нарву пріѣхалъ въ Петербургъ, 23 марта, — чтобы готовиться къ морскому походу въ Финляндію.

Раздѣливъ на три кадры флотилію свою, состоявшую изъ 93 галеръ, 60 карбасовъ и 50 лодокъ островскихъ, везшихъ 16,050 человѣкъ войска, Петръ I отплылъ отъ Петербурга 26 апрѣля, ведя передовую кадру самъ и взявъ съ собою наслѣдника. Главное начальство надъ финляндскою экспедиціею ввѣрилъ государь Апраксину, арріергардъ же изъ гребныхъ судовъ исключительно—Боцису. У Котлина переждавъ выхода Крюйса съ корабельнымъ флотомъ, (2 мая) за нимъ пошелъ Петръ, а за государемъ всѣ прочіе. Мая 4-го вошли въ шхеры и 7-го числа дошли до Гельсингфорса, который, на военномъ совѣтѣ (во время бури 9 числа), рѣшено—если не уймется штормъ—взять. Впрочемъ, явившись къ городу 11 мая, нашли его уже оставленнымъ жителями и войска шведскія шедшими спѣшно къ Борго. Преслѣдуя же ихъ, нашли пять полковъ Либекера ушедшими далѣе, въ мызу Мензела, гдѣ, простоявъ 11 дней, эскадра воротилась (5 іюня) въ Выборгъ, а потомъ—къ Котлину (10 числа). Здѣсь получено извѣстіе Петромъ о сдачѣ Меньшикову Штейнбока въ Теннингенѣ, что произвело общую радость, да торжество съ пушечною пальбою и угощеніемъ. Послѣ же пира, на утро, Петръ уѣхалъ въ Петербургъ: встрѣчать персидскаго посла, привезшаго ему въ подарокъ нѣсколько мѣстныхъ звѣрей и птицъ, на судахъ;—доставивъ большое удовольствіе государю — любителю естественной исторіи. Посла персидскаго встрѣчать выѣхалъ Петръ съ сенаторами, на буерахъ, къ Канцамъ, а когда кортежъ поравнялся съ крѣпостью, открылась пальба съ ея бастіоновъ. Съ громомъ пушекъ проводили посла до назначеннаго ему помѣщенія; вечеромъ же зажгли фейерверкъ. Іюля 5-го, повезя на флотъ, угостили посла на кораблѣ «Полтава», гдѣ, отобѣдавъ съ государемъ, посолъ послѣ стола смотрѣлъ данное для него примѣрное морское сраженіе.

Между тѣмъ, въ самое время угощенія персидскаго посла въ Петербургѣ, получена пріятная вѣсть и о разрѣшеніи всякихъ перекоровъ и враждебностей со стороны турокъ, заключеніемъ съ ними мира на 25 лѣтъ, что дало возможность Петру отдѣлить отъ южной арміи Шереметева дивизію Вейде направивъ ее спѣшно въ Финляндію. Зная лучше всѣхъ положеніе дѣлъ, всюду и думая обо всемъ прежде другихъ, чтобы доставить туда провіантъ.

самъ государь, 31 іюля, на 5 галерахъ, подъ прикрытіемъ баталіона гвардіи, повелъ ластовыя суда къ Гельсингфорсу; откуда прогналъ уже Апраксинъ шведскаго вице-адмирала Лили. На пути, въ шхерахъ, на этотъ разъ Петръ выдержалъ бурю; во время которой его шнява Мункеръ близка была къ крушенію. Въ бытность теперь въ Гельсингфорсѣ, 6 августа, адмиралъ и всѣ чины морскіе и сухопутные упросили государя принять чинъ *полнаго генерала арміи*; на что онъ и соизволилъ. Въ новомъ же чинѣ, получивъ извѣстіе, что шведы стоятъ укрѣпившись между Або и Гельсингфорсомъ, Петръ самъ туда отправился 17 августа и выбилъ авангардъ непріятельскій изъ крѣпкой позиціи. Главныя силы куда-то спрятались, такъ что, двѣ недѣли напрасно проискавъ ихъ, государь уѣхалъ 10 сентября въ Петербургъ: смотрѣть большое число собранныхъ сюда со всѣхъ мѣстъ, дворянскихъ недорослей. Распредѣливъ на службу ихъ, Петръ I издалъ (21 сентября) строгій указъ о запискѣ и явкѣ къ смотру предстоящею зимою *всѣхъ дворянъ* отъ 10-ти до 30 лѣтъ включительно, подъ страхомъ отнятія деревень.

Затѣмъ, спустивъ корабль «Св. Екатерина», государь 12 октября отправился было въ третій походъ въ Финляндію, но, за бурею остановившись въ Кронштотѣ, получилъ разомъ два извѣстія о побѣдахъ: Штетинъ сдался Меньшикову (14 октября) и Апраксинъ, при Тавастгусѣ, разбилъ всю шведскую армію, такъ долго и усердно отыскиваемую. Торжества по этому случаю заключили походъ настоящаго года, когда море открыто было почти до января, (такъ что царь водою переѣзжалъ изъ Котлина въ Петергофъ еще 6 декабря).

Удача этого перваго похода въ Финляндію въ умѣ Петра развила, между тѣмъ, обширный планъ операцій здѣсь въ слѣдующемъ году и, имѣя уже въ строю 14 кораблей, да на весну ожидая подхода еще новыхъ изъ Архангельска, государь рѣшился помѣряться съ шведскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ, такъ какъ флотъ составлялъ теперь послѣднее средство защиты для королевства Карла XII.

Мая 9-го 1714 г. Петръ самъ проводилъ свой флотъ къ Котлину, открывъ компанію поднятіемъ своего флага на кораблѣ «Екатерина». Простоявъ конецъ мая за Березовыми островами, государь привелъ его 11 іюня къ Ревелю, гдѣ уже ожидала его, пріѣхавшая сюда на лѣто, Екатерина. Въ годовщину полтавскаго боя, Апраксинъ, увѣдомивъ о приходѣ своемъ къ шведскому флоту, просилъ царя лично сдѣлать диверсію. Съ этою цѣлью Петръ отправился въ Гельсингфорсъ, увидѣлся съ адмираломъ и проѣхалъ въ шхеры, располагая воспользоваться первымъ случаемъ для начатія дѣйствій противъ шведскаго флота.

Случай этотъ представился 25 іюля, когда шведскій вице-адмиралъ Лилье сошелъ съ прежней позиціи и 10 его судовъ, отдѣлившись отъ главныхъ силъ, стали въ заливѣ Рилаксъ-Фіэль. Апраксинъ направился тотчасъ къ островамъ, лежавшимъ между флотомъ и отдѣлившеюся флотиліею, и занялъ этотъ проходъ 35-ю скампавеями, на слѣдующій день. Петръ случайно прибылъ сюда 27 іюля въ самую пору и, узнавъ, въ чемъ дѣло, далъ приказаніе Апраксину: отрѣзать отъ моря зашедшія суда. Затѣмъ, получивъ отказъ ихъ на предложеніе сдаться, царь самъ съ генераломъ Вейде повелъ свои 25 скампавей на абордажъ запертыхъ судовъ, съ двухъ сторонъ. Послѣдовала жесточайшая

схватка грудь съ грудью, въ началѣ 3-го часа пополудни, а въ 5 часовъ, сперва галеры, а потомъ фрегатъ «Элефантъ» были нашими взяты. Начальникъ флотиліи Эрншельтъ, 7 офицеровъ и слишкомъ 600 человѣкъ нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ въ этомъ бою, носящемъ имя *сраженія при Гангс-уддѣ*, отъ мыса, за которымъ стояли шведы. Петра восхищало при этомъ болѣе всего взятіе *Шоутбейнахта*. Потому, совершивъ 30 іюля на мѣстѣ боя молебствіе, на которомъ поставлены были всѣ взятыя суда въ то положеніе, какъ были они въ самомъ сраженіи, Петръ осенью приготовилъ еще тріумфъ въ Петербургѣ, проведя плѣнныхъ торжественно мимо крѣпости и черезъ тріумфальныя ворота, построенныя по этому случаю, на Троицкой площади. Этотъ памятный и любезный Петру тріумфъ былъ 9 сентября и, въ этотъ день, въ заключеніе тріумфальнаго шествія, объ успѣхѣ похода отрапортовавъ, въ крѣпости, своему князю-папѣ, разыгрывавшему роль повелителя,—*Шаутбейнахтъ корабельный* Петръ Алексѣевичъ *произведенъ въ вице-адмиралы*.

Спустивъ осенью еще два корабля съ верфи адмиралтейской, Петръ, 24-го ноября, въ честь супруги своей и въ память ея заботъ при заключеніи мира съ турками при Прутѣ, учредилъ дамскій орденъ кавалеріи Св. Екатерины, возложивъ знаки его на первую высокую имянинницу свою и засвидѣтельствовавъ, что она, «въ такое опасное время, не яко жена, но яко мужеская персона видима всѣми была».

Новый 1715 годъ начался занятіями мирными. Января 25 съ Петра I написалъ портретъ живописецъ его Таннауэръ, бывшій съ государемъ въ прусскомъ походѣ. Въ февралѣ ѣздилъ царь съ супругою въ заведенную ею мызу на Дудергофѣ, а въ концѣ марта провели царственные супруги трое сутокъ въ Петергофѣ. Апрѣля 16-го переѣхалъ государь торжественно—изъ зимняго въ лѣтній дворецъ, на новомъ торишхойтѣ. Переѣзды подобнаго рода, какъ перемѣщенія съ зимняго на лѣтнее положеніе, съ этого времени, въ бытность ихъ величествъ повторялись уже ежегодно, возвѣщая наступленіе теплой поры. Апрѣль этого года былъ въ Петербургѣ восхитительный, также какъ и май, но въ послѣднемъ изъ этихъ мѣсяцевъ государь былъ нездоровъ, хотя не серьезно; потому что, кровопусканіе и прогулки по окрестностямъ, да пребываніе дома въ садахъ, на воздухѣ, прогоняли припадки недуга, не разъ возобновлявшіеся въ теченіе лѣта. Петръ дальше посѣщенія англійскаго адмирала Нориса въ финскомъ заливѣ не оставлялъ Петербурга. Осенью же, съѣздивъ съ Меньшиковымъ въ Шлиссельбургъ—на годовщину взятія его—Петръ воротился по рожденіи сына кронпринцессою Шарлотою-Софіею. Но тутъ самъ заболѣлъ и больной уже навѣщалъ невѣстку, наканунѣ ея преждевременной кончины. На другой же день ея смерти, крестилъ государь своего осиротѣлаго внука съ любимою сестрою своею царевной Наталіею Алексѣевной, и потомъ смотрѣлъ, какъ анатомировали кронпринцессу, погребенную 27 октября. Царевичъ, при послѣднихъ дняхъ своей жены, забываемой имъ въ другое время, показалъ себя безутѣшнымъ и не разъ падалъ въ обморокъ. Но это не отвело глазъ Петра, который въ день похоронъ невѣстки написалъ сыну *объявленіе*. Въ немъ, упрекая царевича въ бездѣйствіи и нелюбви занятій государственными дѣлами, не скрылъ отъ него отецъ горести, при мысли видѣть наслѣдника своихъ дѣлъ

и намѣреній съ такими мыслями и побужденіями. Прося сына возбудить въ себѣ охоту къ труду, въ противномъ случаѣ Петръ грозилъ лишеніемъ наслѣдства, прописывая въ заключеніе: «не мни себѣ, что я сіе только въ устрастку пишу. Воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный!»

Черезъ три дня царевичъ Алексѣй прислалъ отвѣтъ, въ которомъ, называя себя *непотребнымъ* для правленія государствомъ, за рожденіемъ младшаго брата (царевича Петра Петровича—Екатериною—на другой день по полученіи отцовскаго письма), заявлялъ отреченіе отъ правъ наслѣдованія, прося о содержаніи пожизненномъ. Не того хотѣлъ Петръ и не того ожидалъ, посылая свое объявленіе, потому былъ очень раздраженъ настояніемъ со стороны сына исполнить свою угрозу. Непріятное чувство и раздраженіе подготовили серіозную болѣзнь царя, начавшуюся въ концѣ ноября и 2 декабря приведшую въ такое положеніе Петра, что его пріобщали. Непріятности, какъ мы указывали уже, не разъ доводили впечатлительнаго монарха до болѣзненнаго одра, но, тѣмъ не менѣе, сторонники царевича, какъ напримѣръ Кикинъ, почему-то подозрѣвали настоящій недугъ какъ-бы притворствомъ у Петра, къ несчастію, неумѣвшаго притворяться, особенно въ этомъ случаѣ. Такой отзывъ одинъ уже показываетъ, каковы были руководители и совѣтники несчастнаго Алексѣя, всѣ поступки отца представляя ему въ превратномъ видѣ, но, не указывая, наоборотъ, дѣйствительныхъ и человѣчныхъ побужденій его при своихъ *требованіяхъ дѣла отъ сына*, какъ будущаго государя. Какъ бы то ни было, но настоящая болѣзнь Петра, потребовавшая леченія заграницей въ слѣдующемъ году, хотя не вполнѣ, но частію все же причинена отвѣтомъ царевича, непредставлявшимъ намѣренія исправиться, а, напротивъ, показывающимъ уже хитрость и скрываніе подлинныхъ побужденій отреченія, непринимаемаго имъ серьозно, а только какъ отводъ взысканія отца. Петрово же истинно грустное настроеніе видно и изъ самаго девиза на фейерверкѣ при крещеніи царевича Петра Петровича—«Упованіе съ терпѣніемъ». Упованіе лучшаго не оставляло Петра никогда, а терпѣніе уже стало приносить видимые плоды успѣхомъ въ гигантской борьбѣ, теперь второе десятилѣтіе веденной имъ на сѣверѣ, безъ займовъ и обязательствъ на счетъ будущаго.

Января 8-го 1716 г. похоронивъ невѣстку — царицу Марфу Матвѣевну, умершую наканунѣ Новаго года—и приготовляясь надолго оставить Россію, для рѣшительныхъ дѣйствій съ союзниками противъ воротившагося изъ Турціи Карла XII, Петръ вторично написалъ сыну «послѣднее напоминаніе еще». Въ немъ, прямо обвиняя сына въ коварствѣ и ненависти къ дѣламъ своимъ, потребовалъ отъ него рѣшительно: или измѣненія своего поведенія и усердія къ дѣлу или—постриженія. «Ибо, безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, и особливо, что самъ мало здоровъ сталъ». Тутъ же, требуя немедленнаго отвѣта словеснаго или письменнаго, прибавилъ Петръ—«а буде того не учинишь, то я съ тобой, какъ съ злодѣемъ поступлю». На слѣдующій день Алексѣй далъ короткій отвѣтъ — прося монашества. Отецъ хотѣлъ не того и отложилъ дѣло, тѣмъ болѣе, что царевичъ былъ боленъ. Петръ передъ отъѣздомъ навѣстилъ его и, кротко уговаривая одуматься, простился ласково,

сказавъ: «напиши мнѣ потомъ, какую возьмешь резолюцію». Съ тѣмъ и уѣхалъ и, прождавъ семь мѣсяцевъ, уже 26 августа, изъ Копенгагена, опять кротко и ласково, напоминая, что здоровьемъ поправился, требовалъ резолюціи, прибавивъ—«буде первое возьмешь, (т. е. занятіе дѣломъ), то болѣе недѣли не мѣшкавъ поѣзжай сюда, ибо еще *можешь къ дѣйствамъ поспѣть*».

Чтобы понять, въ чомъ заключались *эти дѣйства*, воротимся назадъ и прослѣдимъ все исполненное Петромъ съ января. Болѣзненные припадки, изъ которыхъ одинъ помѣшалъ даже государю зажечь фейерверкъ въ новый годъ, требовали скорѣйшаго отъѣзда за границу; но, прежде отправленія туда, 11 января, Петръ заключилъ договоръ съ герцогомъ Мекленбургскимъ о выдачѣ за него племянницы царевны Екатерины Ивановны. Распорядивъ какъ вести дѣла безъ себя, 27 числа того же мѣсяца, съ женою, одною изъ сестеръ, да невѣстою-племянницей,—государь оставилъ на полтора года свой невскій *парадизъ*, вызывавшій столько *хлопотъ*. Февраля 1 высокіе путешественники были уже въ Ригѣ, гдѣ Петръ занялся немедленнымъ разрѣшеніемъ предложенія прусскаго двора о послѣдней шведской крѣпости Висмаръ (въ Мекленбургѣ), которую предлагали взять однѣми русскими силами.

Пріѣхавъ въ Ригу, Петръ присутствовалъ при погребеніи корабельнаго капитана Лобика и утвердилъ приговоръ магистрата о ссылкѣ въ Сибирь оберъ-ландфохта Брокгаузена за дерзость противъ генерала Вейде, въ присутствіи государя. Пробывъ здѣсь восемь дней и въ Митавѣ сдѣлавъ распоряженіе объ устройствѣ двора царевны Анны Ивановны, Петръ, изъ Либавы, гдѣ осматривалъ зимовавшій галерный флотъ — чтобы уговорить датскаго короля сдѣлать дессантъ въ шведскую Шонію, въ эту навигацію, вызвалъ его на свиданіе въ Штральзундъ,—самъ туда отправился, черезъ Кенигсбергъ и Данцигъ. Отвѣта, между тѣмъ, отъ датскаго короля Петръ не получалъ, девять недѣль проживъ въ Данцигѣ, куда явился польскій король и гдѣ, 8 апрѣля, совершено бракосочетаніе царевны Екатерины Ивановны съ герцогомъ мекленбургскимъ. За недѣлю же до этого окончилъ здѣсь Петръ I свой «Воинскій Регламентъ» и отослалъ его немедленно (30 марта) въ Москву, для напечатанія въ форматѣ, удобномъ для ношенія въ карманѣ офицерами. Въ то же время потребовавъ отъ гор. Данцига штрафа въ 150,000 рейхсталеровъ за непрекращеніе съ шведами коммерціи и принудивъ магистратъ заплатить это (угрозою бомбардировки), поѣхалъ государь въ Мекленбургію, на свиданіе съ королями датскимъ и прусскимъ. Послѣдняго засталъ государь въ Штетинѣ (9 мая) и убѣдилъ отдать, уже сдавшійся Висмаръ герцогу Мекленбургъ-Шверинскому, которому обѣщалъ это при встрѣчѣ въ Шверинѣ (12 мая), направляясь въ Гамбургъ для свиданія съ датскимъ королемъ (17 мая). На гамбургскомъ свиданіи и въ Атьтонѣ, король датскій подписалъ условіе: о совокупной высадкѣ въ Шонію и о диверсіи русскихъ со стороны Аланда, подъ прикрытіемъ датскаго флота. Успокоенный на счотъ дѣйствій предстоявшаго лѣта, Петръ прибылъ въ Пирмонтъ (26 мая) пользоваться водами. Здѣсь царь каждый вечеръ былъ въ театрѣ и, имѣя при себѣ, ѣхавшаго въ Петербургъ, генералъ-архитектора Леблона, бесѣды съ нимъ считалъ самымъ пріятнымъ провожденіемъ времени. Сюда же вызвалъ Петръ и видѣвшагося съ нимъ въ

1711 году въ Торгау, ученаго Лейбница, котораго изумлялъ нашъ великій монархъ своими познаніями и остроуміемъ. Проживъ весело въ Пирмонтѣ до 15 іюня, изъ Шверина (19 числа) послалъ государь Румянцева въ Ревель, съ повелѣніемъ командору Сиверсу: выйти немедленно въ море. А за тѣмъ, прибывъ въ Ростокъ (23 іюня), Петръ нашолъ уже тамъ Шереметева, Вейде и Глѣбова съ войскомъ, привезеннымъ на галерахъ для десанта. Потому, отпировавъ здѣсь годовщину Полтавы, да имянины свои, поѣхалъ на гукорѣ въ Копенгагенъ,ославъ туда же сухимъ путемъ и Екатерину. Іюля пятаго съ галерами своими былъ уже царь въ столицѣ Даніи, гдѣ расточали ему всевозможныя любезности, но не дѣлали дѣла—вылазки въ Шонію; прося все подождать возвращенія вице-адмирала Габеля. А тотъ не являлся. Петру удалось только съ 5 по 21 августа быть въ морѣ. Поднявъ свой флагъ, монархъ принималъ салютъ англійскихъ и датскихъ кораблей и 7 числа, командуя тремя флотами, оставилъ копенгагенскій рейдъ, 13-го былъ на островѣ Борнгольмѣ и отъ него доходилъ до Рюгена, гдѣ, приказавъ перевозить войска Шереметеву, изъ Штральзунда, на своей шнявѣ Лизетъ, воротился въ Копенгагенъ. Здѣсь, посѣтивъ цитадель, видѣлъ Петръ I въ ней шведскаго фельдмаршала Штейнбока. День свиданія съ нимъ памятенъ по отсылкѣ Петромъ третьяго письма къ сыну. Между тѣмъ, 29 и 30 августа, войска наши всѣ собрались въ Копенгагенъ и Петръ самъ два раза осматривалъ шведскій берегъ (у Фальстербо и Мальме), съ баттарей котораго, при второй поѣздкѣ на рекогносцировку, нѣсколько ядеръ попали въ царскую шняву. Видя, однако, приближеніе суроваго времени года, а главное, невозможность диверсіи со стороны Аланда, теперь Петръ уже сталъ противиться дессанту, не находя у датчанъ продовольствія и не желая подвергать гибели своихъ воиновъ при продолжительной осадѣ Ландскроны и Мальме.

— Въ Шоніи сыщется довольно всякихъ потребностей для стола,—говорили Петру министры датскіе.

«За тѣмъ столомъ сидятъ уже 30,000 шведовъ; они не дадутъ мѣста гостямъ незваным»,—отвѣчалъ Петръ.

— Мы можемъ еще съ острововъ получить продовольствіе,—настаивали датчане, а Петръ свое рѣзалъ—желудокъ солдатъ не довольствуется обѣщаніями и надеждою; не накормятъ его и карты, гдѣ начертаны острова, а нужны магазины на нихъ съ вѣрнымъ продовольствіемъ.

На томъ дѣло и кончилось. Датчане потомъ складывали вину на упрямство царя, но едва ли кто, кромѣ ихъ, обвинитъ его, за приказаніе войскамъ своимъ удалиться въ Мекленбургъ, безъ попытки дессанта, въ октябрѣ, когда и самъ онъ съ Екатериной (октября 17) отправился на твердую землю, при салютахъ артиллеріи. Черезъ Слагельсе, Нюборхъ, Ассенсъ и оба Бельта, на шестой день пріѣхала царственная чета въ Фридрихштадтъ, гдѣ, проведя пять дней, осматривала мѣсто сраженій минувшихъ лѣтъ. Ноября 1, при громѣ пушекъ, ихъ величества въѣхали въ Гамбургъ, гдѣ въ четырехдневное пребываніе съ Петра I исполненъ портретъ для гравированія на монетахъ и медаляхъ. Расположивъ за тѣмъ на зимнія квартиры свои войска, въ Мекленбургѣ, Петръ поѣхалъ *на свиданіе* съ прусскимъ королемъ въ Гавельбергъ. Здѣсь, въ четыре дня разговоровъ, узналъ Петръ о предложеніяхъ Швеціи

черезъ Герца и подтвердивъ дружественные трактаты съ Пруссіею, согласился оставить за нею Штетинъ. На прощаньи, государь получилъ отъ прусскаго короля *изрядный презентъ*,-какъ выражался Петръ въ письмѣ къ Екатеринѣ отъ 17 ноября 1716 года, отъѣзжая изъ Гавельберга! Презентъ этотъ составляли: яхта, которая въ Потсдамѣ «зѣло убраная», да кабинетъ янтарный, «о чемъ давно желали». Съ своей стороны Петръ отдарилъ Фридриха, собиравшаго отовсюду рослыхъ людей въ свою гвардію—пятьюдесятью фланговыми гренадерами, съ которыми, по росту, не оказалось соперниковъ въ прусскомъ войскѣ.

Съ гавельбергскаго свиданія Петръ поѣхалъ черезъ Гамбургъ, Альтону и Штаде въ Бременъ; здѣсь магистратъ изготовилъ къ пріѣзду царя пышную иллюминацію, въ которой главную роль игралъ большой щитъ, съ горѣвшими яркимъ огнемъ словами: «Избавитель нашъ посѣтилъ насъ». Слова эти намекали на разбитіе въ 1712 году Штенбока, готовившагося обратить въ пепелъ и городъ Бременъ. Шведскій фельдмаршалъ такъ поступилъ съ Альтоною и исполнилъ бы свою угрозу относительно Бремена, если бы скорое прибытіе царя не принудило самихъ шведовъ уходить отъ него и, послѣ фридрихштадтскаго дѣла, спасаться въ Теннингенѣ.

Въ это время начались уже холода, а съ ними и безпокойство государя о Екатеринѣ, оставленной въ Шверинѣ и хотѣвшей быть съ нимъ въ Голландіи, не смотря на послѣдніе мѣсяцы беременности.

Оставивъ Бременъ только 30 ноября, Петръ на слѣдующій день, изъ Лингена писалъ женѣ, совѣтуя скорѣе ѣхать на Минденъ и Везель, а не на Гамбургъ, потому что моремъ прорваны дамбы въ Голландіи и приморскій трактъ затопленъ такъ, что самъ онъ находится въ большомъ затрудненіи: гдѣ ѣхать; а тутъ еще грозятъ морозы. Что отъ Везеля путь будетъ хорошъ; а какъ до Миндена доѣхать,—поручилъ государь развѣдать Толстому въ Ганноверѣ. На слѣдующій день по отправленіи этого письма, Петръ достигъ границъ Голландіи въ Аммерсѣ, откуда сообщалъ женѣ, что отъ Везеля довезутъ ее по Рейну и по каналамъ до Утрехта, а до Везеля дадутъ даровыя подводы.

Въ то время, когда царь писалъ эти письма, его самого ожидали затрудненія, происшедшія отъ скорѣйшаго, чѣмъ ожидали штаты, прибытія государя. Наканунѣ только отданъ былъ приказъ въ Гагѣ о встрѣчахъ, сопровожденіи и пр. и понятно, что исполнить его и приготовить даже пріемъ, нигдѣ не успѣли. Самъ посланникъ, князь Куракинъ, отправившись на границу, съѣхался съ государемъ уже за Девентеромъ, а назначенная для пріема государя депутація генеральныхъ штатовъ, состоящая изъ Іоста фонъ-Кеппеля, графа Альбемарля, Геррита Гофта и бургомистровъ амстердамскаго, дортрехтскаго и дельфтскаго, съ секретаремъ фанъ-Экомъ, встрѣтила государя еще ближе къ столицѣ, но гдѣ именно—точно не видно. Извѣстно одно только, что въ Девентеръ прокатившись напрасно, и догнавъ затѣмъ царя, Альбемарль произнесъ рѣчь Его Величеству въ пышныхъ и изысканныхъ выраженіяхъ. Выслушавъ на столько напыщенное привѣтствіе, царь отвѣтилъ оратору иронически: «Благодарю, графъ! ничего не понялъ; строя корабли, по голландски учился, но совсѣмъ не такому языку, на которомъ вы говорили».

Декабря 6-го Петръ былъ уже въ Амстердамѣ. Въ Утрехтѣ, нанявъ про-

стую барку, царь на ней проѣхалъ большую часть столицы Голландіи до дома резидента Брандта, на Кейзерсграхтѣ, въ Вольферстратѣ. Былъ уже вечеръ, потому здѣсь государь и остался ночевать; на утро уже, узнавъ о неожиданномъ прибытіи царя, бургомистры явились съ привѣтствіемъ и заявили о приготовленномъ для Его Величества помѣщеніи въ большой гостинницѣ Дуленъ; но, поблагодаривъ за любезность, Петръ не принялъ предложенія городскихъ властей. Въ этотъ день (7 декабря), Брандтъ далъ великолѣпный обѣдъ въ честь высокаго гостя, самъ прислуживалъ ему за столомъ, гдѣ сидѣли всѣ вліятельные люди республики. Сидя за столомъ, Петръ попросилъ пива, а когда ему подали стаканъ и всѣ встали, то, государь сказалъ съ живостью: «Я не люблю этихъ французскихъ учтивостей, дайте кружку». Отпивъ-же изъ нея и возвращая съ улыбкою, монархъ прибавилъ: «Такъ,—я могу сколько хочу; и вы не будете знать, сколько я выпилъ». Вечеромъ, не согласившись спать на высокихъ пуховикахъ подъ пологомъ, Петръ велѣлъ положить подушки на полъ и на нихъ улегся.

Декабря 10-го городъ Амстердамъ далъ пышный обѣдъ царю Петру и для него, вечеромъ, дана была патріотическая драма «Гизбертъ фанъ-Амстель». Представленію этому царь оказывалъ сочувствіе, впрочемъ не на столько замѣтное, какъ при сдѣланномъ ему предложеніи, посѣтить мастерскія адмиралтейства и остъ-индской верфи, на слѣдующій день. Тамъ приготовлены были буера́ и яхты, на которыхъ могъ Петръ плавать въ заливѣ Эй (У) съ полнымъ удовольствіемъ. На этотъ разъ по обѣимъ сторонамъ канала собрались громадныя толпы народа: смотрѣть царя, и городская администрація ничего не могла сдѣлать для воспрепятствованія народному стеченію. За посѣщеніемъ верфей Петръ принялся обходить дома старыхъ пріятелей и знакомыхъ. Первый визитъ сдѣланъ былъ государемъ бывшему бургомистру Витзену, уже за старостью и недугами не выходившему изъ комнаты. Обнимая анатома Рюйша, царь съ оживленіемъ сказалъ: «Я вижу еще васъ, мой старый учитель!» Петръ особенно ласково кланялся работникамъ, отвѣчая на привѣтствія ихъ: «все ли вы въ добромъ здоровьѣ, мастеръ Питеръ!» Жена Поля такими же словами окликнула монарха при входѣ его въ верфь. «Какъ вы меня знаете?» спросилъ Петръ, не узнавъ ее. «Еще бы не узнать, когда обѣдывали у насъ частенько за 19-ть лѣтъ. Я жена мастера Поля». Петръ бросился обнимать ее и она пригласила его отобѣдать, по старинѣ. Дружескихъ объятій царскихъ удостоился и самъ сожитель, при свиданіи.

Посѣтить Заандамъ Петру вначалѣ мѣшали разнаго рода случайности, хотя и обѣщалъ онъ посѣтить Кальфовъ и Питера Эйпа—плотника, съ которымъ встрѣтившись въ первый же день прибытія въ Амстердамъ, проговорилъ государь болѣе трехъ часовъ, также какъ было и съ Томасомъ Іозіасомъ, сыномъ бѣдной женщины, торговавшей во время перваго путешествія Петра можжевеловою водкой. Однажды совсѣмъ уже пошелъ государь къ своему буеру, чтобы отправиться въ Заандамъ, но противный вѣтеръ заставилъ его отложить поѣздку.

А потомъ, съ 23 декабря, Петръ I захворалъ, и очень серіозно, такъ что совсѣмъ не выходилъ, болѣе мѣсяца, изъ комнаты, въ постели принимая и пословъ иностранныхъ государей. Между прочимъ, въ этомъ положеніи монарха,

у него, и два даже раза, былъ на аудіенціи министръ-резидентъ императора въ Гагѣ, баронъ фонъ Хемсъ, чтобы узнать по порученію своего двора, когда кончится срокъ занятія русскими войсками Мекленбурга. Можно судить, какъ непріятны были Петру эти ухищренія имперцевъ именно въ то время, когда царевичъ Алексѣй Петровичъ укрылся въ австрійскихъ владѣніяхъ, исчезнувъ съ дороги въ Копенгагенъ.

Туда же, изъ Петербурга, отправился онъ по письму отца, еще 26 сентября. Ноября 10-го явился онъ уже въ Вѣну и черезъ день перевезенъ въ Вейербургъ, а затѣмъ въ тирольскую крѣпость Эренбергъ. Петръ во время болѣзни подозрѣвалъ, что сынъ долженъ быть во владѣніяхъ императора, но доказательствъ еще не имѣлъ.

Во время болѣзни Петра разыгралась и еще другая непріятная исторія. Петръ до болѣзни хотѣлъ видѣться съ Георгомъ I, королемъ англійскимъ, и тотъ для этой цѣли, посѣтивъ свои нѣмецкія наслѣдственныя владѣнія, нарочно свернулъ въ Голландію, чтобы съ царемъ видѣться во Флорданингенѣ, гдѣ королю предстояло съѣхать съ берега въ море. Внезапно почувствовавъ упадокъ силъ, Петръ туда послалъ вмѣсто себя Куракина съ Толстымъ, но ихъ Георгъ не принялъ, сокративъ и самый срокъ пребыванія на берегу. Въ теченіе января причина этой выходки англійскаго короля объяснилась. Герцогъ орлеанскій, правитель Франціи, въ это время сообщилъ Георгу замыселъ министра шведскаго короля Карла XII, барона Герца, возвести на престолъ Стюартовъ.

Войдя въ сношеніе съ лейбъ-медикомъ царя Арескинымъ, Герцъ хотѣлъ обѣщаніемъ уступки остзейскихъ провинцій вовлечь въ свои виды Петра I. Но, дальше словъ и объясненій Арескина съ Герцемъ,—гдѣ, конечно, лейбъ-медикъ отъ своего лица могъ многое трактовать въ интимныхъ письмахъ совершенно иначе, чѣмъ глядѣлъ на дѣло государь, въ видахъ на Англію, всего меньше раздѣлявшій смѣлые планы Герца. Тѣмъ не менѣе, при арестѣ шведскаго посла въ Лондонѣ, графа Гилленбурга, захваченную корреспонденцію его съ Герцемъ, бывшимъ въ Голландіи, король Георгъ публиковалъ съ обидными толкованіями мнимо-враждебныхъ противъ себя дѣйствій русскаго государя. Веселовскій, резидентъ царя въ Лондонѣ, прислалъ государю копію съ этой корреспонденціи, которою старались впутать въ скандальный процессъ имя Петра, такъ что монархъ нашъ, не любя вообще полемики, долженъ былъ печатно заявить свой протестъ и объясненіе, не принятое отъ него англійскимъ правительствомъ, считавшимъ то и другое не имѣющими мѣста, за несомнѣнными будто бы доказательствами участія Россіи въ интригахъ Герца. Дѣло это надѣлало шума и посѣяло окончательную холодность между Англіею и Россіею, но, едва ли по нашей винѣ.

Непріятность отъ этой исторіи, болѣзнь, безпокойство объ исчезновеніи царевича — все разомъ вылилось на голову Петра I и, въ довершеніе всего, Екатерина, отъ трудностей осенней дороги и непріятностей, испытанныхъ на одной станціи, въ Везелѣ преждевременно разрѣшилась отъ бремени сыномъ Павломъ, наканунѣ новаго 1717 года. Въ ночь на второе января новорожденный умеръ, оставивъ мать тоже въ положеніи далеко неудовлетворительномъ. Январь такимъ образомъ вышелъ очень неблагопріятнымъ. Только съ

23-го числа государь сталъ выходить изъ своей спальни, отправивъ въ указанное число къ женѣ, съ Румянцевымъ (посланнымъ въ имперскія земли розыскивать о царевичѣ), приглашеніе отправиться въ Амстердамъ, «осмотрясь, буде безъ вреда будетъ ѣзда». Теперь Петръ сталъ примѣтно выздоравливать и февраля 2-го былъ обрадованъ прибытіемъ царицы. Царь уже переѣхалъ отъ Брандта въ домъ своего коммиссара по дѣламъ торговымъ, Осипа Соловьева — дѣла котораго также оказались до того запутанными, что потребовалось объявить этотъ единственный въ Амстердамѣ русскій торговый домъ несостоятельнымъ и закрыть контору, на третьемъ большомъ каналѣ (Хере-грахтъ), близь Везельской улицы (Wyzel-straat). Сюда уже пріѣхала Екатерина. Весь февраль мѣсяцъ царственные супруги употребили на осмотръ достопримѣчательностей Амстердама, о которомъ такъ много наслышалась Екатерина. Три недѣли пролетѣли незамѣтно. Только 22-го числа Петръ рѣшился посѣтить Заандамъ и въ немъ Кальфа. Рано утромъ царь съ тремя ближайшими приближенными и небольшою свитою подъѣхалъ къ дому Кальфа. Не много посидѣвъ у гостепріимнаго купца, съ сыномъ его (Николаемъ Кальфомъ) великій монархъ пошелъ на яхту ихъ, взялся за руль и пустился по Зану до самаго Кога, смотря на все съ усиленнымъ вниманіемъ и замѣчая перемѣны къ лучшему, послѣ перваго его здѣсь пребыванія. Воротясь къ обѣду Петръ катался потомъ на ботѣ по чистому льду, на парусѣ, и затѣмъ посѣтивъ Кальфову бумажную мельницу, оттуда еще заходилъ на крахмальную фабрику; — все стараясь узнать до мелочей и замучивъ техниковъ вопросами.

Спустя четыре дня (26 февраля), Петръ I привезъ въ Заандамъ и супругу, окруженную своимъ дворомъ и пріѣхавшую на особой яхтѣ, тоже въ гости къ Кальфу. Изъ дома его водилъ Петръ жену въ свой домикъ, къ Герриту Кисту, и самъ сходилъ за нимъ въ кузницу. На Екатеринѣ, по смѣткѣ расчетливыхъ голландцевъ, было однихъ брилліантовъ *тонны на три золотомъ* (на 300,000 голландскихъ флориновъ). Петръ же былъ одѣтъ по обыкновенію просто, въ зеленомъ кафтанѣ, какъ и въ первый разъ, съ широкою портупеею изъ лакированной кожи; на головѣ у него былъ короткій парикъ и распущенная шляпа изъ толстаго войлока. На прощаньи кузнецъ Кистъ получилъ отъ царя въ подарокъ серебряный кубокъ. Болѣзнь согнала всякую краску съ лица монарха и при блѣдности его еще рѣзче выдѣлялась чернота волосъ и усовъ. Суровый взглядъ проявлялъ прежнюю живость и быстрота движеній была обычная. Царь теперь не скрывался отъ зрителей, сошедшихся даже изъ сосѣднихъ деревень поглазѣть на великую личность, на мѣстѣ его первыхъ подвиговъ. Государь нарочно даже остановился на палубѣ своей яхты и удаляясь, долго смотрѣлъ на мирный *Заандамъ*.

На слѣдующій день Петръ отправился въ Утрехтъ и по дорогѣ туда заѣхалъ въ загородный домъ резидента Христофора Брандта, названный Петербургъ. Переночевавъ здѣсь, Петръ послалъ женѣ письмо въ Амстердамъ:

«Катеринушка, другъ мой сердешненкой, здравствуй!

Объявляю вамъ, что мы были вездѣ, гдѣ было намѣреніе, і пріѣхали сюды, куды і васъ съ компаніею желаемъ, чтобъ завтра обѣдать сюды были,

і чтобъ служителей немного за собою брали съ собою. О чемъ министрамъ і прочимъ скажи». «Петръ».

Брандтъ приготовилъ пышное угощенье; праздники длились нѣсколько дней. Въ продолженіе ихъ ѣздилъ Государь въ Утрехтъ и тамъ посѣтивъ шелковую фабрику фанъ Молема, вздумалъ испытать силу сопротивленія воды, приводившей въ движеніе машину. Петръ схватился за скобку главнаго колеса и мгновенно приподнятый имъ съ пола, несомнѣнно бы погибъ, еслибы рабочій не отдернулъ руку государя и не боясь надорваться, поставилъ его на ноги. Царь обнялъ своего спасителя, и, понявъ всю великость опасности безъ сомнѣнія не оставилъ его безъ подарка.

Возвратясь оттуда 7 марта, царственные супруги прибыли въ Гагу и остановились въ домѣ Куракина на большомъ Форхоутѣ, гдѣ стоялъ уже почетный караулъ. И здѣсь депутація отъ штатовъ предстала предъ Ихъ Величествами съ поздравленіемъ, а одинъ изъ членовъ депутаціи, фанъ Вельдеренъ, произнесъ рѣчь, на которую удостоился отвѣта государя по голландски. Въ Гагѣ штаты давали царю и царицѣ два праздника, въ Зоргфлитѣ. На всѣхъ торжествахъ царь являлся обыкновенно съ графомъ Альбемарлемъ и Гамомъ, обозрѣвая съ ними и все замѣчательное въ резиденціи генеральныхъ штатовъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь какой-то фокусникъ, не ожидая найти въ царѣ серьезныхъ математическихъ познаній, выдавалъ себя за изобрѣтателя снаряда, съ помощію котораго можно было бы опредѣлять долготу мѣста въ морѣ. Но, кажется, Петра онъ не убѣдилъ, потому что послѣ сеанса съ этимъ мнимоученымъ, государь не заговаривалъ о немъ болѣе. За то, на дачѣ Ватерфлитѣ, близъ Форбурга, Петръ съ величайшимъ интересомъ осматривалъ гидравлическую машину, изобрѣтенную Якобомъ фанъ Бриненомъ. Марта 14-го, Карлъ Мооръ написалъ съ Петра самый схожій портретъ, съ оригинала котораго,—восхищавшаго самаго монарха,—мы приложили гравированный снимокъ, какъ лучшее изображеніе Петра Великаго. Ѣздилъ также Петръ изъ Гаги въ имѣніе Рейксдорпъ, къ адмиралу Вассенаару, съ которымъ также, какъ и съ товарищемъ его Питерсономъ, желалъ познакомиться. Въ это же время марта 2-го посѣтилъ Петръ города: Лейденъ (и въ немъ университетъ), Дельфтъ и Хонде-Хольреед-Эйкъ, гдѣ обѣдалъ у прусскаго министра Даніеля Мейнерцхагена. Въ это время царь уже рѣшился ѣхать во Францію, и пробывъ въ Роттердамѣ 5 дней (съ 19 по 24 марта), отпустилъ Екатерину въ Гагу, а самъ отправился къ границамъ Франціи, въ сопровожденіи П. А. Толстаго, князя Куракина, барона П. П. Шафирова, князя В. Долгорукаго, И. Бутурлина, Ягужинскаго, Арескина, Макарова, священника Хрисанѳова, да нѣсколькихъ человѣкъ прислуги и взвода гренадеръ.

Въ это время (19 марта) Румянцевъ пріѣхалъ къ Вѣну и отъ Веселовскаго узналъ объ отвозѣ русскаго, называемаго Кочановскимъ, въ Тироль. Румянцевъ отправился туда и дѣйствительно убѣдился, что это былъ царевичъ. Тогда, на приватной аудіенціи у цезаря, Веселовскій потребовалъ возвращенія государева сына, но австрійскій дворъ, отрицая его пребываніе въ Эренбергѣ, между тѣмъ выпроводилъ его въ Неаполь. Румянцевъ однако слѣдилъ за нимъ въ пути и донесъ царю.

Во Францію, не захотѣлъ Петръ I взять съ собою Екатерину изъ нежеланія подвергаться оффиціальнымъ встрѣчамъ по этикету, въ присутствіи дамы уже ни какъ не отмѣняемому. Тогда какъ, государь, не желалъ имѣть никакихъ стѣсненій и докукъ ни на пути, ни въ столицѣ Франціи. Но, съ перваго же дня путешествія, все-таки привѣтствій Петръ I не избѣжалъ. За противнымъ вѣтромъ царская яхта остановилась въ Дортѣ и тотчасъ же городскіе чины явились съ поздравленіями, а городъ салютовалъ пушечными выстрѣлами и магистратъ прислалъ въ подарокъ нѣсколько бочекъ разныхъ винъ и съѣстныхъ припасовъ. Пальбою встрѣчали нашего великаго государя при проѣздѣ мимо Вилемстадта (27 марта) и Флисингена (28), гдѣ явился къ Петру адмиралъ Гессейнъ—Эвертсенъ, да депутаты штата Зеландіи и города Миддельбурга. Въ Флиссингенѣ, отсалютовавъ крѣпости, по просьбѣ этихъ господъ пришлось выйти на берегъ и, тутъ, на ночлегѣ у депутатовъ, въ гостинницѣ, увидѣвъ въ прекрасной, схожей подмалевкѣ, неизвѣстно кѣмъ писанный свой портретъ, Петръ взялъ его себѣ, вырѣзавъ изъ картины голову. Къ ней, потомъ, въ Петербургѣ, по наклейкѣ на другой холстъ, государь велѣлъ дописать плечи и фонъ живописцу Гселю, въ эту поѣздку нанятому въ Голландіи и умершему въ Россіи (1741 г.). Осмотрѣвъ 28-го еще числа во всей подробности флиссингенскіе доки, шлюзы и каналъ для починки кораблей, Петръ ѣздилъ отсюда, 29 марта, въ Миддельбургъ,—отстоящій на три часа пути,—и, только уже на слѣдующій день, оставивъ островъ Валькеренъ, въ предшествіи голландской яхты вошелъ высокій путешественникъ въ Шельду и 31 марта причалилъ у города Антверпена. Здѣсь ожидали уже царя принцы Гольштейнъ-Плэнскій и Туръ-и-Таксисъ, чтобы сопровождать его по Брабанту и Фландріи, принадлежавшимъ императору. Соборъ и іезуитская церковь съ картинами Рюбенса, больше всего остановили на себѣ вниманіе Петра I въ Антверпенѣ, гдѣ провелъ онъ четыре дня. Отправившись съ герцогомъ Гольштейнъ-Плэнскимъ въ Брюссель, государь послалъ оттуда въ подарокъ женѣ кружева на головной уборъ, а самъ 7 апрѣля поѣхалъ далѣе, черезъ Гентъ и Брюгге, до Остенде. Оттуда переправился онъ уже моремъ въ Дюнкирхенъ (10 апрѣля), гдѣ нагнали его, высланные Екатериною, по приказу государя, пѣвчіе. Въ вербное воскресенье, царь былъ уже въ Калэ и тутъ остался встрѣчать пасху, пробывъ до 23 апрѣля (третьяго дня праздника). Французскій камеръ-юнкеръ Либуа встрѣтилъ и поздравилъ Его Величество съ пріѣздомъ еще въ Садоко, а при въѣздѣ въ Дюнкирхенъ,—также какъ и далѣе во всѣхъ городахъ,—встрѣчали Петра I съ пушечной пальбой и со всѣми почестями, приличными коронованнымъ особамъ.

Выѣхавъ во вторникъ на Святой (20 апрѣля) изъ Калэ, Петръ ночевалъ въ Булони, потомъ, — проведя въ Аббэвилѣ цѣлый день въ осматриваніи фабрикъ суконныхъ и крашенія шерсти въ красный цвѣтъ,—черезъ Бомонъ, 26 марта, прибылъ въ столицу Франціи. Въ Бомонѣ (Beaumont) ожидалъ съ королевскими каретами маршалъ Тессе, которому поручено было регентомъ состоять при русскомъ царѣ во все время пребыванія его въ Парижѣ. Въ 5 часовъ утра царь и Тессе, въ сопровожденіи отряда гвардіи, выѣхали изъ Бомона, отобѣдали въ деревнѣ Эльбёфъ (Elbeuf) и, проѣхавъ не останавливаясь Сенъ-Дени (Saint-Denis), въ десятомъ часу вечера вступили въ Па-

рижъ и остановились въ Луврѣ, въ комнатахъ покойной вдовствующей королевы.

Тутъ Петръ пробылъ однако всего три четверти часа. Посмотрѣвъ на два стола, накрытые на 60 человѣкъ, Царь спросилъ хлѣба и рѣдьки, попробовалъ шести сортовъ вина, выпилъ два стакана пива,—которое, какъ извѣстно, особенно любилъ,—и отправился въ домъ Ледигьера (Lesdiguieres), принадлежавшій маршалу Вильруа (Villeroi). Напрасно маршалъ Тессе упрашивалъ царя сѣсть за столъ, увѣряя, что король будетъ очень радъ, если онъ проведетъ нѣсколько дней въ Луврѣ; Петръ отказался, видимо недовольный. Ему казалось помѣщеніе въ Луврѣ слишкомъ великолѣпнымъ.

Въ домѣ Ледигьера встрѣтилъ царя человѣкъ со свѣчкой; Петръ взялъ ее изъ рукъ его, прошелъ въ спальню, остался недоволенъ приготовленною ему парадною постелью и въ комнатѣ, назначенной для деньщика, легъ на свою походную кровать. Французскій дворъ, напротивъ, старался угодить гостю пріемомъ и у воротъ дома Ледигьера поставленъ былъ почетный караулъ, состоявшій изъ 50 человѣкъ французской и швейцарской гвардіи, подъ начальствомъ поручика; восемь гвардейцевъ съ офицеромъ сопровождали государя всегда при его выѣздахъ. Содержаніе въ Парижѣ царственнаго гостя и его свиты было на королевскій счетъ и обходилось въ день 1800 ливровъ. Утромъ, вставъ въ пятомъ часу, Петръ рано уже принималъ представлявшихся ему сановниковъ, спрашивая чинъ и званіе каждаго. Князь Куракинъ присутствовалъ при этомъ представленіи, въ качествѣ переводчика. Въ тотъ же день, въ журналѣ отмѣчено.—«Былъ у его царскаго величества французской здѣшній регентъ Дукъ де-Орлеанъ и за нимъ его гвардія, съ визитомъ, гдѣ принятъ былъ изрядно». Регента встрѣтили четверо кавалеровъ изъ свиты царя у кареты, а Петръ принялъ его въ передней и провелъ, взявъ за руку, въ свой кабинетъ. Тутъ, разговаривая, они цѣловались нѣсколько разъ и сѣли; князь Куракинъ стоя возлѣ нихъ переводилъ взаимныя рѣчи собесѣдникамъ. Эта бесѣда продолжалась полчаса, и оба остались весьма довольны другъ другомъ, особенно герцогъ Орлеанскій. Плѣненный умомъ царя, не смотря на свою вѣтренность, онъ оцѣнилъ въ гостѣ великаго человѣка.

«Въ 29 день апрѣля (10 мая н. с.), Людовикъ XV, въ шестомъ часу, изволилъ быть у его царскаго величества». Петръ его встрѣтилъ у экипажа. По принятіи дитяти-государя, монархи «говорили дискурсы, у кареты».—Переводчикомъ ихъ величествамъ служилъ кн. Куракинъ. За короля же говорилъ воспитатель его. Это ясно указано въ журналѣ.—«А потомъ изволили ихъ величества итти во свои палаты, и имѣлъ дискурсъ его царское величество съ королевскимъ величествомъ французскимъ; царское величество изволилъ говорить съ нимъ чрезъ господина посла князя Куракина, а его королевское величество французской изволилъ говорить чрезъ дядьку своего Дука де Вилеруа. И побывъ его королевское величество у царскаго величества съ четверть часа, потомъ встали и пошли въ залу и бывъ въ залѣ минутъ съ шесть, потомъ его королевское величество изволилъ путь свой воспріять до своихъ королевскихъ палатъ, гдѣ его провожалъ царское величество самъ». Король пріѣзжалъ къ Петру въ сопровожденіи отряда изъ 50 человѣкъ гвардіи, съ трубами и барабанами. Современники-очевидцы замѣтили, что царь

встрѣтилъ короля у кареты, поцѣловалъ его и понесъ на рукахъ въ свои комнаты. За тѣмъ, по словамъ очевидцевъ, Петръ, говоря съ Людовикомъ, все время не сводилъ глазъ съ него.

Апрѣля 30-го, до обѣда, Петръ I былъ,—какъ записано въ путевомъ журналѣ,—«въ арсеналахъ гдѣ льютъ мѣдныя всякія статуи и въ огородахъ, такожъ и въ оптекарскомъ огородѣ за городомъ, тутъ же и въ оптекарскомъ дому, гдѣ изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей». За тѣмъ, принявъ членовъ парижскаго магистрата, Петръ поѣхалъ къ королю «въ Тюлеріи съ церемоніею»,—въ королевскихъ каретахъ. Царя сопровождали: князь Долгорукій, боронъ Шафировъ, князь Куракинъ и маршалъ Тессе; на дорогѣ была разставлена гвардія и при проѣздѣ государя били походъ. Пріемъ, сдѣланный королемъ, былъ совершенно одинаковъ съ тѣмъ, который ему сдѣлалъ царь наканунѣ. Послѣ свиданія съ королемъ Петръ осматривалъ площади: королевскую, побѣдъ и Людовика великаго.

1-го мая нашего счета царь былъ на гобелэневой фабрикѣ, «смотрѣлъ лутчихъ шпалеръ и изволилъ быть въ анатоміи и въ обсерваторіи».

На гобелэневой фабрикѣ, отъ имени регента, поднесены были Петру въ подарокъ четыре ковра, вытканные съ картинъ Жувене (Jouvenet) и изображающіе «Чудесный ловъ рыбы ап. Петра», «Воскресеніе Лазаря», «Исцѣленіе разслабленнаго» и «Изгнаніе изъ храма торжниковъ»; картины эти теперь находятся въ Имп. Акад. Худ.

На слѣдующій день государь принималъ лекарство и никуда до обѣда не ѣздилъ, а послѣ обѣда «былъ на стекляныхъ заводахъ».

Мая 3-го осмотрѣвъ: Лувръ, академію живописи, планы французскихъ городовъ, крѣпостей и портовъ, Петръ отдалъ визитъ регенту, который принялъ его у кареты, провелъ въ комнаты и показалъ свою картинную галлерею. Отъ регента государь прошелъ къ герцогинѣ Орлеанской, которая представила ему герцога Шартрскаго и дочь герцога Монпансье. Вечеромъ регентъ пригласилъ царя въ свою ложу въ оперу. Во время представленія, Петръ спросилъ пива, герцогъ Орлеанскій поспѣшилъ самъ подать ему стаканъ пива на подносѣ, и салфетку; царь выпилъ стаканъ и, не вставая, поблагодарилъ герцога,—который все время стоялъ передъ нимъ съ подносомъ.

Мая 4-го записано въ юрналѣ «царское величество изволилъ быть въ оптекарскомъ огородѣ, въ оптекѣ и изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей», а на слѣдующій день «изволилъ быть въ госпиталіи». Такъ окрестилъ, писавшій юрналъ—Инвалидный домъ, гдѣ маршалъ Вильяръ принималъ царя. Обласкавъ старыхъ солдатъ, полтавскій побѣдитель называлъ ихъ товарищами, отвѣдывалъ ихъ хлѣбъ и супъ, и пилъ за ихъ здоровье вино.

Мая 6-го государь ѣздилъ въ Мэдонъ «которая деревня зѣло изрядная, а паче домъ и огородъ»,—какъ выразился оригинальный авторъ юрнала. Въ Мэдонѣ, во дворцѣ, Петръ особенно удивлялся величинѣ зеркалъ.

Мая 7-го Петръ обѣдалъ у вице-адмирала маршала Детре, а «въ 8-й день мая изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей, сдѣланныхъ изъ воску».

Мая 9-го Петръ долженъ былъ обѣдать въ Сенъ-Клу, гдѣ все было приготовлено къ его пріему, и отъ короля пріѣхали уже съ экипажами, но бо-

лѣзнь царя воспрепятствовала этой поѣздкѣ. Петръ не выходилъ изъ комнаты и 10-го мая, принимая лекарство.

Только уже мая 11-го, въ 6 часовъ вечера, поѣхалъ государь въ Люксембургскій дворецъ, съ визитомъ къ герцогинѣ Беррійской, встрѣтившей его въ дверяхъ своего кабинета. Послѣ визита Петръ изъявилъ желаніе осмотрѣть дворецъ ея и герцогиня довела его до галлереи Рюбенса, а царь, обозрѣвъ все зданіе пошелъ въ садъ. На слѣдующій день государь былъ въ Сенъ-Клу у регента, «и тамъ изволилъ обѣдать и гулять въ огородѣ до вечера, которой огородъ зѣло изрядной, подъ Версаліею первой».

Въ Сенъ-Клу (Saint-Cloud) опять герцогъ Орлеанскій самъ встрѣтилъ Петра у кареты и повелъ къ столу. Послѣ-же обѣда,—когда царь гулялъ въ саду,—«играли фонтаны и выбрасывали воду на 135 футовъ вышины». Потомъ царь катался по парку, верхомъ и въ коляскѣ, всюду почтительно провожаемый регентомъ. Возвращаясь въ Парижъ чрезъ Булонскій лѣсъ, по дорогѣ заѣхалъ Петръ на чулочныя фабрики, и, оттуда, прибывъ въ Елисейскія поля гдѣ была собрана гвардія, царь произвелъ ей смотръ; вечеръ же провелъ у герцогини Орлеанской.

«Въ 13-й день мая», замѣчено въ юрналѣ, «поѣхалъ въ Версалію послѣ обѣда, и смотрѣлъ до вечера палатъ;» утромъ же Петръ былъ у короля *инкогнито* и показывалъ ему на картѣ Московіи, составленной географомъ Делилемъ, то̀ мѣсто, гдѣ онъ предполагалъ соединить Волгу съ Дономъ. По просьбѣ воспитателя короля, указалъ государь также и путь, по которому велъ свои войска къ Полтавѣ. Маршалъ Вильруа показывалъ въ это время Петру всѣ государственные бриллианты, которые по видимому мало занимали высокаго путешественника. Въ Версаль на этотъ разъ, царь отправился въ сопровожденіи герцога д'Антэнъ (duc d'Antin) и маршала Тессе. Герцогъ д'Антенъ подарилъ царю въ этотъ день описаніе Парижа на русскомъ языкѣ и любезность эта была Петру очень пріятна.

Въ Версали оставшись ночевать, въ приготовленныхъ для него комнатахъ, на утро (14-го мая) Петръ продолжалъ осмотръ сада и фонтановъ.

Потомъ, въ лодкѣ прибылъ въ Тріанонъ и ночевалъ тамъ со свитой, въ бывшихъ покояхъ госпожи Ментенонъ. Блуэнъ старый слуга фаворитки разсказывалъ послѣ, что онъ былъ *оскорбленъ непристойностью русскихъ нравовъ*; но въ чемъ заключалась эта непристойность, для насъ остается неизвѣстнымъ.

Изъ Тріанона царь пріѣхалъ 15-го мая въ Марли и тамъ «изволилъ кушать, а послѣ обѣда возвратился паки въ Версалію»,—откуда на слѣдующій день уже уѣхалъ въ Парижъ «для великой церемоніи, въ которой былъ кардиналъ и аршевеки».

Въ этотъ день (16-го мая ст. ст.) отправлялось торжество пятидесятницы и во храмѣ парижской Богоматери, служилъ обѣдню кардиналъ Ноаль (Noailles); присутствуя при служеніи его, царь замѣтилъ, что̀ кардиналъ—архіепископъ парижскій,—котораго онъ считалъ первою духовною особою во Франціи,—совершалъ богослуженіе одинъ, а не съ двумя сослужащими епископами, какъ у насъ въ Россіи и на востокѣ.

На слѣдующій день (17-го мая) Петръ былъ на монетномъ дворѣ, гдѣ при немъ чеканили золотую и серебряную монету; а потомъ въ королевской библіотекѣ, гдѣ поднесены были въ подарокъ ему 12 книгъ съ гравюрами версальскихъ садовъ, зданій и походовъ Людовика XIV, съ картинъ знаменитаго живописца фонъ-деръ-Мелена.

«Въ 18-й день мая», какъ писано въ юрналѣ, «изволилъ быть по утру въ банѣ государь, а послѣ обѣда списывали персону» его.—По словамъ французовъ, въ 1717 г. два знаменитые уже художника: Риго и Натье писали портретъ Петра I.

Натье писалъ царя въ панцырѣ, слѣдовательно съ натуры одну голову. Петръ I письмомъ отъ 2-го мая приказывалъ Екатеринѣ прислать въ Парижъ Натье изъ Гаги,—гдѣ писалъ онъ государыню,—вмѣстѣ съ портретомъ ея. Отъ 19-го мая Петръ благодаритъ за присылку портрета, слѣдовательно Натье могъ быть уже у него, въ это время.

Риго приписываютъ портретъ Петра I въ гвардейскомъ мундирѣ находящійся въ версальскомъ дворцѣ, и, если это вѣрно Риго, то онъ могъ писать царя только въ это время.

Въ день отсылки письма къ Екатеринѣ (19-го мая), послѣ обѣда у герцога д'Антэнъ, Петръ въ сопровожденіи генералъ-адмирала графа тулузскаго, отправился въ Фонтенебло, гдѣ 20 числа охотился за оленями; послѣ-же охоты, обѣдалъ въ павильонѣ, на островѣ, и ночевалъ у герцога д'Антэнъ. Отъ него, 21-го мая царь пріѣхалъ въ Парижъ, по Сенѣ въ лодкѣ, съ восемью гребцами. Высадившись недалеко отъ Тюильрійскаго дворца,—гдѣ его ожидала карета маршала Тессе, въ экипажѣ, бульварами возвратился Петръ, домой. Впрочемъ и тутъ еще, дорогою заѣзжалъ государь съ визитомъ къ принцессѣ Конти, у нея завтракалъ а, отправившись затѣмъ къ себѣ, накупилъ у фейерверкера ракетъ и привезя съ собою, забавлялся, зажигая ихъ въ своемъ саду.

23-го мая Петръ осматривалъ въ Сенъ-Дени церковь, ризницу, королевскія гробницы и зданіе новопачатаго монастыря и возвратился черезъ Сенъ-Уанъ.

На слѣдующій же день (24-го мая) съ балкона одного дома въ предмѣстьи св. Антонія, утромъ, смотрѣлъ на духовную процессію. Послѣ же полудня поѣхалъ еще разъ въ Версаль, тамъ ночевалъ, въ Тріанонѣ, и пробылъ до 27-го мая. Изъ Тріанона, на этотъ разъ ѣздилъ царь въ Клюни, а оттуда въ Марли; гдѣ, какъ и въ Тріанонѣ, для него срисовывали нѣкоторые виды самыхъ красивыхъ мѣстностей.

Въ Марли Петръ провелъ и день своего рожденія. Ввечеру былъ фейерверкъ,—«въ огородѣ около фантанъ и кашкадъ были лумінаціи». Каскадъ Агриппины, болѣе всѣхъ понравившійся Петру, былъ освѣщенъ особенно затѣйливо и эффектно. Послѣ фейерверка былъ балъ съ ужиномъ, послѣ котораго еще оставаясь въ залахъ, противъ обыкновенія своего, Петръ ушелъ спать очень поздно.

Мая же 31-го, проѣхавъ изъ Марли въ Сенъ-Жермень, а оттуда въ Сенъ-Сиръ,—царь возвратился ночевать въ Марли, и «изволилъ быть въ версальскомъ огородѣ въ первый день іюня до вечера. А ввечеру, въ шестомъ часу, изволилъ быть на королевскихъ большой и меньшой конюшняхъ и потомъ поѣхали въ Парижъ и недоѣзжая Парижа были въ монастырѣ женскомъ, гдѣ

живетъ королева англійская и потомъ были въ дому королевскомъ, гдѣ всякія медали тиснятъ, гдѣ тогда и его величества персону вытиснули, которую тогда Дукъ де Анте его величеству поднесъ, а другимъ всѣмъ роздалъ по серебряной медаліи съ портретомъ его величества, и оттуды пріѣхали на свою квартиру».

Къ приведенной статьѣ изъ журнала, съ своей стороны мы прибавимъ только особенности, которыхъ не считалъ нужнымъ вносить оффиціальный писецъ журнала, тогда какъ въ подробностяхъ живѣе передается обстановка.

На монетный дворъ. Петръ прибылъ уже вечеромъ, въ 7 часовъ, и засталъ тамъ герцога д'Антэнъ, ожидавшаго съ нѣсколькими дамами и придворными. Тутъ же, директоръ монетнаго двора Де-Лонэ, показавъ всѣ работы этого учрежденія, выбилъ въ честь государя золотую медаль и поднесъ ему*).

Іюня 2-го Петръ обѣдалъ дома и ужиналъ у дюка д'Антэнъ. На слѣдующій же день былъ въ *коллегіи четырехъ націй* основанной Мазариномъ и осматривалъ королевскую типографію, гдѣ при себѣ приказалъ отпечатать нѣсколько пробныхъ оттисковъ. Потомъ, посѣтилъ царь Сорбонну, и тамъ осмотрѣвъ церковь, да библіотеку, познакомился съ профессоромъ математики Вариньономъ, съ которымъ долго разговаривалъ. Сорбонскіе богословы, пользуясь случаемъ посѣщенія государя, просили у Петра I позволить: представить ему планъ соединенія восточной и западной церквей, написанный однимъ изъ членовъ ихъ Бурсье. Планъ. на другой день дѣйствительно поднесенъ былъ Петру. По возвращеніи въ Россію, государь передалъ эту записку русскимъ епископамъ, которые, по разсмотрѣніи его, написали свое возраженіе. Отвѣтъ этотъ не понравился однако царю, приказавшему написать другой, *умѣренные*, который и былъ отосланъ въ Парижъ 15-го іюня 1718 года. Первый отвѣтъ былъ сочиненъ Стефаномъ, а второй Θеофаномъ, сущность же ихъ одинакова, а именно—что русскіе епископы не считаютъ себя вправѣ рѣшать вопроса о соединеніи церквей безъ участія другихъ народовъ, исповѣдующихъ греческую вѣру и безъ вѣдома четырехъ восточныхъ патріарховъ.

Выйдя изъ Сорбонны Петръ поднялся на колокольню церкви парижской Богоматери, откуда въ подзорную трубу смотрѣлъ на обширный городъ, лежавшій у ногъ его. Изъ собора царь заѣхалъ къ Пижону (Pigeon), изобрѣтателю движущагося глобуса, который такъ понравился Великому—знатоку рѣдкостей,—что онъ приказалъ купить его для себя за 2,000 экю.

На слѣдующій день Петръ посѣтилъ снова гобеленевую фабрику, а 5 числа смотрѣлъ «экзерциціи французской конной гвардіи, и мушкатеровъ», въ Елисейскихъ поляхъ. Царь прибылъ туда въ четвертомъ часу пополудни, вмѣстѣ

---

*) На одной сторонѣ этой медали было грудное изображеніе Петра I въ латахъ покрытыхъ порфирою, съ надписью вокругъ: «Petrus Alexiewitz Tzar, Mag. Russ. imp.», а на другой сторонѣ представлена, при восходящемъ солнцѣ, отъ земли парящая и проповѣдывающая трубнымъ гласомъ слава, со стихомъ Виргилія вокругъ: «Vires acquirit eundo». Внизу: «Lutetia Parisi 1717». Есть и описаніе подъ титуломъ «Медаль на память пребыванія его величества императора Петра великаго въ Парижѣ 1717 года, при осматриваніи королевскаго монетнаго двора нечаянно въ присутствіи его натисненная». Съ изображеніемъ медали, 27 стр., въ 4 долю листа, безъ означенія года и мѣста печати. Брошюра эта содержитъ также дневникъ пребыванія Петра въ Парижѣ.

съ герцогомъ Орлеанскимъ, и, сѣвъ на королевскую лошадь, проскакалъ передъ фронтомъ; возвращался же тише. Потомъ смотрѣлъ Петръ на ученіе пѣхоты. Когда же поднялась ужасная пыль отъ каретъ и лошадей, то, не дождавшись конца военныхъ экзерцицій, царь съ регентомъ уѣхали въ Тюильри, гдѣ въ уединенномъ мѣстѣ разговаривали съ полчаса;—при этомъ переводчикомъ былъ у нихъ, какъ обыкновенно, князь Куракинъ. Послѣ гулянья въ саду съ маршалами: Тессе, д'Етре (d'Estrées) и Матиньонъ, царь и регентъ поѣхали въ Сенъ-Уанъ, гдѣ у дюка Тремскаго, парижскаго губернатора, былъ ужинъ, продолжавшійся три часа: на немъ, замѣчаютъ французы, царь былъ веселъ и разговорчивъ, такъ что время пролетѣло незамѣтно.

Іюля 6-го являлись къ Петру посланники: португальскій и мальтійскаго ордена, да папскій нунцій, говорившій по итальянски привѣтствіе, на которое отвѣчалъ на томъ же языкѣ Шафировъ. Въ этотъ день царь пригласилъ къ себѣ утромъ географа Делиля (Delisle) и долго бесѣдовалъ съ нимъ, черезъ переводчика, о положеніи и пространствѣ своихъ владѣній. Чтобы дать этому ученому болѣе точное понятіе о нихъ, царь велѣлъ подать двѣ, сдѣланныя по его приказанію, рукописныя карты Россіи. Потомъ ѣздилъ смотрѣть химическіе опыты, производимые Жофруа. Въ лавкѣ Каллея Петръ накупилъ при этомъ, много разныхъ вещей, а оттуда, проѣхавъ на обсерваторію, провелъ тамъ болѣе двухъ часовъ. Ужиналъ, на этотъ разъ, царь у герцога д'Антэнъ вмѣстѣ съ адмираломъ графомъ Тулузскимъ, который поднесъ Петру морскую карту.

Іюня 7-го Петра посѣтилъ регентъ и царь ѣздилъ съ нимъ къ королю *прощаться*; положивъ на другой день выѣхать изъ Парижа. Царь прошелъ къ королю черезъ комнаты маршала Вильруа и на прощаньѣ подарилъ королю планъ Петербурга,—по всей вѣроятности въ проэктѣ Матарнови-Трезини. Этимъ и объясняется распространеніе при французскихъ книгахъ фантастическаго плана Невской столицы Петра I съ фортификаціями по Невѣ, вокругъ всего Васильевскаго острова.

Отъ короля Петръ поѣхалъ съ визитомъ въ Пале-Рояль къ герцогу и герцогинѣ Орлеанскимъ; вечеръ же, провелъ у маршала Вильяра, который принялъ государя со всевозможными почестями и торжественностью. Пышный ужинъ прошелъ очень весело, тостовъ было много и каждый сопровождался пушечной пальбой. Въ этотъ же день, среди самаго пира, Петръ вспомнилъ что хотѣлъ въ Парижѣ еще видѣть глазную операцію; потому, подозвавъ своего Лейбъ-медика Арескина, поручилъ ему отыскать опытнаго и искуснаго глазнаго оператора. Профессоръ анатоміи Дю-Верне, къ которому обратился Арескинъ, указалъ для этой пѣли самаго высшаго спеціалиста—англичанина Вульгауза который при царѣ произвелъ весьма удачно операцію 65-лѣтнему слѣпому инвалиду. Когда операторъ коснулся въ первый разъ иглою глаза больнаго, Петръ невольно отворотился, но любопытство превозмогло, и онъ внимательно слѣдилъ потомъ за всѣмъ процессомъ снятія катаракты. Довольный удачею операціи, царь тутъ же обѣщалъ Вульгаузу прислать учениковъ изъ Россіи.

По нашимъ святцамъ 8-го Іюня, (въ Троицынъ день) Петръ отправился въ судебную палату, чтобы присутствовать при засѣданіи парламента; въ

этотъ разъ адвокатами были Мишо и Герэнъ. По произнесеніи ими рѣчей, прокуроръ Ламуаньонъ всталъ и, изложивъ содержаніе дѣла, которое рѣшалось, заключилъ свою рѣчь заявленіемъ, что настоящее присутствіе въ палатѣ столь великаго монарха—такое замѣчательное событіе, *что̀ оно должно быть занесено въ парламентскіе акты*. Предложеніе было принято единогласно и тогда же записано на память потомству. Члены палаты въ этотъ день были въ красныхъ епанчахъ, съ мѣховою опушкой, которыя надѣвались только при Франциске I, когда посѣтилъ парламентъ парижскій императоръ Карлъ V. Воротясь съ сессіи парламента, Петръ принималъ у себя короля, пріѣзжавшаго отдать прощальный визитъ свой. По отъѣздѣ дитяти-государя, царь отправился въ академію наукъ, гдѣ, по этому случаю, было назначено чрезвычайное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ аббата Биньона (Bignon). Здѣсь ученый Де-Лафе показалъ модель изобрѣтенной имъ водоподъемной машины, Лемери произвелъ химическіе опыты, Реомюръ показывалъ приготовленные имъ къ изданію рисунки своихъ открытій, а Дюмонъ—дѣйствіе новой подъемной машины.

Въ протоколѣ академіи этого дня прописано, что члены выходили на встрѣчу царя до самой лѣстницы; что Петръ I, вошедши не садился, и всѣ прочіе также стояли; и, что, осмотрѣвъ представленныя ему машины, которыя тутъ же были объяснены въ подробности, государь вышелъ, опять сопровождаемый до самой лѣстницы.

Короткость посѣщенія ученаго общества, необычная у Петра, объясняется развѣ тѣмъ, что онъ спѣшилъ ко всенощной на праздникъ. И дѣйствительно, прибывъ домой въ 6 часовъ вечера, царь слушалъ всенощную въ своей походной церкви и на утро выѣхалъ изъ дома, отслушавъ уже обѣдню (въ духовъ день). Теперь ѣздилъ Петръ посѣтить госпожу Ментенонъ. Онъ засталъ ее въ постели, открылъ занавѣсъ кровати и долго, пристально, смотрѣлъ на нее молча, потомъ сѣлъ у ногъ ея на постели и спросилъ, чѣмъ она больна? Она отвѣчала: «старостью». Петръ, отвѣтивъ, что это общій нашъ удѣлъ, всталъ и уѣхалъ. Въ Сорбонѣ онъ оказалъ, какъ говорятъ, больше вниманія статуѣ Ришелье, чѣмъ живой Ментенонъ. Впрочемъ оба обстоятельства явно искажены разсказчиками, такъ что трудно придавать имъ какое нибудь значеніе.

Въ этотъ день, 9 іюня,—въ журналѣ прописано—«послѣ обѣда царское величество поѣхалъ изъ Парижа и пріѣхалъ ночевать въ деревню марки де Ливри, которая называется Ливри, отъ Парижа въ 4-хъ миляхъ и по утру въ 8-мъ часу поѣхали и переѣхали двѣ почты; обѣдали въ мѣстечкѣ Нантели, которое маршалка д'Етре и переѣхавъ послѣ обѣда три перемѣны, ночевали въ городѣ Суазанѣ, гдѣ были въ вечеру у интенданта на дворѣ луминаціи».

До Суассона сопровождали царя 10 королевскихъ стрѣлковъ. Интендантомъ Суассона былъ въ это время, упоминаемый въ журналѣ, маркизъ Ливри, за ужиномъ у котораго царь въ послѣдній разъ пилъ здоровье короля и регента, на утро, въ одной коляскѣ съ Ягужинскимъ, уѣхавъ въ Рѣтель, по дорогѣ въ Спа.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ, Петръ очень любовался живо-

письмо на эмали англичанина Буата (Boite) и заказалъ ему нѣсколько своихъ портретовъ, которые, передъ выѣздомъ изъ Парижа, роздалъ осыпанные бриллiантами: герцогу д'Антенъ, маршаламъ Тессе и д'Етре, маркизу Ливри и г. Вертону, бывшему при немъ гофмаршаломъ отъ короля. Крему, кастеляну, Петръ I пожаловалъ золотые часы; нѣкоторымъ офицерамъ далъ большiя золотыя медали; полторы тысячи червонцевъ роздалъ состоявшему при немъ караулу и столько же офицiантамъ въ Версали, въ Марли, въ Трiанонѣ, въ Медонѣ и въ Фонтенбло. Царю король поднесъ осыпанную бриллiантами шпагу, но Петръ I не принялъ ее, вѣжливо отклонивъ подарокъ.

Въ бытность въ Парижѣ, у себя, царь обѣдалъ, ужиналъ и ложился спать—рано; и всякiй день купался. Въ десять часовъ утромъ обѣдалъ, а въ восемь часовъ вечера ужиналъ. Съ царемъ садилось за столъ 14 человѣкъ, а всей свиты съ нимъ было до 30 человѣкъ; прислугу свою, живя въ Парижѣ, Петръ I одѣлъ во французское платье изъ зеленой матерiи съ золотымъ галуномъ. Король прислалъ ему для разъѣздовъ свою собственную великолѣпную карету, запряженную въ шесть лошадей, но царь просилъ оставить только двѣ лошади.

Въ то время въ Парижѣ всѣ полагали, что предметомъ частыхъ совѣщанiй съ маршаломъ Тессе Петра I, былъ торговый трактатъ, а не союзъ, на заключенiе котораго царь далъ въ Парижѣ, 8 iюня, полномочiе барону Шафирову, да тайнымъ совѣтникамъ Петру Толстому и князю Куракину.

Сорокъ дней пребыванiя въ Парижѣ, для любознательнаго Петра I такъ быстро пролетѣли, что онъ, прославъ Екатеринѣ письмо при самомъ пріѣздѣ въ столицу Францiи, изъ ней удосужился во все время написать всего два письма. Изъ нихъ мы, между прочимъ, можемъ усмотрѣть интересованiе государя искусствомъ, и, преимущественно, шпалерами на гобелэневой фабрикѣ. Въ письмѣ отъ 2 мая, государь пишетъ: «тапицерейная работа здѣсь зѣло преславная, того для пришли мою партрету, что писалъ Мооръ, і свої обѣ: которую Моръ и другую, что французъ писалъ». Изъ цидулы же узнаемъ и имя этого художника: «француза, живописца Патпера пришлите сюда же.... і велѝте тому живописцу взять съ собою картину, которую онъ писалъ о Левенгопской баталiи». Причина требованiя портретовъ тоже объяснена въ письмѣ царя отъ 2 мая; «дабы здѣсь тапицерейною работою оныхъ нѣсколько сдѣлать, также і емниетныхъ маленкихъ, iбо еще тотъ мастеръ живъ—кой дѣлалъ въ Англiи при мнѣ, и нынѣ здѣсь». Этотъ мастеръ былъ, по всей вѣроятности, упоминаемый выше Буатъ (Boite), дѣйствительно художникъ, въ миніатюрныхъ изображенiяхъ доводившiй до высокой степени окончательность при поразительномъ сходствѣ. О хорошемъ портретѣ въ этомъ родѣ думалъ впрочемъ Петръ еще живя въ Амстердамѣ и желалъ, чтобы выполнила его извѣстная художница Хенрiэта фанъ Пеэ, болѣе извѣстная по фамилiи мужа,-Вольтерсъ. Но предложенное ею большое число сеансовъ (не менѣе 20-ти, каждый по 2 часа), удержало нетерпѣливаго Петра, ни за что не хотѣвшаго терять сорокъ часовъ времени на свой миніатюрный портретъ. Буатъ работалъ скоро и восхищенный сходствомъ этого портрета уловленнымъ Мооромъ, царь миніатюристу, вѣроятно, не давалъ особыхъ сеансовъ.

Фанъ-Гооль говоритъ также, что Петръ I хотѣлъ Хенрiэту фанъ-Пеэ при-

влечь въ Россію, предлагая ей по 6000 флориновъ въ годъ содержанія, но она, вѣжливо отклонила лестное предложеніе, предпочтя ему житье на родинѣ. Какъ менонистка, художница чуждалась развлеченій общества и представляла себѣ жизнь въ Петербургѣ, при дворѣ, совершенною противоположностью со своими вкусами и привычками. Отказъ фанъ-Пеэ уже заставилъ царя остановить выборъ на четѣ супруговъ Гсель, изъ которыхъ мужъ былъ портретистъ въ совершествѣ передававшій масляными красками характеръ ткани, металловъ и проч. еще лучше чѣмъ тѣло. Супруга же его, урожденная Меріанъ, была превосходная художница по изображенію предметовъ естественной исторіи, соковыми красками и гвашью. Пріобрѣтя коллекціи Себы и Рюйша, видѣть ихъ представленными въ вѣрныхъ рисункахъ, сдѣлалось теперь однимъ изъ самыхъ горячихъ желаній Петра I; чѣмъ и объясняется наемъ Гсель съ женою.

Если вѣрить Шальмо (De-Chalmot Dictionnaire Biographique III, 310) то, самого Петра I, царственную подругу его и многихъ особъ ихъ свиты, изобразилъ въ живописи, послѣ Моора, въ Амстердамѣ же, Арнольдъ фанъ-Бонэнъ; но, гдѣ эти портреты, намъ узнать неудалось.

Отъѣзжая сухимъ путемъ изъ Парижа, черезъ Суассонъ, Реймсъ, Рётель и Мезьеръ до Намюра, а оттуда до Литтиха водою-въ Спа, пользоваться минеральными водами, Петръ располагалъ на эту поѣздку употребить недѣлю развѣ; не болѣе. Отъ 10 іюня писалъ, въ этихъ расчетахъ, государь женѣ: «Мы вчерась ізъ Парижа поѣхали прямо въ Шпа, и чаемъ въ *пять* іли *6* дней зачать воды пить, а оттоль въ Вамъ. Дай Боже въ радости васъ видѣть і *вскорѣ*». Въ одномъ Намюрѣ, между тѣмъ, въ осмотрѣ крѣпости и другихъ замѣчательностей прошло два дня, и, пріѣхавъ въ Спа только 17-го іюня, Петръ писалъ, что долженъ пробыть здѣсь «*нѣсколько* дней». Тутъ же прибавляя онъ однако, «і когда отопью воды, того же дня поѣду, понеже только седмь часовъ сухова пути, а то все водою». Но и теперь расчетъ скоро кончить въ Спа несостоялся. Сюда явился Румянцевъ въ самый день пріѣзда царскаго, съ извѣстіемъ объ отвозѣ австрійцами царевича Алексѣя въ Италію. По этому донесенію, прежде всего, написавъ письмо къ сыну, государь послалъ Толстаго и Румянцова съ полномочіями: ходатайствовать передъ итальянскими владѣтелями о выдачѣ скрывшагося. Въ Спа представился Петру также и баронъ Люберасъ—отецъ, изъ Силезіи привезенный Остерманомъ. Этотъ умный администраторъ, подавъ планъ заведенія коллегій по образцу шведскихъ, впослѣдствіи назначенъ былъ президентомъ мануфактуръ коллегіи. Отпраздновавъ полтавскій праздникъ, да имянины свои—фейерверкомъ, затѣмъ здѣсь оставался Петръ пить полный курсъ водъ до 13 іюля. Замѣтивъ, какъ видно изъ письма къ Екатеринѣ отъ 23 іюня, что «вода, слава Богу, дѣйствуетъ хорошо», далѣе пишетъ царь: «надѣюсь, въ недѣлю отъ Петрова поста курсъ кончать», а 10 іюля уже увѣдомляетъ: «на двухъ дняхъ кончае поѣду отсель». Но и это оказалось, сверхъ чаянія неприведеннымъ въ исполненіе. Съ дороги, отъ крѣпости св. Андрея, есть письмо государя же къ женѣ съ обозначеніемъ 20 іюля, гдѣ, сообщивъ о своемъ здоровьѣ, Петръ еще разъ пишетъ—«поспѣшаемъ къ вамъ, і только намѣренъ посмотрѣть одной славной крепости Бергенъ-п-Сум (Bergen-op-Zoom), которая

немного въ бокъ. Однакожъ о семъ освѣдомлюсь въ Дортѣ, і, ежели замѣшкатца тѣмъ могу, то не поѣду, а будетъ день іли другой лишку, то жаль не видать». По поѣздкѣ въ Бергенъ-оп-Цоомъ уже съ дороги въ Россію, можно заключить, что собранныя свѣденія были не въ пользу поѣздки туда отъ Дортрехта. За всѣмъ тѣмъ въ пути Петръ видимо замедлилъ.

Замедленіе это произошло чисто отъ того, что избравъ путь на Ахенъ, черезъ Лимбургъ, царь осматривалъ на дорогѣ селитряные заводы. Въ столица Карла-великаго (14 іюля), встрѣченный командиромъ имперской конницы, государь остался тоже на два дня; въ первые сутки осмотрѣвъ только въ подробности теплые ключи, которыми такъ славился этотъ городъ. На другое утро соборъ и ратуша не мало заняли времени у любознательнаго Петра, такъ что угощеніе отъ магистрата, было какъ нельзя болѣе умѣстно, послѣ утомительныхъ обозрѣній. Свиданіе съ бургграфомъ, да испытаніе мѣткости стрѣльбы изъ самострѣла,—при чемъ Петръ показалъ необыкновенную вѣрность прицѣла, рѣдко не попадая въ цѣль, — а потомъ балъ у губернатора, заняли государя до полуночи. И утромъ уже 16-го выѣхалъ онъ изъ Ахена, при салютахъ артиллеріи, сопровождаемый толпами горожанъ и эскадрономъ имперской кавалеріи, до самой границы владѣній генеральныхъ штатовъ Голландіи. Въ Ахенѣ помѣстился Петръ въ домѣ купца Клермата и этотъ гостепріимный человѣкъ, далъ своему царственному гостю, еще на станціи въ Виминѣ, прощальный завтракъ. Въ тотъ же, впрочемъ, день въѣхалъ Петръ-великій, и довольно рано еще, въ Маастрихтъ, гдѣ опять генералъ-губернаторъ, уже голландскій,—извѣстный подвигами во Франціи,—Фредерихъ фонъ-Грофестинсъ устроилъ пышную встрѣчу. Удостоивъ принять приглашеніе къ обѣду, Петръ послѣ стола поѣхалъ обозрѣвать крѣпость и по возвращеніи успѣлъ осмотрѣть ратушу. Утромъ 17 іюля, осмотрѣвъ театръ и рощу, Государь потомъ соизволилъ присутствовать въ спектаклѣ, гдѣ дана была пьеса сочиненная на случай его прибытія. Послѣ спектакля царь обѣдалъ у губернатора и, посмотрѣвъ на бѣгъ судовъ по Маасу, перешелъ уже на яхту, назначенную для перевозки его по Маасу, до Граве.

Основываясь на разсказѣ Штелина о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика, запросившаго съ царя за ночлегъ, да за: хлѣбъ, сыръ, яица и двѣ бутылки обыкновеннаго столоваго вина, сто талеровъ,—что Петръ и велѣлъ заплатить,—иностранные писатели принимаютъ дальнѣйшій путь царя отъ Граве, черезъ Нимвегенъ, сухимъ путемъ. Но, это расходится съ направленіемъ отмѣченнымъ въ юрналѣ, гдѣ встрѣчаются упоминанія Боккума, Горкума и Дорт (рехт) а. Въ виду неточности и разногласій въ опредѣленіи настоящаго слѣдованія Петра I отъ Граве къ Амстердаму, мы обойдемъ сомнительные пункты молчаніемъ и прямо перейдемъ къ свиданію государя съ женой въ столицѣ Голландіи, послѣ 4-хъ слишкомъ мѣсяцевъ разлуки.

Къ чести голландскаго правительства слѣдуетъ отнести, между прочимъ, то, что въ бытность Петра I во Франціи, администрація г. Амстердама оказывала супругѣ государя, жившей на дачѣ Соловьева, близъ г. Гарлема.—всевозможную внимательность, устроивая въ честь ея даже особые празднества. Такъ, 3-го мая пригласили Екатерину на морскіе маневры между Нье-вендамомъ и Шелингвудомъ. Эскадрами командовали контръ-адмиралы Буданъ

и Граве. Екатерина находилась на самой большой яхтѣ подъ русскимъ флагомъ. Послѣ же маневровъ всѣ суда обѣихъ эскадръ сопровождали русскую царицу до города.

По возвращеніи своемъ изъ Спа, Петръ провелъ на дачѣ Соловьева нѣсколько дней съ супругою въ поѣздкахъ по окрестностямъ. Въ доказательство горячаго сочувствія, дачники, жившіе по сосѣдству, въ Гарлемской рощѣ, на перерывъ другъ передъ другомъ старались устраивать праздники, приглашая на нихъ государя. Нѣкто Питеръ Кооларть, мужъ извѣстной женщины-поэта, Елизаветы Хофманъ, устроилъ наиболѣе блистательный фейерверкъ, давшій женѣ амфитріона тэму для лучшей ея поэмы. Во всевозможныхъ развлеченіяхъ прошелъ конецъ іюля. Амстердамское правительство, въ свою очередь, повторило для государя морскіе маневры предъ Дюргердамомъ. Вдовствующая штатгальтерша Фризіи на этомъ праздникѣ сопровождала Екатерину, а самъ Петръ, оставивъ яхту, на буэрѣ держался въ возможной близости отъ команды и примѣрнаго абордажа.

Въ началѣ августа Петръ пустился обозрѣвать сѣверную Голландію. Въ г. Горнѣ посѣтилъ своего стараго мастера фанъ-Дама. Въ горнскомъ соборѣ пожелалъ, чтобы вскрыли гробъ храбраго адмирала Питера Флориссона, убитаго въ 1659 году. Но особенно заинтересовалъ Петра I видъ *бемстеровъ*—мѣстности отнятой у моря геніемъ человѣка. Два раза проѣхалъ царь всю эту мѣстность, показывая особенную внимательность и, съ любопытствомъ разспрашивая о ловлѣ сельдей, доставлявшей громадные барыши деревенькѣ Де-Рейпъ (De-Rijp). Ѣздилъ не разъ и въ Заандамъ, являясь тамъ съ братьями Блумъ (Мейнертомъ и Клаасомъ).

Поѣздка къ острову Текселю доставила также не малое удовольствіе государю. Скоро должна была тамъ проходить часть флота изъ восточной Индіи. Царь и царица приняли участіе во встрѣчѣ этихъ ожидаемыхъ 16 кораблей, нагруженныхъ товаромъ на мильоны. Комиссары остъ индской компаніи предложили ихъ величествамъ для этой поѣздки яхту и на одномъ изъ возвратившихся кораблей, «Елизаветѣ», устроили пышный пиръ.

Но, всѣ эти знаки вниманія не уменьшали увеличивавшагося день ото дня нерасположенія Петра къ голландскимъ купцамъ, думавшимъ посредствомъ праздниковъ успѣть вырвать у царя выгодный для себя коммерческій трактатъ. Петръ уже разсчитывалъ выгоды, которыя могла извлечь Россія, сама пустившись продавать свои естественныя богатства, а отнюдь не возобновлять коммерческаго трактата; явно уклоняясь отъ заключенія его и по другимъ причинамъ. Онъ уже хорошо ознакомился съ цѣлями и характеромъ голландцевъ и узкіе, себялюбивые, расчеты ихъ дѣлались Великому досадными даже со стороны политики, которой держались генеральные штаты, желая ко всѣмъ сохранить наружное расположеніе, но въ то же время забывая, что ладить съ двумя врагами невозможно безъ того, чтобы не сдѣлаться врагомъ каждаго изъ нихъ, какъ только замѣтитъ онъ или получитъ подозрѣніе, въ мнимомъ даже предпочтеніи себѣ соперника. Такіе случаи являются на каждомъ шагу и слѣдовательно игра въ ничью, какъ любили поступать голландцы — была самая опасная. Пора, когда Петръ I дѣйствительно думалъ, что черезъ посредство Голландіи онъ успѣетъ заключить какой нибудь миръ,—всегда предпочитая его

превратностямъ войны—какъ извѣстно, давно уже миновала и царь, къ неудовольствію неуспѣха присоединялъ въ памяти своей еще тогдашнее высокомѣріе штатовъ, чуть-что не враждебность.

Приходить могло царю на память и безпрестанное отказываніе Голландіи, въ кредитѣ ему, котораго, въ прошлое время, искалъ монархъ Россіи, но, благодаря Бога, при нежеланіи названныхъ друзей распустить для него кошелекъ, онъ успѣлъ обойтись своими средствами, кое какъ. Теперь, на оборотъ, надмѣнные купцы съ каждою недѣлею больше и больше задумываются, теряя убѣжденіе, что̀ отъ нихъ зависитъ получить отъ Россіи выгодныя коммерческія условія. Особенно когда узнали они о заключеніи трактата съ Франціею,—о которой Петръ изъ путешествія вынесъ выгодное впечатлѣніе;—по крайней мѣрѣ, о народѣ если не о правительствѣ. Еще болѣе загрустили голландцы, когда заключенъ царскими министрами договоръ и съ Пруссіею, а министровъ Георга I Петръ отпустилъ ни съ чѣмъ.

Возвратясь съ маневровъ у Текселя, Петръ I похоронилъ своего друга, бургомистра Витзена (умерш. 1 августа). Послѣ же похоронъ его, отъ Дортрехта ѣздилъ осматривать крѣпость Бергенъ-оп-Цоомъ и за тѣмъ уже отправился изъ Голландіи, 31-го августа, черезъ Нимвегенъ, Клеве, Везель и Магдебургъ въ Берлинъ. Прибывъ сюда 8 сентября, и дождавшись пріѣзда Екатерины, царь съ нею проѣхалъ въ Данцигъ и на другой день пріѣзда (19 сентября) получилъ обязательство города уплатить 140,000 рейхсталеровъ и прервать всякія коммерческія дѣла съ Швеціею. Отсюда уже, не останавливаясь нигдѣ болѣе дня, черезъ Митаву, Ригу, Перновъ и Ревель, царственная чета прибыли 7 октября въ Нарву. Здѣсь осмотрѣвъ новозаведенный стеклянный заводъ, 9 числа на гальотѣ Петръ одинъ уѣхалъ моремъ къ Котлину и на другой день съ Меньшиковымъ, выѣхавшимъ навстрѣчу, прибылъ въ Петербургъ свой, гдѣ приготовлена ему была встрѣча и дѣти его произнесли заученныя привѣтствія, сочиненныя Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, вызваннымъ въ столицу и 1-го іюня слѣдующаго года рукоположеннымъ въ епископы псковскіе. Поздоровавшись съ дѣтьми и отобѣдавъ, неутомимый монархъ полетѣлъ въ свое адмиралтейство и, пробывъ тамъ до вечера, позвалъ ужинать къ себѣ всѣхъ приближенныхъ, оказавшихся на лицо. Съ слѣдующаго же дня съ жаромъ принялся Петръ I за осмотръ сдѣланнаго въ его отсутствіе и за обычныя свои работы, въ адмиралтействѣ;—посвящая время и на осмотръ петербургскихъ построекъ, съ ранняго утра до полудня.

Смотрѣть Петру I, что сдѣлано безъ него въ Петербургѣ было не мало, только, къ несчастію, все вышло не такъ, какъ онъ думалъ.

Отъѣзжая въ 1716 году изъ Россіи на полтора слишкомъ года, Петръ поручилъ князю Меньшикову, выполнить прежде всего каналы Васильевскаго острова, которые могли бы обратить его во что-то оригинальное: не то въ Амстердамъ, не то—въ Венецію. Каналы эти, прорѣзывавшіе островъ вдоль и поперегъ, Петръ задумывалъ сдѣлать на столько широкими, чтобы барки и гальоты могли свободно въ нихъ поворачиваться, и чтобы глубина воды въ каналахъ дозволяла кораблямъ подходить прямо къ берегу, да разгружать товары въ кладовыя, безъ всякой сухопутной подвозки. Для этого, самые стѣны домовъ, по обѣимъ сторонамъ каждаго канала, какъ въ Венеціи, поднимались прямо изъ

воды, служа зеркалу ея каменными рамами. При выполненіи работъ, князю Меньшикову почему-то показалась назначенная нормальная ширина каналовъ черезъ чуръ великою и онъ, на третью часть велѣлъ съузить ихъ; также было и съ глубиною. Торопясь отличиться, князь Меньшиковъ со своими техниками-строителями, между тѣмъ, хотѣлъ удивить царя и, для того, къ пріѣзду его, распорядился даже о постройкѣ боковыхъ домовъ въ линію по каналамъ, на принятыхъ имъ разстояніяхъ. Такъ что дѣло было непоправимо, въ смыслѣ возвращенія къ первоначальному проэкту.

Въ началѣ 1716 года, между тѣмъ, приглашенъ былъ, въ Парижѣ, въ качествѣ главнаго распорядителя строительныхъ работъ въ Россіи, генералъ-архитекторъ Леблонъ. Изъ Эрфурта, Петръ отправилъ его въ Петербургъ въ томъ же году лѣтомъ, съ письмомъ своимъ, повелѣвая въ немъ князю Меньшикову *исполнять все*, что искусный *техникъ этотъ найдетъ необходимымъ*. Но, къ несчастью, прибытіемъ своимъ нѣсколько запоздали и приказъ и генералъ-архитекторъ. Вмѣстѣ съ нимъ нанятый же въ Парижѣ,—для исполненій подъ его руководствомъ,—графъ Растрелли (отецъ), выдававшій себя за знатока и профессора всѣхъ искусствъ, успѣлъ обольстить князя Меньшикова мнимою почтительностью и готовностью за все приняться разомъ. Зная, что Леблонъ при себѣ не дастъ ему распоряжаться, Растрелли выпросилъ у Меньшикова въ непосредственное вѣденіе свое постройку Петергофа и Стрѣльны. Въ это время Матарнови занятъ былъ скорѣйшимъ рытьемъ каналовъ на Васильевскомъ островѣ, постройкою зимняго дворца на мѣстѣ нынѣшняго эрмитажнаго театра и отдѣлкою лѣтняго дома (на мѣстѣ инженернаго замка). По всей теперешней дворцовой набережной, шло битье свай и, на сваяхъ,—кладка фундаментовъ каменныхъ стѣнъ домовъ на Неву; съ пособіемъ отъ казны, или совсѣмъ на казенный счетъ. Леблонъ съ первыхъ же дней увидѣлъ недостатки спѣшнаго выполненія работъ, думалъ остановить ихъ, справедливо боясь царскаго на себя неудовольствія, но, встрѣтилъ со стороны князя Меньшикова упорную поддержку противной стороны Только угрозою жаловаться, или, лучше сказать, самою даже жалобою царю, онъ вынудилъ измѣненіе неподходящихъ порядковъ, но, за то, въ свою очередь, сталъ испытывать задержку во всемъ: и въ матеріалахъ, и въ людяхъ и,—въ своевременной разсылкѣ распоряженій. А тутъ, привезенные съ нимъ иностранные работники отъ него требовали: и помѣщенія, и контрактной платы по уговору; да нужно было имъ и устроиваться, и выполнять къ сроку положенное дѣло. Нужно ли прибавлять, что ничего,—какъ разсчитывалось передъ отъѣздомъ государя за границу и въ бытность его въ Европѣ,—не поспѣло къ его возвращенію. Царь былъ видимо недоволенъ, но, на первыхъ порахъ удерживалъ свой гнѣвъ.

Еще 11-го октября Петръ осмотрѣлъ работы во дворцахъ, и остался доволенъ только Лѣтнимъ домомъ и садомъ, разбитымъ по плану Леблона, посланному къ нему въ концѣ января еще, въ Голландію. Въ этотъ день и въ воскресенье (13 октября) государь давалъ обѣды своимъ сотрудникамъ по управленію и спутникамъ въ далекихъ странствованіяхъ. На этотъ разъ обѣдали корабельные мастера, секретарь Макаровъ и крестовый священникъ Хрисанѳовъ (Битка). Со всѣми гостями своими, послѣ обѣда, поѣхалъ царь на спускъ корабля «Александръ Невскій». Въ понедѣльникъ же 14 октября, при-

бывъ въ 6 часовъ утра на Васильевскій островъ, въ домъ князя Меньшикова, и, погулявъ въ саду его, прошелъ во французскую слободку—колонію французскихъ художниковъ, помѣщенныхъ въ казенныхъ домахъ, подлѣ дома Меньшикова. Здѣсь уже началась работа гобеленей и въ дѣйствіи были другія мастерскія, что̀ нѣсколько порадовало грустнаго монарха. Онъ обѣдалъ и вечеръ провелъ у имянинницы—царицы Прасковьи Ѳедоровны.

Октября 15 и 16 Петръ бывалъ въ адмиралтействѣ, съ 6-го часа утра по 12-й и въ оба дня заходилъ къ генералъ-адмиралу Апраксину, а въ послѣдній изъ этихъ дней, отобѣдавъ съ Меньшиковымъ, вторично ходилъ на работы въ адмиралтейство, и оттуда, выйдя вечеромъ, посѣщалъ мастеровъ, Малярова и Козенца; пробывъ у втораго изъ нихъ до 9 часовъ вечера, т. е. до той поры, когда обыкновенно государь ложился въ постель.

Свой сенатъ посѣтилъ Петръ I, въ первый разъ по возвращеніи, 17 октября (въ четвергъ) утромъ; послѣ же обѣда, занялся внѣшними государственными сношеніями, въ своемъ кабинетѣ.

Дѣла съ Швеціею въ это время видимо уже принимали лучшій оборотъ; баронъ Герцъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, скорѣе помирить съ Петромъ I Карла XII. Ожидая, поэтому, скораго заключенія выгоднаго мира, но готовый поддержать свои предложенія и оружіемъ, теперь Петръ потребовалъ отъ турокъ вознагражденія за ущербъ, нанесенный русскимъ областямъ набѣгомъ кубанской орды, въ августѣ этого года. Отпраздновавъ день Калишской побѣды у самаго героя дня—Меньшикова (18 октября), на утро въ воскресенье, въ 7-мъ часу утра, въ зданіи сената, Петръ давалъ аудіенцію бухарскому послу и окончивъ пріемъ, пришелъ въ Троицкій соборъ слушать литургію. Послѣ обѣда посѣтилъ Апраксина и отъ него прошелъ въ адмиралтейство: приготовлять къ спуску на воду новый корабль;—какъ корабельный мастеръ. Октября 21-го, корабль этотъ плавно сошелъ въ невскія волны и на бортѣ новобранца, державный кораблестроитель пропировалъ съ моряками своими позднѣе обыкновеннаго (до 11 часовъ вечера); на слѣдующій день съ княземъ Меньшиковымъ съѣздивъ въ Петергофъ для осмотра тамошнихъ работъ. Результатъ обозрѣнія былъ не совсѣмъ благопріятный. Все слѣдующее утро, провелъ монархъ въ ближней канцеляріи своей, требуя разнаго рода справки о заказанныхъ работахъ, а потомъ велѣлъ позвать къ себѣ Леблона и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ осматривать сдѣланное на Васильевскомъ острову. Тутъ открылось отступленіе во всемъ, *отъ точныхъ*, данныхъ на все, *приказаній*. Пылая неудовольствіемъ на Меньшикова, неслушавшаго представленій Леблона—какъ доказалъ тотъ своими поданными записками, съ резолюціями князя,—Петръ спросилъ печально строителя: что же съ этимъ сдѣлать теперь?

— Все переломать и сдѣлать какъ нужно.

— А деньги пропали у меня, поэтому, мрачно отвѣтилъ монархъ и... погрузился въ думу. Не сказавъ болѣе ни слова, Петръ прошелъ къ Меньшикову, запершся съ нимъ въ кабинетѣ и вышелъ вечеромъ отъ него недовольный и грустный.

Меньшиковъ сталъ безпокоиться не на-шутку и рано утромъ поѣхалъ во дворецъ. Было шесть часовъ еще, а царь уже давно писалъ, но, по приходѣ князя закрылъ писанное; въ 8 часовъ Меньшиковъ и Государь поѣхали на

Котлинъ, гдѣ дѣло кипѣло. И это разсѣяло нѣсколько мрачное настроеніе Петра, оставшагося ночевать на острову, а на утро переѣхавшаго къ князю въ Ораніенбаумъ; оттуда же,—въ Петергофъ и Стрѣльну. Сюда неожиданно пожаловала и Екатерина. Въ Стрѣльнѣ Леблонъ уже приступилъ къ возведенію террасъ и образованію пруда и каналовъ, совершенно разгадавъ вкусъ Государя, такъ что, хотя нашелъ онъ ходъ дѣла и медленнымъ, но за то хороши были работы. Все утро посвятивъ обозрѣнію ихъ, Ихъ Величества обѣдали у князя Меньшикова, въ квартирѣ оберъ-коммисара Сенявина, и, еще разъ пройдясь по будущему саду, царь съ супругою поѣхали на мызу (по всей вѣроятности, на мѣстѣ Сергіевской пустыни) къ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. Отъужинавъ у ней, ночевали въ Стрѣльнѣ и утромъ уже пріѣхали на шлюбкѣ въ Екатерингофъ. Оттуда, по осмотрѣ работъ, Петръ явился въ адмиралтейство; узнавъ о приводѣ баржъ изъ Казани. Баржи эти, на другой день (25 октября), Петръ осмотрѣлъ пытливымъ взглядомъ хозяина, входя въ подробную оцѣнку достоинства прибывшаго корабельнаго лѣса и, оставшись доволенъ караваномъ, отдалъ приказъ о вводѣ въ гавань и пріемѣ. Въ слѣдующій день справлялось рожденіе, достигшаго двухъ лѣтняго возраста, царевича Петра Петровича, потому, съ ранняго утра, государь принималъ поздравленія всѣхъ, начиная съ министровъ иностранныхъ дворовъ, до-простыхъ мастеровыхъ; на привѣтствіе каждаго давая ласковые отвѣты. Давно не видали Государя такъ веселымъ и довольнымъ: въ это утро получилъ онъ отъ барона Герца письмо, удостовѣряющее о горячемъ желаніи мира со стороны Швеціи, назначавшей мѣстомъ мирнаго конгресса—островъ Аландъ. Изъ Троицкаго собора, выходя отъ обѣдни, Петръ пригласилъ всѣхъ поздравлявшихъ его, къ обѣду, окончившемуся только въ пятомъ часу. Немного погодя загорѣлся великолѣпный фейерверкъ, о которомъ заботливо наказывалъ Брюсу князь Меньшиковъ, еще въ августѣ мѣсяцѣ. Во время иллюминаціи, Петръ затѣялъ катанье на буерахъ по Невѣ и потѣхи длились до 10 часовъ. Утромъ (30 октября), до свѣта еще (въ 6-мъ часу) Петръ явился въ адмиралтейство, и выйдя изъ него въ урочный часъ, осматривалъ вновь построенные торговые ряды: мясной и рыбный.

Ноября 1-го проѣздомъ для осмотра невскаго бичевника, побывалъ Петръ въ Невскомъ монастырѣ; 5-го былъ у Леблона, изготовившаго модель Стрѣлинскаго дворца, а оттуда проѣхалъ навѣстить больнаго коменданта Чемесова и крестилъ сына у мастера Кочета; 10-го былъ на свадьбѣ у князя Лобанова; 13-го приказалъ готовить погребеніе царевны Натальи Алексѣевны и 17-го совершилъ его съ приличною церемоніею.

Это печальное событіе, впрочемъ, не было причиною отмѣны обычныхъ празднествъ, какими считались: имянины Меньшикова, Екатерины, Апраксина и орденскій день св. Андрея. Въ декабрѣ, большею частію занимаясь приготовленіями къ конгрессу на Аландѣ, Петръ (15-го числа) издалъ манифестъ о немъ,—въ день отъѣзда своего въ Москву.

Въ древней столицѣ теперь думалъ Петръ, кончить тягостную исторію съ бѣжавшимъ сыномъ. Царевичъ еще 14 октября отправился изъ Неаполя, согласившись ѣхать съ условіемъ: разрѣшенія жить въ своихъ помѣстьяхъ и не отнимать бывшей съ нимъ его любовницы, на которой хотѣлъ онъ жениться. Письмомъ изъ Петербурга, отъ 17 ноября, Петръ подтвердилъ сыну про-

щеніе и исполненіе другихъ его требованій. Слѣдующаго января 31-го числа посланные привезли царевича уже прямо въ Москву, гдѣ Петръ съ семействомъ провелъ всѣ праздники; встрѣтивъ новый годъ обычнымъ торжествомъ и фейерверкомъ. На святкахъ, по привычкѣ, государь «славилъ» по домамъ и осматривалъ фабрики (между прочимъ, заведенную Воронинымъ для выдѣлки солдатскаго сукна). При этомъ Петръ велѣлъ передѣлывать струга, найдя въ зимовавшихъ на Москвѣ рѣкѣ дурную конструкцію, и, въ то же время, писалъ къ Меньшикову, оставленному въ Петербургѣ, о назначеніи новаго князя-папы.

Изъ дѣла возвращавшагося сына зналъ еще Петръ покуда одно его бѣгство, которое искренно уже и простилъ ему. Съ пріѣздомъ Толстаго и отреченіемъ Алексѣя отъ наслѣдства, въ Москвѣ (3 февраля), показанія сторонниковъ царевича при розыскѣ стали выяснять другія стороны процесса. Начали открываться побужденія и дѣйствія преступныя, а спросъ, привезенной въ апрѣлѣ любовницы царевича—Ефросиньи, выяснилъ окончательно намѣренія Алексѣя: его посягательства на престолъ,—даже на жизнь отца и Государя;—при пособіи враговъ его.

Уже крѣпко озабоченный одними первыми открытіями и розыскомъ въ Суздалѣ, пріѣхалъ Петръ въ Петербургъ утромъ 24 марта, продолжать процессъ сына, помѣщеннаго въ домѣ контръ-адмирала Шельтинга, подлѣ дворцовой канцеляріи; сперва еще не подъ арестомъ. Государственныя распоряженія и занятія у царя въ Петербургѣ пошли однако чередомъ, не прерываясь; не измѣнился и образъ жизни его. Вставая рано онъ уходилъ въ адмиралтейство, выставляя къ открытію навигаціи парусную эскадру изъ 25-ти кораблей, 4-хъ фрегатовъ, 2-хъ бомбардъ, съ 11,463-мя человѣками экипажа и 1,586-ю пушками. Апрѣля 25-го уѣхали изъ Або на Аландъ, Брюсъ и Остерманъ, чтобы стараться вырвать у шведскихъ министровъ уступку Россіи: Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи и Финляндіи, до рѣки Кюмени. Мая 22 Петръ самъ отправился въ Кронштотъ, поторопить выходомъ флота. Отъ Петербурга Петръ однако не удалялся, потому что обстоятельства процесса царевича, показали уже ему необходимость предоставить разборъ его семейнаго дѣла, перешедшаго въ государственное—духовенству, министрамъ, сенаторамъ и генералитету. Въ объявленіи отъ 13 іюня, отъ этой коммисіи Петръ требовалъ рѣшенія дѣла «*истиною, чего достойно*, не ѳлатируя мнѣ, и не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ клянусь самимъ Богомъ и судомъ его, въ томъ отнюдь не опасайтеся. Такожъ и не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко Государя вашего, сына, *но не смотря на лицо, дѣлайте правду*». Эта строгая правда, безъ примѣси всякихъ другихъ побужденій, была самымъ дѣйствительнымъ поводомъ наряда Верховнаго Суда. На него смотрѣлъ Царь какъ на единственный путь къ достиженію безпристрастнаго рѣшенія, отнюдь не желая голословнаго осужденія сына.

Передавъ дѣло другимъ и съ такою полною отвѣтственностью, сложенною съ себя, Петръ вполнѣ чистъ отъ обвиненія въ смерти его сына, къ ней приговореннаго судомъ. Несправедливы также и осуждатели великаго, вмѣняющія въ вину ему пытки Алексѣя. Такова была общая процедура судебная для всѣхъ, и Петра слѣдуетъ еще больше уважать что онъ не вмѣши-

вался и не указывалъ судьямъ сына, разъ давъ полномочіе и все положивъ на совѣсть ихъ. Какъ отцу, Петру I-му тяжела была смерть злосчастнаго царевича, но подозрѣнія, *будто бы онъ, избѣгая гласности казни, приказалъ, или разрѣшилъ ее предупредить*—нелѣпость, не согласная не съ характеромъ, ни съ прямодушіемъ Петра, никогда не останавливавшагося передъ формальностью. При открытіи коммисіи о преступленіяхъ Гагарина, Петръ категорически объяснился о себѣ и своихъ отношеніяхъ къ дѣлу царевича. «Я презиралъ», выразился Государь, «всѣ могущія быть въ свѣтѣ разсужденія относительно строгости моей въ наблюденіи правды. Вы видѣли, что наказалъ я преступленіе и сына моего, который, по несчастію, былъ неблагодаренъ, притворенъ и золъ, нежели бы кто надѣяться могъ;—а равно и злодѣяніе тѣхъ, которые имѣли въ преступленіяхъ его участіе. Я надѣюсь, что тѣмъ утвердилъ я главное мое дѣло, могущее учинить народъ россійскій сильнымъ и страшнымъ, а земли мои благополучными». Дѣйствуя по убѣжденію въ правоту своихъ дѣйствій, не боятся даже публичнаго позора и казни люди съ характеромъ, въ малой силѣ котораго, никто уже незаподозритъ Петра I-го. Отчего же, имѣя въ виду откровенную отважность Петра во всѣхъ случаяхъ, прямо не приписать кончину Алексѣя (26 іюня) естественному слѣдствію предъидущихъ обстоятельствъ, пыткамъ и объявленію смертнаго приговора,—а видѣть въ ней наспьственность? Пусть отвѣтятъ на эти вопросы обвинители и клеветники на память Петра, мы же остаемся при высказанномъ убѣжденіи и не находимъ ничего жестокаго въ томъ, что великій монархъ нашъ, при погребеніи сына (30 іюня), велъ себя, ничѣмъ особеннымъ не проявляя наружу внутренняго чувства.—Петръ не любилъ рисоваться нигдѣ и никогда. Что онъ чувствовалъ, того не выставлялъ на показъ. Любилъ онъ родную сестру свою Наталью Алексѣевну, всѣмъ извѣстно, какъ горячо и искренно. Между тѣмъ въ самый день похоронъ ея, никто не замѣтилъ никакой перемѣны въ Государѣ. Да и безполезной скорби монархъ долго не предавался, по смерти послѣдняго своего сына, невиннаго ребенка, объявленнаго наслѣдникомъ престола и горячо любимаго отцомъ. Тѣмъ болѣе не было мѣста ей въ умѣ. если не въ сердцѣ государя, въ эпоху горячаго возбужденія надеждъ и опасеній—веденія аландскаго конгресса, который долженъ былъ кончить почти двадцатилѣтнюю тяжелую войну достойно понесенныхъ жертвъ, заботъ и отягощеній. Геніальный умъ Петра, тогда болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нуженъ былъ для Россіи, чтобы руководить переговорами уполномоченныхъ и взвѣшивать современныя обстоятельства, или выставлять резоны для отвода невыгодныхъ условій и предложеній. Сверхъ того, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что на Аландѣ рѣшались интересы союзниковъ, переманиваемыхъ ганноверскою партіею и англійскимъ королемъ Георгомъ; шведскіе же уполномоченные нарочно длили время. Чтобы принудить ихъ вести дѣло быстрѣе, Петръ изготовивъ въ полномъ составѣ флотъ свой, 16 іюля 1718 года двинулъ его къ Ревелю.

Вмѣстѣ съ княземъ-кесаремъ государь пріѣхалъ на флотъ изъ Петергофа еще 8-го іюля и поднялъ свой флагъ на кораблѣ «Пигерманландъ»; адмиралъ же Апраксинъ находился на кораблѣ «Москва». Новаго кесаря Петръ провезъ мимо всего паруснаго флота на яхтѣ, при крикахъ «ура!» Къ вечеру пріѣхала Екатерина. На слѣдующій день, государь провожалъ больнаго вице-адмирала

Шельтинга на берегъ, а потомъ давалъ обѣдъ на своемъ кораблѣ кесарю Ромадановскому и гетману Скоропадскому. Іюля 11-го провелъ Петръ у князя Меньшикова на Котлинѣ, куда пришли на слѣдующій день галеры и шлюпки, съ моря. Іюли 15-го явились сюда же на рейдъ 38 купеческихъ кораблей, а на утро, при попутномъ юго-восточномъ вѣтрѣ флотъ вступилъ подъ паруса. Съ поднятіемъ краснаго флага на крюйсъ-стеньгѣ, отсалютовавъ Кронштлоту, эскадра двинулась, пустивъ впереди себя 4 галеры и 50 карбусовъ. Іюля 19-го флотъ бросилъ якорь передъ Ревелемъ, гдѣ уже находился голландскій вице-адмиралъ фонъ-Коперъ съ 7-ю кораблями. Голландская эскадра ушла 21 іюля и Петръ переѣхалъ въ Екатериненталь, гдѣ на слѣдующій день, архитекторъ Микетти съ государемъ «размѣривали фундаментъ гдѣ быть палатамъ и огороду».Ославъ 28-го іюля капитанъ-командора Гордона съ 6-ю кораблями на крейсерство, Петръ посѣтилъ голландскій корабль (31-го числа), на слѣдующій день отправившись съ эскадрою на сѣверъ. Августа 4-го государь прибылъ къ Гангеудду, куда 6-го числа пришли съ гвардіею на галерахъ князья Михаилъ и Петръ Михайловичи Голицыны. Но, двинулись съ галерами всѣ въ море, отсюда, только 12 августа; черезъ день прійдя къ Або и 17-го числа—къ мѣсту стоянки галернаго флота, при остр. Ашерлотѣ. Здѣсь Петръ дѣлалъ маневры всѣми галерами, которыхъ оказалось на лицо 121. Дѣля время и труды съ своими моряками-сотрудниками въ галерномъ флотѣ Петръ получилъ письмо жены о рожденіи дочери,—царевны Натальи Петровны, 20 августа.

Государь въ это время безпокоился о Екатеринѣ, находившейся въ послѣднемъ періодѣ беременности. Безпокойство свое царственный супругъ выразилъ въ письмѣ 25 августа, отъ урочища Ашерлота.

«Катеринушка, другъ мой сердешнинкой, здравствуй!

«Отсель новова писать неімѣю только что слава Богу все благополучно; только я не безъ печали, что такъ долго отъ тебя писемъ нѣтъ, а наипаче понеже время къ рожденію пришло. Пожалуй пиши чаще.

Петръ.

Вслѣдъ за отсылкою письма, получивъ радостную вѣсть о здоровьѣ матери и дочери, Петръ угостилъ 26 августа флагмановъ и министровъ на берегу въ палаткахъ, при салютахъ артиллеріи. Августа же 27-го галерная эскадра пошла снова въ Гангеудду, здѣсь оставлены были пять кораблей, и 29-го пришла къ Гельсингфорсу, Здѣсь была остановка на день. Сентября 1-го Петръ явился на корабельный флотъ, стоявшій у Березовыхъ острововъ и поднялъ свой флагъ опять на «Ингерманландѣ», на этотъ разъ препровождая его уже на зимовку къ Кронштлоту, на слѣдующій день, а 3-го сентября подъ вечеръ, съ галерами вступилъ торжественно, въ Петербургъ, отрапортовавъ князю-папѣ объ успѣхѣ экспедиціи.

Къ Або Петръ заходилъ—чтобы быть поближе къ конгрессу, гдѣ Герцъ, уступая остзейскій край, отстаивалъ Выборгъ. На Аландѣ дѣло видимо затянулось и, осенью, когда министръ Карла XII поѣхалъ къ своему государю возбужденному министромъ Миллеромъ противъ Россіи и требованія съ нашей стороны остановились на Кекгольмѣ. Герцъ надѣялся склонить Карла на необходимую жертву; уже не настаивая и на помощи царя противъ Даніи. Но, миновали четыре недѣли, назначенныя Герцомъ, а онъ не возвращался. Такъ прошло время до

23-го декабря, когда узнали вѣрно, что Карлъ XII убитъ передъ Фридрихсгалемъ, а Герцъ—арестованъ; заподозрѣнный врагами своими въ предательствѣ, ради уступчивости русскимъ. При извѣстіи объ этомъ, Остерманъ уѣхалъ съ Аланда, а Брюсу въ слѣдующемъ февралѣ объявлено, что, наслѣдница Карла XII, королева Ульрика Элеонора не прочь отъ мира, но что шведы будутъ сильно отстаивать за собою Лифляндію и Эстляндію. Такъ и пропала надежда на конгрессъ на Аландѣ, отвлекшись которымъ мы оставили Петра I, съ прибытія его въ Петербургъ.

Въ первой половинѣ сентября 1718 года, живя въ своемъ «парадизѣ», Петръ наконецъ приступилъ къосуществленію давняго желанія: соединить Неву съ Волховымъ посредствомъ канала, параллельно Ладожскому озеру. Для рытья его, указомъ 19 сентября положено собрать работниковъ со всего государства, *съ двадцати дворовъ по человѣку*. Работники должны были явиться къ апрѣлю мѣсяцу будущаго 1719 года и всю операцію назначено выполнить въ двухъ-лѣтній срокъ; что, какъ извѣстно, замедлилось потомъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Нарядъ натурою тоже замѣненъ денежнымъ сборомъ, и на суммы этого взноса, признано выгоднѣйшимъ нанимать работниковъ съ воли. Вмѣстѣ съ Ладожскимъ каналомъ проэктировалъ Петръ, въ это же время, десяти-верстный каналъ на Вытегрѣ и задумалъ провести вдоль Невы каналъ, для обхода пороговъ, казавшихся тогда страшными. Среди глубокаго и всесторонняго обдумыванія всѣхъ этихъ сложныхъ плановъ и предположеній, заложилъ Государь 28-го сентября 70-ти-пушечный корабль въ Адмиралтействѣ; собираясь самъ его строить. Первую половину октября (съ 2-го по 17-е число) Петръ I провелъ въ загородныхъ дворцахъ своихъ: въ осмотрѣ производившихся тамъ работъ; для той же цѣли три раза ѣздилъ онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ и на Котлинъ островъ. Сюда между прочимъ Петръ взялъ въ это время съ собою, на буеръ, министровъ иностранныхъ дворовъ, въ числѣ которыхъ былъ и саксонскій посланникъ Лефортъ. На половинѣ дороги путешественники попали въ штормъ. Лефортъ, больше всѣхъ перепуганный, обратился къ Государю съ просьбою: приказать править къ берегу; прибавивъ, что въ случаѣ его гибели правительство можетъ потребовать за это удовлетворенія.

— «Будьте покойны», смѣясь отвѣтилъ ему Петръ, «если вы погибнете, тогда и мы всѣ погибнемъ. Вашему двору, поэтому, не съ кого будетъ взыскивать».

Въ октябрѣ же мѣсяцѣ этого года, Царь ѣздилъ на праздникъ взятія Шлиссельбурга и тамъ видѣлся съ своей сестрою, Царевной Маріей Алексѣевной, заключенной въ крѣпости по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича. На обратномъ пути, остановясь у пороговъ, Петръ особенно внимательно разсматривалъ, и ихъ и сосѣдніе берега, но, вѣроятно, не пришелъ къ положительному заключенію. Въ настоящемъ ноябрѣ мѣсяцѣ царь занялся устройствомъ въ столицѣ своей коллегій, порядкомъ засѣданій въ нихъ и веденія дѣлъ. Въ это же время, Петръ думая организовать земское управленіе въ губерніяхъ, по шведскому образцу, съ этою цѣлью перевелъ самъ на русскій съ шведскаго, названія шведскихъ земскихъ чиновъ, а ноября 26-го издалъ знаменитый свой указъ объ ассамблеяхъ, гдѣ все самое существенное, принадле-

житъ перу его самаго. Самъ же онъ, для всѣхъ статскихъ и военныхъ чиновъ съ ихъ семействами, далъ у себя и первую пробную ассамблею, 2-го декабря, продолжавшуюся до назначеннаго въ указѣ срока, а именно до 11-го часа вечера. Шестаго декабря, въ Николинъ день, Государь слѣлалъ вторую *очередную* уже ассамблею у гофмаршала Олсуфьева, и, отобѣдавъ въ этотъ день у маіора артиллеріи Витвера, самъ пріѣхалъ въ собраніе въ 4 часа пополудни, пробывъ до урочнаго срока; на слѣдующій день, назначивъ ассамблею у графа Апраксина. Затѣмъ слѣдовали ассамблеи у Толстаго, Головкина, Шафирова и Крюйса; каждая черезъ день. Теперь начатъ процессъ сибирскаго губернатора князя Гагарина, о злоупотребленіяхъ котораго Петръ получилъ уже достаточныя убѣжденія и послалъ подполковника Бухгольца на мѣсто, *для узнанія правды*, по поводу поступавшихъ безчисленныхъ на него жалобъ. Въ числѣ заступниковъ за этого вельможу, была сама Екатерина I, но и она не успѣла остановить справедливаго гнѣва супруга. Въ это же время получилъ Петръ печальное извѣстіе о смерти своего архіатера Арескина на Олонцѣ. Изслѣдовавъ минеральныя воды, достойный врачь поѣхалъ туда пользоваться ими, но было уже слишкомъ поздно. На мѣсто Арескина назначивъ Блюментроста, Государь велѣлъ тѣло заслуженнаго врача своего привести въ Петербургъ, что бы устроить ему торжественное погребеніе. На праздникахъ послѣдовали конференціи Царя съ возвратившимся изъ посольства въ Персію, Волынскимъ, теперь назначеннымъ губернаторомъ въ Астрахань. Объяснивъ Петру положеніе дѣлъ въ Прикаспійскихъ странахъ, онъ далъ предпріимчивому Государю первую идею персидскаго похода, исполненнаго четыре года спустя. Занятіями съ Волынскимъ, Петръ и окончилъ этотъ тяжелый годъ страшныхъ розысковъ и грозы, разразившейся надъ многими домами вельможъ и богачей. Въ послѣдній уже день его государь отдалъ приказъ завести морскую типографію. Обычное торжество новаго 1719 года на этотъ разъ замѣчательно тѣмъ именно, что Петръ I для принятія поздравленій пріѣхалъ съ княземъ Меньшиковымъ въ отстроенную совсѣмъ военную коллегію, и изъ нея уже, со всѣми чинами прошелъ въ Троицкій соборъ слушать литургію. Послѣ обѣдни и молебна, всѣ, сопутствовавшіе Государю въ соборъ, приглашены были къ обѣду въ зданіе военной же коллегіи, передъ которою вечеромъ зажженъ былъ и роскошный фейерверкъ. На другой день, 2-го января, уже въ 5 часовъ утра Петръ писалъ инструкцію: отправляемымъ въ Камчатку геодезистамъ. Послѣ обычнаго военнаго парада въ Богоявленіе, когда отъ Исаакія самъ Государь проѣхалъ въ Преображенскій полкъ и привелъ его на Іордань, — черезъ день открылъ самъ Государь дѣйствія военной коллегіи, прибывъ къ засѣданію въ 6 часовъ утра и просидѣвъ до 11 часовъ. На слѣдующій же день (9 января) Петръ получилъ окончательное подтвержденіе смерти Карла XII съ полнымъ выясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ ея. Января 11-го, въ воскресенье, послѣ обѣдни Царь заложилъ военный корабль въ Адмиралтействѣ, а послѣ закладки былъ у Чернышева, Ѳеофана Прокоповича и генералъ-полицеймейстера Дивіера.

Января 15-го ѣздилъ Петръ распорядиться работами: на Котлинъ, а 17-го похоронилъ стараго сенатора Тихона Никитича Стрешнева. Государь уважая службу скончавшагося, нетолько почтилъ присутствіемъ своимъ погребеніе тѣла его, но и шелъ въ траурѣ за гробомъ его, до самаго Невскаго монастыря.

По окончаніи погребенія, зайдя въ келью къ архимандриту, настоятелюмонастыря—Ѳеодосію, и побывъ у него немного, царь успѣлъ того же вечера отправить двухъ якорныхъ мастеровъ да одного кузнеца, на якорные заводы, въ Нижній Новгородъ и въ Тихвинъ. На слѣдующій день Петръ I былъ на ассамблеѣ у генерала Вейде и того же числа, отправилъ въ Астрахань для точнѣйшаго описанія и измѣренія Каспійскаго моря, надежныхъ офицеровъ, фонъ Вердена и Соймонова.

Января 19, Петръ съ дворомъ своимъ отправился къ открывшимся въ Олонцѣ минеральнымъ водамъ, повелѣвъ за собою слѣдовать туда супругѣ. Царь захотѣлъ лично испытать на себѣ дѣйствіе минеральныхъ водъ, узнавъ изъ рапорта своего лейбъ-медика, что употребленіе ихъ можетъ быть полезно въ каменной болѣзни и при разстройствѣ пищеваренія. Теперь туда Государь еще отправился въ первый разъ, и живя въ Олонцѣ во время курса водъ, по случаю глубокаго снѣга не выходилъ изъ комнаты, играя въ шахматы, да работая на новомъ токарномъ станкѣ своемъ, привезенномъ изъ-за границы. Здоровье Государя съ перваго употребленія олонецкихъ минеральныхъ водъ поправилось примѣтно, и—вотъ причина, почему въ каждомъ изъ послѣднихъ годовъ своей жизни, онъ въ концѣ зимы непремѣнно уѣзжалъ сюда лечиться. Это вошло у него даже въ обычай.

Изъ Петербурга, черезъ Петровскіе заводы, къ новооткрытымъ минеральнымъ водамъ, или какъ называлъ ихъ самъ Петръ,—Марціальнымъ водамъ,—ѣхалъ Царь озерами Онежскимъ и Холмъ-озеромъ, рѣкою Шуею и озерами Ушка и Кончь; всюду измѣряя глубину при проѣздѣ и записывая. Отъ 6-го февраля, въ письмѣ къ Меньшикову, Петръ самъ выражаетъ похвалу Кончезерскимъ минеральнымъ водамъ, цѣлебную силу ихъ находя несравненно дѣйствительнѣе водъ Пирмонта и Спа. Отъ 12-го же февраля, прислалъ изъ Олонца Государь указъ о застройкѣ Васильевскаго острова каменными домами царедворцевъ, соразмѣрно числу душъ крестьянъ, которыми они владѣли. Окончивъ курсъ водъ, Царь велѣлъ олонецкому коменданту Геннину, построить при минеральныхъ источникахъ галлерею и помѣщеніе для пріѣзжающихъ, надѣясь, что пользоваться водами будутъ многіе. Петръ впослѣдствіи всѣмъ рекомендовалъ ѣхать на олонецкіе воды лечиться, выставляя въ примѣръ себя. По возвращеніи въ Петербургъ, 3-го марта, найдя Меньшикова больнымъ, царь ему первому совѣтовалъ теперь же отправляться; но, дѣло обошлось безъ поѣздки. Въ день возвращенія въ Петербургъ, Царь подписалъ регламентъ коммерцъколлегіи, который кончилъ просмотромъ еще на минеральныхъ водахъ; 9-го же числа написалъ указъ сенату съ приложеніемъ этого регламента, для отсылки по принадлежности. Съ двадцать втораго марта возобновились ассамблеи, прерывавшіяся страстною недѣлею, а марта 29-го былъ день Пасхи, проведенный Царемъ у князя Меньшикова. Перваго апрѣля отправивъ на конгрессъ Остермана пріѣзжавшаго съ Аланда и уѣзжавшаго съ новою инструкціею вмѣстѣ съ прусскимъ министромъ,—десятаго числа того же мѣсяца Петръ сдѣлалъ въ Невскомъ монастырѣ торжественное погребеніе тѣла фельдмаршала Шереметева, умершаго въ Москвѣ 10-го февраля и привезеннаго сюда по Высочайшему указу. За этою потерею послѣдовала еще болѣе тяжкая. Царевичъ Петръ Петровичъ, достигшій уже трехъ лѣтъ, скончался почти внезапно, 25-го

апрѣля, вызвавъ глубокую печаль матери и отца, также, впрочемъ, не остановившаго обычный ходъ государственной машины. Апрѣля 28-го онъ спускаетъ корабль, мая 1-го ѣдетъ на Котлинъ распорядиться работами канала, а на другой день своего рожденія выводитъ на рейдъ галерную эскадру и съ нею, да съ флотомъ, пускается въ походъ (9-го іюня) къ Ревелю, а за тѣмъ къ берегамъ Финляндіи.

О морской кампаніи 1719 года сохранились собственноручныя замѣтки Петра Великаго, на бѣлыхъ страницахъ листоваго календаря. Замѣтками этими мы здѣсь и воспользуемся, чтобы разсказать, словами самаго государя, ходъ дѣла въ его присутствіи, или лучше сказать, его личное участіе въ операціяхъ. іюня 9-го, «во имя Господне, флотъ корабельный и галерный въ девятомъ часу вечера якори выняли и пошли въ путь. Вѣтръ былъ нордъ-остъ лабаркультъ». Подаваясь ночью къ западу, на слѣдующій день, послѣ полудня прошли Гохландъ, когда поручикъ Гарбау подалъ пакетъ съ письмами изъ Ревеля. На слѣдующій день, при дождѣ, подулъ противный вѣтръ, заставившій воротиться въ ночь къ Гохланду и стать на верпахъ. Непогода преслѣдовала великаго морехода до 16-го іюня, когда наступила тишь, продолжавшаяся до ночи. Только 17-го іюня удалось ему дойти до Ревеля. 22 числа при продолжающейся невозможности двинуться далѣе, Петръ сухимъ путемъ поѣхалъ въ Рогервикъ, сдавъ команду Сиверсу и Гордону. Проведя здѣсь почти два дня и дождавшись прихода флота, съ нимъ Петръ переправился къ Генгеудду, гдѣ и праздновалъ царь день полтавской побѣды: молебствіемъ, съ залпами орудій съ кораблей и ружейнымъ огнемъ пѣхоты на берегу. Задавъ въ имянины свои адмиралу *и прочимъ* (флагманамъ), пиръ на кораблѣ «Ингерманландъ» и приказавъ выдвинуться флоту, Петръ іюля 1-го сильно заболѣлъ,—«такъ что изъ избы господина Шафирова не могъ выйдти: припалъ жаръ; а корабли уже якорь вынимали. Того ради приказалъ команду шаутбейнахту Сиверсу, а себя велѣлъ шхерами больнаго весть»,—замѣчаетъ при этомъ государь; помѣстивъ, подъ четвертымъ числомъ іюля утѣшительную фразу—«получше стало». Между тѣмъ, болѣзнь эта, всѣхъ напугавшая, самому царственному больному не мѣшала думать о государственныхъ интересахъ. Едва почувствовавъ облегченіе, и, по приходѣ къ острову Ламеландту, замѣтивъ 5-го іюля шхерботъ, посланный съ Аланда въ Швецію, Петръ тотчасъ вызвалъ къ себѣ Апраксина и на другой же день по пріѣздѣ его (7 іюля) собралъ военный совѣтъ для опредѣленія предстоящихъ операцій. Энергія выгнала изъ неутомимаго монарха послѣдніе симптомы болѣзни. Пускаясь прежде всѣхъ приводить въ исполненіе принятое рѣшеніе, Петръ, 8 іюля, уже свѣжій и бодрый, какъ всегда, поѣхалъ на свой корабль и тотчасъ же отправилъ къ шведскимъ берегамъ капитанъ-командора Наума Синявина съ 4-мя кораблями, приказавъ ему отъ Фюрбакена до Жингиншеръ осмотрѣть: есть ли какіе непріятельскіе корабли? Одновременно послалъ государь еще на югъ капитана Лони съ этою же цѣлью, на кораблѣ; велѣвъ ему крейсировать «междо Фюрбакеномъ и Ламеландовой косой». На слѣдующій день собралъ Петръ «опять совѣтъ, на которомъ рѣшено отправить, съ первымъ добрымъ вѣтромъ» галеры въ шведскія шхеры а парусному флоту прикрывать ихъ. Совѣтъ продолжался и на слѣдующій день, когда утромъ прибылъ отъ шведской королевы къ государю бригадиръ Коетъ съ благодарностью за присылку Лефорта: съ поздравле-

ніемъ о вступленіи ея величества на престолъ. Любезность эта со стороны королевы имѣла конечно и практическую цѣль: дознаніе что дѣлаетъ царь; а онъ въ это время двинулъ галеры по назначенію, хотя кораблямъ итти и нельзя было по случаю затишья. Іюля 11-го Синявинъ воротясь привелъ 3 шведскія шкуты, которыхъ онъ обманулъ, выкидывая шведскій флагъ. На счетъ же непріятеля, привезъ крейсеръ положительное удостовѣреніе, что кораблей шведскихъ нѣтъ нигдѣ. Синявину дано 7 кораблей и предписано узнать у шведскаго берега: гдѣ адмиралъ съ галерами. Коетъ отпущенъ на слѣдующій день и съ нимъ, въ Стокгольмъ, отправился тонкій дипломать Остерманъ. Адмиралъ Апраксинъ далъ о себѣ знать, а 15-го числа снова воротившійся Синявинъ, донесъ о начатіи жженія деревень непріятельскихъ по берегу. Петръ теперь только желалъ получить извѣстія о парусномъ флотѣ нашемъ, посланномъ къ Копенгагену для задержки англійскаго адмирала Норриса, который присылалъ еще 25 іюля письмо къ государю съ отвѣтомъ на его писаніе. Черезъ пять дней прислалъ донесеніе и генералъ Ласси о бывшемъ у него боѣ съ шведами (20 числа) при Капелѣ и сожженіи городовъ Лостоброна, Гохстнана, королевской мызы и 7-ми желѣзныхъ заводовъ. Нанеся возможный вредъ непріятелю, Ласси самъ явился къ государю 16 августа а, день спустя, посланъ Петромъ приказъ Апраксину воротиться. По этому приказу онъ соединился съ главными силами 21-го числа. Оставивъ вице-адмираловъ Сиверса и Гордона при Ревелѣ, Петръ съ адмираломъ, окончивъ кампанію, отправились въ Петербургъ. Царь ограничился на этотъ разъ отнятіемъ подвоза хлѣба у шведовъ, разсчитывая, что народный голодъ заставитъ правительство королевы быть уступчивѣе, послѣ доказаннаго безсилія союзниковъ Швеціи: остановить побѣды наши. Извѣстно всѣмъ уже было, что не смотря на нахожденіе въ Балтійскомъ морѣ англійскаго флота, командуемаго старымъ пріятелемъ Государя, Норрисомъ, генералъ Ласси сжегъ города: Норкепингъ, Нюкепингъ, Зедертельге, Троза, Эстгаммеръ, Эре-Грундъ, со множествомъ деревень и селеній, разоривъ нѣсколько желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ,—пока собралось шведское войско и выступило изъ Упсалы. Караулы же его снимались козаками даже въ полу-милѣ отъ Стокгольма. Испуганная не на шутку, королева прислала, бывшаго въ Стокгольмѣ, нашего дипломата Остермана съ предложеніемъ: отдать Нарву, Ревель и Эстляндію. Видя, однако, что изъ этого толку не будетъ, Петръ предписалъ (21-го августа): черезъ двѣ недѣли,—если негоціяція не состоится по нашимъ требованіямъ — уѣхать съ Аланда. И,—конгрессъ совсѣмъ уже разорвался. Съ своей же стороны Петръ какъ мы видѣли окончилъ кампанію 1719 г., съ блистательнымъ успѣхомъ, хотя и довольно рано; не желая болѣе уже ничѣмъ жертвовать съ своей стороны и не ожидая отъ осени большихъ результатовъ, чѣмъ полученные лѣтомъ.

Августа 30-го, въ 10-мъ часу утра, совершилъ потому Петръ торжественный въѣздъ свой въ Петербургъ «изъ Катерингофа, съ галерами». Впереди шелъ Апраксинъ, занимъ — Царь имѣя на галерѣ своей вице-адмиральскій флагъ. За государемъ слѣдовалъ генералъ-поручикъ Бутурлинъ, и, позади него, на двухъ галерахъ, дипломаты: Головкинъ и Шафировъ. При проходѣ галеръ крѣпости салютовали, и, проѣхавъ мимо ихъ суда пристали къ троицкой пристани, гдѣ государь, встрѣченный моряками, въ сопровожденіи своихъ соратниковъ, вступилъ въ троицкій соборъ. Здѣсь, послѣ обѣдни, отправлено «молебствіе съ благо-

дареніемъ Богу за всѣ дѣла, которыя въ сей компаніи учинены въ пользу его царскаго величества». Въ заключеніе читаны реляціи. Обѣдъ у князя Меньшикова и иллюминація вечеромъ судовъ закончили торжество. Сентября 6-го Петръ обѣдалъ у своего князя-кесаря и затѣмъ спустилъ 12-ти пушечный фрегатъ «Каперъ». Преосвященные же Стефанъ и Ѳеофанъ, 6 и 8 сентября, произносили въ Троицкомъ соборѣ проповѣди «о благополучныхъ дѣйствахъ оружія россійскаго»,—въ присутствіи государя и его семейства. Сентября 17-го Петръ I-й созывалъ невскій флотъ для экзерциій, на слѣдующій день спустивъ на воду, присланную изъ Голландіи, и здѣсь собранную яхту. Успѣхи оружія видимо радовали монарха, представляя ему благопріятный и близкій конецъ продолжительной борьбы съ Швеціею. Въ годовщину «Лѣснаго» Петръ опять сдѣлалъ праздникъ. Въ еловой аллеѣ передъ галлереею, гдѣ приготовленъ былъ столъ для гостей, на Невѣ поставленъ былъ взятый у Шведовъ фрегатъ и вечеромъ, на водѣ, устроена огненная потѣха. Освѣщенный транспарантъ представлялъ на пьедесталѣ фигуру Марса въ латахъ, съ державою въ одной рукѣ, опершагося на якорь, съ надписью: «Милость Божія съ нами».

Этого кажется не хотѣла только признать одна преемница Карла XII, чего-то, будто, все еще ожидавшая.

Можно заключить, что главною причиною упорства королевы теперь были договоры: съ Англіею о помощи флотомъ, и съ Франціею—о субсидіяхъ. Петръ въ девизѣ на иллюминаціи въ новый 1720 годъ показалъ, какъ онъ смотритъ на обѣщанія эти, даваемыя Швеціи благопріятелями. Главный щитъ представлялъ статую на горѣ и внизу подпись «помощію ни что же успѣютъ»;—какъ и случилось.

Осенью 1719 года, совершилъ государь двѣ поѣздки. Изъ Шлиссельбурга (съ 12-го по 15-е октября) ѣздилъ Петръ до Ладоги,—осматривать каналъ, начатый въ этомъ городѣ капитанъ-поручикомъ Писаревымъ, у котораго Петръ отобѣдавъ, посѣтилъ и еверсъ купца Барсукова, лично извѣстнаго монарху своею предпріимчивостью. Затѣмъ, воротясь въ столицу, къ празднованію годовщины Полтавской побѣды,—государь пустилъ воду въ каналъ, вырытый у почтоваго двора (21 октября), а потомъ на три дня (26—28 октября) отъѣзжалъ въ Дубки и на Лисій носъ. Съ 16-го числа декабря приступилъ Петръ къ чтенію морскаго регламента, передъ тѣмъ (8 дек.) устроивъ у себя во дворѣ первую ассамблею въ этотъ сезонъ. Легкое нездоровье миновало въ это время безслѣдно для организма государя.

Первые два мѣсяца 1720 года провелъ Петръ I въ Петербургѣ, занимаясь своимъ регламентомъ, посѣщая домы своихъ сотрудниковъ и очередныя ассамблеи, да, бывая на свадьбахъ. Маскерадныя потѣхи на этотъ разъ были особенно оригинальны. Еще февраля 7 го была репетиція шутовской сцены «ѣздили на быкахъ, на собакахъ, на медвѣдѣ и на козлахъ» а, въ послѣдній день масляницы (28 февраля) «было ношеніе князь-папы въ ковшикѣ, на собакѣ». На другой день, государь уѣхалъ на олонецкія минеральныя воды, прибывъ на заводы 2 марта а, наканунѣ принявъ угощеніе отъ посадскихъ на Олонцѣ. Посѣтивъ всѣ мастерскія на заводахъ и дождавшись тамъ прибытія супруги, Петръ и Екатерина, 6-го марта, переѣхали къ минеральному источнику, гдѣ въ питьѣ водъ и провела царственная чета 6 дней.

Проведя за тѣмъ три дня на заводахъ, обыденкою Петръ прибылъ въ Ладогу, и къ вечеру воротился въ столицу (27 марта), гдѣ умерла въ это время, извѣстная всѣмъ, князь-игуменья Ржевская, погребеніе которой почтилъ монархъ своимъ присутствіемъ. Апрѣля же 7-го Царь увидѣлся съ польскимъ посломъ Хоментовскимъ.

Въ это время дѣла наши, послѣ смерти Карла XII сдѣлавшіяся нѣсколько сомнительными, во всѣхъ мѣстахъ приняли лучшее положеніе. Передъ тѣмъ выславъ изъ Вѣны нашего резидента Веселовскаго,—злобясь на раскрытіе участія Плеера и своего въ дѣлѣ царевича,—австрійскій дворъ скоро спохватился, что сдѣлалъ промахъ, и весною 1720 года, прислалъ Ягужинскаго, чуть не съ распростертыми объятіями. Тогда уже императоръ Карлъ IV злобился на Англію и не довѣрялъ ей. И Августъ II измѣнилъ свои отношенія къ Петру I, видя, что Онъ одинъ, думая о своемъ дѣлѣ и интересахъ, успѣваетъ безъ чужой помощи. Нахожденіе англійскаго флота въ Балтикѣ и, даже, въ Финскомъ заливѣ, не мѣшало, какъ увидѣли, опустошенію русскими шведскихъ береговъ.

Морская же кампанія паруснаго флота въ 1720 году, какъ извѣстно, не состоялась, потому что англійскій флотъ въ составѣ 24-хъ кораблей, да 9-ти шведскихъ помѣшалъ намъ выйти изъ гавани и, угрожая даже бомбардированіемъ Ревелю. Поэтому, Петръ I оставался лѣто въ Петербургѣ, выѣзжая только въ Выборгъ. Дѣйствовали одни гребныя суда. Князь М. М. Голицынъ, пришедшій отъ Або къ Ламеланду еще 27 апрѣля только къ шведскимъ берегамъ послалъ тогда же бригадира фонъ-Менгдена съ 35 галерами и 6,000 чел. Въ Ревелѣ оставался съ 20-ю галерами и 14-ю островскими лодками, князь П. М. Голицынъ. Котлинъ укрѣпленъ рогатками и бонами, а на берегу построены были сильныя батареи, не меньше какъ до 300 орудій. Сверхъ того затоплены три старые корабля, («Михаилъ», «Гавріилъ» и «Перлъ»), да три корабля («Лѣсной», «Гангутъ» и «Викторія») поставлены между Кронштотомъ, да военною и торговою гаванями. Петръ, какъ видно, ожидалъ самаго энергическаго нападенія на Котлинъ, потому что въ указѣ командиру котлинской эскадры, вице-адмиралу Сиверсу, отъ 18 мая, предписывалъ «оборону флота и сего мѣста имѣть до послѣдней силы и живота, яко главнѣйшее дѣло». На самомъ дѣлѣ англичане были другихъ мыслей на этотъ счетъ и, довольные блокадою гаваней, другихъ враждебныхъ дѣйствій не предпринимали; запрещая и шведамъ разорять мѣста, гдѣ проходили. Между тѣмъ Менгденъ, дойдя по назначенію, въ теченіе мая мѣсяца уничтожилъ оба города Умео (старый и новый), два королевскихъ замка, 41 деревню (1026 дворовъ), 17 мельницъ, 43 амбара и захватилъ 14 судовъ, да 600 головъ рогатаго скота, заходя на землю далѣе 5 миль отъ берега. Іюля 26 Менгденъ присоединился въ Або къ главнымъ силамъ Голицына, по указу государя въ іюлѣ собравшаго всѣ галеры въ числѣ 61, да имѣвшаго еще 29 островскихъ лодокъ. Іюля 25 Голицынъ открылъ небольшую шведскую эскадру у острова Риза-Эранъ (между Гельсингфорсомъ и Або) въ составѣ 1 корабля, 4-хъ фрегатовъ и 3-хъ шхерботовъ, шнявы, гальета и бригантины. Іюля 27 подойдя къ острову Грейнгаму, Голицынъ увидѣлъ идущихъ на него въ аттаку шведовъ и, въ свою очередь скомандовалъ, на обордажъ. Враги воротились, но поспѣшно отступая, 2 фрегата посадили на мель. Два другіе—подъ парусами взяты нашимъ оружіемъ, послѣ сильнаго сопро-

тивленія, во время котораго враговъ побита четвертая часть. Получивъ извѣстіе объ этомъ блистательномъ подвигѣ нотеборгскаго героя, отъ маіора Шипова, Петръ написалъ ему (отъ 8 августа) «зѣло вамъ и съ вами трудившимся благодарствую и будемъ платить за труды». А Меньшикову (отъ 8 августа) сообщилъ, давая настоящій вѣсъ побѣдѣ при современныхъ обстоятельствахъ.—«Правда, не малая викторія можетъ причесться, а наипаче, что при очахъ англійскихъ, которые равно шведовъ обороняли, какъ ихъ земли такъ и флотъ». Отъ того же числа, разославъ сообщенія о гренгамской викторіи русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, Петръ I приписалъ въ цидулѣ: «сіи вѣдомости, какъ возможно, потщитесь разгласить, напечатавъ въ газетахъ.

Въ это время явился къ Петру голландскій резидентъ Де-Вильде, получившій отъ Петра аудіенцію въ адмиралтействѣ, на палубѣ галеры, назначенной къ спуску, за которымъ слѣдовало празднество, по поводу Гренгама. Вильде, какъ очевидецъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ происходившаго, въ депешѣ приводитъ подробности, свидѣтельствовавшія радость государя при полученіи реляціи отъ Шилова о побѣдѣ. Курьеръ подалъ Петру пакетъ при выходѣ его отъ обѣдни, въ день Преображенія. Прочитавъ тутъ же содержаніе донесенія, государь воротился въ церковь, велѣвъ служить молебенъ и послѣ него,—дать три выстрѣла съ крѣпости.

Передъ радостною вѣстью, Петръ только 3-го августа воротился изъ поѣздки моремъ въ Выборгъ. Уѣхалъ же онъ, 18 іюля, для осмотра новыхъ галеръ. Вызвавъ потомъ Апраксина къ Красной-Горкѣ, къ выведеннымъ новымъ пяти кораблямъ, царь пробовалъ ходъ ихъ съ адмираломъ 28—30 іюля; а за тѣмъ пришелъ къ Котлину, и переѣхалъ въ Петергофъ. Въ бытность свою здѣсь государь, 1-го августа, ѣздилъ верхомъ отыскивать мѣста, откуда бы провести воду для снабженія петергофскихъ фонтановъ, каскадовъ и прудовъ. Петръ заѣхалъ за 12 верстъ, и нашелъ достаточный источникъ, у рѣчки *Апрекелъ*. Воротясь въ *монплезиръ*, государь угостилъ обѣдомъ адмирала и морскихъ офицеровъ, здѣсь гостившихъ; оставивъ только баса Головина и вечеромъ устроивъ катанье по садамъ, на линейкахъ.

На радостяхъ гренгамской побѣды, 7-го августа Петръ спустилъ двѣ галеры французскаго дѣла «Викторія» и «Постоянство» — причемъ былъ, какъ указали мы, резидентъ Де-Вильде, назвавшій празднествомъ гулянье, такъ какъ въ юрналѣ въ этотъ день только записано, послѣ спуска галеръ, «веселились на оныхъ и гуляли въ огородахъ». Августа же 11-го Петръ съ Екатериною устроили соколью охоту «ѣздили за охотой, съ птицами и съ собаками,»—на Дудергофѣ. Августа 17-го устроена была государемъ на Невѣ гонка буеровъ, послѣ обѣда, даннаго княземъ Контемиромъ. Августа 21-го входилъ Петръ I на оконченную уже постройкою башню Петропавловскаго собора и съ нея смотрѣлъ не безъ удовольствія на свой Петербургъ, видимо принимавшій характеръ большаго, даже благоустроеннаго, города. Черезъ три дня прибыли къ Котлину взятые фрегаты и Петръ полетѣлъ ихъ осматривать. Подъѣхавъ къ нимъ еще въ морѣ, царь самъ привелъ ихъ на другой день къ острову, на слѣдующій вечеръ, будто по случаю имянинъ двухгодовалой дочери, устроивъ иллюминацію въ саду. Занявшись приготовленіемъ торжественному пріему

плѣненныхъ судовъ, по своему вкусу, Петръ еще разъ посѣтилъ плѣнниковъ 6 сентября и въ праздникъ Рождества Богородицы совершилъ вводъ фрегатовъ въ свою столицу, устроивъ фейерверкъ и катанье на буерахъ.

Послѣ этого торжества, Петра въ эту осень видѣли на многихъ свадьбахъ, которые, какъ извѣстно, онъ не только съ большою охотою устраивалъ но и любилъ бывать при этомъ въ роли маршала, посаженаго отца или, даже, главнаго шафера. Спуски кораблей: «Астрахань» (2 окт.) и «Св. Петръ» (5 октября), посѣщеніе Шлиссельбурга, имянины разныхъ лицъ и членовъ императорскаго дома, да, начатыя 27-го ноября, ассамблеи—давали случай видѣть дѣятельнаго государя со всею безпритязательностью и простотою обращенія его съ подданными, истинно отеческою. Въ этотъ годъ смерть также разрядила кучку вѣрныхъ слугъ Петра, дѣлившихъ съ нимъ и радости и невзгоды, вырвавъ изъ кружка нѣсколько особъ, пользовавшихся близостью къ монарху. Государь, признательный къ заслугамъ, въ этотъ годъ похоронилъ генераловъ: Автонома, Мих. Головина и Вейде—недолго пожившихъ по возвращеніи изъ шведскаго плѣна, да оберъ-коменданта петербургскаго, Романа Вал. Брюса.

Вслѣдъ за тѣмъ, посланный въ Стокгольмъ для поздравленія супруга Ульрики Элеоноры со вступленіемъ на престолъ, А. И. Румянцевъ принятъ былъ съ любезностью и ему самъ король предложилъ начать въ Або, прерванные на Аландѣ, переговоры о мирѣ. Петръ принялъ этотъ вызовъ и въ концѣ апрѣля 1721 года выслалъ въ Нейштадтъ прежнихъ своихъ уполномоченныхъ. Франція тоже заявила желаніе содѣйствовать на этотъ разъ миру и Кампредонъ, министръ французскій въ Стокгольмѣ, еще въ февралѣ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Въ 1721 году первые два мѣсяца Петръ довольно весело прожилъ въ Петербургѣ. Февраля 19-го праздновалъ истеченіе 9-ти лѣтъ лѣтъ своего брака съ Екатериною и спустилъ два корабля, занимаясь реглатентомъ дома и не ѣздя въ Олонецъ. Съ приближеніемъ весны сдѣлалось, между тѣмъ, извѣстнымъ, что англійскій король посылаетъ въ Балтійское море 35 военныхъ кораблей. Петръ, спустивъ на воду корабль «Екатерина» 16-го марта, въ тотъ же вечеръ изъ Петербурга поѣхалъ въ Ригу, куда 19-го числа и прибылъ. Тамъ встрѣтили его въ концѣ марта и за половину апрѣля необычные по времени холода, тогда какъ великій хозяинъ, въ Петербургѣ, еще 4 марта, по случаю наступленія теплой погоды, самъ садилъ яблони. Въ Ригѣ дожидалъ уже Петра герцогъ голштинскій, пріѣхавшій въ Россію съ цѣлью получить руку одной изъ дочерей государя, желавшаго прежде огласки его принятія предварительно познакомиться съ будущимъ зятемъ. Принцъ посѣтилъ царя на слѣдующій же день по прибытіи его въ Ригу и съ пріѣздомъ туда Екатерины, часто приглашался къ ихъ величествамъ. Царственная чета принимала гостя съ радушіемъ и, какъ можно судить по дальнѣйшему ходу дѣла, онъ державнымъ супругамъ скоро рѣшительно полюбился. Устройство семейнаго дѣла у Петра, шло, однако, рядомъ и съ существенными интересами государства. Имѣя въ рукахъ претендента на престолъ шведскій, Царь расчитывалъ произвести этимъ эффектъ и добиться скорѣйшаго мира, готовясь дать отпоръ врагамъ и въ это еще лѣто. Флотъ, въ составѣ 9 кораблей и шнау, зимовавшій въ Ре-

велѣ выведенъ фанъ-Гофтомъ на рейдъ съ очищеніемъ залива. Раннею весною задумалъ Петръ нарядить, по примѣру прежнихъ годовъ, и галерную экспедицію въ сѣверную Швецію, самъ оставаясь въ остзейскомъ краѣ для наблюденія и своевременныхъ распоряженій, въ случаѣ дессанта на этотъ берегъ; чего ожидали еще въ минувшее лѣто. Отъ 13 апрѣля Петръ предписывалъ уже Голицыну послать Ласси для дессанта къ Умео и запереть аландскій проходъ въ Ботническій заливъ ревельскою эскадрою, до прихода англичанъ. Котлинская эскадра (16 кораблей) вице-адмираломъ Гордономъ тоже выведена на рейдъ въ половинѣ мая и въ началѣ іюня пошла къ Ревелю, а 5-го іюня изъ Петербурга явился съ галерами Апраксинъ, а во второй половинѣ іюня сдѣлались извѣстны подвиги экспедиціи Ласси въ Швеціи. Этотъ отважный генералъ, разоривъ 17 приходовъ и въ нихъ 506 деревень, кромѣ мызъ и трехъ городковъ на полуостровѣ, уничтожилъ множество металлическихъ заводовъ, сжегъ строившіяся галеры на верфяхъ и увелъ много скота.

Устрашенные шведскіе уполномоченные, потребовавъ отъ царя пріостановленія непріятельскихъ дѣйствій, стали, въ свою очередь, сговорчивѣе; особенно послѣ отказа Петра дать перемиріе. Царь, 22 Мая выѣхалъ изъ Риги совсѣмъ успокоенный насчетъ дессанта отъ Двины и, черезъ три дня прибывъ въ Ревель, провелъ тамъ съ супругою до половины іюня. Въ Ревель, ко дню рожденія Петра пріѣхалъ герцогъ голштинскій. Съ прибытіемъ котлинской эскадры Петръ прибылъ на свой корабль «Нигерманландъ» и ходилъ къ Рогервику съ флотомъ, а потомъ, довольный успѣхомъ экспедиціи и рѣшительнымъ поворотомъ въ нашу пользу переговоровъ на Аландѣ, парусный флотъ самъ повелъ къ Кронштадту. Іюня 19-го Петръ уже былъ въ Петербургѣ, гдѣ черезъ четыре дня встрѣтилъ и супругу, задавъ пиры въ Лѣтнемъ дворцѣ: въ день коронаціи (25 іюня), годовщину Полтавы (27), да въ свои именины (29 іюня).

Шведы теперь уже соглашались отдать всю Лифляндію, но стояли за Выборгъ; потомъ отдавали самый городъ, отстаивая округъ, наконецъ и его уступили, и въ день 30-й августа подписали такой миръ, какого самъ Петръ не ожидалъ: все уступлено, о чемъ онъ только думалъ. Сентября 4-го, ничего еще не ожидая, Государь отправился въ Выборгъ, но на Лисьемъ носу, встрѣтившій его курьеръ Обрѣзковъ передалъ донесеніе министровъ изъ Ништадта, которому въ первую минуту не совсѣмъ повѣрилъ, такъ что своротилъ въ Дубки и тамъ почевалъ; все какъ бы еще ожидая подтвержденія. Только послалъ приказанія Сиверсу и Сенявину: идти съ ихъ эскадрами къ Кронштоту.

На утро уже явившись въ Петербургъ, Петръ велѣлъ отправить молебствіе и по улицамъ послалъ герольдовъ съ бѣлыми перевязями: возвѣщать заключеніе мира. Затѣмъ сдѣлана проба этнографическаго маскарада.

Проба эта послѣдовала 8 сентября, а 10-го, — въ день сватьбы князя папы со вдовой его предшественника, — маскарадъ открытъ сигнальнымъ выстрѣломъ изъ пушки.

Сигналъ послѣдовалъ въ восемь часовъ утра и, услышавъ его, всѣ маски съѣхались на Троицкую площадь, назначенную сборнымъ мѣстомъ. Тамъ маршалы раздѣлили и разставили маски, по группамъ, въ порядкѣ церемоніала;

государь съ приближенными былъ у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ въ это время вѣнчали князя-папу, облеченнаго въ полный костюмъ свой. Вѣнчаніе кончилось; государыня вышла изъ церкви съ государемъ и онъ самъ ударилъ палкою въ барабанъ, вступивъ въ маскарадную роль корабельнаго барабанщика. Звукъ барабана заставилъ маски сбросить плащи и мгновенно вся площадь запестрѣла разнообразными костюмами маскированныхъ, двинувшихся въ большихъ группахъ по площади, въ порядкѣ номеровъ процессіи. Петръ I, одѣтый въ костюмъ голландскаго матроса, ходилъ съ барабаномъ, висѣвшимъ черезъ плечо на черной бархатной перевязи, вышитой серебромъ.

Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арабами, а за ними еще—три барабанщика, костюмированные совсѣмъ такъ, какъ государь. Это были: Бутурлинъ, Чернышевъ и Мамоновъ. За ними уже, выступалъ въ бархатной мантіи на горностаяхъ, въ золотой коронѣ и держа въ рукѣ скипетръ,—новобрачный князь-кесарь, окруженный слугами въ старинной русской одеждѣ. Государыня Екатерина I, шедшая въ концѣ процессіи съ своими дамами, была одѣта въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, съ обложкою изъ красной тафты; чепчикъ на ней былъ изъ голландскаго полотна и на рукѣ держала она корзинку. Ей предшествовали гобоисты и три камеръ-юнкера, а по сторонамъ шли арабы въ чорныхъ бархатныхъ куртках, съ цвѣтами на головахъ. Также какъ государыня, одѣты были дѣвицы Нарышкины. За ними же слѣдовали придворныя дамы, однѣ одѣтыя крестьянками—въ платьяхъ, обшитыхъ яркаго цвѣта лентами,—другія въ костюмѣ пастушекъ и нимфъ; далѣе—негритянки, монахини, арлекины, скарамуши. Толстый францисканецъ со страннническимъ посохомъ—замыкалъ шествіе. Во главѣ новой группы шла кесарша Ромадановская въ коронѣ и красной мантіи, окруженная свитою женщинъ въ старинной русской одеждѣ.

Герцогъ голштинскій съ своимъ дворомъ нарядился въ костюмъ французскихъ виноградарей. Онъ и кавалеры его были въ цвѣтныхъ фуфайкахъ и панталонахъ изъ шелковой матеріи, обшитыхъ лентами. Самъ герцогъ имѣлъ фуфайку розоваго цвѣта, а подъ нею—короткій парчевой камзолъ; въ рукѣ держалъ онъ виноградный серпъ. За нимъ выступали, по три въ рядъ, девять кавалеровъ: въ фуфайкахъ зеленаго, желтаго и голубаго цвѣтовъ. Меньшиковъ и нѣкоторые другіе вельможи одѣлись—гамбургскими бургомистрами—въ черные бархатные кафтаны. Гвардейскіе офицеры костюмировались римскими воинами въ шлемахъ и латахъ, купцы—жидами. Тутъ были, костюмы: китайскіе, индійскіе, испанскіе, персидскіе и всѣ католическіе духовные ордена. Князь-папа и кардиналы его коллегіи были тоже въ полномъ сборѣ. Подъ пару имъ приходился турецкій муфти, да бахусъ въ тигровой кожѣ, увѣшанный виноградными лозами. Были даже боги древняго Олимпа: Нептунъ и Гермесъ.

Продолженіе торжества отложено до полной ратификаціи договора шведскимъ королемъ, совершившейся 9-го сентября и привезенной въ Петербургъ 23-го. Съ слѣдующаго дня маскарадъ возобновился сборомъ масокъ по сигналу, въ теченіи трехъ утръ; по вечерамъ же бывала иллюминація.

Послѣ медленныхъ пышныхъ приготовленій, настоящій праздникъ, отложенный до возвращенія войскъ изъ Финляндіи, устроенъ въ 22-й день октября. Послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ Ѳеофанъ въ пышной рѣчи своей вы-

считалъ всѣ совершенные Петромъ подвиги, за которые ему, по справедливости, «имя отца отечества, императора всероссійскаго по достоинству имѣти подобаетъ».

Съ окончаніемъ рѣчи проповѣдника, канцлеръ Головкинъ отъ лица сената произнесъ государю привѣтствіе и въ немъ выразилъ общее прошеніе вѣрноподданныхъ: принять титулъ императора. «Виватъ!» сенаторовъ подхваченъ тысячами народа и войска, покрывавшаго площадь;—при звукѣ трубъ, литавръ и барабановъ, за которыми послѣдовали пушечные залпы съ крѣпости и 125 галеръ, привезшихъ всѣ двадцать три полка изъ Финляндіи. Растроганный Петръ отъ полноты чувствъ успѣлъ отвѣтить только отдѣльными мыслями, крѣпко занимавшими теперь умъ его: «Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господъ Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однако же, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очи кладетъ, какъ внутрь такъ и внѣ; отчего облегченъ будетъ народъ!»

Мысль о пользѣ народа никогда не оставляла Петра-великаго. За народъ свой горячо молясь, преклонилъ онъ и теперь — первымъ, колѣна на начавшемся молебствіи. Обѣдъ въ зданіи сената, для всѣхъ служащихъ, до оберъ-офицеровъ, а послѣ стола—раздача медалей; балъ затѣмъ, и, вечеромъ,—великолѣпнѣйшая по времени иллюминація, приличная торжеству — съ фигурами, изображавшихъ Швецію да Россію, рыцарей. Они подали другъ другу руки и янусовъ храмъ затворился. Заключеніе же дверей храма совершилось послѣ отдачи народу быка и фонтановъ съ виномъ. Раздались сперва звуки множества трубъ, литавръ и барабановъ всей финляндской арміи и другихъ полковъ; потомъ пущена была ракета—и разомъ смѣшались сотни пушечныхъ выстрѣловъ, ружейный огонь и звонъ всѣхъ колоколовъ. Небо ночи загорѣлось пламенемъ и дрожаніе воздуха представляло эффектъ напоминавшій землетрясеніе. Мгновенное ощущеніе это смѣнилось у зрителей удивленіемъ смѣшаннымъ съ любопытствомъ, когда, вдругъ загорѣлся большой щитъ съ изображеніемъ правосудія, попирающаго чету фурій, олицетворявшихъ ненавистниковъ Россіи, къ которымъ относился текстъ надписи: «всегда побѣдитъ» (вражду—правда). За этой аллегоріею открылась другая, представлявшая корабль у пристани,—съ латинскимъ девизомъ: «конецъ увѣнчалъ дѣло».

Повтореніе торжествъ съ маскарадомъ послѣдовало за церемоніальнымъ вступленіемъ въ Москву (16-го декабря). Въ день въѣзда въ древнюю столицу, процессія двигалась отъ села Всесвятскаго, вдоль всей Тверской улицы. Открывала шествіе великолѣпная, позолоченная, галера съ рѣзьбою, съ гребцами, сидящими у веселъ. Ею управлялъ генералъ-адмиралъ, за которымъ слѣдовалъ, на полозьяхъ, трехмачтовый фрегатъ, вооруженный шестнадцатью мѣдными пушками и снабженный экипажемъ,—въ черномъ бархатномъ платьѣ. Время отъ времени матросы кричали ура! и раздавались выстрѣлы изъ пушекъ. Въ баржахъ, везенныхъ за фрегатомъ, ѣхалъ Петръ и всѣ члены августѣйшаго дома, герцогъ голштинскій и придворные обоего пола; въ тридцати же мелкихъ судахъ, за ними,—люди въ маскахъ и костюмахъ разныхъ народовъ. Вся эта панорама въ движеніи оглашалась звуками всевозможныхъ

музыкальныхъ инструментовъ. Съ приближеніемъ къ тріумфальнымъ воротамъ мачты опускались и потомъ быстро поднимались.

Новый 1722 годъ началъ Петръ пиромъ въ аудіенцъ-залѣ Кремлевскаго дворца, посѣщеніями приближенныхъ и *славленьемъ* у нихъ. Въ Богоявленіе водилъ онъ своихъ гвардейцевъ *на воду* въ Преображенскомъ, а за тѣмъ съ ранняго утра приходилъ въ артиллерійскую лабораторію и на генеральный дворъ: слушать морской регламентъ по главамъ; собственноручно исправляя редакцію каждаго параграфа. При такомъ усиленномъ трудѣ, января 20-го, Петръ покончилъ свой морской регламентъ, затѣмъ продолжая руководить пиротехническими работами лабораторіи, изготовлявшей громадный фейерверкъ на Царицыномъ лугу, зажженный въ день рожденія цесаревны Анны Петровны. День этотъ былъ началомъ московскихъ празднествъ по случаю Ништадтскаго мира.

Въ ряду законоположеній Петра I, вышедшихъ въ Москвѣ послѣ торжествъ, укажемъ вторую часть морскаго регламента (5 апрѣля), наказы и инструкціи: генералъ-прокурору, генералъ-рекетмейстеру и коммисару коммерцъ-коллегіи;— которыми заботливый монархъ, учреждая перечисленныя должности, хотѣлъ доставить своимъ подданнымъ большія гарантіи на полученіе правосудія и охраненіе отъ лихоимства сборщиковъ государственныхъ повинностей. Права и льготы заводчикамъ фабрикъ и промышленникамъ улучшеніе частнаго рѣчнаго судостроенія, теперь занимали также не послѣднее мѣсто въ умѣ Петра, всецѣло отдававшагося—съ окончаніемъ тяжелой войны—идеѣ поднятія народнаго благосостоянія посредствомъ развитія внутренней мѣстной производительности.

Множество разныхъ указовъ, относящихся и до устройства торговли, внѣшней и внутренней, равно какъ до благоустройства общественнаго, и сочиненныхъ также въ Москвѣ въ промежутокъ $2^1/_2$ мѣсяцевъ передъ отправленіемъ въ персидскій походъ, показываютъ полноту развитія теперь, въ умѣ Петра I, идей объ улучшеніяхъ въ домашней, такъ сказать, экономіи Россіи какъ государства. И самая экспедиція къ границамъ Персіи, на Кавказъ, съ плаваніемъ по Каспію, Петромъ рѣшена была вслѣдъ за ништадтскимъ миромъ и предпринята, опять-таки, въ интересахъ торговли скорѣе, чѣмъ по другимъ какимъ либо, и всего менѣе уже, завоевательнымъ побужденіямъ.

Въ послѣдній, этотъ далекій походъ свой, отслушавъ литургію въ Казанскомъ соборѣ, выѣхалъ Петръ I съ Екатериною, изъ древней столицы, 13 мая, въ 4-мъ часу пополудни,—сухимъ путемъ,—до Коломны. Туда ихъ величества прибыли на слѣдующій день. Но, за дождемъ пришлось имъ провести здѣсь два дня и только 17 мая 1722 г. флотилія двинулась по Окѣ. Государь былъ на Москварѣцкомъ 36-ти весельномъ стругѣ, подъ императорскимъ флагомъ. Высокіе путешественники оставили городъ, при пальбѣ изъ пушекъ, звукѣ трубъ и барабановъ.

Вступивъ въ р. Оку въ 11-мъ часу утра, въ 5 часовъ пополудни высокіе путешественники проплыли мимо Дѣднова и остановились ночевать за 20 верстъ впереди — въ Перевитескѣ. Слѣдующій ночлегъ былъ въ Новоселкахъ, а въ 5 часу пополудни 19 мая, флотилія сравнялась съ Переяславлемъ Рязанскимъ, гдѣ государя салютовали съ берега изъ трехъ орудій и, на салютъ, съ его струга отвѣчали тѣмъ же числомъ выстрѣловъ. Мая 20-го прошли мимо Старой Рязани; передъ разсвѣтомъ 22-го достигли села Свищова, гдѣ сдѣланъ былъ

трехъ-часовой отдыхъ. Мая 23-го передъ вечеромъ достигли Касимова, а на другой день сдѣлали 60 верстъ — до Елатьмы. Такой же переѣздъ 25-го мая совершенъ до Мурома и на слѣдующій день, высокіе путешественники, въ 8-мъ часу пополудни, достигли до Нижняго-Новгорода.

Утромъ 27 мая, осмотрѣвъ суда, назначенныя для плаванія до Астрахани, государь отправился въ городъ къ обѣдни и, отслушавъ молебенъ, прямо изъ собора прошелъ къ архіепископу Питириму, отобѣдалъ у него и бесѣдовалъ съ нимъ о раскольникахъ и средствахъ вразумить ихъ, до 6 часовъ пополудни. Вечеромъ, пріѣхавъ къ Строгановымъ, Петръ ужиналъ съ генералъ-адмираломъ и другими начальниками экспедиціи въ Персію; ночевать же отправился на свою галеру. На другой день, за столомъ же у Строганова, разспрашивая о доблестныхъ гражданахъ города, царь выразилъ сожалѣніе, что не осталось въ живыхъ потомковъ Минина. Мая 29 числа, обозрѣвая частную верфь, гдѣ строились волжскія суда,—Петръ далъ указъ о лучшей постройкѣ ихъ впредь и правильной формѣ. Для этой цѣли приказалъ онъ прислать судовыхъ мастеровъ изъ Петербурга и завести здѣсь адмиралтейство.

Послѣ обѣда посѣтилъ государь вице-губернатора Юрія Ржевскаго и отъ него придя въ церковь Строгановыхъ—гдѣ была и государыня—слушалъ всенощную. Въ день же своего рожденія (30 мая), отобѣдавъ опять у Строганова, Петръ въ сумерки оставилъ Нижній-Новгородъ, напутствуемый пальбою съ крѣпости.

Мая 31-го по утру, проплывъ мимо Лыскова и Макарьева монастыря, въ 5-мъ часу пополудни царственная чета прибыла въ Новосиль, а въ полночь, на 1-е іюня, миновала Козьмодемьянскъ, перемѣнивъ гребцовъ и сдѣлавъ всего 160 верстъ, въ 30 часовъ. Въ Чебоксарахъ, во время перемѣны же гребцовъ, Петръ заходилъ къ какому-то посадскому, въ домѣ его пробывъ съ четверть часа. Кто именно былъ этотъ человѣкъ настолько замѣчательный, что Петръ, какъ бы для него одного вступалъ въ Чебоксары,—отыскать намъ не удалось. Пустившись далѣе, высокіе путешественники попали подъ бурю, помѣшавшую имъ дойти до пристани Новая-Воложка и заставившую флотилію остановиться на якорѣ, за темнотою. Въ 2-й день іюня Петръ и его супруга достигли до Свіяжска—за 20 верстъ до Казани. Государь съѣхалъ на берегъ, хотя на короткое время, пустившись далѣе въ путь и успѣвъ въ этотъ же день войти въ рѣку Казанку.

Торжественная встрѣча съ пальбою, въ Казани, государю, сдѣлана была, когда пожаловалъ онъ въ соборъ къ обѣдни,—уже на слѣдующій день. Послѣ службы монархъ обѣдалъ у митрополита Тихона, отъ него прибылъ въ Богородскій женскій монастырь и затѣмъ посѣтилъ еще вице-губернатора Кудрявцева. Іюня 4-го Петръ ѣздилъ по городу и осматривалъ кожевенные заводы, производство на которыхъ составляло важнѣйшую статью мѣстной производительности. Іюня 5-го вечеромъ, послѣ посѣщенія губернатора П. С. Салтыкова, государь осматривалъ казенную суконную фабрику, принадлежавшую флоту, а послѣ, проѣхалъ за городъ, въ небольшое заведеніе для выдѣлки же сукопъ,—принадлежавшее купцу Михляеву. Петръ I нашелъ у него примѣрный порядокъ и, восхищенный этимъ, приказалъ отдать ему казенную здѣшнюю фабрику, сказавъ поощряемому промышленнику: «я надѣюсь, что скоро ты доведешь ее до желаемаго мною состоянія!».

Отправившись изъ Казани, Петръ и его супруга, въ полдень 7-го іюня, пріѣхали къ Богородску и пройдя устье Камы, остановились почевать, не доѣзжая пригорода Тетюши. На слѣдующій день (8 іюня) Петръ ѣздилъ въ Болгары, осматривать остатки древнихъ зданій. Составитель журнала посвятивъ цѣлую страницу посѣщенію императоромъ древняго города, сохранилъ въ описаніи своемъ замѣтки, со словъ Петра, если еще не собственныя слова государя. Такимъ показалось намъ, напримѣръ, указаніе о слѣдѣ высохшей рѣки подъ самыми Болгарами, также какъ и припоминаніе, что «тутъ есть одна башня не малая и довольно каменнаго строенія, зѣло стариннаго и, сказываютъ, что 600 лѣтъ, то мѣсто было пусто». Наконецъ внесено и прямо съ указаніемъ на царственнаго путешественника, что̀ его величество «всѣ тѣ старинныя строенія каменныя изволилъ смотрѣть, которыя въ разныхъ мѣстахъ поставлены и валъ земляной, кругомъ всего того мѣста, зѣло не малой есть».

По осмотрѣ расположенія древняго города, Петръ заѣхалъ въ Успенскій монастырь, пріютившійся среди развалинъ, доставлявшихъ ему готовый матеріалъ для построекъ. Въ обители находился прибывшій сюда казанскій митрополитъ Тихонъ, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Кудрявцевымъ. Съ ними обѣдалъ Петръ и послѣ стола тотчасъ уѣхалъ къ своему каравану, приказавъ немедленно по прибытіи двинуться. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, Петръ съ Екатериною достигли Симбирска но, не останавливаясь въ немъ, въ этотъ же день проплыли далѣе 60 верстъ до с. Новодѣвичьяго, принадлежавшаго Меньшикову. Іюня 10-го, былъ государь въ Самарѣ, крѣпость которой оказалась обнесенною однимъ досчатымъ заборомъ. Отслушавъ литургію, государь зашелъ къ городскому начальнику и, находясь у него, принялъ посланца съ письмомъ отъ калмыцкаго хана Аюки, кочевавшаго верстахъ въ десяти отъ города. Престарѣлый ханъ въ письмѣ поздравлялъ государя съ прибытіемъ и «упоминалъ, что онъ желаетъ съ его величествомъ видѣться». Затѣмъ присылалъ Аюка сына (Черень-Дондука) и внука (сына Чандержанова) — прося позволенія представиться. Петръ велѣлъ звать престарѣлаго хана къ себѣ на галеру, а для перевезенія его черезъ Волгу послалъ свою полубаржу. Часа черезъ два ханъ явился и радушно былъ принятъ Петромъ, поцѣловавшимъ его въ голову; «а ханъ поцѣловалъ руку его величества», замѣчено въ журналѣ. При представленіи Аюки была и Екатерина, руку которой также цѣловали ханъ и его приближенные. За тѣмъ, посадивъ на стулъ Аюку, противъ себя, царь разговаривалъ съ нимъ больше часа, на прощанье подаривъ ему 12 золотыхъ медалей (каждая въ 20 червонцевъ) съ портретомъ своимъ. За тѣмъ, проводивъ старца Аюку, Петръ удостоилъ личнымъ посѣщеніемъ его палатку. Сидѣлъ на его мѣстѣ, посадивъ хана подлѣ, и проведя въ станѣ калмыцкомъ до вечера; воротясь же на свое судно,—приказалъ плыть во всю ночь. День спустя, подъ вечеръ (15 іюня) достигли Царицына, а 17 іюня— Чернаго-Яра, гдѣ Петра встрѣчали съ пушечною пальбою, изъ 17-ти наличныхъ орудій. Государь сходилъ на берегъ для осмотра крѣпости и посѣщенія коменданта. За тѣмъ, идя во всю ночь и цѣлый день, утромъ 19-го іюня царственные путешественники увидѣли Астрахань.

Въ городъ въѣзжали ихъ величества въ 4-мъ часу пополудни, при троекратныхъ залпахъ артиллеріи со стѣнъ крѣпости и бѣгломъ огнѣ солдатъ и

драгунъ, тамъ уже находившихся. Черезъ день по пріѣздѣ, Петръ съ супругою гуляли въ виноградныхъ садахъ и смотрѣли сожженіе усопшаго индѣйца. Въ дни торжествъ коронаціи, Полтавы и своего тезоименитства, государь устраивалъ парады, послѣ молебствія; являясь, какъ полковникъ преображенскаго полка, передъ строемъ его. Во всѣ эти три праздника, съ крѣпости и судовъ на Волгѣ была пушечная пальба, и офицеры обѣдали съ государемъ у губернатора А. П. Волынскаго.

Іюля 7-го прибылъ генералъ-адъмиралъ Апраксинъ, встрѣченный салютомъ съ крѣпости, а недѣлю спустя—Матюшкинъ съ 4,300 чел. солдатъ разныхъ полковъ; оставивъ 500 человѣкъ слишкомъ, на 10 островскихъ лодкахъ. Іюля 18-го государь поднялъ свой красный флагъ и, отсалютовавъ городу, пошелъ со всѣмъ флотомъ къ морю; генералъ-адмиралъ слѣдовалъ за нимъ.

Іюля 21-го, только передъ вечеромъ пройдя Четыре-Бугра, эскадра вступила въ Каспійское море и 27-го пришла къ крѣп. Теркамъ, куда Петръ пріѣхалъ на слѣдующій день. Отсюда послалъ онъ въ Тарки Андреяна Лопухина съ письмомъ (отъ Волынскаго) къ шамхалу: о приготовленіи на Сулакѣ 500 телегъ съ лошадьми. Къ шамхалу посланы были манифесты на турецкомъ языкѣ, которые долженъ былъ Лопухинъ разослать въ другіе города, а именно въ Баку и Шемаху;—для того съ нимъ посланы 15 татаръ и 15 казаковъ изъ Терка. Въ тотъ же день полковникъ Орловъ посланъ къ наказному Гетману малороссійскаго войска: поторопить его движеніе. Іюля 26-го получивъ извѣстіе, черезъ коменданта, о взятіи бригадиромъ Ветерани, ауловъ Эндерійцевъ, государь, дождавшись прихода островскихъ лодокъ пошелъ къ Аграхани, но въ 10 часу вечера, по случаю грозы и непогоды долженъ былъ стать, за темнотою, на якорь.

Іюля 27-го войдя въ Аграханскій заливъ, государь, въ воспоминаніе одержанныхъ побѣдъ на это число, на галерѣ своей задалъ пиръ, а на слѣдующій день, когда не могли подойти на ботѣ за мелководіемъ къ берегу, Петръ велѣлъ перенести себя четверымъ матросамъ на доскѣ и, выбравъ мѣсто для лагеря, водрузилъ мачту какъ сигналъ для флота; принявъ на себя постройку укрѣпленія. Сюда черезъ недѣлю привелъ пѣхоту и ген.-маіоръ Кропотовъ.

Съ приходомъ конницы, оставивъ въ укрѣпленномъ лагерѣ больныхъ, Петръ 6 августа переправился черезъ рѣку Сулакъ, за которою встрѣтилъ монарха посланный отъ шамхала. Августа 12-го предсталъ и самъ Алди-Гирей, за тѣмъ въ Таркахъ угостившій императора въ своемъ домѣ, на дворѣ котораго стояло полъ-роты преображенцевъ.

Августа 14-го, въ шатеръ государя передъ городомъ Тарки, приходили жены шамхала, «которыя, достойное подданское почтеніе учинивъ, отпущены скоро назадъ». На слѣдующій день, на мѣстѣ престола походной церкви, Петръ велѣлъ сдѣлать курганъ, располагая двинуться далѣе;—потому что подошли уже генералъ-маіоры: Матюшкинъ съ пѣхотою и Кропотовъ съ конницею. Двинувшись утромъ августа 16-го прошли 25 верстъ, а 17-го достигли до Старый-Буйнаковъ. Въ то время «какъ обозъ учреждали», готовясь къ ночлегу, разсказы о находящемся въ 5 верстахъ отъ лагеря колодцѣ, подстрекнули на столько любознательность Петра, что онъ, не смотря на утомленіе, съѣздилъ посмотрѣть. Потомъ въ юрналѣ оказывается замѣтка, что «колодецъ этотъ въ буераках, между великими по обѣ стороны горами.» Вода въ

колодцѣ была очень холодна и надъ ключемъ устроена была каменная стѣнка. На слѣдующій день Петръ привезъ къ найденному имъ колодцу Екатерину и высокіе путешественники здѣсь обѣдали.

Наибъ Дербента черезъ подполковника Наумова просилъ также принять подъ покровительство императора городъ его и привелъ въ цитадель, флота капитана, фонъ Вердена. Наибъ Дербента и жители жаловались на грабительство Даудъ-Бека, угонявшаго скотъ, потому противъ этихъ враговъ мѣстнаго спокойствія отправлена воинская партія.

Мятежники Даудъ-Бегъ и Сурхай отважились сразиться при Утемишѣ, но были разбиты и оставили на мѣстѣ шесть тѣлъ. Жилища мятежниковъ сожжены и плѣнные умерщвлены, въ возмездіе за убитыхъ казаковъ, посланныхъ къ нимъ мирно,—съ манифестомъ.

Августа 23-го достигли Дербента и Петръ принялъ отъ Наиба серебряные ключи крѣпости.

Но, ожидаемый недостатокъ провіанта,—вслѣдствіе разбитія бурею транспортовъ съ хлѣбомъ, во время выгрузки ихъ,—теперь заставилъ Петра предпринять обратный путь отъ Дербента; оставивъ тамъ только гарнизонъ.

На Сулакѣ основалъ тогда государь крѣпость св. Креста (20-го сентября).

29-го сентября перейдя на яхту, Петръ прибылъ 4 октября обратно въ Астрахань. Приписывая неуспѣхъ экспедиціи непрочности транспортныхъ судовъ, отсюда царь послалъ Румянцева въ Казань и Нижній Новгородъ, съ приказомъ изготовить прочныя суда къ слѣдующему году. Между тѣмъ, при посѣщеніи въ Камызякѣ рыбныхъ промысловъ, узнавъ о взятіи 27 октября Испагани МиръМахмудомъ—при чемъ жители Гиляни обращались съ просьбою о защитѣ,—Петръ послалъ въ Гилянь полковника Шипова, котораго 6-го ноября и повезъ уже Соймоновъ, высадивъ у Решта. За тѣмъ, четырнадцатого ноября, оставилъ Петръ Астрахань, но, не доѣзжая ста верстъ до Царицына, наступившіе холода замедлили возвращеніе Ихъ Величествъ на десять дней, пока доставлены были сюда имъ зимніе экипажи.

За всѣми этими остановками, Петръ прибылъ къ себѣ, въ Преображенское, 11-го декабря, и, дождавшись Екатерины,—18-го числа, какъ и послѣ Полтавы, — вступилъ тріумфально въ древнюю столицу.

Здѣсь, между тѣмъ, на этотъ разъ, ждалъ Петра непріятный процессъ о ссорѣ въ сенатѣ Шафирова со Скорняковымъ Писаревымъ, исправлявшимъ должность генералъ-прокурора. Дѣло это, разслѣдованіе котораго началось въ январѣ 1723 года, окончилось осужденіемъ перваго и открытіемъ злоупотребленій Меньшикова. Процессъ этотъ продлилъ пребываніе Петра въ Москвѣ до 25 февраля.

Въ Петербургъ же великій основатель его пріѣхалъ 3-го марта 1723 года, и былъ торжественно встрѣченъ купцами у Ямской, а приближенными своими,—съ княземъ М. М. Голицынымъ во главѣ—у Перспективой (нынѣшняго Невскаго проспекта, только отъ Фонтанки считавшагося въ городѣ).

Побывъ во дворцѣ часа съ два, государь отправился потомъ въ адмиралтейство, а изъ него зашелъ къ будущему фельдмаршалу князю Голицыну и къ старому адмиралу своему Крюйсу.—«И во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ довольно веселились», замѣчаетъ въ заключеніе авторъ юрнала.

День спустя прибыла Екатерина, встрѣченная царственнымъ супругомъ «въ Ямской», съ ружейнымъ огнемъ. Марта же 9 го скончалась царевна Марья Алексѣевна, погребеніе которой въ Петропавловскомъ соборѣ, совершилъ государь 12-го числа. На праздникъ Благовѣщенія ночевалъ Петръ въ Невскомъ монастырѣ, прибывъ туда уже на яхтѣ, -за вскрытіемъ Невы наканунѣ (23 м.) Въ монастырѣ въ самый праздникъ получилъ Петръ письмо Волынскаго о занятіи Решта въ Персіи полковникомъ Шиковымъ, потому, возвратясь въ Петербургъ при звукѣ трубъ и пальбѣ съ яхты, его величество «изволилъ совсѣми ѣхать въ троицкую церковь, гдѣ учинили благодареніе Богу. И тамъ... совсѣми изволилъ довольно веселиться въ вольномъ дому (тріумфальной австеріи), что противъ церкви на берегу; и какъ пили про здоровье, то изъ пушекъ стрѣляли». Позволимъ себѣ замѣтить здѣсь кстати, слѣдуя порядку времени, что Петръ-Великій, настолько отличавшійся ясностью и глубиною геніальнаго ума, платилъ однакоже дань своему вѣку, придавая значеніе снамъ и записывая ихъ для памяти. Въ юрналѣ 1723 года 26-го апрѣля описанъ одинъ сонъ, судя по живости представленія, какъ видно, оставившій впечатлѣніе въ государѣ. Сонъ этотъ видѣнный на ночлегѣ на Котлинѣ, въ юрналѣ прописанъ такъ: «*На 26-е число* его величество видѣлъ сонъ, якобы орелъ сидѣлъ на деревѣ, а подъ него подлѣзъ или подползъ какой звѣрь немалой, наподобіе каркодила или дракона, на котораго орелъ тотчасъ бросился и съ затылка у него голову отѣлъ, а именно переѣлъ половину шеи, и умертвилъ; и потомъ, какъ много сошлось людей смотрѣть, то подлѣзъ такой же другой звѣрь, у котораго тотъ же орелъ отъѣлъ и совсѣмъ голову, и то якобы было уже явно всѣмъ».

Въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ Петръ ѣздилъ въ Шлиссельбургъ встрѣчать (27-го числа) привезенный туда ботикъ,—заохотившій государя въ юности его къ плаванью на водѣ. Заставивъ этого «дѣда русскаго флота» привезти изъ Москвы въ Петербургъ, Петръ 11-го августа этого года ввелъ заслуженный ботикъ въ Кронштлоть и провезъ мимо всего гребнаго и паруснаго флота, выстроеннаго въ парадѣ: привѣтствовать утлое издѣліе Карстена Брандта почетомъ, достойнымъ величія идеи, вдохновенной имъ въ геніальнаго юношу — государя.

Отпраздновавъ,—въ день тезоименитства цесаревны Елизаветы Петровны—взятіе генералъ-маіоромъ Матюшкинымъ города Баку, молебствіемъ, гуляньемъ въ Лѣтнемъ саду и фейерверкомъ, «на которомъ изображенъ былъ городъ Баку и время, когда взятъ»,—Петръ 12-го сентября заключилъ съ прибывшимъ шимъ персидскимъ посломъ договоръ, по которому уступлены Россіи прикаспійскія провинціи: Дагестанъ, Ширвань, Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ. Октября же 2-го, послѣ обѣда, давъ сигналъ собраться къ троицкой пристани невскому флоту, государь, передъ вечеромъ повелъ флотилію свою къ Котлину, отсалютовавъ при проходѣ крѣпостямъ. Невольнымъ мореходамъ пришлось ночевать въ галерной гавани. Утромъ въ шестомъ часу адмиралъ невской вытянулся отсюда и, несмотря на сильный вѣтеръ, далъ сигналъ къ слѣдованію за собою въ заливъ—поднятіемъ фокъзейля. Весь день прошелъ въ трудной борьбѣ малоопытныхъ пловцовъ съ волненіемъ и непогодою, такъ что къ вечеру только невскій флотъ совершилъ переходъ до острова и всту-

пилъ въ его гавань, гдѣ стояли уже совсѣмъ разснащенные корабли. На слѣдующій день, Петръ оставаясь на яхтѣ «дѣлалъ чертежъ фортеціи котлинской», выходя и къ мѣсту работъ, гдѣ приготовляли дернъ и фашины къ закладкѣ. Два слѣдующіе дня—за непогодою и выходомъ воды на берегъ—произвести закладки нельзя было и она совершена только 7-го октября, во второмъ часу пополудни. На молебнѣ, закладываемую крѣпость, въ первый разъ нарекли Кронштадтомъ. Послѣ молебствія Петръ положилъ три первыя дернины самъ. Честь положить три другія предоставлена Екатеринѣ; за нею, по одной дернинѣ клали всѣ присутствовавшіе. Въ заключеніе, Петръ обрѣзалъ уголъ, «какъ быть болверку и—закладка Кронштадта совершилась, при пальбѣ кронштотскихъ пушекъ.

Раньше этаго, именно сентября 15-го, издалъ Петръ манифестъ о предстоящемъ коронованіи своей супруги, дѣлившей съ нимъ военные труды и заботы.

Во время же приготовленій къ торжеству, болѣзнь государя, не разъ возобновлявшаяся осенью и зимою, заставила его 16-го февраля 1724 г. на великій постъ, уѣхать въ Олонецъ, пользоваться водами вмѣстѣ съ Екатериною.

Чета супруговъ оттуда прямо уже проѣхала въ Москву, гдѣ 7-го мая, совершено торжество коронованія Екатерины, въ присутствіи всего двора. Императрица заболѣла во время праздниковъ коронованія и возвращеніе ея въ Петербургъ замедлилось до 8 іюля,—такъ что праздникъ Полтавской и имянины государя, хотя уже воротившагося въ свою новую столицу, прошли съ меньшею, чѣмъ бывало, торжественностью; даже безъ пальбы. Въѣздъ Екатерины въ столицу на буерахъ, съ пальбою и ружейнымъ огнемъ, разставленныхъ до Литейнаго двора гвардейцевъ, былъ наиболѣе выдававшимся торжествомъ.

Въ августѣ здоровье Петра, какъ всѣ уже стали замѣчать, было разстроено серьезно, и врачь государя съ каждымъ возвращеніемъ припадка больше и больше задумывался. Въ это время дано повелѣніе о привезеніи въ Петербургъ мощей Св. Александра Невскаго, перенесенныхъ изъ Владиміра въ Шлиссельбургъ въ 1723 г.

Для торжества ввезенія въ Петербургъ мощей невскаго героя, Петръ назначилъ достопамятный день заключенія ништадтскаго мира (30 августа). Онъ приходился на этотъ разъ въ воскресенье. Три выстрѣла съ крѣпости оповѣстили жителей столицы о сборѣ невскаго флота къ монастырю, гдѣ должны быть положены мощи. Около часа пополудни показалась съ ними адмиральская галера, за которою слѣдовала яхта «Елизавета». Съ яхты при встрѣчѣ мощей, государь пересѣлъ на галеру, и, когда причалила она къ берегу,—самъ съ Меньшиковымъ и приближенными вынесъ раку на сушу. Монастырь далъ обѣдъ на слѣдующій день и послѣ него, во главѣ флотиліи, на «Дѣдѣ-Ботикѣ», отъ монастыря Петръ проплылъ до крѣпости, гдѣ сдавъ ботикъ на храненіе, пріѣхалъ на верейкѣ къ Меньшикову, въ саду котораго происходилъ пиръ, несмотря на свѣжесть воздуха, къ вечеру перешедшую даже въ холодъ. Это было, можно сказать, послѣднее петербургское торжество, въ которомъ Петръ I принималъ непосредственное участіе. Весь сентябрь государь уже былъ нездоровъ и сталъ чувствителенъ къ холоду; такъ что и на спускѣ корабля «Виндъ-Хундъ» (28 сентября) недолго длилась пирушка. Съ наступленіемъ, особенно холоднаго въ этомъ году октября, царь собралъ (8

числа) невскій флотъ для эволюцій, но въ нихъ не могъ принять участія и не поѣхалъ даже водою въ Шлиссельбургъ—къ празднику *взятія;* прибывъ туда берегомъ. Отсюда предпринялъ Петръ I послѣднюю уже въ жизни своей отдаленную поѣздку на работы Ладожскаго канала и до Старой Русы. Изнемогая видимо, провель Петръ I въ путешествіи 15 дней, но возвратился чувствуя себя лучше.

Черезъ день послѣ того, заѣхавъ въ Дубки и проведя тамъ два дня за непогодою, возвращался государь въ Петербургъ во время страшной бури 1-го ноября и у Лахты замѣтилъ бѣдствующихъ матросовъ въ ботѣ, набѣжавшемъ на мель.Ославъ бывшихъ съ нимъ подать помощь погибавшимъ, Петръ Великій и самъ не утерпѣлъ, что бы не вступить въ воду по поясъ,—помогая сдвинуть ботъ. Тутъ уже схватилъ онъ окончательную простуду. Въ это время, къ упадку силъ присоединилась непріятность открытія, едва ли не самаго тяжелаго для Петра I,—какъ супруга, имѣвшаго на своей сторонѣ все право требовать и ожидать взаимности и вѣрности. Но онъ вынесъ и даже простилъ; казнивъ только участниковъ преступленія: камергера Монса и сестру его, генеральшу Балкъ. Исторія Монса ускорила, между тѣмъ, кажется, развязку дѣла объ исканіи руки царевны Анны Петровны герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ Голштинскимъ.

Полагали, что Петръ намѣренъ былъ даже передать старшей своей дочери право на престолъ.

Мѣсяцъ декабрь, при неполномъ здоровьѣ государя, прошелъ менѣе шумно и болѣе спокойно, чѣмъ въ прежніе годы. Въ первое воскресенье (Николинъ день) 6 декабря, Петръ былъ одинъ у обѣдни въ церкви во имя празднуемаго святаго, а въ слѣдующее (13-го),—у Троицы, съ государыней и цесаревнами. Въ наступившій вторникъ (15 го декабря) въ Зимнемъ дворцѣ собирался сенатъ подъ предсѣдательствомъ государя, а въ четвергъ на той же недѣлѣ (17 декабря) дѣлалъ ассамблею генералъ Алартъ, въ домъ котораго пожаловалъ самъ Петръ I.

Съ наступленіемъ праздника Рождества, въ современныхъ замѣткахъ не встрѣчается упоминаній о *славленьяхъ*, такъ обычныхъ у Петра. Это заставляетъ невольно предполагать, что,—до новаго года, по крайней мѣрѣ,—государь ихъ не дѣлалъ; вѣроятно по нездоровью. За то въ самый день праздника и на третій день Рождества, монархъ, какъ видно изъ журнала, присутствовалъ въ Троицкомъ соборѣ на литургіи.

Девизъ затѣйливаго фейерверка на новый 1725 годъ, по обыкновенію, предсказывалъ неизмѣнное счастіе, и первые пятнадцать дней его, все казалось, шло обычною чередою. Петръ I выходилъ на воздухъ, не жалуясь на болѣзнь и, даже, регулярно посѣщая ассамблеи, уже вошедшія въ обычай.

Января 1-го и 6 го участвовалъ государь въ обычныхъ церемоніяхъ, послѣ литургіи, слушанной въ Троицкомъ соборѣ. Въ день Богоявленія видѣли Петра I въ послѣдній разъ передъ строемъ и проводившаго своихъ гвардейцевъ отъ Исаакія до іордани. На слѣдующій день веселился монархъ, устроивъ шутовскую сватьбу слуги своего любимца Поспѣлова *на гудошницъ*; для чего собраны были гудошники съ цѣлой Россіи. Пиръ удался на славу и совершился безъ приключеній, хотя на утро послѣ сватьбы, молодые обрадованы рожденіемъ дѣтища: что также отпраздновано прилично случаю. Затѣмъ, 12-го,

14 и 15-го января, Петръ посѣщалъ приближенныхъ, и ассамблеи въ домахъ ихъ, шедшія обычнымъ чередомъ, съ почина великаго царственнаго хозяина.

Вдругъ, семнадцатаго января Петръ слегъ въ постель и, къ несчастію, болѣе не вставалъ. Упадокъ силъ шелъ у больного такъ быстро, что на третій день, когда его исповѣдывали, онъ не могъ самъ даже держаться, сидя въ постели. Спустя четыре дня послѣ того (23 января) члены св. синода совершили уже елеосвященіе надъ умирающимъ. При упадкѣ силъ, жесточайшія боли извлекали у терпѣливаго Петра такіе крики, которые слышны были, черезъ двойные рамы, на улицу, хотя лежалъ онъ во 2-мъ этажѣ, въ конторкѣ своей. Утромъ 27 января параличъ почти лишилъ Петра употребленія языка. Тогда, хотѣлъ онъ письменно изложить свою волю и пробовалъ писать на аспидной доскѣ, но, ослабѣвшая рука выводила однѣ неясныя черты, тяжело падая на одѣяло. Однако, и въ это время сохранялъ умирающій полное сознаніе и присутствіе духа, соединенное съ умилительнымъ религіознымъ настроеніемъ во все время болѣзни. Въ ночь на 28-е января, уже отходящаго въ лучшій миръ, Петра I-го вторично пріобщали, въ состояніи агоніи... Послѣ пріобщенія тѣло государя начало холодѣть и въ первой четверти 6-го часа утра послѣдній вздохъ, болѣзненно приподнявъ грудь Великаго, оставилъ ее въ одномъ положеніи. Петръ I пересталъ жить и страдать, а ликъ его, грустный и болѣзненный, принялъ торжественное выраженіе сна въ тихой думѣ.

Съ наступленіемъ дня, полки стоявшіе въ С.-Петербургѣ приведены къ присягѣ на вѣрность императрицѣ и выдано имъ заслуженное жалованье.

Генералъ-фельдцейхмейстеръ сенаторъ графъ Яковъ Брюсъ принялъ на себя трудъ устроенія погребенія императора.

Въ тотъ же день, церковь изъ большой залы вынесена въ другую и у стѣны противъ оконъ, въ большой залѣ, для положенія тѣла государя сдѣланъ былъ въ нѣсколько ступеней амвонъ, покрытый кармазиннымъ бархатомъ и золотыми коврами, а «на немъ поставленъ одръ, золотою парчею постланный, подъ богатымъ балдахиномъ», какъ говоритъ современное описаніе.

Другія стѣны въ этой залѣ убраны гобеленями, на которыхъ вытканы были *чудеса Христовы*.

Впрочемъ, скоро потомъ, все убрано было чернымъ сукномъ и устроенъ, такъ называвшійся на оффиціальномъ языкѣ, *каструмъ долорисъ* (castrum-doloris—печальный костеръ),—выраженіе, имѣвшее, конечно, мѣсто въ классическомъ мірѣ у римлянъ, гдѣ тѣла усопшихъ сожигались.

Убранство траурной залы и *каструмъ-долорисъ* на столько интересно, что мы считаемъ не лишнимъ привести его, какъ первый случай погребальныхъ церемоній нашихъ государей, по западному образцу.

Начнемъ прежде всего съ залы, выходившей на Неву и имѣвшей въ длину $8^1/_2$ сажень, шириною $5^1/_2$ сажень и вышиною до 3 сажень. Тѣло Петра I поставлено было на тронѣ, на возвышеніи въ пять ступеней.

Возвышеніе имѣвшее 16 футовъ длины и 20 ширины, при высотѣ $2^1/_2$ фута было покрыто «*и съ ступенями* кармазиннымъ бархатомъ, обложеннымъ широкимъ золотымъ галуномъ, и на тронѣ базисъ или одръ подгробный, покрытъ богатымъ ковромъ персидскимъ, златотканнымъ, на которомъ былъ поставленъ гробъ, сдѣланный во образъ раки, и оклеенъ золотою гладкою

парчею, а по угламъ обложено серебрянымъ галуномъ». Верхъ гроба украшенъ былъ большимъ широкимъ узорчатымъ крестомъ. Внутренность же гроба обита была серебряною парчею. Тѣло государя положено въ верхнее платье изъ шкарлата, богато вышитое серебромъ; камзолъ изъ серебряной парчи съ серебряною бахрамою, а галстухъ и манжеты изъ кружева; на ногахъ надѣты сапоги со шпорами, при боку — шпага, а на груди орденъ св. Андрея, съ лентою черезъ плечо.

Надъ трономъ, на 14 футовъ возвышался балдахинъ изъ кармазиннаге бархата, съ наружи и извнутри украшенный золотымъ шитьемъ и съ золотыми же: подзоромъ, кистями и бахрамою. Средина балдахина была украшена вензелевымъ именемъ его императорскаго величества «изъ золота» и обложена шитыми узорами, да золотымъ галуномъ. По срединѣ же большихъ навѣсовъ укрѣплены начальныя буквы его императорскаго величества. Средина средняго навѣса украшена была галуномъ и золотымъ орломъ императорскимъ, шитымъ золотомъ.

«Оглавіе было изъ того же бархата, и обложено золотымъ галуномъ, даже до самаго трона. Посреди оглавія былъ писанный гербъ всероссійской имперіи, поддержанный отъ писанныхъ скелетовъ, величиною въ человѣческую мѣру, вокругъ того гроба обложено было орденомъ св. Андрея» — т. е. орденскою лентою, голубаго цвѣта.

«Въ верху же при балдахинѣ, распростерта была императорская мантія, которая началась между завѣсами, и подобрана была на каждой сторонѣ золотыми шнурами съ кистями, украшенными золотомъ. Сія мантія была драдорная, т. е. изъ золотой парчи, и подбита горностаями». На тронѣ, около тѣла государя, поставлено было 9 табуретовъ золоченыхъ, обитыхъ кармазиннымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ и бахрамою. На каждомъ изъ нихъ положены регаліи и ордена на золотыхъ подушкахъ съ золотыми же кистями;—на каждомъ углу. На первомъ мѣстѣ, противъ самой головы государя, поставлены четыре табурета, на которыхъ были положены всѣ четыре короны: императорская, казанская, астраханская и сибирская. По правую сторону гроба, на табуретѣ положенъ былъ императорскій скипетръ съ финифтью, украшеный алмазами; на верхнемъ его концѣ три орла соединены спинами и увѣнчаны императорскою короною. По лѣвую сторону на табуретѣ положена золотая императорская держава —«глобусъ, который былъ древній императорскій и на верху на томъ глобусѣ крестъ, вездѣ алмазами, рубинами, сафирами и изумрудами украшенный». На первомъ табуретѣ, въ ногахъ гроба, положена была голубая лента ордена Апостола Андрея со звѣздою; на второмъ—по правую сторону,—голубая лента Бѣлаго Слона со звѣздою; а на третьемъ табуретѣ, по лѣвую сторону,—голубая лента съ польскою кавалеріею Бѣлаго Орла. На ступеняхъ по четыремъ угламъ трона были четыре бронзовыя статуи *больше натуры*. Первая изъ нихъ (по правую руку головы Петра) представляла плачущую Россію,—«въ одной рукѣ держитъ она платокъ, а въ другой щитъ, на которомъ гербъ россійскій»; по лѣвую сторону—статуя изображала Европу, «сѣтующую о лишеніи монарха»; по правую сторону же при подножіи,—статуя Марса, имѣющая на щитѣ гербъ московскій. А по лѣвую сторону поставлена четвертая статуя «скорбнаго Геркулеса», держащаго палицу. По обѣ же стороны трона поставлены

по четыре треугольныхъ пьедестала бронзированныхъ, замѣнявшихъ шандалы. На каждомъ изъ нихъ поставлено по свѣчѣ бѣлаго воска, вѣсомъ въ 2½ пуда, росписанной фигурами съ гербомъ императорскимъ. По ступенькамъ же трона было размѣщено 12 большихъ бронзированныхъ подсвѣчниковъ въ которые вставлены были колоссальныя свѣчи, украшенныя клеймами, съ гербами.

У тѣла императора было дневанье изъ сенаторовъ и генераловъ, по 12 человѣкъ, «съ перемѣною на 8-мъ дневаньевъ». Вокругъ гроба *на тронѣ* стояли всегда по четыре оберъ-офицера гвардіи въ строевомъ платьѣ, съ протазанами; а внизу, по сторонамъ трона, 12 драбантовъ въ черныхъ епанчахъ съ флеромъ на шляпахъ. Подлѣ нихъ, внизу же, около трона всегда одинъ священникъ въ облаченіи читалъ Евангеліе. «При дверяхъ залы содержали караулъ гренадеры отъ гвардіи въ шапкахъ съ плюмажами. Вся зала обита была чернымъ; стѣны же, полъ, потолокъ и окна завѣшаны такимъ образомъ, что кромѣ горѣвшихъ день и ночь свѣчъ, «инаго свѣта въ залѣ не было».

«Между двумя гзымзами, въ той залѣ была *сентура фунеральная* (ceinture funeraire), или погребательной поясъ, посыпанная звѣздами яко слезами, сдѣланными изъ объярп. Серебряный карнизъ и архитравъ покрытъ былъ такою жъ матеріею и въ томъ отличался мраморъ».

Кругомъ этой залы были фестоны изъ бѣлаго и чернаго флёру «привязаны сверхъ архитрава».

Въ залѣ висѣли пять люстръ серебряныхъ большихъ со свѣчами, съ бѣлымъ и черными флеромъ и перевязаны двумя лентами. Потолокъ украшенъ крестомъ Св. Андрея въ 25 футовъ длины «бѣлофлеровымъ.» Къ стѣнамъ приставлены были четыре большіе пирамиды, «мрамора бѣлаго прожиловатаго, по 16 футовъ вышины съ пьедесталомъ, которыхъ дцки были мрамора яшмоваго, обложены рамами бронзовыми, и каждая была обхвачена подпорами изъ такой же метали.»

«Внизу сихъ пирамидъ и пьедесталовъ» поставлены геніи въ видѣ дѣтскихъ фигуръ «изъ бѣлаго мрамора и опершися на приступокъ пирамидъ. На дцкахъ пьедесталовъ были надписи».

По правую сторону трона, на первой пирамидѣ, поставлена *трофея церковная*. Сверхъ пирамиды была смерть, держащая вензель Петра I съ надписью:

Именемъ и дѣломъ Петру Верховному подражавый,
Боговѣнчанный верхъ нашъ Петръ
Остави насъ.
Ревнитель благочестія, рачитель исправленія,
Суевѣрія и лицемѣрія ненавистникъ,
О—женише церковный, Христе
Утѣши невѣсту твою!

По лѣвую сторону пирамида была украшена *трофеемъ политическихъ дѣлъ.*

Сверхъ пирамиды фигура времена съ надписью:
Что воздаси о Россіе.

Истинному сугубо отродившему тебе отцу твоему.
Онъ тебе уставы правительскими мудрую,
Законы судебными здравую
И искуствъ различіемъ благообразну сотвори,
Едина въ тебѣ благодарствія сила,
Въ вѣрности и послушаніи къ наслѣдницѣ Его.

Противъ этой пирамиды была поставлена третья, «на которой обрѣтался трофей, и оная назначила Викторіи, полученныя отъ его императорскаго величества блаженныя памяти; сверхъ сея пирамиды изображена была *Слава* съ надписью:

Изнемогъ тѣломъ, но не духомъ,
Уснулъ отъ трудовъ Самсонъ россійскій
Трудолюбіемъ подалъ силы воинству,
Бѣдствіемъ же своимъ безъ опасенія отечеству,
Но, о премѣненія жалостнаго!
Почившу же ему временно, вѣчно же торжествующе,
Стонемъ мы и сѣтуемъ.

Четвертая пирамида *о возстановленіи мореплаванія и о пріобрѣтеніи коммерціи*. Сверхъ этой пирамиды фигура Викторіи съ надписью:

Новаго въ мірѣ, перваго въ Россіи Іафета,
Власть, страхъ и славу на морѣ простершему,
И,.. намъ въ сообщеніе вселенную приведшаго,
Плавающаго уже не увидимъ.
Нынѣ намъ воды, — слезы наши,
Вѣтры, — воздыханіе наше.

Противъ трона было «превеликое *надгробное надписаніе*, котораго пьедесталъ былъ мрамора бѣлаго, изображалъ два корпуса выставленные впередъ и на которыхъ поставлены были склеты изъ такогожъ мрамора бѣлаго, которые содержали великій завѣсъ цвѣту зеленаго, у котораго наружность являлася бронзованная. На ономъ была надпись литерами золотыми».

Сѣтуй и плачися
О Россія!
Остави тебѣ отецъ твой
Петръ Великій
Дарованъ тебѣ свыше, 1672, мая 30.
Дѣлами же вѣру превосходящими,
Побѣдитель и миродатель
И всякихъ славы и титлы исполненъ,
Горе возвращенъ 1725, генваря 28.

Но и оставляя, не остави тебѣ;
Подалъ тебѣ достойную державы своея
Наслѣдницу.
Плачися о Россія и радуйся!»

Верхъ же зеленаго завѣса держали изъ бѣлаго мрамора геніи, «которые разными дѣйствами вспомогали прочимъ», поддерживая портретъ Петра, писанный золотомъ въ видѣ медали, окруженной пальмами. Скелеты держали: одинъ—вензель Высокаго усопшаго, а другой—гербъ.

Въ залѣ, по длинѣ стѣны было шесть дверей, у которыхъ косяки и корнизы были бѣлаго мрамора; посреди же дверей, «сверхъ корнизовъ поставлены были подсвѣчники, у которыхъ сосуды золоченые, ручки серебряныя». Подсвѣчники были сдѣланы съ золотыми гербами, на серебренныхъ черепахъ, снабженныхъ крыльями и увѣнчаныхъ лаврами золотыми; а «отъ сихъ крыльевъ выпущены были фестопы флеру бѣлаго и чернаго, подобранныя по карнизамъ»,—съ концами опущенными внизъ, по косякамъ дверей.

Между каждыми дверьми посрединѣ и по сторонамъ надгробной надписи поставлены были, на пьедесталахъ бѣлаго мрамора вышиною въ 4 фута, серебряныя подсвѣчники въ видѣ пирамидъ, на которыхъ было множество свѣчь. Пирамиды были вышиною въ 7 футовъ.

По сторонамъ же каждой пирамиды, по длинѣ залы, около стѣнъ поставлены были по двѣ фигуры на пьедесталахъ въ 4 фута. Фигуры эти, натуральной величины, изображали добродѣтели усопшаго императора. По правую сторону была фигура *согласіе*, потомъ *премудрость*, *храбрость*, *благовѣріе*. По лѣвую сторону трона: *милосердіе*, *миръ*, *любовь къ отечеству* и *справедливость*. Кругомъ залы поставлены гербы. По правую сторону трона гербъ кіевскій, надъ первою дверью—новгородскій, надъ среднею гербъ астраханскій, надъ третьею—гербъ псковскій; по лѣвую сторону трона владимірскій, надъ первыми дверьми гербъ казанскій, надъ среднею дверью сибирскій, надъ третьею дверью смоленскій. По сторонамъ же, при гербахъ были еще двѣ сидящія фигуры бѣлаго мрамора, представлявшія *народы Россійской имперіи*. Гербы провинцій поставлены были подъ архитравомъ (между каждыми дверями по три герба).

Съ правой стороны трона помѣщены были гербы нижегородскій, эстляндскій, рязанскій, кондійскій, корельскій и грузинскій. Съ лѣвой стороны трона гербы: черниговскій, лифляндскій, удорскій, карталинскій, ростовскій и кабардинскій.

На стѣнѣ же противъ трона между пирамидами и надгробною надписью расположены были еще четыре герба: съ правой стороны гербы вятскій и югорскій; съ лѣвой пермскій и тверской.

По угламъ залы поставлено было опять четыре герба; по правую сторону трона гербъ болгарскій; по лѣвую ярославскій; на сторонѣ противу трона, съ права—гербъ обдорскій, съ лѣва бѣлозерскій.

При *морской пирамидѣ* былъ гербъ черкасскій, надъ пирамидою же, «яже изъявляетъ мудрость правительства», поставленъ былъ гербъ иверскій. Къ залѣ снаружи пристроено крыльцо, обитое чернымъ сукномъ, длиною 130 футовъ, высотою въ 19 ступеней.

Сдѣлано было это для того, что гробъ, въ которомъ лежало тѣло государя, до того былъ широкъ, что изъ дверей не выходилъ, а потому въ залѣ среднее окно на рѣку выставлено и снаружи придѣлано къ нему описанное широкое крыльцо, съ лѣстницами по обѣимъ сторонамъ.

Надъ дверью изъ траурной залы на крыльцо поставленъ государственный гербъ, росписанный золотомъ и серебромъ; наружные стѣны фасада залы завѣшаны черными же сукнами.

Января 30-го тѣло Петра I при великомъ собраніи народа внесено въ большую залу и положено на описанномъ *одрѣ*, послѣ чего дозволено приходить всѣмъ къ государю *прощаться*. Между тѣмъ, въ каменной церкви св. апостоловъ Петра и Павла (которая строилася въ крѣпости), для погребенія тѣла Петра I поставлена была временная деревянная церковь, заказаны золотыя и серебряныя медали разнаго вѣса на память великаго усопшаго и назначено было торжественное погребеніе марта 10.

Во время этихъ приготовленій умерла марта 4-го малолѣтняя царевна Наталія Петровна. Тѣло ея высочества было вынесено въ ту же залу и поставлено вмѣстѣ съ тѣломъ родителя. Наступилъ и день назначенный для погребенія. Предъ полуднемъ данъ былъ сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ для извѣщенія народа. Полки выведены были и разставлены отъ самыхъ дверей царскихъ палатъ, по берегу рѣки Невы, «къ почтовому дому, гдѣ главнѣйшая пристань», оттуда же, чрезъ рѣку въ крѣпость, и до церкви по обѣимъ сторонамъ дороги. Чрезъ Неву на льду устроенъ былъ мостъ съ перилами, покрытыми чернымъ сукномъ.

Съ вынесеніемъ гроба изъ залы на пристроенное крыльцо,—около третьяго часа пополудни начался погребальный ходъ, слѣдующимъ порядкомъ. Впереди ѣхалъ на конѣ генералъ; передъ нимъ шли двадцать пять унтеръ-офицеровъ, а за ними маршалъ, послѣдуемый трубачами и литаврщиками, за тѣми же ѣхалъ фурьеръ въ послѣдованіи маршала, за которымъ шли пажи и придворные служители. Далѣе слѣдовали иностранные купцы и депутаты изъ провинцій; каждый классъ со своимъ маршаломъ. За депутатами ѣхалъ фурьеръ и передъ нимъ несено военное знамя. За знаменемъ два полковника вели любимую лошадь усопшаго государя, «на которой ѣзжалъ въ своихъ походахъ»; а затѣмъ несены знамена съ гербами провинціальными. Первое знамя было съ гербомъ провинцій усопшаго государя. Потомъ несли три большіе штандарта: первый морской желтый, на которомъ двуглавый орелъ, второе знамя черное съ гербомъ государственнымъ. За нимъ ведена лошадь, покрытая чернымъ сукномъ и несли третье знамя бѣлое, на которомъ написана была эмблема императора, *рѣзецъ дѣлающій статую*. Потомъ слѣдовали два латника: одинъ на конѣ въ позолоченныхъ латахъ, другой въ черныхъ—пѣшій; за ними несено черное *знамя печали*. Далѣе шелъ маршалъ, за которымъ слѣдовало семь большихъ щитовъ. На трехъ изъ нихъ вырѣзаны были гербы царствъ сибирскаго, казанскаго и астраханскаго, Новагорода, Владиміра, Кіева и Москвы. Далѣе слѣдовало духовенство: 40 архимандритовъ, 11 епископовъ съ архіепископами, да пѣвчіе, раздѣленные на три класса.

За духовенствомъ слѣдовали два гроба: цесаревны Наталіи и самаго государя.

За гробомъ Петра слѣдовала плачущая государыня въ траурѣ,—съ лицомъ

закрытымъ черною матеріею. За Екатериною шли: цесаревна Анна, цесаревна Елизавета, царевна Екатерина герцогиня мекленбургская, царевна Параскева; потомъ шли Марья и Анна Нарышкины, герцогъ голштинскій, великій князь Петръ Алексѣевичъ, Александръ и Иванъ Львовичи Нарышкины. За ними же слѣдовали дамы.

Во время шествія процессіи, съ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ—по одному выстрѣлу въ минуту. Въ церкви гробъ императора и цесаревны поставили на амвонѣ, подъ балдахиномъ. По правой сторонѣ гроба устроено было въ церкви мѣсто для государыни и императорской фамиліи. По лѣвой же сторонѣ—другое мѣсто для герцога голштинскаго и великаго князя Петра Алексѣевича. Послѣ отпѣванья, архіепископъ псковскій Θеофанъ произнесъ краткую извѣстную рѣчь, и полки, выведенные на крѣпостныя стѣны, три раза стрѣляли бѣглымъ огнемъ. По окончаніи же погребенія, съ крѣпости и съ адмиралтейства дано было опять по три залпа изъ пушекъ, а также и по три ружейныхъ выстрѣла даны войсками, въ строю.

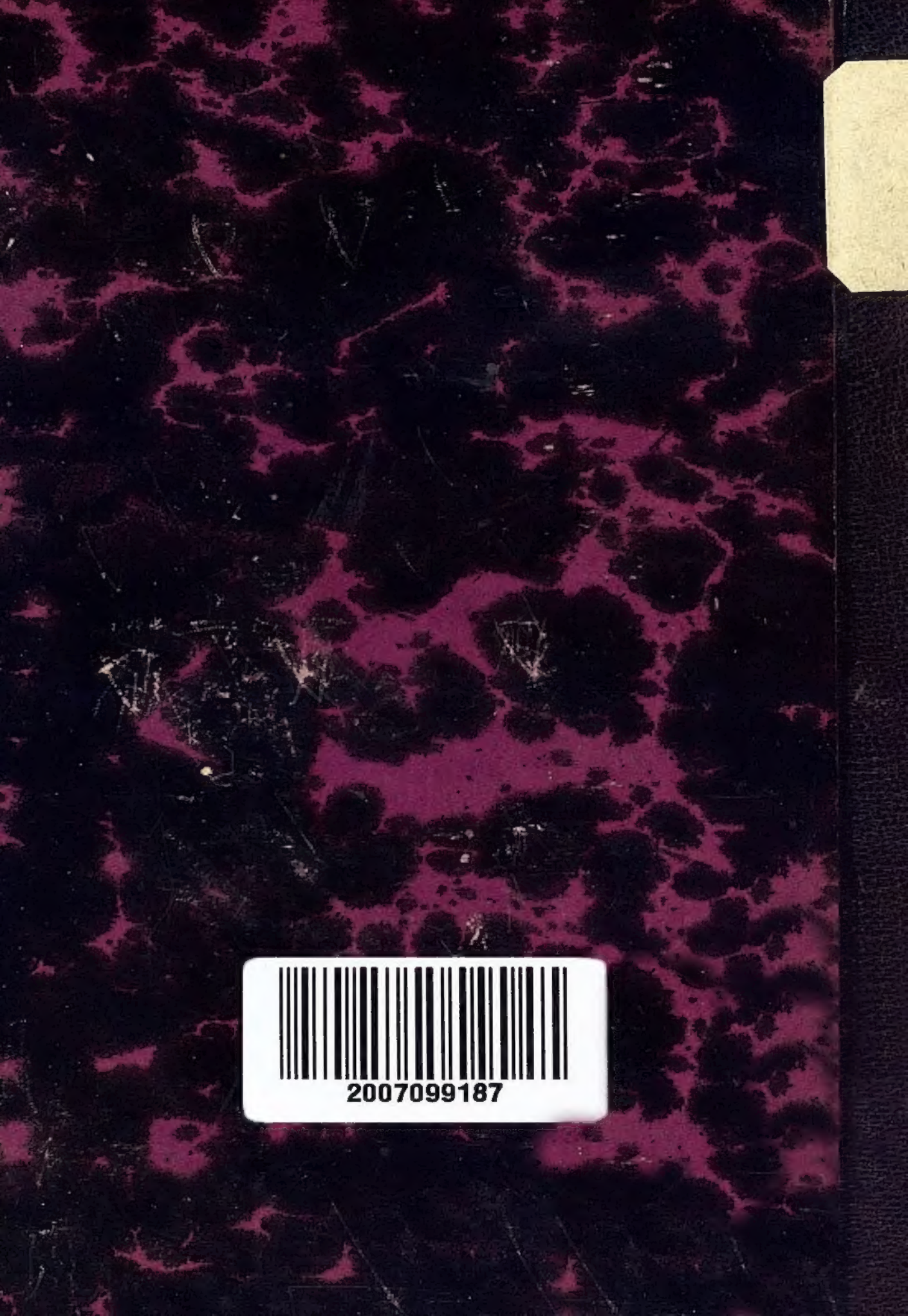
Прахъ Петра оставался во временной церкви подъ саркофагомъ на вскрышѣ до 1731 года, когда тѣла перваго императора и его преемницы опущены въ землю, по указу императрицы Анны, заказавшей колоссальную группу Петра на конѣ отлить изъ бронзы графу Растрелли-отцу. Екатерина II, по вступленіи на престолъ, найдя группу Растрелли не довольно изящною и величественною, чтобы служить украшеніемъ Петербургу, вызвала французскаго знаменитаго скульптора Фальконета и онъ произвелъ геніальное изваяніе *Петра I побѣждающаго препятствія*.—Фальконетъ изобразилъ Петра взлетающимъ на конѣ на скалу, перенесенную отъ Лахты на площадь между Сенатомъ и Адмиралтействомъ. Мѣдный всадникъ Фальконета—самое изящное и великое произведеніе искусства, приводящее на память геніальный образъ великаго Петра.

Мы старались, сколько можно проще, очертить: какъ жилъ, работалъ для Россіи и, любя ее больше всего на свѣтѣ, умеръ ранѣе, чѣмъ могъ совершить и половину даже задуманнаго имъ,—нашъ первый императоръ Петръ, въ которомъ самые враги-завистники не смѣли не признавать генія и не видѣть великаго человѣка, по душѣ и чувствамъ.

Оказывается необходимымъ просить читателей, прежде чтенія, исправить

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ ПЕЧАТИ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
9	5—6 св.	изъ-за чего было отвлекать наставника для этого царственнаго ученика, 15 августа 1860 года,	изъ-за чего было отвлекать для этого наставника отъ царственнаго ученика его, 15 августа 1680 года,
29	5 сн.	Мазепа какъ и Госицынъ,	Мазепа какъ и Голицынъ,
30	7 св.	Тѣмъ временемъ выживалъ князь Троеруковъ.	Тѣмъ временемъ выживалъ изъ дворца князь Троекуровъ.
52	6 св.	гуманная идея	туманная идея
57	10 св.	сына Георга (будущаго врага своего).	сына будущаго врага своего (Георга II).
63	16 св.	Патома Рюйша,—	анатома Рюйсна,—
64	19 св.	Тессину	Тессингу
70	10 св.	Гвоіента.	Гваріента.
76	3 св.	«никакого же сомнѣнію доселѣ	«никако же сомнѣнію доселѣ
82	21 св.	дивизіи князя М. И. Репнина	дивизіи князя Ан. И. Репнина
90	12 св.	Тогда какъ Лещинскаго—какъ неизбраннаго,	Тогда какъ Ст. Лещинскаго,— неизбраннаго
92	6 св.	На утро это, въ тогдашнемъ Петербургѣ великолѣпнѣйшее зданіе—сгорѣло.	На утро, это—великолѣпнѣйшее въ тогдашнемъ Петербургѣ—зданіе сгорѣло.
—	15 св.	При закладкѣ его предоставилъ честь положенія перваго камня	При закладкѣ, честь положенія перваго камня предоставлена
—	24 св.	съ братіею на этотъ	съ братіею. На этотъ
93	15 сн.	тово въ числѣ 2000. Открывъ	та, въ числѣ 2000 телегъ. Открывъ
—	5 сн.	изъ пушекъ и оружій	изъ пушекъ и ружей
94	24 св.	и побывавъ въ Тавровѣ въ Азовѣ получилъ	и, побывавъ въ Тавровѣ, въ Азовѣ получилъ
98	20 сн.	изъ восьми	изъ девяти
101	17 св.	Стасовъ, Злочевъ, Москву	Сташовъ, Злочевъ, Млаву
107	24 св.	Прусскомъ	Прутскомъ
110	15 св.	англійскихъ и датскихъ	англійскихъ, голландскихъ и датскихъ
—	14 св.	командуя тремя	командуя четырьмя
113	22 сн.	Но, дальше словъ и объясненій	Но дѣло не пошло дальше объясненій
120	9 сн.	Агриппины	Амфитриты
122	22 сн.	подарилъ королю	подарилъ Людовику XV
134	14 сн.	шла снова къ Гангеудду, здѣсь	шла къ Гангеудду—гдѣ
—	4 сн.	Россіи и требованія	Россіи, требованія
140	11 св.	борьбы	борьбы
—	17 сн.	Колишской	Калишской
141	18 св.	выйти изъ гавани и, угрожая	и выйти изъ гавани, угрожая
—	22 св.	Апрѣля	Апрѣля;
142	посл. сн.	приготовленіемъ	приготовленіями къ
143	15 св.	ихъ генераловъ: Автонома Мих.	нихъ генераловъ: Автонома Мих.
—	17 св.	Вал.	Вилим.
—	28 св.	занимая реглатентомъ	занимаясь регламентомъ
144	10 св.	Апраксинъ, а во второй	Апраксинъ; во второй же
—	16 сн.	день 30-й Августа	день 30-го Августа
—	15 сн.	Сентября 4-го,	Сентября 3-го


2007099187